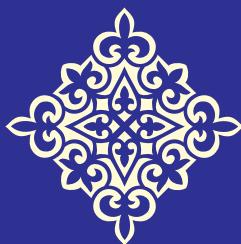

Н.А. НАЗАРБАЕВ

КАЗАХСТАНСКИЙ
ПУТЬ

Н.А. НАЗАРБАЕВ

КАЗАХСТАНСКИЙ ПУТЬ

АЛМАТЫ
“ЖИБЕК ЖОЛЫ”
2012

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Қаз)
Н 19

Выпущено по программе
«Издание социально-важных видов литературы»
Комитета информации и архивов Министерства культуры
и информации Республики Казахстан

Фонд Первого Президента
Республики Казахстан – Лидера Нации

Назарбаев Н.А.

Н 19 КАЗАХСТАНСКИЙ ПУТЬ. – Алматы: ИД «Жибек жолы»,
2012. – 460 с.

ISBN 978-601-294-093-0

Книга Главы государства рассказывает о самых трудных и ярких моментах в новейшей истории Казахстана. Каждая из девяти глав раскрывает знаковые шаги на пути становления молодого независимого государства. Это работа над Стратегией развития Казахстана до 2030 года, процесс принятия действующей Конституции страны, начало освоения нефтегазовых ресурсов, ввод национальной валюты и создание успешной банковской системы. В отдельных главах освещены процессы приватизации и проведения земельной реформы, рассказано о переносе столицы в Астану и первом полете казахстанца в космос.

Книга задумана как обращение Президента к молодежи страны. Автор надеется, что эта книга станет настольной для нового поколения лидеров Казахстана.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Қаз)

ISBN 978-601-294-093-0

© Назарбаев Н.А., 2012
© Фонд Первого Президента РК –
Лидера Нации, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждой семьи есть мечта построить свой собственный дом. Все начинается с простой идеи. Первоначально отец семейства представляет образ будущего дома. Идеи и детали долго вынашиваются им. После определения месторасположения делается чертеж и макет. Дом строится постепенно – от фундамента к крыше и стенам. Многие семьи возводят его годами, качественно и капитально. Глава семьи строит его для своих детей, внуков и правнуков. Нет дороже дома, построенного собственными руками. Но дом – это нечто гораздо большее, чем просто окна, стены и комнаты. Дом – это кров, уют, это твоя территория жизни.

Как говорил известный писатель Антуан де Сент-Экзюпери, «тот, кто, желая понять сущность дома, разбирает его, видит кирпичи, черепицу, но не находит ни тишины, ни уюта, ни прохлады, которым служили кирпичные стены и черепичная крыша. Кирпич, черепица – чему способны они научить, если распался замысел зодчего, который объединил их воедино? Камень нуждается в сердце и душе человека».

Многие люди, особенно старшего поколения, знают, как непросто построить хороший дом. Еще труднее было построить молодое государство – Казахстан – наш общий дом.

Строительство государства требовало ясного генерального плана, который давал бы четкие ориентиры того, в каком государстве мы будем жить.

Сухая и официальная история независимости не в состоянии отразить все смысловые детали истории и человеческие судьбы, где каждое событие являлось сгустком страстей и трагедий, жесточайших конфликтов интересов различных групп и даже поколений. К тому же, человеческая натура такова, что быстро забывает прошлое, особенно неприятное.

Мир и спокойствие, переживаемый нами экономический бум и жизненный оптимизм наших граждан, уверенность в своих собственных силах и в завтрашнем дне становятся для нас обыденными вещами. Мы часто не замечаем их, как не замечаем теплых солнечных лучей, медленно поднимающихся по высотным зданиям Астаны каждое утро. А ведь десять лет назад никто не верил, что будет именно так. Кто мог поверить тому, что Астана станет духовным, экономическим и политическим центром притяжения всего Евразийского континента? Кто мог поверить тому, что Казахстан станет лидером экономических и политических реформ, «эпицентром мира» на континенте. Именно поэтому я взялся за написание этой книги. Я хочу рассказать о том, каких усилий нам стоило построение современного и независимого Казахстана.

Желание написать такую книгу возникло давно. За прошедшие годы у меня накопились многочисленные выступления и просто записи идей, о которых я говорил на встречах и лекциях с одаренной молодежью, студентами университетов, стипендиатами программы «Болашак» и выпускниками высших школ. И каждый раз, глядя им в глаза, такие молодые, полные задора и поиска, я понимал, что нашей молодежи очень часто не хватает реальных фактов и объективного анализа событий прошлых лет – того, как все начиналось, как протекали все перемены, в чем заключалась основная логика тех

или иных решений, принимаемых в столь трудное для страны время. Вот поэтому я хочу рассказать о том, каким трудным и мучительным был каждый шаг на пути к этому успеху.

Моя книга, описывая события прошедших лет, обращена в будущее, а не в прошлое. Я верю, что она станет настольной книгой будущих лидеров Казахстана.

Будущие лидеры нашей страны – сегодняшние студенты и школьники – должны знать каждый «кирпичик», что был заложен в основание Казахстана. Мне хотелось бы, чтобы они почувствовали величину и тяжесть ответственности при принятии решений на каждом из этапов становления нашего государства, когда самые непопулярные задачи решались методом принуждения, концентрированным проявлением воли, выбросом огромной жизненной энергии.

Я не устану повторять, что вы, сегодняшняя молодежь, – особенное поколение. Вы рождены и взрослеете уже в независимом Казахстане. Время вашей юности – время подъема и расцвета нашей страны. И вы впитали этот дух достижений и стремления к успеху. Именно вашими судьбами определится судьба нашей страны.

Сегодня не только международные эксперты, но и лидеры ведущих государств мира признают успешным казахстанский опыт реформ. Лидерство Казахстана основывается на удачно выбранной политико-экономической модели переходного периода: сильная президентская власть плюс быстрые и энергичные экономические реформы. Наша модель заключалась в синтезе радикальных, но не «шоковых», реформ, ориентированных на построение основ рыночной экономики и демократизацию, но не ослабление государственной власти.

Автор всегда может сказать несколько больше, чем написанное им. Действительно, за годы независимости проделана столь большая работа, что ее трудно уместить в рамки текста. Тем более название обязывает ко многому.

Если говорить о казахстанском пути, то, конечно, этот путь не сводится только к выбору экономической модели. Это и политическая модель, включающая в себя не только общие конституционные положения, но и политический режим, инфраструктуру и конфессиональные отношения. Это богатейший массив, и именно в этих отношениях Казахстан выступил как модельное государство в современном мире. Этот ракурс получил высокую международную и внутреннюю оценку.

Сохранение на протяжении полутора десятилетий этнического и религиозного консенсуса в столь хрупком регионе планеты определяет в значительной мере казахстанский путь. Он построен на тонких балансах, и серьезное нарушение быстро дестабилизирует ситуацию. Многое завязано на личности.

Следующее измерение казахстанского пути – это безопасность. Начиная от ядерного разоружения и определения границ с региональными и глобальными державами, борьбы с терроризмом и военно-политических блоков и кончая вопросами безопасности индивида – все это часть огромного пути. Но все это еще требует отдельного осмысления. Думаю, пока еще нельзя говорить об этих вещах, так как работа еще ведется.

Теперь очень важно не расслабляться и, самое главное, стремиться вперед. Ведь, образно выражаясь, задача чемпиона заключается не только в том, чтобы завоевать «золото», но и в том, чтобы удержать свое лидирующее положение. А это возможно, только если ставить перед собой новые, все более сложные и амбициозные цели.

Именно об этом в моей книге. О том, как мы освободились от Прошлого. О том, как пришли к своему Настоящему. И о том, как непросто был это путь – путь независимого Казахстана.

СТРАТЕГИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Историческое своеобразие периода, предшествовавшего рождению суверенного Казахстана, состоит в том, что его можно сравнить с состоянием клинической смерти, которую переживал крупнейший государственный организм – Союз Советских Социалистических Республик. Государственный организм был в коме, парализованный экономическим и политическим кризисами, в то время как общественный мозг «просматривал» краткий курс истории без прикрас, а социальное сознание трясло судорожной реакцией на этот тяжелый процесс.

Начиная с апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года, когда фактически стартовала «перестройка», и вплоть до своего окончательного распада страна погрузилась в осмысление самых сложных лабиринтов своей истории. Оживали образы миллионов репрессированных, воскресали лики уничтоженной тоталитарной машиной интеллигенции, к большим и малым народам начала возвращаться память о своей истинной истории. Зачастую в разных регионах бывшего СССР эти процессы сопровождались всплеском национальных конфликтов, бурей политических баталий и вооруженных столкновений. «Болезнь» была так запущена, что до сих пор некоторые регионы бывшего СССР не могут выбраться из этого тяжелого состояния, фигурируя в сводках тревожных новостей в качестве «горячих точек» планеты.

В этой связи мне вспоминается совместная пресс-конференция с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили в ходе его первого официального визита в Казахстан в марте 2005 года. Тогда он, отвечая на вопрос одного из журналистов, сравнил свою страну на пятнадцатом году ее независимости с пациентом в «состоянии реанимации после комы». Примерно в таком же положении находятся экономики ряда других стран СНГ. Это говорит о том, что мы опередили их на 11-12 лет.

Но, хотя и мы испытывали симптомы социальных болезней переходного периода – социальную депрессию и апатию, психологическую напряженность людей, – Казахстан вышел из того кризиса гораздо раньше, и, более того, эта «болезнь» очистила нас от иллюзий советского времени и расчистила место для строительства совершенно новой страны – независимого и успешного Казахстана.

Мы понимали, что то своеобразное состояние «комы» было настолько нестабильным и двойственным, что любое промедление или неправильное решение могли привести к «летальному исходу». У нас была большая опасность броситься в ненужные истерики по поводу прошлых обид и попытки исправить уже ставшее Историей прошлое, тогда как нужно было думать о настоящем и будущем. Когда тонет корабль, команда должна слаженно работать, а не выяснять, что или кто повинен в случившемся.

Да, ситуация была непростая. Но какой бы сложной она ни казалась, для выхода из нее необходим был здравый управленческий подход и напряжение сил каждого из нас. Тяжело бывает настолько, насколько это воспринимает само общество. Любую кризисную ситуацию не стоит драматизировать, ибо смысл всякого кризиса состоит в том, чтобы предшествовать новому этапу. Я считал тогда и считаю сейчас, что при любом кризисе речь идет, прежде всего, о развитии. Конец старого – всегда начало чего-то нового.

Ни одна страна мира в период становления не избежала кризисных явлений, затрагивающих, прежде всего, экономические основы государства. Великие депрессии и спады пережили Америка, Франция, Англия, Турция, Германия, Индия и другие страны. Разной была лишь сила потрясений. Некоторые страны, например, так называемые «тигры» Юго-Восточной Азии, все «риффы» становления рынка прошли через этапы внутривнутриполитической нестабильности, земель-

ные реформы и финансовые кризисы. В отдельных странах не обошлось без переворотов и гражданских войн, как это было в Латинской Америке и происходит сейчас в некоторых регионах планеты.

Пройдя через все эти трудности, одни государства сумели укрепить свою экономику и стать примером для подражания в мировой хозяйственной структуре. Другим повезло в меньшей степени, и они до сих пор не могут выйти из непреодолимой цепи междоусобиц, нестабильности, экономической депрессии, растущего и столь обременительного внешнего долга.

Можно, конечно, возразить, что у каждого государства были различные стартовые условия. Особенности географического положения и экономического развития, специфика предыдущего опыта и, наконец, менталитет людей – все это объективно влияет на результаты реформ и конечные итоги. Но, по моему мнению, не всегда объективные причины являются определяющими, очень многое зависит и от субъективных качеств руководителей этих стран. Именно поэтому, приступая к строительству нашего государства, я стал интересоваться биографиями отцов-основателей многих государств, пытаюсь узнать причины тех успехов и неудач, через которые они прошли. Примеров личностей, сыгравших выдающуюся историческую роль в истории своих стран, много. Это первый Президент Турции Кемаль Ататюрк, 31-й американский Президент Франклин Делано Рузвельт, «отец китайских реформ» Дэн Сяопин, экс-премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад – и этот ряд можно продолжать и продолжать.

Но особенно я выделил двух выдающихся деятелей, являющихся основателями государств и ставших в чем-то личным примером для меня. Это Президент Франции Шарль де Голль, уже ушедший из жизни, а также поныне здравствующий Ли Куан Ю, отец-основатель Сингапура.

После Второй мировой войны Французскую республику один за другим продолжали раздирать парламентские кризисы. Франция терпела поражения одно за другим. В 1930-х годах завязывая в политических спорах Франция не сумела эффективно противостоять агрессии со стороны Германии и в итоге потеряла большую часть своих заморских территорий. Не успели французы оправиться от позора Второй мировой войны, как началась продолжительная и кровавая гражданская война в Алжире. Завязнув в Индокитае, французская армия теряла своих солдат в войне с вьетнамскими крестьянами, а вместе с ними и свое лицо. К концу 1950-х казалось, что Франция навсегда потеряла статус мировой державы.

Политический кризис наложил свой отпечаток и на общее состояние экономики. Франции требовалось перевернуть очередную лист своей истории, и как можно скорее. Стране нужна была сильная личность, способная сплотить французскую нацию. Такой личностью стал генерал де Голль.

Имевший огромную популярность и непререкаемый авторитет среди своих соотечественников, он сумел создать сильную и стабильную президентскую республику. За короткий срок Шарль де Голль сумел поднять Францию с колен, вернуть ей доброе имя после фашистской оккупации и вновь ввести свою страну в число мировых держав. Конституция Франции, которую де Голль завещал своим соотечественникам, возродила Францию, сделав ее сердцем Европейского Союза. В то время нашлось немало критиков, обвинивших де Голля чуть ли не в похоронах французской демократии. На что он однажды ответил: «Я удивляюсь безмерной забывчивости избирателей, старой склонности французов разделяться под влиянием разноречивых тенденций, развлекаться политической игрой. Под влиянием этих тенденций, разжигая неприязнь в отношениях с сильной властью, партии восстановили бы свое верховенство и снова повели бы страну к упадку.

Режим политических партий привел Францию к позорному поражению в начале 40-х годов».

Следующий пример – это Ли Куан Ю, который за тридцать с небольшим лет сумел превратить Сингапур в развитый город-государство с высоким качеством жизни. На сегодняшний день системы образования и здравоохранения Сингапура являются одними из лучших в мире, а годовой доход на душу населения составляет более 25 тысяч долларов, тогда как в момент обретения независимости он составлял менее чем 1 тысяча долларов. Двухмиллионный мегаполис стал наиболее привлекательным азиатским городом для работы крупнейших транснациональных компаний.

В мае 1991 года Ли Куан Ю с неофициальным визитом посетил Алма-Ату. С этого момента началась наша дружба, которая длится и по сей день. За пять дней, проведенных в Казахстане, он ознакомился с ситуацией в нашей стране и, по моей просьбе, выступил перед группой молодых экономистов, работавших в тот момент в Совете министров Казахской ССР.

На импровизированной лекции Ли Куан Ю рассказал, как строился и развивался город-государство. Он обратил внимание слушателей на проблемы, с которыми столкнулся Сингапур с обретением независимости в 1965 году. Это были проблемы формирования государственных институтов и собственной армии, сохранения межнационального согласия и невмешательства соседних государств в дела Сингапура. Свою экономическую политику Сингапур основывал на инициативе и трудолюбии сингапурцев, делая ставку на выгодное географическое положение порта и высококвалифицированные кадры.

Премьер-министр Сингапура заворожил аудиторию своим неординарным характером, волевой речью и яркой харизмой. Со свойственной Востоку тонкостью и образно-

стью, Ли Куан Ю сравнивал большое государство с большим кораблем, которому требуется много места и глубокий фарватер для разворота, иначе он перевернется. Иными словами, таким ключевым государствам, как СССР и Китай требуется много времени и глубоких расчетов для проведения коренных экономических, а затем политических реформ. Тогда как таким странам как Сингапур и Казахстан История просто не давала времени на долгие раздумья и колебания, требуя подчас радикальных перемен и жестких методов.

В своей лекции Ли Куан Ю старался убедить аудиторию в том, что у коммунизма нет никакой перспективы, приводя в пример развитие Западной и Восточной Германии, Северной и Южной Кореи. Имея единую культуру, менталитет, климат и природные ресурсы, страны с коммунистической системой не сумели конкурировать со своими капиталистическими родственниками.

Опытный политик и лидер государства, Ли Куан Ю был уверен в неминуемом распаде СССР, но при этом он с неподдельной уверенностью предвосхищал большое будущее Казахстана. И, хотя многие тогда восприняли его слова в адрес нашей страны лишь как дипломатический комплимент восточного гостя, Время показало, что они были пророческими.

На дворе стоял 1991 год, который открывал дверь в неопределенное будущее. До распада СССР, одной из самых могущественных империй человечества, оставались считанные недели. Наступала новая эпоха, а вместе с ней и новые, непредсказуемые перемены. В период восьмидесятых и девяностых годов мир стремительно переходил от индустриального общества к постиндустриальному. Научно-технический прогресс неумолимо менял структуру экономик государств, что, в свою очередь, оказывало влияние на общественное устройство в них. Глобализация набирала обороты, угрожая странам, неготовым к переменам, оказаться на задворках истории.

Оставим политологам и экономистам споры о том, как именно взаимосвязаны падение коммунистической системы и усиление процессов глобализации. Фактом остается то, что Советский Союз, с его громоздкой экономикой и военно-промышленным комплексом, не сумел адаптироваться к постиндустриальному обществу. Он не сумел измениться вместе с меняющимся миром – и ему не стало в нем места. СССР делал попытки провести реформирование. Но это была трансформация, сфокусированная на политической системе в первую очередь. Реформу экономики поставили на второй план. В итоге экономический кризис привел к развалу огромного государства.

С началом деструкции планово-административной экономики, с разрывом союзных производственных цепочек и экономических связей, Казахстан, как и другие союзные республики, заходил в тупик. Было очевидно, что надо «переходить» от планово-административной экономики к рыночной.

Однако современная экономическая наука не давала ясной модели перехода к рыночной экономике, которая отвечала бы современным тенденциям. Не было одного уникального решения или какого-то единого алгоритма для подобного «перехода». Наверно, и не может быть такой общей модели трансформации. Так или иначе, нам нужно было самим искать свой путь. Казахстанский путь.

В этом поиске мы совершали многочисленные поездки и встречались с людьми поистине мирового масштаба. Становление нашего государства происходило при живом интересе таких видных мировых деятелей, как Маргарет Тэтчер, Франсуа Миттеран, Гельмут Коль, Джордж Буш-старший, Ли Куан Ю, Иоанн Павел II и многих других. В общении с такими людьми мы формировали наше глобальное видение мира. Дискуссии и общение с ними помогли мне лично понять, на

каком этапе развития находится мир и какое место должен занять Казахстан на мировой карте. Мы всегда были открыты для диалога, прислушивались к новым и незнакомым идеям, позитивно воспринимали критику в наш адрес. Если опыт других стран был интересен для нас, мы смело перенимали и внедряли его у себя.

Так, например, мы долго анализировали, почему годы экономического кризиса на постсоветском пространстве стали золотыми годами для азиатских «тигров», сумевших наиболее полно адаптироваться к условиям международной конкуренции.

Мы задавались вопросом: как беднейшим странам Юго-Восточной Азии удалось выкарабкаться из нищеты в течение 30 лет и стать процветающими индустриальными государствами? Первыми были Корея, Тайвань и Сингапур, а затем к ним присоединились Малайзия, Индонезия и Таиланд. В то время, когда с космодрома Байконур в космос отправлялись советские космонавты, эти страны только заканчивали свои земельные реформы, а неграмотные крестьяне заполняли будущие мегаполисы.

Более того, многие из этих стран начинали свое развитие на основе системы, где государство прямо определяло экономические ориентиры и повседневно вмешивалось в экономическую жизнь страны. Казалось, на каком-то этапе своего развития правительства этих стран вовремя сумели оградить себя от тотального планирования и дать больше возможностей частной инициативе. Государство использовало свои методы не для ограничения рынка, а для его стимулирования и форсированного развития. Впоследствии азиатский метод государственного регулирования, практикуемый в этих странах, получил признание во всем мире под названием «модель регулируемого рынка».

Для нас же при построении рыночной модели экономики Казахстана вопрос состоял не только в том, чтобы создать пакет разумных экономических мер, но и в последовательном их осуществлении посредством политической воли и укрепления суверенитета. Необходимо было осмыслить суть происходящих радикальных перемен, предвидеть тенденции дальнейшего развития, выбрать наиболее эффективную стратегию преобразований, отвечающую интересам десятков миллионов людей. Причем сделать это в кратчайшие сроки. История не отводила времени на длительные исследования и размышления. Мир менялся с нарастающим темпом. А нам нужно было адаптировать не только экономическую систему, но и общее государственное устройство, начиная с самых его основ, и даже мышление каждого казахстанца. И при этом мы, можно сказать, были в положении «догоняющего» весь остальной мир.

Многие наши кадры из старой когорты не понимали необратимости происходящего. Будучи закрытыми от всего мира на протяжении стольких лет, мы не представляли угрозы глобализации в полной мере. Впрочем, как и ее возможности. У нас не было своего рода «опыта существования» в открытом мире. Лекция премьер-министра Сингапура в 1991 году стала для нас ориентиром при разработке долгосрочных государственных стратегий. Нам нужно было определить, чего мы хотим достичь, чтобы найти свой путь развития.

«СТРАТЕГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА КАК СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА», 1992 ГОД

Нашим первым опытом среднесрочного планирования была разработанная в начале 1992 года «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства». Это

была первая попытка осмыслить путь развития в неразберихе тех лет, и ее уверенно можно назвать первым трехлетним общегосударственным планом.

С обретением независимости требовалось решить целый ряд первоочередных задач. В первую очередь, необходимо было состояться как государство. А это означало, что надо было создать государственные институты власти, добиться признания на международной арене, вступить в различные международные организации. Сейчас, оглядываясь назад, можно определенно сказать, что этот план выполнил свое предназначение, являясь в большей мере стратегией выживания. Именно она определила, кто мы и кем мы станем в ближайшем и отдаленном будущем.

«Без четкой цели не могут существовать ни человек, ни властные структуры, ни общество. Людей, живущих без осознанного идеала, высокой мечты, неизбежно захватывает стихия мелких, обывательских интересов, сиюминутной материальной выгоды. И, как следствие, наступает общественная деградация. Вот почему столь необходима сегодня четкая и конкретная концепция развития казахстанского общества, дающая каждому возможность увидеть азимуты нашего движения, обрести уверенность в предсказуемости событий, в достижении конечного результата».

**Стратегия становления и развития Казахстана
как суверенного государства, 1992 год**

Стратегия стала одним из первых официальных документов республики, заложивших идеологический фундамент – вопрос самоопределения казахстанской нации. Проводя краткий исторический обзор, стратегия разъясняла, что Казахстан в современных границах исторически был территорией этнического расселения племен, составивших позднее казахскую

нацию и контролировавших всю территорию современного Казахстана. Мы официально заявляли, что независимое государство в своем нынешнем виде – не чей-то подарок казахам, а наша историческая родина, исконно казахская земля. Мы дали народу четкие ориентиры. Мы также дали ясный сигнал, что власть будет использовать все конституционные средства для обеспечения унитарной целостности государства, единства и нерушимости его территорий. Это было важное заявление для столь нестабильного периода.

Стратегической целью было определено развитие суверенного государства с сильной президентской властью. Молодой республике требовалось очертить четкие контуры государственности. Учитывая опасность потери времени и дальнейшего углубления кризиса, президентская власть позволяла нам сконцентрироваться на решении неотложных проблем и проведении первостепенных реформ в сжатые сроки, не отвлекаясь на уговоры и поиски компромиссов-полумер. В тот период были созданы новые министерства, нацеленные на решение основополагающих задач. Также впервые в истории независимого Казахстана были созданы такие государственные институты, как вооруженные силы, дипломатическая и таможенная службы. Были приняты меры по укреплению и определению государственной границы. Все это требовало крупных финансовых ресурсов и решительных действий.

С этим документом мы сделали первые и, пожалуй, самые сложные шаги по изменению отношений собственности, преодолевая консерватизм устоявшейся хозяйственной практики и инерцию мышления как отдельных руководителей, так и населения в целом.

Стратегия провозглашала два основных экономических принципа. Во-первых, формирование социальной рыночной экономики, основанной на конкурентных началах. Во-вторых,

создание правовых и других условий для реализации принципа экономического самоопределения человека. Государство официально заявило о сокращении в перспективе доли государственной собственности до 30-40%. Для достижения поставленных экономических целей предполагалось использование косвенных методов регулирования экономики при реализации соответствующих бюджетной, налоговой, денежно-кредитной и социальной политик.

«В республике будет идти характерный для посттоталитарного периода процесс разграничения политической и экономической власти, преодоления абсолютной монополии государства на собственность. Последнее выразится в более активной приватизации и функционировании достаточно влиятельных и весомых негосударственных форм собственности, в формировании массивного среднего слоя частных собственников, придающего стабильность развитию экономики и обществу в целом. Именно этот слой способствует преодолению в обществе таких негативных явлений, как иждивенческий комплекс, привычка к помощи и апелляции к власти при наступлении экономических трудностей».

**Стратегия становления и развития Казахстана
как суверенного государства, 1992 год**

Работа над самим документом шла довольно трудно. Я сформулировал для группы молодых экономистов основные цели и задачи стратегии. По ним они выстраивали проект этого документа. Он многократно обсуждался при мне. Я подключал представителей разных категорий специалистов и моих зарубежных советников. Естественно, консерватизма или, вернее сказать, «застойности мышления» у наших специалистов хватало. Но в конечном итоге получился именно тот текст документа, который был нужен.

Стратегия констатировала, что Казахстан переходит от плановой экономики к рыночной, от тоталитаризма к либеральной политике. Многие не понимали нас. Верховный Совет и его руководство требовали пересмотра отдельных принципиальных позиций, мотивируя это тем, что народ не готов принять такие идеи.

Я благодарен тогдашнему вице-президенту Ерику Асанбаеву, которому было поручено возглавить эту группу. В эту группу были включены молодые экономисты – С. Аханов, У. Шукеев, О. Жандосов, Г. Марченко и другие. Они отстаивали документ перед депутатами Верховного Совета (так назывался советский Парламент) и противостояли консервативной позиции многих критиков, которые не понимали еще сути происходящих перемен или просто боялись всего нового. Дебаты в Верховном Совете были жаркими.

Можно сказать, что ключевым идейным моментом Стратегии было такое понятие, как «благосостояние для всех». Автор этой идеи – известный немецкий экономист, министр экономики, а позднее и канцлер ФРГ Людвиг Эрхард. Его называют «патриархом» рыночных реформ Германии, которые имели поразительный эффект. В течение 10 лет германский экономический рост держался на уровне около 8% в год и в то время был наивысшим в мире. Именно благодаря таким результатам реформ Эрхарда в оборот вошло понятие «германское экономическое чудо». Следуя принципу «благосостояние для всех», наше государство объявило, что будет добиваться благосостояния для всех путем обеспечения каждому желающему предпринимательской свободы и возможности приложения сил в любой выбранной сфере деятельности. В таких условиях более способные, трудолюбивые и предприимчивые люди будут достигать более высокого социального статуса в обществе. Одновременно мы обещали повышение трудовых доходов, пенсий и пособий

по мере роста и стабилизации экономики, ее интеграции в мировое сообщество. Как показала история, свое обещание мы выполнили.

В Стратегии мы также объявили о нашем намерении ввести национальную валюту. При этом делалась оговорка, что мы будем рассматривать этот вопрос только после выхода из кризиса и стабилизации экономики. Советский рубль рассматривался как общая валюта переходного периода, потому что тогда мы еще не были готовы к переходу на новую валюту. К тому же все расчеты при товарообмене производились в рублях. И российское руководство обещало на какое-то время сохранить рублевое пространство. Однако в России появились люди, которые хотели поставить нам условия: или постоянно оставайтесь в рублевой зоне, или мы разрушим вашу экономику. События последующих восемнадцати месяцев подтвердили наши опасения по поводу рублевой зоны, но об этом я расскажу в последующих главах.

В конце 1992 года мало кто верил моим заявлениям, что эта Стратегия лишь начало большого пути. В самый разгар кризиса Стратегия определила ориентиры для формирования нормального демократического общества с многоукладной рыночной экономикой, открывающей каждому человеку равные возможности самостоятельного выбора и экономического самоопределения в реализации своих экономических, социальных и политических интересов. Мы стремились создать общество, где будут верховенствовать закон, воля народа и здравый смысл. Общество, где предприимчивые и умные люди станут состоятельными и успешными гражданами.

Несмотря на трудности, встретившиеся нам как в политической, так и в других сферах, на протяжении первых трех лет (1992–1994 годы) Правительство пыталось либерализовать экономику, создать законодательную и институциональную базы рыночных отношений, наполнить рынок потребитель-

скими товарами. Осуществляемая либерализация экономики выявила множество проблем, которые оказали влияние на сокращение производственного и экономического потенциала страны. Это было связано с техническим отставанием экономики и неконкурентоспособностью многих товаров и услуг, отсутствием институтов государственности и рынка, законодательной базы, финансовых и кадровых ресурсов.

В этот период было большое количество критических, резких, порой доходящих до абсурда, мнений и суждений со стороны многих зарубежных СМИ, направленных в адрес Казахстана и его руководства. В этих заявлениях остро ставились вопросы о целесообразности ведения реформ в Казахстане, возможности пересмотра границ и прочее.

Американские политологи во главе с З. Бжезинским опасались страшных внутренних межэтнических потрясений ввиду многонационального состава республики или поглощения такими странами, как Россия, Китай, мусульманские государства. Для примера достаточно привести выдержки из книги З. Бжезинского «Великая шахматная доска»:

«Неизбежным становится то, что не только представители элиты, но вскоре и простые люди в этих республиках будут становиться все более и более националистически настроенными и, по всей видимости, будут все в большей степени придерживаться мусульманской ориентации. В Казахстане, обширной стране, располагающей огромными запасами природных ресурсов, но с населением почти в 20 млн. человек, распределенным примерно поровну между казахами и славянами, лингвистические и национальные трения, по-видимому, имеют тенденцию к усилению».

З. Бжезинский «Великая шахматная доска» (Brzezinski Z. «The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives», 1998)

Надо сказать и о том, что тон критики задавала независимая пресса России. На ее страницах особо отличился Владимир Жириновский, который, как и Солженицын, заявлял, что Казахстан – это временное явление, что он не сможет существовать как независимое государство, что якобы права русских в Казахстане ущемляются. Российские неолиберальные политики-экономисты говорили, что Казахстан, потеряв связи с Российской Федерацией, обанкротится и «приползет к России на коленях».

«...при сохранении нынешней экономической политики, как предсказывают и российские эксперты, Казахстан в недалеком будущем ждет гиперинфляция, а точнее – крах национальной валюты и общая финансово-экономическая катастрофа.<...> летальный исход наступит не позднее марта будущего года».

**«Независимая газета»,
27 мая 1994 года**

История показала, что все эти «предсказания» не сбылись. Более того, спустя десять лет после провозглашения независимости во многих сферах Казахстан стал лидером на постсоветском пространстве. Главными достижениями первого этапа реформ в экономической сфере стали сохранение стабильной социально-политической обстановки в стране, успешное введение национальной валюты, вступление в международные финансовые институты и окончательный отход от принципов административно-командной экономики и, как следствие, признание Казахстана международным сообществом.

В период становления и укрепления независимости государства и экономики остро встала проблема нехватки квалифицированных кадров. Нам приходилось ездить по

всему бывшему Союзу в поисках казахстанских специалистов – экономистов, юристов, военных, финансистов и др. Многих даже не нужно было убеждать вернуться на родину. Все они являлись профессионалами своего дела и патриотами Казахстана. Именно тогда в Казахстан вернулись многие высококвалифицированные кадры, которые позже заняли высокие посты на государственной службе.

Однако наряду с поиском оптимальной экономической модели важно было определиться и с идейными ориентирами. Я суммировал свои размышления в небольшой работе «Идейная консолидация общества как условие прогресса Казахстана», вышедшей в 1993 году. Тогда в массовом сознании царил неразбериха. Но сквозь туман неопределенности маячили три основные перспективы: социалистическая идея, которая была еще очень сильна, традиционализм и либеральные идеи. Нам нужно было выбирать между разными вариантами. Однако именно тогда анализ ситуации убедил меня, что не все готовые варианты развития общества, апробированные многими странами, подходят нам.

С социалистической идеей ситуация была более или менее ясной. Тотальный кризис в экономике, политике, международных отношениях был, как говорится, налицо. И мне как человеку, на своем опыте испытывавшему статистические «чудеса» социалистической экономики, было ясно, что вперед в прошлое дороги нет.

Сложнее было с традиционализмом. Несмотря на то что традиционализм очень важен для сохранения нации в сфере культуры, он не является выходом в политике. Мне много раз приходилось тогда указывать, что нами категорически не приемлется политическая идеология традиционного типа, которая основана на оживлении архаических форм общественного устройства, родоплеменной психологии. Мне уже тогда была понятна вся опасность разных трай-

балистских взглядов и дискуссий. И вся моя практическая политическая деятельность на протяжении полутора десятка лет жестко направлена на пресечение всяких трайбалистских настроений.

Между тем традиционализм как политическая идеология неизбежно вел к резкому обострению родоплеменных противоречий. Помню, как в 1993 году группа молодых политологов принесла мне доклад относительно механизмов трайбализма в казахском обществе и его влияния на будущее государства. Доклад был серьезно проработан и детально обрисовывал возможные перспективы. Однако я отложил его в сторону и сказал, что изучать проблему необходимо, как и осуществлять постоянный мониторинг, но не нужно будоражить общество, тем более устраивать по этому поводу общественную дискуссию. Время показало мою правоту.

Сложнее было с либеральной идеей. Тогда, в начале 1990-х годов, либеральная идея казалась многим представителям элиты панацеей от всех болезней. Мне как государственному деятелю нельзя было быть столь легковерным. Да, либеральная идея – один из наиболее ярких и зримых вкладов Запада в мировую политическую теорию и практику, да, она стала доминирующей политической идеологией в целых регионах планеты. Однако уже тогда было ясно, что при механическом переносе западной либеральной идеологии в Казахстан ее проводники споткнутся о такое явление как культура – в широком, в том числе и политическом смысле. Нельзя мгновенно изменить ее характер и идеалы. Необходимо постепенно, цивилизованным способом на основе реальных реформ преобразовывать тип политической культуры.

Напомню, что сказано все это в уже далеком 1993 году. Можно не менять ни одного слова и сегодня в этой характеристике. И столь же четко была предложена система наших ориентиров. Это была сжатая программа. Четыре направления

в политической и экономической сфере, четыре направления в сфере идейной консолидации. Я не менял ориентиров, провозглашенных тогда. Судите сами.

Первое. Ставилась задача перейти от формально-правовой к реальной независимости. Второе. Стратегическим направлением на этом этапе выбиралось укрепление государственности. У нас ведь только появились атрибуты государственности. Третье. Был выбран курс на системные и полномасштабные экономические реформы. Четвертое. Прагматизм в выборе внешнеэкономических партнеров и прагматическая внешняя политика в целом.

Идеологический же срез включал в себя такие четыре пласта. Во-первых, межнациональное согласие. Мы блестяще реализовали эту идею в последующие годы. Во-вторых, внутринациональное единство. Нам удалось избежать раскола самих казахов по жузам и родам, регионам и другим территориальным единицам. Для многих стран, как мы видим сегодня, это остается не просто актуальной, но и даже жесткой политической проблемой. В-третьих, была провозглашена идеология модернизации казахстанского общества. Создание институтов гражданского общества, многопартийности, свободных средств массовой информации, неправительственных организаций – все это входило в систему модернизационной идеологии. Наконец, мы правильно оценили потенциал религиозных движений и четко постулировали необходимость религиозной терпимости и свободы вероисповедания.

Все эти положения прошли проверку временем.

МЕМОРАНДУМ ПРЕЗИДЕНТА, 1994 ГОД

Несмотря на первые успехи, оставалось еще много нерешенных проблем. Одной из них, тревожащей меня особенно,

было то, что люди все еще не хотели принимать происходящие перемены. В условиях жесточайшего кризиса и развала экономики я выступил на заседании Верховного Совета с Посланием Верховному Совету Республики Казахстан, ставшим известным как «Меморандум Президента». Его основная цель заключалась в том, чтобы высшие эшелоны государственной власти, а также политические партии и объединения реально взглянули на сложившуюся в Казахстане ситуацию, сделали правильные выводы и начали, наконец, слаженно и конструктивно работать. Это был третий год независимости, и населению нужно было четко сказать, что возврата к прошлому не будет.

1994 год стал переломным во многих аспектах. Меморандум предполагал коренные реформы в денежно-кредитной и банковской системах. Уже полгода в стране действовала национальная валюта. Следующий решительный шаг был нацелен на стабилизацию курса тенге и обуздание гиперинфляции. Основной задачей государство ставило достижение финансовой стабилизации, как единственный выход из создавшегося кризиса.

Мы прямо сказали своим гражданам, что государство будет сокращать все свои расходы, включая различные прямые и скрытые дотации, субсидирование, а также расходы на содержание государственных органов. От правительства требовался жесткий контроль над доходами и расходами бюджета. Всякое давление и лоббирование в пользу отдельных отраслей и сфер экономики жестко пресекалось. Официально на государственном уровне было заявлено, что государственный бюджет является инструментом государственной политики, и он не будет растаскиваться в угоду корпоративным, региональным и прочим интересам. Другой немаловажной целью для правительства было привлечение максимально крупных иностранных инвестиций в такие

ключевые отрасли, как транспорт, энергетика и минеральные ресурсы. Еще одним знаковым событием этого периода стала независимость Национального банка от Верховного Совета и Правительства.

Именно в это время были проведены беспрецедентные меры по сокращению государственного аппарата. При советской власти было модно выбивать деньги из центра на увеличение количества областей и районов. Это множило число государственных чиновников. Чтобы первый руководитель республики мог претендовать на роль члена Политбюро, необходимо было иметь не менее 20 областей, как на Украине. У нас их число довели до 19. На очереди была 20-я область. Не успели.

Все это увеличивало количество дотационных областей и районов. Но ни по экономическому потенциалу, ни по количеству людей они не соответствовали предъявляемым требованиям. Одно название – область. Зато в каждой области, в каждом районе имелась вся структура власти: обком, облисполком, областная суд, областное УВД, облоно, облздрав и т.д. И все это повторялось на уровне района. Такая бюрократическая гидра не приветствовала любые нововведения или начинания. Именно поэтому административная реформа стала одним из первых шагов, на которые мы пошли в рамках объявленных нами реформ.

В 1994 году за счет проведенной оптимизации мы сформировали 14 областей вместо 19 и 169 районов вместо 230. Было сокращено 25 тысяч служащих и сэкономлены миллионы тенге бюджетных средств, которые пошли на выплату пенсий и зарплат. В той же России только через десять лет после наших реформ появятся первые попытки проведения подобной административной реформы.

Мы руководствовались простой логикой – зачем трудящемуся человеку над собой столько начальников, которых

надо содержать на свои налоги? Ладно, если бы доходов области хватало на их содержание. Нет, приходилось для этого перечислять деньги за счет обеспечивающих себя областей. Чиновники, потерявшие теплые места, конечно, были против моего решения. Пользуясь этим, некоторые политики спекулируют на этом, призывая воссоздать области и районы. Люди должны знать, что эти вопросы поднимают те, кто потерял кресла и теплые места. Сегодняшний рост благосостояния не должен нас расслаблять. Именно во времена больших доходов возникает наибольший соблазн увеличить государственный аппарат и расходы на его содержание. Я думаю, что государство и дальше должно стремиться держать эти расходы под контролем. Мы еще не завершили административные реформы. Они еще впереди.

Преодоление кризиса неплатежей невозможно было без включения механизмов разделения предприятий на «больные» и «здоровые». Предполагалось избавление от слабых предприятий путем реабилитации или банкротства.

Процесс разгосударствления и приватизации предполагал создание слоя потенциальных собственников, а также формирование рынка ценных бумаг и его инфраструктуры. Отдельным крупным блоком стояла задача проведения правовой реформы. Ей отводилась роль «подпорки» экономического блока реформ и своего рода локомотива для их динамичного проведения.

Но, пожалуй, в тот тяжелый для страны момент самым главным было сохранение сбалансированного психологического климата в обществе. Хотя некоторые популисты пытались обещать скорые радужные перспективы, иные предрекали неминуемую катастрофу. Но честной могла быть только правдивая позиция. И я пытался донести это до депутатов.

«Если мы настоящие патриоты своей родины, если действительно хотим выйти из кризиса и дать народу лучшую жизнь, мы должны пойти на трудности и выдержать их. 50 лет тому назад, в период войны против нацистской Германии, Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в обращении к своему народу сказал: «Это будет тяжелая и трудная война, которая от всех потребует жертв, но у нас нет другого выбора». Он не стал скрывать от народа, что для победы в войне будет необходимо пережить боль и страдания. Казахстан обрел политическую независимость. Но теперь мы боремся за свою экономическую состоятельность. Поэтому я буду с вами откровенен и скажу, что потребуются значительные усилия буквально от каждого гражданина Казахстана, и от нас с вами в первую очередь».

**Из выступления перед Верховным Советом,
9 июня 1994 года**

В те кризисные годы, кроме экономических реформ, повседневно требовалось уделять внимание настроению населения и сохранению социального равновесия, межнационального спокойствия и стабильности в стране. В то время как на постсоветском пространстве возникало все больше очагов межнациональных конфликтов, Казахстан оставался общим домом для многих национальностей. Для многих миллионов людей Казахстан действительно стал Родиной в подлинном смысле слова.

Вместе с тем нас особо беспокоил отток русскоязычного населения из страны. Мы признавали, что утрата ценнейшего человеческого капитала – это большая потеря для республики. Именно поэтому я вышел с инициативой «10 простых шагов навстречу простым гражданам», через которые мы попыта-

лись снизить темпы миграции и упростить порядок получения гражданства. В том же году мною была инициирована идея Евразийского союза как идеологического фундамента для будущей экономической интеграции.

К началу 1996 года процесс реформирования уже шел полным ходом. На этом этапе главным направлением реформ стало обеспечение макроэкономической стабилизации, совершенствование законодательной базы, финансовой системы, социальной сферы и производственного сектора, включая демонополизацию, приватизацию, банкротство и санацию предприятий. И мы подводили итоги проведенных реформ.

«Первое, что необходимо подчеркнуть: Казахстан состоялся как независимое суверенное государство, обрел, образно говоря, свое место на политической карте мира.

Второе. С принятием в августе 1995 года новой Конституции заложен фундамент государственного устройства страны. И тем самым завершен первый этап государственного строительства.

Третье. Решая вопросы усиления и укрепления государственности, мы придавали и придаем важнейшее значение углублению межнационального согласия, политической стабильности, развитию демократических процессов, становлению новых политических институтов. В стране изначально отдан приоритет гражданским правам и свободам человека.

Четвертое. Период бурного, хаотического и во многом кризисного процесса в экономике, связанного с осуществлением реформ и достижением экономической самостоятельности, завершается. Он все более входит в осмысленное и управляемое русло, позволяет действовать

по четко разработанным программам и планам, т.е. дает возможность не отставать от событий, а прогнозировать их развитие.

И, наконец, пятое. Нам удалось вплотную приступить к решению социальных проблем. Мы начали поднимать размер пенсии, рассчитались с долгами перед пенсионерами, начался рост заработной платы в бюджетной сфере. Стали оказывать реальную поддержку селу».

Из выступления «Успех реформ зависит от активного участия в них регионов», 1996 год

Реализуемый нами переход к рыночной экономике предусматривал создание таких ключевых условий функционирования экономики, как коммерциализация и свобода хозяйственной деятельности предприятий, свободное ценообразование, сокращение государственного вмешательства в хозяйственную деятельность предприятий, последовательная интеграция в систему мирохозяйственных связей, распространение рыночных отношений на те сферы, где они показывают более высокую эффективность.

Не секрет, что многие считали данные задачи невыполнимыми. Было много полярных мнений, но надо было идти выбранным курсом и довести реформы до конца. По моему глубокому убеждению, в переходе к функционирующему рынку очень важно определить, по какому варианту осуществляется этот переход, какие реальные и взаимосвязанные меры предпринимаются, в какие сроки и в какой последовательности они реализовываются.

«Я далек от мысли, что в ходе реформ мы осуществили все намеченное. Были и ошибки, и просчеты. Трудности есть сегодня, наверное, не избежать их и в дальнейшем. Но сде-

лано главное. Сформирована государственность. Заложены основы политической системы, демократии и гражданских свобод. Функционирует на новой законодательной базе рыночная по своей природе экономика. Вместе с тем жизнь не стоит на месте. Реформирование требует безусловного углубления, новых масштабных действий».

Из выступления «Успех реформ зависит от активного участия в них регионов», 1996 год

Оптимальное развитие экономики Казахстана требовало ее глубокой социальной ориентации и качественной структурной перестройки. По существу, речь шла именно о переходе к новой рыночной модели социально-экономического развития республики как суверенного государства. При этом важно было проанализировать причины и наметить обоснованные пути выхода из экономического кризиса.

Мы вновь вернулись к примеру Сингапура. При отсутствии земельных ресурсов, природных богатств, даже своих продуктов питания и воды, страна за относительно короткий период превратилась в лидера Юго-Восточной Азии. Тщательное изучение сингапурского опыта показало, что одним из важнейших факторов успеха этой страны было наличие долгосрочной стратегии, ясных целей и высокопрофессиональной политики по их достижению. Во многом именно этот факт послужил отправной точкой для разработки нашей долгосрочной стратегии.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА ДО 2030 ГОДА («КАЗАХСТАН-2030»)

Решение о разработке долгосрочной стратегии я принял в конце 1995 года. Начинаясь пятый год казахстанской

независимости. К тому времени реализованные нами реформы давали надежду на стабилизацию экономики. Впервые в истории независимого Казахстана к началу 1996 года экономика показала пусть и не существенный, но все же позитивный рост в ВВП 0,5 процента. Объемы запасов нефти, позволяющие вести добычу в течение следующих 30-40 лет, а также активизация иностранных инвесторов в казахстанском бассейне Каспийского моря говорили о том, что доходы от добычи нефти будут существенно расти из года в год. Период «тушения пожаров» закончился, и у нас появилось время остановиться и представить, какой будет наша страна через десять, двадцать и тридцать лет.

В апреле 1996 года создается Высший экономический совет (ВЭС) под моим председательством. Основными целями ВЭСа стали подготовка предложений по решению социально-экономических проблем стратегического характера, проведение анализа хода реформ и выработка новых конструктивных предложений по их реализации. Создание Совета было принципиальным шагом в формировании институциональной основы рыночной экономики. В состав ВЭСа вошли видные ученые, высокопоставленные государственные служащие и эксперты в различных областях.

Основной костяк ВЭСа составили молодые кадры, не имевшие груза старых догматических суждений. Главным условием при приеме их на работу являлось свободное владение иностранными языками, обладание научными достижениями и опыт работы в сфере хозяйственного управления. За каждым из них были закреплены отдельные отрасли экономики. Привлечение этих кадров позволило привнести свежую струю новых идей по дальнейшему развитию страны. Энергичная молодежь резко выделялась на фоне консервативного аппарата. Сегодня все они работают в разных ведомствах и на практике осуществляют стратегию.

В течение всего 1996 года перед этой группой стояли две основные задачи. Во-первых, требовалось посетить как можно больше стран, максимально изучив международный опыт в области стратегического планирования и проведения структурных реформ. Во-вторых, в каждой отрасли следовало создать группы национальных и иностранных экспертов, задача которых заключалась в разработке и систематизации рекомендаций. Такой синтез задач предполагал максимальное поглощение информации каждым из этих молодых управленцев на протяжении всего года.

После того как был набран критический объем информации, требовалось создать методологическую базу для разработки долгосрочной стратегии. И здесь мы обратились к международному опыту. Благодаря активной поддержке Программы развития ООН в Казахстане, мы получили возможность наладить контакты с Гарвардским университетом и провести семинар по стратегическому планированию.

В апреле 1997 года казахстанская группа выехала в Бостон, где Гарвардский университет организовал десятидневный семинар для высших должностных лиц. В ходе семинара казахстанских экспертов познакомили не только с общеизвестным опытом стратегического планирования таких стран как Корея, Сингапур и Малайзия, но и с долгосрочными бизнес-стратегиями таких мировых гигантов как «Боинг», «Дженерал Электрик» и «Бритиш Петролеум». Лекции позволили определить место Казахстана в сравнении с другими странами и транснациональными корпорациями по таким критериям, как территория, население, объем ВВП и запас углеводородов. Материалы семинара и последующие контакты с отдельными экспертами мирового масштаба легли в методологическую основу будущей стратегии.

Выбор горизонта планирования в тридцать лет был обусловлен двумя главными факторами. Во-первых, тридцать

лет представляют собой период активной жизни одного поколения. Во-вторых, по оценкам запасов нефти и вероятности введения альтернативных источников энергии у Казахстана имелся задел также протяженностью в 30-40 лет. Так, к примеру, контракт с «Шевроном», ставший ориентиром для других нефтяных компаний, был подписан сроком на 40 лет.

Стратегия «Казахстан-2030» делилась на четыре этапа: 1997–2000 годы – подготовительный этап, 2000–2010 годы – первый этап, 2010–2020 годы – второй этап и 2020–2030 годы – третий этап, по завершению которого Казахстан должен войти в разряд развитых стран. Стратегия предполагала три сценария развития страны в зависимости от запасов и цен на энергоносители: оптимистический, базовый и пессимистический. Нужно сказать, что в последующие годы уровень цен на нефть превысил даже показатели оптимистического сценария Стратегии, который ориентировался на уровень около 18 долларов США за баррель. Для сравнения, в 2000 году цена на нефть составила уже 28,2 доллара США, а на 2006 год средняя стоимость одного барреля нефти сложилась на уровне 60 долларов США.

В ходе обсуждения структуры документа главным вопросом стало определение приоритетов и их последовательности. В ходе многочасовых жарких дискуссий каждый эксперт отстаивал выделение своих отраслей в отдельный приоритет. Так, к примеру, предлагалось выделить здравоохранение и образование в отдельные приоритеты. Не менее напряженными были споры и о порядке следования приоритетов. Окончательно рабочая группа остановилась на пяти приоритетах. Однако по мере выполнения работы стало ясно, что вопросы инфраструктуры и энергетики требуют отдельного рассмотрения. В конце концов, мы пришли к выводу, что значимость этих пластов экономики в будущем Казахстана будет настолько значительна, что, как приори-

теты, они требуют отдельного рассмотрения. После этого в Стратегии были определены семь приоритетов.

Могу сказать, что в определении числа приоритетов лежали достаточно серьезные наработки в области государственного менеджмента и психологии. Основой при подготовке Стратегии, в частности, при определении значимости и порядка следования приоритетов, явилось обобщение международного опыта, рекомендации отечественных и зарубежных ученых и экспертов. Постепенно, в процессе расстановки акцентов, приходило понимание того, что необходимо идти от глобального к частному, от этапности к потенциальным возможностям. Все это и определило основными нашими приоритетами национальную безопасность, стабильность общества, экономику и благосостояние населения. Иными словами, определение приоритетов Стратегии производилось по принципу «постепенного сужения колец» – путем отбора уменьшающегося на каждом этапе числа наиболее важных акцентов и исключения всех прочих.

Стратегия прорабатывалась и тестировалась бесчисленное множество раз – от самых идейных основ вплоть до отдельных ее аспектов. Так, эксперты неоднократно меняли формулировку приоритетов для лучшего восприятия их населением, добиваясь того, чтобы текст был кратким, лаконичным, но емким по смыслу. Также мы решили ограничить само число приоритетов (пять, а впоследствии семь), потому что большое количество приоритетов могло вызвать отсутствие интереса или слабое восприятие. В то же время число семь имеет для казахов магическое значение.

В течение лета 1997 года шла работа по детальной доработке документа. Агентство по стратегическому планированию с частотой раз в две недели предоставляло мне исправленные и обновленные варианты Стратегии. В промежутках эксперты шлифовали каждый параграф и оттачивали каждую идею с учетом вносимых мною изменений.

Работа над Стратегией явилась сложной и многоуровневой задачей с использованием тщательного анализа теории и практики мировой экономики, тематических, отраслевых и индикативных планов, математических и экономических расчетов, материала многочисленных поездок по многим странам, дискуссий с признанными экспертами и, наконец, интуиции всей команды, работавшей над документом.

Необходимо отметить, что в разработке Стратегии большую помощь нам оказали международные организации и доноры, прежде всего Программа развития ООН. Достаточно сказать, что вместе с нами в качестве консультантов работало более сорока признанных международных экспертов. В их числе такие люди, как Х. Берсток, К. Грей, В. Худжонг, Г. Аллисон, Р. Блэквилл и другие.

Может броситься в глаза, что мы не подключили к этой работе членов Правительства. Мне доложили, что действовавший тогда премьер-министр не хочет вникать в этот вопрос и тормозит сбор материалов. Как можно было доверять такому Правительству осуществление Стратегии?! Поэтому осенью 1997 года я освободил Кажегильдина от должности и распустил Правительство.

В августе 1997 года мы вышли на финишную прямую с завершенным текстом Стратегии. К этому моменту окончательно определилась следующая система базовых приоритетов:

«1. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. Обеспечить развитие Казахстана как независимого суверенного государства при сохранении полной территориальной целостности.

2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА. Следует сохранить и укрепить внутривнутриполитическую стабильность и национальное единство, что позволит Казахстану претворить в жизнь национальную

стратегию в течение нынешнего и последующих десятилетий.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, БАЗИРУЮЩИЙСЯ НА ОТКРЫТОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ВНУТРЕННИХ СБЕРЕЖЕНИЙ. Достичь реальных, устойчивых и возрастающих темпов экономического роста.

4. ЗДОРОВЬЕ, ОБРАЗОВАНИЕ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ГРАЖДАН КАЗАХСТАНА. Постоянно улучшать условия жизни, здоровье, образование и возможности всех казахстанцев, улучшать экологическую среду.

5. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ. Эффективно использовать энергетические ресурсы Казахстана путем быстрого увеличения добычи и экспорта нефти и газа с целью получения доходов, которые будут способствовать устойчивому экономическому росту и улучшению жизни народа.

6. ИНФРАСТРУКТУРА, В ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ. Развивать эти ключевые сектора таким образом, чтобы способствовать укреплению национальной безопасности, политической стабильности и экономическому росту.

7. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО. Создать эффективный и современный корпус государственных служащих Казахстана, преданных делу и способных выступать представителями народа в достижении наших приоритетных целей».

**Из Стратегии развития Казахстана
до 2030 года, 1997 год**

Теперь вставал вопрос о политическом провозглашении Стратегии, а также о дальнейших механизмах ее реализации.

Стратегия развития Казахстана до 2030 года и первоочередные меры по ее осуществлению были официально озвучены 10 октября 1997 года. В этот день я выступил в Парламенте страны с самым первым Посланием к народу Казахстана. Мне понравилась сама идея Послания к народу, и я рад, что она прижилась. Сейчас ежегодное послание Президента к народу Казахстана стало традицией. А тогда это было как раз то, что нужно, – и, обращаясь ко всему народу, ко всем гражданам республики, мы подчеркивали особую роль и статус Стратегии.

Стратегия определила национальную цель и систему приоритетов на пути к ее достижению. Миссией нашей страны было объявлено построение независимого, процветающего и политически стабильного Казахстана с присущим ему национальным единством, социальной справедливостью, экономическим благосостоянием всего населения. В выступлении говорилось, что процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев – вот ключевые слова, характеризующие Казахстан, который мы все хотим построить.

Что касается механизмов реализации Стратегии, то для каждого из этих долгосрочных приоритетов были разработаны мероприятия, которые можно было бы последовательно реализовывать в намечаемых годовых, трех- и пятилетних планах, отчет по которым предполагалось производить всеми государственными органами. Эти долгосрочные приоритеты должны были стать точками концентрации усилий государства и всех граждан. Они определили подходы и критерии при формировании бюджета страны и кадровой политики в последующие годы.

В целях скорейшего осуществления Стратегии мы определили ряд задач, которые необходимо было решить уже в 1998 году, и Правительству были даны восемь конкретных заданий на тот год.

«1. Обеспечить полную и своевременную выплату пенсий, пособий и заработной платы в бюджетных организациях.

2. Выдать в течение года микрокредиты в сумме, эквивалентной 400 долларам США, сроком на 3 года не менее чем 30 тысячам наименее обеспеченных граждан для создания рабочих мест, в первую очередь, на селе.

3. Обеспечить, начиная с 1998 года, выдачу кредитов на развитие малого и среднего бизнеса, фермерских хозяйств, создание рабочих мест на сумму не менее чем в 100 млн. долларов США.

4. Приступить к реализации широкомасштабной программы компьютеризации школ, прежде всего в сельской местности, выделив на эти цели уже в 1998 году не менее 22 млн. долларов США.

5. Обеспечить удешевление кредитов для крестьянских и фермерских хозяйств не менее чем на 2,5 млрд. тенге.

6. Начать общественную кампанию за здоровый образ жизни.

7. Приступить к началу реализации программы жилищного строительства, выделив на эти цели не менее 40 млн. долларов США. В апреле 1998 года доложить общественности о принципах и ожидаемых результатах реализации этой программы.

8. Обеспечить полную посещаемость детьми школы».

**Из Стратегии развития Казахстана
до 2030 года, 1997 год**

Постулаты, заложенные в Стратегии развития «Казахстан-2030», являются постоянным ориентиром при выработке любых наших планов и не теряют своей актуальности. В ней нет места политическому и экономическому радикализму,

поскольку речь идет о достаточно энергичных экономических реформах, преобладающих на первом этапе над политическими, о демократизации административной системы без ослабления вертикали власти, о построении рынка при сохранении достаточно внятных регулирующих функций государства. И, насколько мне известно, этот опыт достаточно уникален.

Нельзя не отметить тот факт, что Казахстан стал одним из первых государств, применивших «синергетические принципы» в развитии своего государства с момента обретения независимости в 1991 году. Использование этой стратегии предполагает наличие различных структур для разработки государственной политики, образующих открытую сеть государственного регулирования, где поощряются элементы здоровой конкуренции.

«Политическая стабильность превыше всего. Дисциплина и порядок в азиатском обществе важнее демократии, которая должна развиваться постепенно». Это было политическим кредо Ли Куан Ю. Я никогда не скрывал, что такой подход мне по душе. Всегда говорил: «Сначала экономика, а потом политика». Меня за это критиковали. Но перед моими глазами была картина развала СССР, когда политику поставили прежде благополучия и спокойствия людей.

ОТ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ К КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Когда-то мы думали, что строим идеальное государство. «Шестая часть суши», населенная совершенно разными народами, жила одной идеей. Возможно, именно эта идейность объединившей нас всех платформы обусловила доминирование политики над всеми прочими составляющими частями советского государства.

Именно для сведения в едином центре «нитей» союзных республик и поддержки идеи «одной великой родины» были выстроены немислимые по экономическим законам производственные и хозяйственные связи. Но законы экономики, как и законы природы, объективны и не могут быть отменены или переписаны по желанию людей. Политический курс по достижению «светлого будущего» лопнул как мыльный пузырь. Конечно, тому было множество причин, но основная – отсутствие соответствующей экономической основы. Когда Идея была развенчана, а само государство доживало последние годы, эти искусственные экономические «нити» рвались, натянутые разразившимся кризисом до предела. В поисках выхода советское руководство пыталось осуществить переход к новому, но старыми методами, «по-советски», начав с политики. Переход привел в тупик.

Экономика – основа политической независимости. И если наши первые шаги по реформированию экономики страны были скорее неотложными мерами по выживанию в «постсоветском» хаосе только на тот момент, то проводимые сейчас реформы уложены в рамки стратегий и четких планов и ориентированы на конкретный результат в будущем. Этот результат – построение сильной, диверсифицированной экономической системы, способной позволить нашей стране успешно конкурировать на мировом уровне. Причем конкурировать не только за доступ к рынкам и другим чисто экономическим понятиям, но и в общем, образно выражаясь, найти свое «место под солнцем».

Традиция обращения Президента к народу Казахстана с ежегодным Посланием началась со Стратегии «Казахстан-2030». Каждое такое послание – часть нашей общей Стратегии и часть нашего пути. А в последующие годы знаковым стало Послание «К конкурентоспособной нации».

По моему мнению, конкурентоспособность страны определяется наличием тех благоприятных условий, способствующих повышению конкурентоспособности каждого гражданина страны. Говоря о людях, хочу привести определение предпринимателя, которое дал австрийский экономист Йозеф Шумпетер и которое очень импонирует мне лично. По Шумпетеру, предприниматель не просто руководит, он принимает новые, нестандартные решения по управлению. Предприниматель внедряет инновации и берет на себя ответственность за экономический риск. Я бы очень хотел видеть казахстанцев именно такими предпринимателями – с жадной к познанию нового, к экспериментам, к созиданию и, самое главное, с готовностью рисковать и брать на себя ответственность.

Следуя изречению «хочешь изменить мир – начни с себя», каждый из нас должен научиться конкурировать и выходить победителем. А наша общая конкурентоспособность, в конечном счете, должна вести к благосостоянию народа. Здесь я хочу подчеркнуть более глубокий смысл только что сказанного. Конкурентоспособность Казахстана должна привести не только к материальному, но и к духовному обогащению нации. За процветанием экономики должны последовать расцвет культуры и искусства, казахского языка, традиций и жизненной философии нашего народа.

Конкурентоспособность нации – это конкурентоспособность каждого ее представителя, уровень его подготовки, образования и личностного развития. А конкурентоспособность страны – это благосостояние народа и уровень ее социально-экономического развития. Здесь должен работать принцип динамического программирования: для того чтобы достичь цели, необходимо определить средства.

Строительство новой экономики – трудная и рискованная задача. При ее решении мы опираемся на «Стратегию

индустриально-инновационного развития Казахстана на 2003–2015 годы». Реализация ее первого этапа позволит коренным образом изменить структуру отечественной экономики и динамику ее роста. Достижение целей стратегии решит проблему зависимости нашей экономики от конъюнктуры мировых цен на природные ресурсы, будет способствовать путем диверсификации отходу экономики от сырьевой направленности, будут заложены основы для перехода к сервисно-технологической экономике. По расчетам наших экспертов, проведение индустриально-инновационной политики позволит обеспечить темпы роста экономики не ниже, чем 8,8-9,2% в год.

Вместе с тем Стратегия индустриально-инновационного развития – это всего лишь подготовительный период. Становление постиндустриального общества в мире еще далеко не завершено. У Казахстана все еще есть шанс сделать прорыв и войти в состав индустриально-развитых стран. И реализация данной Стратегии должна переломить ход событий и подготовить страну к этому прорыву. И здесь встает основной вопрос – куда мы должны направить этот прыжок.

С одной стороны, необходимо использовать имеющийся потенциал, так как инстинкты выживания подсказывают, что для «рывка» Казахстан должен делать ставку на такие относительно традиционные отрасли как горная металлургия, тяжелая промышленность, сельское хозяйство, а также – на ядерную энергетику и развитие космических технологий. С другой – необходимо двигаться в сторону повышения производительности экономики за счет инноваций и высоких технологий. Это является ключевым фактором достижения устойчивого экономического роста и конкурентоспособности экономики.

Примером для нас может послужить Финляндия. Сделав упор на развитие высоких технологий, маленькая северная

страна с пятимиллионным населением, где еще недавно не было ни сильной научной базы, ни передовой промышленности, сегодня признана самой конкурентоспособной экономикой мира. Финская национальная модель производства, или «финское инновационное чудо», сегодня признана одной из наиболее эффективных в мире. Основу ее составляют высокий уровень образования, конкурсный принцип распределения средств на науку и развитая инновационная инфраструктура, соединяющая воедино государство, науку и бизнес.

На протяжении уже нескольких лет Финляндия лидирует по своим показателям в Давосском индексе конкурентоспособности. Далее следуют США, Швеция, Тайвань, Норвегия, Исландия, Сингапур, Австралия, Канада, Швейцария, Япония, Великобритания, Германия и Израиль. По итогам 2005–2006 годов Казахстан занял 56-е место из 117 стран. Замечу, что по этому показателю мы опережаем все государства СНГ.

Сейчас в мире уже сформировалась схема международного разделения труда, позволяющая странам концентрировать ресурсы на тех направлениях науки и технологий, в которых они обладают наиболее развитым потенциалом. Так, по объему производства вычислительной и офисной техники лидируют США, Япония занимает господствующее положение в электронной промышленности, Швейцария – абсолютный лидер в фармацевтической промышленности. Крупнейшими экспортерами авиакосмической техники являются США, Великобритания и Франция.

Но все это не значит, что данная схема неизменна. Ситуация не только не фатальна, более того, для любой экономики, даже мировой, появление новых игроков, новых производителей и рынков – шаг к новому этапу развития. Прекрасный пример – Индия, стремительно вырвавшаяся в мировые лидеры в производстве программного обеспечения. Я специ-

ально посещал Бангалор, где расположена «Силиконовая долина Азии», чтобы познакомиться с этим феноменом. В 2004 году Индия экспортировала этот информационный продукт на сумму более 17 млрд. долларов. Сегодня индийские специалисты востребованы в лучших IT-компаниях и составляют 34% сотрудников «Майкрософт», 28% сотрудников «Ай-Би-Эм», 17% – в компании «Интел».

При успешной реализации наших стратегических документов, мы сможем добиться того, что основным источником пополнения государственного бюджета – порядка 85% от его общего размера – станут поступления от предприятий несырьевого сектора. Одновременно с этим уровень монетизации экономики составит не более 30%, а инфляция не будет превышать 4-5%.

Далее, начиная с 2008 года, мы начнем работу над стратегией второго десятилетия – Казахстан-2020. В первом стратегическом плане до 2010 года были поставлены две цели: первое – удвоить ВВП по сравнению с 2005 годом, второе – построить основы конкурентоспособной экономики. Если первый этап – Казахстан-2010 – начинался в посткризисные годы и состоял из «скользящих» трехлетних государственных программ, то на втором этапе, при более прогнозируемой экономической ситуации, у нас появится возможность принимать пятилетние планы развития, как это делают Япония и страны Юго-Восточной Азии. При этом нашей экономике надо поднимать планки показателей и выбирать новые ориентиры. Например, к 2015 году увеличить ВВП относительно уровня 2000 года в 3,5 раза. Или достичь к 2015 году показателя в 8-10 тысяч долларов США по уровню ВВП на душу населения, что сопоставимо с уровнем Саудовской Аравии и ряда европейских стран, таких как Португалия и Испания.

Сейчас Казахстан, основываясь на Стратегии «Казахстан-2030», поставил перед собой амбициозную цель – в течение 10 лет войти в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных государств. Используя положительный опыт стратегического планирования предыдущих лет, мы разработали «Стратегию вхождения Казахстана в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира». В ней определены семь приоритетных направлений развития, осуществление которых будет способствовать решению этой задачи.

«Мы должны быть готовы к острой конкуренции и использовать ее в своих интересах. Казахстан может и должен активно участвовать в многосторонних международных экономических проектах, которые способствуют нашей интеграции в глобальную экономику, и опираются, в том числе, на наше выгодное экономико-географическое положение и имеющиеся ресурсы. Государство со своей стороны обязано устранить законодательные, административные и бюрократические преграды на пути деловой инициативы, оказывать прямую поддержку перспективным деловым начинаниям частного капитала».

Из Послания народу Казахстана «Стратегия вхождения Казахстана в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира», Астана, 1 марта 2006 года

В предстоящее десятилетие ключевыми направлениями развития нового технологического порядка станут био- и нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и высокоскоростные транспортные системы, энергосберегающие технологии. Дальнейшее развитие получают автоматизация производства, космические техно-

логии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, ядерная энергетика. Произойдет еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу. Постепенно завершится переход к обществу нового типа, основанному на знаниях.

Эти направления мы должны держать в фокусе внимания при реализации казахстанской Стратегии повышения конкурентоспособности.

Мы имеем шанс добиться конкретных результатов в таких научно-технических направлениях как биотехнологии, нанотехнологии, космическая деятельность и информационно-коммуникационные технологии. Именно по этим направлениям нам в ближайшем будущем понадобятся тысячи высококвалифицированных специалистов и дипломированных ученых.

Уже сделаны первые успешные шаги по реализации наших планов.

В июне этого года запущен первый казахстанский спутник «Казсат». Более тысячи казахстанских ученых работают над научными проектами в рамках государственной программы развития космической деятельности. А 15 сентября этого года открыт первый казахстанский парк информационных технологий (ПИТ) «Алатау-Сити». Замысел о его создании родился у меня в 2002 году во время визита в Индию и посещения города Бангалор – крупного центра машиностроения, пищевой и текстильной промышленности, народных ремесел, а также космических исследований. В августе 2003 года издан указ о создании специальной экономической зоны Парк информационных технологий, а в 2004 году начато строительство этого комплекса. Для работы в ПИТ «Алатау-Сити» уже отобрано 11 компаний из 25, подавших заявки. Я приглашаю все ведущие мировые компании в области IT-индустрии приехать

сюда поработать и обещаю, что мы создадим все условия для работы и сделаем все, чтобы ваш бизнес был выгоден и вам, и Казахстану.

«Алатау-Сити» – первый объект хай-тэк-индустрии, который станет новым интеллектуальным центром в Центральной Азии.

К работе в ПИТ нами привлечены мировые лидеры в области информационных технологий и коммуникаций. Подписаны меморандумы о сотрудничестве с компаниями «Майкрософт», «Хьюлетт-Паккард», «Сименс», «Циско-Систем», «Талес», «Эл Джи», «Сан Макросистем», «Самсунг».

Мы делаем первые шаги по созданию Национальной нанолаборатории, доступ в которую будут иметь все ученые Казахстана. В 2008 году в Астане будет построен новый комплекс Национального центра биотехнологий мирового уровня. Уже сейчас казахстанские ученые, работающие за рубежом, выразили желание работать в этом центре и уже сейчас участвуют в совместных научных проектах.

Создан государственный холдинг «Самрук», объединяющий крупнейшие национальные компании, чьей основной задачей является продвижение наших экономических интересов на мировых рынках. Основан Фонд устойчивого развития «Казына», который должен координировать деятельность институтов развития, содействовать диверсификации экономики и финансировать индустриальные проекты. Начиная с 2005 года реализовано 520 инвестиционных проектов. Под эгидой институтов развития начато финансирование 90 проектов стоимостью 2,2 млрд. долларов США.

Все это воодушевляет, но государство не может брать на себя все роли в процессе развития. Для успешного внедрения и коммерциализации научных разработок нужна активная предпринимательская среда. И если государство как-то может

регулировать сферу научного развития посредством, например, целевого и грантового финансирования, то инициатива по интеграции науки и производства наиболее действенна в частном порядке. Она должна исходить от наших граждан.

Занимаясь ранее рассмотрением вопросов науки, я все чаще приходил к пониманию того, что роль бизнеса должна стать иной. В кризисные годы в стране был период «посреднического» бизнеса. На данный момент стремительно развивается сфера услуг. Но нам пора уже перерастать все это. Нам нужен бизнес, направленный на производство высокотехнологичных товаров и услуг. Научное производство должно стать доминантой последующего развития экономики.

КАЗАХСТАН ЗАВТРА: ПРОРЫВЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как Республика Казахстан обрела независимость и встала на путь самостоятельного политического и экономического развития. Конечно, по историческим меркам пятнадцать лет – это незначительный отрезок времени. Вместе с тем, за этот период на долю Казахстана, как, впрочем, и всех других постсоветских республик, выпали серьезные экономические и социальные испытания.

Говорить о положительных результатах всегда приятно. Но на тот момент, в самом начале нашего пути, ни у кого не было готовой теории и тем более полной стратегии перехода от плановой экономики к рыночной. Не было и примеров эффективной практики трансформации посттоталитарных обществ – особенно тех, что преодолевали имперский коммунизм, в котором прожили несколько поколений советских людей. У нас не было знаний и подготовленных кадров. Мы опирались на приглашенных иностранных советников и на огромный накопленный опыт наших управленцев. Но все

же было ясно, что в кадровой политике надо делать упор на молодых профессионалов – экономистов, финансистов и специалистов права, не отягощенных старым опытом и, главное, старым образом мышления. Все эти годы я лично занимался поиском, воспитанием и возвращением нескольких поколений новых управленцев, среди которых были как удачные, так и неудачные примеры.

Казахстан первым на постсоветском пространстве выбрал путь стратегического планирования, признанный в мировой практике как инструмент государственного управления и регулирования, наряду с созданием институтов рыночной экономики. Данные документы не только определили основные приоритеты и этапы развития, в смутное время кризисов и неразберихи они очертили наш путь и не позволили сбиться с него, отвлекаясь на решение сиюминутных, пусть и острых вопросов.

Когда появляется свободное время, я часто перечитываю каждый из трех стратегических документов, о которых мы говорили в этой главе. Каждый из них является зеркалом тех событий, которые происходили в нашем обществе. Они вместили в себя концентрированный дух своего времени – можно открыть любой из них, и сразу станет ясно, что происходило тогда в Казахстане, какие были проблемы. «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» и «Меморандум Президента» отражают всю остроту и суть происходившего кризиса в стране в тот период. А «Стратегия развития Казахстана до 2030 года» уже стала излучением оптимизма и уверенности в успехе Казахстана. Она помогла народу поверить в себя, взять судьбу в свои руки и не ждать подачек от государства.

В то время слово «стратегия» многим резало ухо. Я озвучил «Казахстан-2030» в 1997 году, когда страна только начинала

выходить из собственного системного кризиса, но уже начался финансовый кризис в Юго-Восточной Азии и России. Одновременно с этим мы были отброшены назад рекордно низкими, за всю историю мировой экономики, ценами на нефть. Но для нас это не явилось поводом для отчаяния.

Каждая из упомянутых в этой главе стратегий сыграла огромную роль в строительстве независимого Казахстана и обозначила последовательные качественно новые этапы развития. На первом этапе мы все начинали с «нуля» – осуществляли переход от плановой экономики к ее полной противоположности – рыночной системе. Сейчас, на втором этапе стратегического планирования перед нами стоят уже совсем другие задачи: обеспечение макроэкономической стабилизации, совершенствование законодательной базы, финансовой системы, социальной сферы и производственного сектора страны. Задачами же третьего этапа являются переход от агроиндустриального к индустриальному и постиндустриальному государству, трансформация из развивающейся страны – в развитую.

«Казахстан является независимым государством всего 15 лет – с тех пор, как распался Советский Союз и рухнул коммунизм. До этого в современной истории он никогда не был независим. Строить демократию, политическую сознательность и свободную рыночную экономику пришлось с нуля. С учетом этого, рост, которого Казахстану удалось добиться в данных областях, является выдающимся и позитивным».

**Мартин Стифф, «United Press
International»,
6 декабря 2005 года**

Конечно же, в самые трудные первые годы проведение рыночных реформ происходило противоречиво и порой «буксовало». Многие разрабатываемые программы стабилизации экономики носили временный и локальный характер. Решение одной задачи, как правило, приводило к возникновению других, не менее трудных для реализации проблем. Но именно эти годы помогли нам не только добиться последующих успехов, они помогли нам состояться как независимому государству.

К достигнутым результатам Казахстан шел поэтапно, выстраивая свою государственную экономическую политику не на принципах «от выборов к выборам», а в соответствии с объективной логикой развития экономики, определяемой так называемыми инвестиционными циклами, продолжительность которых, по экспертным оценкам, составляет не менее 10-15 лет.

Мы живем в очень важное, трудное и вместе с тем замечательное время. Очень часто я ловлю себя на мысли о том, что от каждого из нас, от того, что мы сегодня делаем и что сделаем, зависит то, в какой стране будут жить все последующие поколения казахстанцев. Потому задача государства должна состоять в предоставлении равных возможностей для роста и реализации своим гражданам вне зависимости от пола, возраста, национальной или этнической принадлежности, региона, в котором они проживают, и любых других различий.

Вместе с тем нужно четко понимать, что развитие и иждивенческие настроения, порождаемые высокими социальными расходами, не совместимы. По сей день существуют мнения, что необходимо увеличить финансирование всех социальных программ в десятки раз за счет имеющихся нефтяных доходов. Помните, наличие значительных поступлений от продажи

нефти не всегда является благом для государства. Достаточно вспомнить печальный опыт таких стран как Венесуэла, Нигерия и Саудовская Аравия.

Мы не должны повторить этих ошибок. Мы не должны «утопить» конкурентоспособность наших граждан и нашей экономики в нефтедолларах. В стратегии «Казахстан-2030» говорится, что мы должны жить и работать так, как будто у нас нет нефти. В этой мысли заложен глубокий смысл.

Наша стратегия должна основываться на принципах разумного потребления и расходования имеющихся средств, когда государство, подобно обычной семье, имеет резерв «на черный день». Только часть средств, поступающих от продажи нефти, будет направлена на создание современной социально-инженерной инфраструктуры внутри страны – в такие сферы, как здравоохранение, образование, питьевая вода и строительство дорог. Это сферы, где существуют так называемые «провалы рынка» и где действительно необходимо вмешательство государства. Например, здоровье нации и ее образовательный уровень – эти вещи ни при каких условиях нельзя пускать на самотек.

Ни одна страна мира не ставила перед собой такие амбициозные цели в такие кратчайшие сроки. Но я верю, что однажды именно это и назовут нашим путем.

В первые годы независимости Казахстан был как путник, идущий по горному перевалу, вопреки ветру и дождю, вопреки своей усталости и страху, идущий вопреки всему происходящему вокруг.

Первые шаги – самые сложные. Приступая к построению нашего нового государства, мы понимали, что прежде всего нам нужен надежный фундамент, основа основ нашего дома – нам была нужна новая Конституция.

Мы пришли к действующей Конституции 1995 года не сразу. Ей предшествовали и первая Конституция 1993 года, и подписание более 140 указов Президента, имеющих силу закона, и несколько лет упорной борьбы с людьми, не понимавшими необходимости перемен и не принимавшими их. О том, как это происходило, я расскажу в следующей главе.

КОНСТИТУЦИЯ 1995 ГОДА

В XVIII веке французский правовед и автор учения о разделении властей Шарль де Монтескье говорил, что «принцип демократии разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители».

В последние годы существования СССР депутаты всех уровней в республиках взяли на себя функцию критики административно-командной системы. Средства массовой информации в прямом эфире освещали дебаты, происходящие в Верховных Советах и на Съездах народных депутатов, придавали им характер столкновения ветвей власти. Парадоксально, что Советы, являвшиеся краеугольным камнем Советской власти, стали впоследствии ареной публичного низложения этой самой власти.

СМИ вместо основного своего предназначения – доводить до человека объективную информацию, говорить о ростках нового и сохранять общечеловеческие ценности – разжигали страсти.

После десятилетий цензуры и запретов общество бросило в другую крайность, где принципы свободы слова и гласности были изменены до неузнаваемости. Гласность прекрасна, если дают проверенную информацию. Ложная информация – это не свобода, а посягательства на свободу слова. Это давно поняли в развитых обществах, где за клевету спрашивают по всей строгости закона. В этих сложнейших условиях политики всех мастей, спекулируя на чувствах людей, рвались к власти, расшатывая устои государственности и создавая угрозу целостности государства.

Что же конкретно мы получили в результате? Затяжной многосторонний политический конфликт, куда были втянуты различные политические группировки как Центра, так и союзных республик. Политическое противостояние начала де-

вяных совпало с жесточайшим экономическим кризисом. В стране останавливались предприятия, увеличивалась безработица, образовался тотальный дефицит товаров первой необходимости, тогда как союзный бюджет, что называется, «трещал по швам».

Такова была реальность, при которой мы в 1991 году провозгласили независимость страны.

Казахстан стал последней из уже бывших Советских республик, официально объявившей о своей независимости 16 декабря 1991 года. Многие «доброжелатели» тогда говорили, что Казахстан получил свою независимость неожиданно, подобно своеобразному подарку судьбы. Некоторые из них даже считали, что век независимого Казахстана будет недолог.

Но именно после приобретения независимости в 1991 году, как это ни парадоксально, начался самый сложный и ответственный этап нашей борьбы за независимость. Гораздо сложнее быть действительно независимыми в политическом и экономическом аспектах, чем просто отвоевать чье-то признание этой независимости. Борьба продолжается – только сегодня это скорее планомерный процесс строительства независимого государства. Фундаментом этого строительства является Конституция, о которой и пойдет речь в этой главе.

После обретения независимости нам нужен был такой Основной Закон, который бы шел «нога в ногу» с новыми реалиями и перспективами и сосредотачивал на своих страницах опыт предыдущих поколений и уверенность на лучшее будущее. Конституция независимого Казахстана должна была закрепить основные принципы, по которым мы собирались строить открытое и демократическое общество.

Стоящие перед нами задачи начального этапа конституционного строительства были чрезвычайно сложны, многообразны и ответственны. Во-первых, нужно было всемерно

укреплять вновь созданную государственность, всю систему государственной власти и управления. Во-вторых, решать неотложные проблемы кардинального реформирования экономики, вывода ее из глубочайшего кризиса. В-третьих, выстраивать внешнюю политику. В-четвертых, обеспечивать внутривнутриполитическую стабильность. И, наконец, нужно было решать совокупность задач, связанных с утверждением общепринятых в цивилизованном мире прав и свобод граждан, с развитием демократических институтов.

Сегодня наша страна живет по Конституции 1995 года. С ее принятием Казахстан окончательно утвердился в выборе пути своего дальнейшего развития. Этот Основной Закон, принятый на всенародном референдуме, стал, по сути, общественным договором, в соответствии с которым власть взяла на себя обязательства по утверждению Казахстана демократическим, светским, правовым и социальным государством, а граждане принимали ответственность за соблюдение Конституции и законов страны. Такие взаимные обязательства создают прочную основу для дальнейшего успешного развития общества и государства и позволяют нам уверенно смотреть в будущее.

Принятию Конституции предшествовала долгая, напряженная работа. Анализировались многочисленные конституции, особенно внимательно – принятые во второй половине XX века. Для нас было важно понять главное: как в странах, находящихся на различных ступенях развития, имеющих многообразные социокультурные, национальные и иные особенности и различные правовые системы, конституции решали главную задачу – способствовали укреплению стабильности, повышению благосостояния народа и развитию демократии. Широка была и география поиска: Европа, Азия, Северная и Латинская Америка. Я лично законспектировал и проанализировал двадцать Конституций мира.

В итоге, на момент принятия решения о необходимости новой Конституции мы уже имели собственный пятилетний опыт, научивший нас определять приоритеты, цели и средства их достижения.

Принятию Конституции предшествовали несколько лет упорной работы по преодолению стереотипов, десятилетиями складывавшихся в умах людей, решению множества объективных и субъективных проблем, возникающих в ходе кардинального реформирования государства и общества. Да, иногда наши решения носили половинчатый, компромиссный характер. Допускались и ошибки, что неизбежно в любом новом деле. Все это находило отражение в деятельности государственных институтов и в законодательстве того времени, носившем ярко выраженный переходный характер.

Но, вспоминая сейчас те непростые годы, я уверен в том, что сделал все для того, чтобы нам удалось избежать серьезных социальных катаклизмов, сохранить страну и построить современное государство, ставшее полноправным членом мирового сообщества.

Конституция 1995 года не появилась на пустом месте. Она вобрала в себя весь предшествовавший опыт конституционно-го строительства в суверенном Казахстане, а также наиболее прогрессивный и в то же время наиболее подходящий к нашим условиям зарубежный опыт. Поэтому тому, кто хочет до конца понять дух и значение Основного Закона нашей страны, нужно знать историю его создания.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ КАЗАХСКОЙ ССР, 25 ОКТЯБРЯ 1990 ГОДА

Начало формирования собственного конституционного законодательства в Казахстане совпало по времени с распадом Советского Союза. Первым шагом к суверенному государству

стало принятие 25 октября 1990 года Верховным Советом Казахской ССР Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики.

В ней нашли отражение некоторые из тех основополагающих положений, которые позднее получили свое развитие в двух последующих конституциях суверенного Казахстана – намерение построить гуманное, демократическое и правовое государство, определение народа как единственного источника государственной власти, провозглашение неделимости и неприкосновенности территории нашей страны и т. д.

Конечно, Декларация о государственном суверенитете была больше политическим, чем юридическим документом. Ее положения, строго говоря, не являлись правовыми нормами, то есть не имели никакой юридической силы. Для законодательного закрепления суверенитета требовалось принятие соответствующего конституционного акта.

Таким актом стал Конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан», принятый 16 декабря 1991 года. Именно этот день отмечается сегодня как День независимости Казахстана.

Здесь я позволю себе небольшое отступление. Я считаю, что День независимости должен быть не только официально утвержденной праздничной датой. Этот день наполнен гораздо большим смыслом. Он стал точкой и в то же время новым началом в нашей борьбе за свою независимость. Сегодня каждый казахстанец может праздновать этот день и как день своей личной независимости и успеха.

Закон «О государственной независимости Республики Казахстан» провозгласил и юридически закрепил государственную независимость Республики Казахстан как суверенного государства, обладающего целостной, неделимой и неприкосновенной территорией, строящего свои отношения со всеми государствами на принципах международного права. Право

выступать от имени народа республики предоставлялось не только Верховному Совету, но и Президенту Казахстана, являющемуся главой государства.

Кроме того, законом предусматривалось наличие у Казахстана самостоятельной экономической системы. Данная система основывалась на многообразии и равенстве всех форм собственности, возможности создания своей финансово-кредитной и денежной систем, формировании собственного золотого запаса, алмазного и валютного фондов. Было заявлено о создании собственных Вооруженных сил.

В законе провозглашалось, что вместе с Декларацией о государственном суверенитете он служит основой для разработки новой Конституции республики. При этом было установлено, что положения Конституции и других законов Республики Казахстан действуют, поскольку они не противоречат данному закону.

Таким образом, этому первому законодательному акту суверенного Казахстана была придана юридическая сила больше, чем у действовавшей в то время Конституции Казахской ССР 1978 года. Это был необходимый шаг, поскольку Конституция Советской Социалистической Республики в составе союзного государства, сколько бы ее ни «латали», никак не могла обеспечить потребностей быстро меняющейся страны, осуществляющей переход к новой общественно-экономической формации и вступающей в совершенно новые общественные отношения, в том числе и международные. Новое суверенное, демократическое и правовое государство строилось на совершенно иных принципах и нуждалось в других конституционных основах. Такие основы и были заложены в Конституционном законе «О государственной независимости Республики Казахстан». Но для окончательного оформления самостоятельной государственности требовалось принятие новой Конституции.

«КРАСНЫЙ» ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ

Работа над проектом первой Конституции суверенного Казахстана началась практически сразу же после принятия Декларации о государственном суверенитете. Постановлением Верховного Совета Казахской ССР от 15 декабря 1990 года была образована Конституционная комиссия Казахской ССР, которую первоначально возглавил Ерик Асанбаев, работавший тогда в должности председателя Верховного Совета республики.

В состав Конституционной комиссии вошло все руководство Верховного Совета, премьер-министр, министр юстиции, генеральный прокурор, председатель Верховного суда, видные ученые-правоведы, известные юристы-практики, один из секретарей ЦК Компартии Казахстана, первый секретарь ЦК ЛКСМ и другие специалисты – всего 35 человек. Комиссия получилась очень представительная, как это было принято во времена Союза. К сожалению, эффективно работать она не могла в силу ряда объективных причин – это и большое количество участников и, соответственно, мнений, согласование которых отнимало практически большую часть времени работы Комиссии, и постоянно изменяющаяся политическая ситуация в стране.

Например, только в течение года после образования Конституционной комиссии в действующую Конституцию Казахской ССР изменения и дополнения вносились 7 раз (20 ноября 1990 года, 15 февраля, 20 июня, 25 июня, 25 августа, 10 декабря, 24 декабря 1991 года), не говоря уже об остальном законодательстве. Таким образом, у членов Конституционной комиссии не было даже стабильной основы, от которой можно было бы оттолкнуться. Неясны были и пути дальнейшего развития страны.

После бурных событий 1991 года, закончившихся распадом Советского Союза, переименованием Казахской ССР в Республику Казахстан и принятием Конституционного закона «О государственной независимости Республики Казахстан», наконец-то появилась какая-то определенность. Стало понятно, что с тоталитарным прошлым навсегда покончено, что на повестке дня стоит вопрос построения суверенного демократического государства. Вся дальнейшая судьба Казахстана теперь находилась в наших собственных руках. Настало время всерьез заняться разработкой новой Конституции страны. Для меня, как Президента Казахстана, это стало одной из первостепенных задач.

Постановлением Верховного Совета от 15 декабря 1991 года я был утвержден председателем Конституционной комиссии, а моим заместителем по Комиссии стал новый председатель Верховного Совета С. Абдильдин (ранее занимавший эту должность Е. Асанбаев был к тому времени избран вице-президентом республики). Воспользовавшись предоставленными Конституционной комиссии полномочиями, я создал небольшую по численности рабочую группу во главе с известным ученым-правоведом Гайратом Сапаргалиевым. В нее также вошли Ю. Ким, А. Каженов и тогда еще молодые, но уже подающие надежды юристы Б. Мухамеджанов, К. Колпаков, Ю. Мальцев, Т. Донаков. Чуть позднее к рабочей группе присоединился Н. Шайкенов, ставший к тому времени моим советником по правовым вопросам. Общее руководство рабочей группой было возложено на Зинаиду Федотову, работавшую тогда заместителем председателя Верховного Совета.

Перед рабочей группой была поставлена конкретная задача: подготовить основы проекта Конституции Республики Казахстан, которые затем можно было бы вынести на обсуждение Конституционной комиссии.

Вскоре первый вариант проекта Конституции был готов, и началось его обсуждение на заседаниях Конституционной комиссии, которые проходили довольно напряженно. В составе Конституционной комиссии были все члены Президиума Верховного Совета, все председатели его комитетов. Большинство из них видело своей главной задачей сохранение в новой Конституции властной вертикали советов во главе с Верховным Советом. Они не были готовы к откровенному диалогу и обсуждению альтернативных предложений. Стало ясно, что дальнейшее движение вперед осложнится.

Действовавшая в то время Конституция Казахской ССР предусматривала принятие новой Конституции исключительно парламентским путем. Поэтому Верховный Совет сохранял значительную часть своих решающих властных полномочий, тогда как президентская власть в тот период была все еще на стадии становления. В этих условиях приходилось идти на компромиссы во имя недопущения раскола в обществе и государстве, сохранения мира и стабильности в еще нарождающемся государстве и полиэтничном обществе. В конечном итоге необходимость сохранения внутривластной стабильности взяла верх над задачей принципиального и бесповоротного решения ключевых для страны проблем.

Следует сказать, что в достижении компромисса сыграл свою роль и внешнеполитический фактор – на тот момент все были свидетелями, как в отдельных странах СНГ разногласия в вопросах конституционного строительства и затягивание с принятием новых конституций выливались в конечном итоге в конфликты. Неопределенность с новой конституционной моделью Казахстана препятствовала началу системных социально-экономических и политико-правовых реформ, приводила к ненужному напряжению между ветвями власти, когда на конституционном уровне четко не была разграничена их компетенция. Все участники конституционного строительства понимали необходимость достижения компромисса.

Конституцию надо было как можно скорее принимать, несмотря на все разногласия. Ведь страна, уже второй год обладающая статусом независимого государства, до сих пор жила по старой, полностью изжившей себя Конституции советского периода.

Прекрасно осознавая все эти обстоятельства и имея дело с избранным в советское время, консервативно настроенным большинством в Верховном Совете, мне пришлось пойти на компромисс, обеспечивший принятие нового документа. Результатом вынужденных уступок по многим вопросам стало то, что первая Конституция не сумела ответить на насущные вопросы общественного и государственного развития.

Попытки отстоять идею двухпалатного Парламента, равноправного развития всех форм собственности, и прежде всего частной, заложить в Основной Закон элементарные правила демократического, правового государства – право роспуска Парламента и импичмента Президента – не увенчались успехом. Категорически против этих предложений выступало большинство Президиума и руководства Верховного Совета.

Консервативную позицию занимали и некоторые корифеи казахстанской юриспруденции. Например, на одном из заседаний Конституционной комиссии член-корреспондент Академии наук С. Сартаев утверждал, что учреждение двухпалатного парламента положит конец национальной государственности казахского народа, и настаивал на сохранении за Верховным Советом права «в любое время изъять из исполнительной власти любой вопрос и решить непосредственно на сессии». Очевидно, что такое предложение противоречило принципу разделения властей, который был провозглашен еще в Декларации о государственном суверенитете. На другом заседании Конституционной комиссии не менее авторитетный юрист С. Зиманов вообще предложил

не принимать новую Конституцию, а ограничиться внесением изменений в старую. Я с большим уважением отношусь к этим людям, известным юристам в нашей стране. Кроме того, они постоянно помогали мне, но многие ошибались в то бурное и смутное время.

Очень острые дискуссии разворачивались и по так называемому «национальному» вопросу. Некоторые члены Конституционной комиссии, выставившие себя как защитники интересов только казахского народа, предлагали провозгласить курс на построение казахского государства без учета интересов и прав других граждан разных национальностей. Напомню, что в то время казахи в стране насчитывали менее 50% населения. Соответственно предлагалось установить, что президент и председатель Верховного Совета должны быть обязательно казахами, то есть с учетом только национальной принадлежности. Такого рода предложения создавали серьезную угрозу единству казахстанцев. Мне приходилось давать таким псевдопатриотам жесткий отпор. Я раз за разом напоминал всем присутствующим, что Конституция, которую мы разрабатываем, должна объединять народ, а не разъединять людей по национальному признаку. Чтобы не допустить опасного крена в стороны, затрагивающие интересы наций и народов республики, нам порой приходилось отстаивать практически каждую статью проекта Конституции Казахстана.

Другим острым вопросом был вопрос о статусе языков в Республике Казахстан. С одной стороны, необходимо было принять меры по возрождению и развитию государственного – казахского языка, который на протяжении уже длительного времени находился в критическом состоянии. С другой – ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы развитие казахского языка происходило за счет ущемления русского и языков других народов Казахстана.

Само по себе признание казахского языка государственным никого не ущемило. Это было логичное и закономерное решение. Негативную роль могло сыграть другое – скоропалительное решение по поводу введения делопроизводства на казахском языке, отданное на произвол закоренелым бюрократам, особенно на местах. Это спровоцировало кое-где даже разговоры о необходимости отмены уже принятого закона о языках.

Этот очень злободневный в то время вопрос подробно обсуждался не только на заседаниях Конституционной комиссии, но и на многих других совещаниях. Выступая на Республиканском совещании глав администраций и председателей местных советов, состоявшемся 11-12 ноября 1992 года, я обратил внимание всех участников совещания на следующее:

«Языковая проблема ни в коем случае не должна быть объектом дешевого популизма, демагогических спекуляций. Неужели кто-то думает, что, отменив Закон, мы сможем надеяться на спокойствие в Казахстане? Неужели непредвзятому человеку не понятно, что положение казахского языка близко к критическому и речь идет о спасении этого языка? Язык многих поколений наших предков не должен умереть. Разве кто-то хочет стать немым по собственной воле? Наша языковая политика должна и в законах, и в реальной жизни обеспечивать возможность для развития казахского и русского языков и языков национальных меньшинств».

Из выступления на Республиканском совещании глав администраций и председателей местных советов, 11-12 ноября 1992 года

В конце концов большинство депутатов поддержало такую редакцию конституционной нормы: «В Республике Казахстан государственным языком является казахский язык. Русский язык является языком межнационального общения. Государство гарантирует сохранение сферы применения языка межнационального общения и других языков, заботится об их свободном развитии. Запрещается ограничение прав и свобод граждан по признаку невладения государственным языком или языком межнационального общения».

В целом такие формулировки отвечали насущным потребностям многонационального народа Казахстана, хотя статус русского языка как языка межнационального общения оставался юридически недостаточно определенным. Позднее, в Конституции 1995 года, этот вопрос был решен несколько иначе.

Особое опасение у депутатов вызывало и право роспуска Парламента. Это понятно – воспользовавшись смутным временем и всевластием, они определили себе множество льгот, могли запросто «нажать» на любого министра, обладали беспрецедентными гарантиями своей неприкосновенности не только на период депутатских полномочий, но и на два года после их окончания. В общем, создали себе идеальный климат для индивидуального творчества в сфере «личного бизнеса». Лишь единицы думали о своих избирателях.

В условиях, когда законодательный орган, каким был Верховный Совет, был непостоянно действующим, депутаты совмещали свои полномочия с руководящими должностями на местах. Заседания Верховного Совета проводились всего несколько раз в год, тогда как становление независимого государства требовало принятия сотен новых законов, что, в свою очередь, предполагало серьезную законотворческую работу. Вместо этого депутаты, представлявшие региональную партийную номенклатуру, докладывали о проблемах

с мест, которых действительно было немало. Эти представители народа не смогли подняться до осознания общегосударственных интересов, понять, что время «местнических интересов» уже закончилось. В результате сессии превращались в подобие перетягивания каната – каждый стремился урвать побольше денег из государственного бюджета для своего региона. Так что о том, чтобы служить государству и всему народу в целом, речи быть не могло.

Большинство депутатов просто не поняли того, что в новых условиях в период становления государственности и перехода к новой экономической формации Парламент должен выполнять уже иную роль. Многие депутаты по-прежнему считали себя носителями императивного мандата, что было старой советской традицией, когда депутат использовался регионами, как средство выколачивания дополнительного финансирования для местных нужд.

Попытка взять на себя функции распределения, перекладывание ответственности за ход реформ на плечи исполнительной власти – такова была общая тенденция. К сожалению, эта тенденция сохранилась и в других независимых государствах, где большинство депутатов первых постсоветских парламентов так и не поняло, что их главная задача заключается не в распределении, а в создании законодательных условий для развития цивилизованной законодательной базы и новых экономических отношений.

Между тем специфика ситуации заключалась в том, что парламенты работали при отсутствии какой-либо развитой рыночной экономики и гражданского общества, когда еще не была разработана современная система представительства и защиты экономических и политических интересов, да и сами эти интересы и их носители еще четко не были сформированы.

В этих условиях парламенты превратились в клубы потребителей, борющихся за перераспределение доходов в свою пользу. Они принимали популистские решения о повышении заработной платы, необеспеченные финансированием социальные программы, тогда как органы исполнительной власти несли ответственность за их выполнение в условиях жесткого дефицита бюджета и глубочайшего кризиса.

В результате исполнительная власть попадала под огонь критики прессы, депутатов, общества. Даже те депутаты, которые выступали от имени регионов, действительно находящихся в тяжелейшем положении, сами того не понимая, действовали в ущерб этим самым регионам. Принятые на популистской волне экономические решения стали разлагать всю систему хозяйствования, государственного регулирования экономики и, в конечном итоге, вели к еще большему ухудшению экономической ситуации.

Законы переходного периода «первой волны» (1990–1994 годов) при всей их значимости имели много популистских норм, неподкрепленных финансовыми возможностями государства и поэтому нереализуемых на практике. Верховный Совет работал по принципу: «Мы издаем законы и раздаем деньги, а Правительство пусть выполняет их, как хочет».

Именно тогда были приняты законы о выходе на пенсию доярок и трактористов в 45 лет и финансово необеспеченные законы о выплате компенсаций жителям экологически неблагоприятных районов. Подобные законы, принятые в то время, когда экономика не работала и казна была пуста, стали причиной образования многолетней задолженности по социальным выплатам. Позже действие соответствующих статей законов было приостановлено.

Результатом стало лишь раздражение и разочарование людей, которые почувствовали себя обманутыми. Более того, именно меры по реализации подобных законов стали при-

чиной гиперинфляции в первые годы независимости, едва не приведшей к полному краху нашей экономики, и без того находившейся в кризисе.

К тому же, многие законы того времени не содержали механизмы регулирования правоотношений, возникающих в ходе строительства рыночной экономики и демократического общества.

Иногда я горько шутил, что весь рабочий день провожу в Верховном Совете и только ночью приезжаю к себе на работу, чтобы заниматься более важными текущими делами страны, которые требовали безотлагательных решений.

Парламентарии, продолжая по инерции отстаивать прежние идеологические подходы и стереотипы, блокировали все наши действия по реформированию государства и общества. Тем самым консервировалась устаревшая структура экономики, а все инициативы по формированию новых общественных отношений были приостановлены. Многим из нас было ясно, что создание новой системы представительных органов, соответствующей требованиям демократического правового государства, было неизбежным велением времени.

Забегая вперед, скажу, что в конце концов это поняли и сами депутаты, по инициативе которых в конце 1993 года в Казахстане начался процесс самороспуска советов всех уровней. Нужно признать, что до своего самороспуска Верховный Совет Республики Казахстан успел выполнить свою историческую миссию, приняв первую Конституцию суверенного Казахстана.

Подготовленный Конституционной комиссией проект Конституции был принят Верховным Советом в первом чтении 2 июня 1992 года после многодневного публичного (с телевизионной трансляцией на всю страну) обсуждения депутатами Верховного Совета. Через неделю проект был опубликован в республиканских и областных газетах для всенародного

обсуждения, которое продолжалось до декабря 1992 года. Наконец, 28 января 1993 года Верховный Совет Республики Казахстан поименным голосованием почти единогласно (воздержался – 1, против – 2) принял первую Конституцию Республики Казахстан. Когда на электронном табло в зале заседания Верховного Совета появились результаты голосования, зал взорвался аплодисментами. В зале слышались восторженные возгласы: «Да здравствует Казахстан!», «Да здравствует Конституция!». На глазах некоторых депутатов я заметил слезы радости.

Это было действительно историческое событие в жизни казахстанского народа, вставшего на путь самостоятельного развития. Принятая в условиях 1993 года Конституция явилась компромиссом между той частью общества, которая противилась проведению социально-экономических и политических реформ, и другой ее частью, понимавшей необходимость и неизбежность трансформации Казахской ССР в демократическое цивилизованное государство. Она позволила предпринять первые, такие необходимые тогда шаги на пути реформирования.

Но вскоре после вступления в силу первой казахстанской Конституции стали очевидны ее недостатки, прежде всего, оторванность от реальных социально-экономических и политических процессов.

Отсутствие в Основном Законе механизмов преодоления разногласий, возникающих между различными государственными институтами, явилось одной из причин объективного нарастания противоречий между исполнительными и законодательными органами. Другими словами, Конституция образца 1993 года стала правовым препятствием на пути совершенствования государственного устройства, дальнейшего развития социально-экономических и политических реформ. Постоянно шел спор по принципу: кто главней?

Будучи «компромиссом истории», Основной Закон не оправдал всех общественных ожиданий. Прежде всего из-за того, что в нем не были определены наши цели и приоритеты в общественном развитии.

Кроме того, вызывал нарекания и способ принятия Основного Закона страны. Получилось так, что не народ принял Конституцию, а сформированный по советским законам Верховный Совет и чиновничество даровали ее себе и заодно народу. Достаточно сказать, что, несмотря на положения Конституции о Президенте как представителе республики внутри страны и в международных отношениях, Верховный Совет, принявший Основной Закон и, соответственно, закрепивший президентскую форму правления, оставил право выступать от имени всего народа Казахстана только за собой. В этом проявилось стремление все еще «советского» по своей природе Верховного Совета сохранить за собой гегемонию на власть. Хотя, как говорил английский просветитель Томас Пейн, «Конституция есть вещь, предшествующая государству, а государство – это всего лишь детище Конституции».

Ежедневно сталкиваясь с подобными многочисленными «белыми пятнами» в законодательстве, мы понимали, что Конституция образца 1993 года не годится в качестве правовой основы для строительства суверенного Казахстана.

Но время шло, и уже не было возможности сохранять статус-кво. Вопрос о всевластии Советов, мешающем Президенту и Правительству проводить реформы, особенно экономического характера, надо было решать безотлагательно. Я даже был готов вынести этот вопрос на референдум и говорил об этом открыто. Говорил постоянно, что Верховный Совет стал тормозом хода реформ, и разъяснял свою позицию. На этой основе обострились мои отношения с Председателем Верховного Совета С. Абдильдиным, который взял курс на то, чтобы установить свое верховенство в решении

всех вопросов. Не буду говорить о его взглядах. Они теперь ясны всем, и он возглавляет Компартию.

А тогда мы оказались в своеобразном тупике: ни Правительство, ни Верховный Совет не могли найти выхода из взаимного противостояния. Мне приходилось неоднократно и прямо говорить народу о пагубности действий отдельных депутатов.

Именно в этот момент, 16 ноября 1993 года, Алатауский райсовет народных депутатов города Алматы принял беспрецедентное в государственной общественно-политической жизни решение о самороспуске, чтобы дать возможность избрать депутатов по новым законам. Тогда было опубликовано обращение к народным депутатам республики и местных советов:

«Советы во многом остаются синонимом прежнего режима и старой идеологии. Тесные рамки безнадежно устаревающих законов, регулирующих работу представительной системы, снижение интереса самого депутатского корпуса к своей работе усилили оторванность Советов от реальной жизни. Все яснее становится их неспособность реализовать волю избирателей. И это не вина депутатского корпуса. Причина в ином – в принципиальной ущербности модели полновластия Советов, в ее полной неадекватности реалиям сегодняшнего дня».

**Из обращения народных депутатов
Алатауского райсовета города Алматы
к народным депутатам республики
и местных советов, 16 ноября 1993 года**

17 ноября депутаты Ленинского и Октябрьского районных советов столицы также решили досрочно прекратить свои полномочия, затем – Ауэзовского и Фрунзенского. И так – по всей республике.

Затем ко мне обратилась группа депутатов Верховного Совета с коллективным заявлением принять отставку и освободить их от депутатских полномочий. Конституция не позволяла мне этого сделать, поэтому я предложил им поставить вопрос на предстоящей сессии Верховного Совета. Скажу прямо, я благодарен депутатам, проявившим ответственность в этот важнейший для страны период.

Здравый смысл восторжествовал, и инициаторами досрочного прекращения полномочий Верховного Совета стали рядовые депутаты. Более 200 депутатов из 360 подали заявление об отставке. Обвальное крушение советской системы привело к тому, что Верховный Совет принял решение о самороспуске.

Самороспуск Верховного Совета стал одним из самых драматичных событий в истории независимого Казахстана. Историки еще долго будут обсуждать причины, побудившие депутатов принять столь судьбоносное для страны решение. На мой взгляд, роспуск Верховного Совета был неизбежен. Проведение широкомасштабных экономических реформ требовало разрешить противоречие, заложенное системой Советов. Это противоречие заключалось в том, что многие депутаты являлись как представителями законодательной, так и исполнительной ветвей власти. В такой ситуации депутаты могли одновременно блокировать работу по вертикали исполнительной власти на местах и использовать Верховный Совет как инструмент сдерживания реформ в центре.

Как сказал французский философ XVI века Мишель Монтень: «Лучшее государственное устройство для любого народа – это то, которое сохранило его как целое». Казахстану удалось разрешить противостояние исполнительной и законодательной властей, мирно и без насилия избежать потрясений. Мы плавно и поэтапно сумели перейти к эф-

фективной и демократической системе правления, которая способствует укреплению стабильности и бурному экономическому росту. Меньше в этом деле повезло некоторым другим странам СНГ.

В 1992 году в Таджикистане такое противостояние было посеяно на «благоприятной» почве региональных противоречий. Противостояние, начавшееся с многодневных митингов на двух разных площадях Душанбе, привело к братоубийственной войне. Эта война длилась больше пяти лет и унесла около ста тысяч человеческих жизней.

Не менее кровопролитные, чем в Таджикистане, были конфликты в Грузии и Азербайджане, где на волне популизма и не без помощи Верховных Советов к власти пришли демагоги-диссиденты Гамсахурдиа и Эльчибей. Несмотря на недолгий век правления, результаты их дилетантской, а порой и разрушительной для своих стран внутренней и внешней политики все еще ощущаются как в Грузии, так и в Азербайджане. Даже спустя десятилетие эти страны только выходят из жесточайшего экономического кризиса и все еще не могут восстановить свою территориальную целостность.

Наиболее драматичными и глобальными по своей значимости стали события октября 1993 года в России. Тогда все телеканалы мира транслировали, как танки Кантемировской дивизии, лояльные президенту Ельцину, расстреливали почерневшее от дыма здание Верховного Совета Российской Федерации. Непредсказуемость ситуации в России начала девяностых наложила серьезный отпечаток на политический ландшафт Казахстана. Внимательно следя за событиями в Москве и анализируя противостояние исполнительной и законодательной властей, которое привело Россию к полному хаосу и беззаконию, я окончательно удостоверился,

что Казахстан сумеет провести активную либерализацию экономики только при наличии сильной централизованной президентской власти.

В тот момент одновременно с интенсивной работой на законодательном уровне требовалось повсеместно «тушить пожары». Помню, как наступал отопительный сезон 1993–1994 годов, и многие города и поселки не были готовы к зиме. В тысячах квартир Северного и Центрального Казахстана комнатная температура не поднималась выше 10-15 градусов.

В декабре 1993 года мы попали в еще более критическую ситуацию. Несмотря на то что нам удалось на «отлично» провести срочный ввод тенге, ситуация в стране осложнилась высокими темпами инфляции. Обстановка требовала быстрых и ответственных решений. Один день проволочек в принятии срочных юридических актов в экономической сфере мог нанести ущерб, который не возместить и за год. Однако оперативность Кабинета министров была скована Верховным Советом. В очередной раз возникла реальная угроза дестабилизации экономики.

Верховный Совет оказался не в состоянии принимать законы в условиях полной самостоятельности финансово-экономической политики страны. На сессиях Верховного Совета шли очень долгие и бесплодные дискуссии. Длительными были перерывы между сессиями. Мы постоянно ждали решений Парламента, но складывалось впечатление, что он просто блокировал формирование законодательной базы экономической реформы. Одна из причин резкого обвала курса тенге в начале 1994 года кроется именно в этом. Руководители Кабинета министров того периода поддались давлению сильного лобби депутатского корпуса и местных органов, и последовал необдуманный взаимозачет платежей между предприятиями.

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СТАРТ

В марте 1994 года был избран новый состав Верховного Совета, и я возлагал на него большие надежды. Необходимо сказать, что после довольно продолжительной раскочки этот Парламент постепенно выходил на конструктивный путь сотрудничества, и это меня по-человечески радовало. Несомненно, он был профессиональней, чем предыдущий Верховный Совет, но все равно не оправдал наших ожиданий. Депутаты очень быстро забыли, ради чего они были избраны. В период деятельности этого Совета было принято всего лишь 7 законов, тогда как на содержание 177 депутатов было израсходовано более миллиарда тенге бюджетных средств.

Я очень надеялся на профессионализм новых парламентариев и в такой же мере был разочарован. В Парламенте по-прежнему продолжались бурные и бесполезные обсуждения многих актуальных законов. Достаточно вспомнить ситуацию с принятием закона о бюджете на 1994 год. Правительство, внеся проект бюджета в Парламент, обсуждало его с депутатами более трех месяцев того же 1994 года. Только после долгих дебатов и под угрозой отставки Правительства государственный бюджет 1994 года был все-таки принят.

Несмотря на то что в декабре 1994 года Верховный Совет отказался от рейтингового голосования о статусе языков, характере государственности и частной собственности на землю, я продолжал работать с депутатским корпусом. Необходимость создания более четкой и последовательной конструкции власти, решения на конституционном уровне вопросов фундаментального экономического характера и большого общественно-политического значения были очевидны.

В конце декабря 1994 года я пригласил министра юстиции Нагашбая Шайкенова. Я хорошо знал и доверял Шайкенову,

как последовательному приверженцу реформ и высокопрофессиональному юристу. Мы говорили больше двух часов. Я обрисовал основные подходы конституционной реформы и дал примерный проект новой конституции для дальнейшей работы над документом. Естественно, проект готовился в условиях строгой секретности.

Первоначально планировалось вынести проект новой Конституции на рассмотрение вновь избранного Верховного Совета уже 13-го созыва, который к тому времени был готов к проведению конституционной реформы. Об этом свидетельствовали и позитивные шаги Парламента при обсуждении экономических проблем, и контакты с рядом влиятельных депутатских фракций. Я хорошо помню тот период. Я был уверен в том, что компромисс будет найден, и конституционную реформу удастся провести.

Но случилось непредвиденное.

В истории не раз бывало так, что небольшое событие влекло за собой цепь лавинообразно нарастающих явлений, приводящих к непредвиденным последствиям. Таким событием для всего Казахстана стало постановление Конституционного суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 года.

Теперь уже всем известная Татьяна Квятковская, а в то время рядовая журналистка, предъявила на страницах газеты «Казахстанская правда» претензии Центризбиркому по поводу нарушения Кодекса о выборах в Абылайхановском избирательном округе.

Разбирательство длилось очень долго. Наконец, Конституционный суд принял решение. В постановлении Конституционного суда Республики Казахстан говорилось, что «введенная Центризбиркомом методика подсчета голосов не только повлекла массовое нарушение конституционного принципа «один избиратель – один голос», но также могла исказить итоги выборов и, по существу, изменила избирательную систему, установленную Кодексом о выборах. Тем самым Центральная

избирательная комиссия нарушила статью 60 Конституции, превысив свою компетенцию.

В результате были поставлены под сомнение итоги прошедших выборов и легитимность полномочий всех депутатов Верховного Совета. Учитывая сложность ситуации и стремясь предотвратить надвигающийся кризис, я выступил 8 марта со следующим заявлением:

«Принятое судом решение стало для всех нас полной неожиданностью. Такого в истории государства еще не было. Я был и остаюсь приверженцем стабильности государственной власти.

Ведь от этого во многом зависит судьба проводимых нами реформ. Не последняя роль в этом принадлежит избранному год назад Парламенту страны. С Верховным Советом я связываю большие надежды. Конечно, бывают и споры, иногда эмоции перехлестывают через край. Однако нам удалось с самого начала наладить конструктивный диалог.

Об этом свидетельствует подписанное соглашение об обеспечении согласованного взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти. И вот неожиданное, как снег на голову, решение Конституционного суда. Только здравый смысл, выдержка, строгое следование законам способны вывести нас на единственно правильное решение и не допустить парламентского кризиса.

В то же время следует с уважением относиться к решениям Конституционного суда, чьи бы интересы они ни затрагивали. Только при таком подходе можно говорить о реальном движении Казахстана к правовому государству, о торжестве закона».

**Источник: Архив Президента
Республики Казахстан**

В тот же день я воспользовался предоставленным мне по закону правом и внес возражение на постановление Конституционного суда. На следующий день, 9 марта, соответствующее возражение было внесено председателем Верховного Совета Абишем Кекилбаевым.

Однако, в соответствии со статьей 131 Конституции, которая предусматривает, что «если Конституционный суд большинством не менее чем в две трети голосов от общего числа судей подтвердит ранее принятое постановление, оно вступает в силу с момента его принятия», Конституционный суд преодолел внесенные нами возражения. В частности, решением от 10 марта 1995 года было определено: «Руководствуясь статьей 131 Конституции Республики Казахстан, статьями 14, 25, 26 Закона «О Конституционном судопроизводстве в Республике Казахстан», Конституционный суд определил: «Отклонить возражения Президента и Председателя Верховного Совета Республики Казахстан и подтвердить постановление Конституционного суда от 6 марта 1995 года. Определение обжалованию не подлежит».

Несмотря на это решение, Верховный Совет 11 марта принял Конституционный Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию» и постановление «О приостановлении деятельности Конституционного суда». Но эти документы с точки зрения закона и просто здравого смысла уже не в силах были изменить решение Конституционного суда. В связи с вынесенным решением Конституционного суда я обратился в Конституционный суд с запросом о правовых последствиях этого постановления. В моем запросе было следующее:

«В связи с вступлением в силу постановления Конституционного суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 года, принятого по иску гражданки Квятковской Т. Г., прошу дать

разъяснение по следующим вопросам: означает ли это постановление Конституционного суда неконституционность выборов в Верховный Совет Республики Казахстан, состоявшихся 7 марта 1994 года, а также неконституционность полномочий избранных депутатов Верховного Совета; если полномочия депутатов Верховного Совета Республики Казахстан неконституционны, кто вправе принимать решения законодательного характера; означает ли решение Конституционного суда, что закон Республики Казахстан «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий», принятый 10 декабря 1993 года, продолжает действовать».

**Источник: Архив Президента
Республики Казахстан**

11 марта Конституционный суд в своем дополнительном определении дал разъяснения на поставленные мною вопросы. В соответствии с этим определением был признан факт неконституционности Парламента страны или, иначе говоря, незаконности его деятельности.

Кроме того, вновь вступал в силу Закон от 10 декабря 1993 года «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий», предоставляющий Президенту право принятия решений законодательного характера. Этот закон имел действие до момента принятия новой Конституции. За этот период было издано в общей сложности около 140 указов Президента, имеющих силу закона, по всем основным направлениям жизнедеятельности государства, которые помогли стране ускорить темпы реформ, прежде всего экономических, и четко определить курс развития.

Именно тогда были изданы Указы Президента «О земле», «О недрах и недропользовании», «О нефти», «Об иностранных инвестициях» и другие. Этот блок рыночных по своей идеологии законов позволил существенно ускорить реформирование экономики. В частности, он был направлен на либерализацию экономики, государственную демонополизацию, свободу и поддержку предпринимательства. В результате своевременных и успешных реформ начала формироваться лучшая в СНГ двухуровневая банковская система, пользующаяся большим доверием населения.

Широкая сеть коммерческих банков, открывшихся по всей стране, в свою очередь, сыграла решающую роль в развитии частного предпринимательства. Посредством законодательно закреплённых гарантий были созданы условия для привлечения в страну крупного иностранного капитала. Страна стала привлекательной для реализации крупнейших международных проектов в области использования богатств недр. А это позволило дать работу тысячам наших граждан и привлечь средства в бюджет государства.

Руководствуясь принятыми Конституционным судом решениями, я в тот же день подписал Указ «О мерах, вытекающих из постановления Конституционного суда Республики Казахстан от 6 марта 1995 года». В соответствии с этим указом для оказания помощи депутатам в трудоустройстве, обеспечения сохранности имущества Верховного Совета, решения других вопросов, связанных с прекращением деятельности Верховного Совета, была образована государственная комиссия.

Неконституционность полномочий Парламента означала и неконституционность полномочий правительства, которое было сформировано с участием нелегитимного Верховного Совета. Правительство 11 марта также подало в отставку, которая была мною принята. Одновременно была принята отставка Центральной избирательной комиссии.

В соответствии с Конституцией и Законом «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий» я назначил премьер-министром Республики Казахстан Акежана Кажегельдина и поручил ему в кратчайшие сроки внести предложения по новому составу Правительства.

События тех дней еще раз показали наше стремление к стабильности и неукоснительному следованию правовым принципам разрешения конфликтов. Это не раз подчеркивали и представители международного сообщества.

«Это торжество демократии. Кризиса не было, поскольку все ветви власти выполнили свои функции. Конституционный суд работал достаточно осторожно и взвешенно, чтобы прийти к заключению, что выборы не были легитимными...

Мы уважаем решение вашего Конституционного суда. Весь мир понимает сегодня, что демократия значительно укрепилась в Казахстане. Вы прошли через все это спокойно и очень быстро, поэтому не было кризиса... Это хорошая модель не только для государств СНГ, но и для других стран, считающих себя демократическими, включая США. Казахстан представляет собой уже не школьника, а учителя демократии. Все казахстанцы могут гордиться этим, и США имеют повод гордиться Казахстаном... Последние события... укрепили политический рейтинг вашего руководства, которое продемонстрировало уважение к Конституции».

**Из интервью У. Кортни, посла США
в Республике Казахстан. Архив Президента РК**

Здесь надо сказать о том, что отдельные депутаты пытались воспротивиться решению Конституционного суда. Явно было видно желание повторить российские события октября

1993 года. Наши депутаты тоже захватывали кабинеты, оставались в здании ночью и организовывали пикеты. Но народ никого из них не поддержал, и кризис был благополучно преодолен.

Несмотря на всю критику, я считаю, что оба созыва Верховного Совета, работавшие в постсоветский период, были для всех нас большой школой начавшейся демократизации общества. Это была школа политического компромисса.

РАБОТА НАД ПРОЕКТОМ КОНСТИТУЦИИ

После признания нелегитимным Верховного Совета стало ясно, что медлить с разработкой новой Конституции уже нельзя. В условиях, когда в стране не было ни Парламента, ни Правительства, для меня было важно получить поддержку своих планов непосредственно народом Казахстана. Ассамблея народов Казахстана предложила провести всенародный референдум по продлению полномочий Президента. Положительное решение этого вопроса было равноценно одобрению народом курса на углубление политических и экономических реформ. Дальнейшие события показали, что это было правильным решением.

25 марта 1995 года был издан Указ «О проведении 29 апреля 1995 года республиканского референдума» за № 2152, который, в частности, гласил:

«Исходя из того, что высшим выражением волеизъявления народа как единственного источника государственной власти в Республике Казахстан является всенародное голосование, учитывая обращение Ассамблеи народов Казахстана и руководствуясь статьей 78 Конституции Ре-

спублики Казахстан, статьей 3 Закона Республики Казахстан «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий», постановляю:

1. Провести 29 апреля 1995 года республиканский референдум.

2. Вынести на республиканский референдум следующий вопрос:

«Согласны ли Вы продлить до 1 декабря 2000 года срок полномочий Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева, всенародно избранного 1 декабря 1991 года?»

Источник: Архив Президента Республики Казахстан

Результаты референдума убедительно продемонстрировали, что казахстанцы поддержали курс на дальнейшее преобразование страны. Центральная комиссия референдума по вопросу о продлении полномочий Президента подвела итоги голосования 29 апреля 1995 года. Они были таковы: из 9 110 156 граждан республики, внесенных в списки для участия в референдуме, в голосовании приняли участие 8 309 637 человек, или 91,21%. Из принявших участие в голосовании граждан 7 932 834 высказались за продление полномочий, что составило 95,46% от общего числа голосовавших граждан.

Получив всенародную поддержку, можно было форсировать разработку проекта новой Конституции. Мартовские события еще раз показали необходимость ее срочного принятия. Тогда были найдены правовые основы выхода из сложившейся ситуации. Но каждый раз так продолжаться не могло. Нужны были четкие гарантии недопущения подобных событий.

Весной 1995 года я пригласил Б. Мухамеджанова и К. Колпакова для работы над переданным мной проектом под началом министра юстиции Н. Шайкеновым. Оба они активно работали над проектом Конституции 1993 года, потому им были хорошо известны все недостатки той Конституции и все те компромиссы, на которые нам пришлось пойти под давлением Верховного Совета. Нам предстояло разработать более эффективную Конституцию, на основе которой можно было построить современное, по настоящему демократическое государство.

Позднее, когда проект был готов, для проведения его анализа и экспертизы постановлением Президента от 22 мая 1995 года был создан Экспертно-консультативный совет. В этот Совет вошло 12 человек. Шайкенов привлек в рабочую группу корифеев юриспруденции Юрия Басина, Гайрата Сапаргалиева и Майдана Сулейменова. В состав рабочей группы также вошли:

*Состав Экспертно-консультативного совета
при Президенте Республики Казахстан*

<i>Басин Ю.Г.</i>	<i>профессор Казахского государственного юридического института Министерства юстиции, доктор юридических наук;</i>
<i>Ким В.А.</i>	<i>заведующий кафедрой государственного права КазГНУ, доктор юридических наук;</i>
<i>Колпаков К.А.</i>	<i>личный представитель Президента Республики Казахстан в Верховном Совете Республики Казахстан, кандидат юридических наук;</i>
<i>Котов А.К.</i>	<i>заместитель директора Научно-исследовательского центра частного права Казахского государственного юридического института Министерства юстиции, доктор юридических наук;</i>
<i>Мухамеджанов Б.А.</i>	<i>заведующий Отделом законодательных инициатив и правовой экспертизы Аппарата Президента Республики Казахстан;</i>
<i>Нурпеисов Е.К.</i>	<i>ректор Казахского государственного юридического института Министерства юстиции, кандидат юридических наук;</i>
<i>Сапаргалиев Г.С.</i>	<i>директор Института государства и права, член-корреспондент НАН Республики Казахстан;</i>
<i>Сулейменов М.К.</i>	<i>директор научно-исследовательского центра частного права Казахского государственного юридического института Министерства юстиции, член-корреспондент НАН Республики Казахстан (научный руководитель);</i>
<i>Шайкенов Н.А.</i>	<i>Министр юстиции, доктор юридических наук.</i>

Определить по согласованию иностранных экспертов в следующем составе:

<i>Алексеев С.С.</i>	<i>председатель Научного совета исследовательского центра Российской Федерации;</i>
<i>Жак Аттали</i>	<i>советник Государственного совета Франции;</i>
<i>Роллан Дюма</i>	<i>председатель Конституционного Совета Франции»</i>

Из Постановления «Об Экспертно-консультативном совете при Президенте Республики Казахстан по проекту новой Конституции Республики Казахстан» от 22 мая 1995 года №2292

Я поставил перед рабочей группой задачу: в максимально короткие сроки подготовить согласованный проект, который мог бы стать основой для окончательного варианта Конституции.

Члены рабочей группы, временно освобожденные мною от исполнения своих текущих обязанностей, разместились в санатории «Алатау» и приступили к работе.

Во избежание лоббистского давления на них, я запретил им обсуждать проект с кем бы то ни было. При разработке Конституции 1993 года такого давления избежать не удалось. Тогда каждый, кто принимал участие в ее разработке, пытался сделать будущий Основной Закон удобным для себя, исходя из той должности, которую занимал: депутаты стремились предусмотреть больше полномочий для законодательной власти, правительственные чиновники – для исполнительной власти и т. д. Единицы думали о том, что нужно делать документ не для себя, а для будущего страны.

Прежде чем приступить к подготовке проекта, рабочая группа изучила десятки конституций других государств – как стран СНГ, так и дальнего зарубежья. Главным ориентиром служил не только опыт западных демократий, но и опыт азиатских стран. Это положительно сказалось на качестве новой Конституции, в которой были учтены ошибки, допущенные при разработке ее предшественницы.

В тот же период я ушел в двухнедельный отпуск, во время которого прочитал и, как я уже говорил, лично законспектировал некоторые положения конституций 20 стран. Позже мы связали два проекта.

Если анализировать ныне действующую Конституцию, то может показаться, что она близка к Конституции Французской Республики. Но это только на первый взгляд. Я поставил перед членами рабочей группы задачу не копировать чью-то Конституцию, а на основе анализа опыта других

стран подготовить проект Основного Закона, максимально отвечающего потребностям нашей страны. Поэтому во всех положениях нашей Конституции виден наш, казахстанский почерк, наше собственное «Я», то есть то, что соответствует менталитету казахстанцев, прошлым традициям казахского народа и будущему, на которое мы ориентируемся.

Сроки поджимали, и ждать, пока рабочая группа сама разработает проект и произойдет его дальнейшее обсуждение, – времени не было. Приходилось почти ежедневно приезжать в санаторий, анализировать проделанную членами рабочей группы работу и сразу вносить коррективы.

Каждая норма будущего Основного Закона отработывалась во множестве вариантов и тщательно обсуждалась. В связи с тем, что шла подготовка важнейшего документа, который определял будущее нашей страны, необходимо было учесть все факторы, все точки зрения и выбрать единственно правильную. Я поощрял членов рабочей группы к открытому высказыванию своего мнения, к откровенным спорам, но, естественно, только до принятия решения, после чего нужно было быстро все оформлять и двигаться дальше.

Дискуссии начались сразу же – с первых статей проекта. Я выслушивал все мнения, после чего принималось окончательное решение по каждой статье. Очень часто, когда в ходе вечерних обсуждений нам не удавалось прийти к единому мнению, я оставлял принятие решения до утра, а затем приезжал уже с отработанной редакцией спорной статьи. При этом я старался всегда аргументированно пояснять, почему редакция статьи именно такая, а не иная, приводил в пример конституции зарубежных стран.

Одним из моих предложений была необходимость прямого закрепления основополагающих принципов деятельности республики в первой статье будущей Конституции. Это предложение было плодом моих многолетних раздумий о

том, что в Основном Законе должны быть определены главные приоритеты государственной политики. Работавшие со мною юристы поначалу возражали, полагая, что принципы – это не юридические нормы, и поэтому их не должно быть в Конституции, которая, в отличие от Декларации, является юридическим документом прямого действия.

Тем не менее, после бурной дискуссии, я настоял на включении в проект этих принципов. К ним относятся: общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа, казахстанский патриотизм, решение демократическими методами наиболее важных вопросов государственной жизни, включая голосование на республиканском референдуме или в Парламенте. В Конституции 1993 года такие принципы вообще не устанавливались, что делало политику государства во многом непредсказуемой. Основополагающие принципы – это те ориентиры, которые должны помочь в дальнейшем не сбиться с изначально выбранного пути, какие бы реформы мы ни осуществляли. Они отражают дух Основного Закона, в соответствии с которым нужно понимать и толковать все остальные его положения. Последующая практика подтвердила правильность решения их закрепления в Конституции.

Постепенно стали вырисовываться контуры новой Конституции страны, во многом принципиально отличающейся от предыдущей. В Конституции 1993 года было заявлено, что Казахстан является демократическим государством. Однако было очевидно, что это всего лишь намерение, так как до подлинной демократии тогда было еще очень далеко. Вместе с тем стоял вопрос о том, что Казахстан должен быть не только демократическим, но и правовым, и социально ориентированным государством. Это тоже еще только предстояло достичь.

Поэтому в новой Конституции было решено записать, что «Республика Казахстан утверждает себя демократиче-

ским, светским, правовым и социальным государством». Это означает, что Казахстан идет по пути строительства такого государства.

Чрезвычайно важным было окончательно решить в новой Конституции вопрос о форме правления. В Конституции 1993 года четкого ответа на этот вопрос не было. Эта Конституция провозглашала Казахстан республикой, но не уточняла, какой именно. В то время в Казахстане имелись одновременно признаки как президентской, так и парламентской республики. С одной стороны, президент являлся главой государства. С другой, структура Конституции, в которой глава о Верховном Совете предшествовала главе о президенте, предполагала определенное верховенство высшего представительного органа в государственной иерархии. Это нашло отражение и в некоторых других положениях Конституции: например, в четвертом положении Основ конституционного строя было указано, что право выступать от имени всего народа Казахстана принадлежит только Верховному Совету и президенту (то есть Верховный Совет был указан на первом месте). Верховный Совет также принимал 2/3 голосов от общего числа депутатов отставку президента и вице-президента, хотя они избирались всем народом.

Таким образом, в Казахстане не было четкого конституционного распределения прав и ответственности за решение государственных вопросов.

Парламентская республика, по определению, – это такая форма реализации государственной власти, когда главная роль принадлежит политическим партиям, каждая из которых преследует свои цели. В условиях отсутствия крупных политических объединений, имеющих свою социальную базу, и их незрелости о парламентской республике не могло быть и речи. О неприемлемости этой модели для Казахстана свидетельствовал и опыт стран с развитой демократией. Для

парламентских республик характерны частые политические кризисы, перевыборы законодательных органов и смена правительств. А для молодого государства, строящего свою независимость в условиях жесточайшего экономического кризиса, это неизбежно привело бы к хаосу и стагнации. Тогда как для проведения реформ нет ничего важнее, чем стабильное государство.

Новая Конституция провозгласила Казахстан президентской республикой. Выбор президентской формы правления, как я говорил выше, был не случаен. Именно эта форма правления является оптимальной в условиях Казахстана и создает все наиболее благоприятные предпосылки для успешного реформирования политической и экономической систем общества.

Вместе с тем полномочия Президента Казахстана не безграничны. На него также распространяется система сдержек и противовесов, не позволяющая допускать злоупотребления властью.

Стал предметом длительных дискуссий и сформулированный в статье 3 Конституции принцип единства государственной власти и ее разделения на ветви. В предыдущей Конституции, по примеру некоторых западных стран, речь шла о разделении самой власти. Как показала практика, в условиях Казахстана это было ошибочным решением, способствовавшим возникновению конфликтов между различными государственными институтами, так как каждая «власть» считала себя самостоятельной от других.

Новая Конституция предусматривает механизм разделения единой государственной власти на три ветви, ориентированный, с одной стороны, на возможность их тесного сотрудничества, а с другой – взаимного сдерживания, недопущения вмешательства в установленную Конституцией и законами компетенцию друг друга.

Кроме того, в статье 4 Конституции дано понятие «действующего права», которое раньше в Конституции не существовало. При этом было установлено, что приоритет перед законами Республики (но не перед Конституцией) имеют только ратифицированные международные договоры. Наличие этой нормы не устраивало некоторых сторонников приоритета международного права. Однако в конечном итоге была принята именно такая редакция статьи. Данная норма в дальнейшем очень сильно помогла в выработке единообразной правоприменительной практики, основанной на верховенстве норм Конституции.

В статье 5 Конституции впервые провозглашено идеологическое и политическое многообразие – важнейший признак демократии. Данная норма предполагает, помимо прочего, и свободу деятельности политических партий и иных общественных объединений. Возникали вопросы: нужно ли нашей стране на данном этапе столько свободы в вопросах идеологии, готово ли к этому наше общество, не повредит ли это его стабильности? Тем не менее мы приняли решение в пользу демократии.

При этом я подчеркивал, что наличие политического многообразия не должно превращаться во вседозволенность. В связи с этим был установлен запрет на создание и деятельность тех общественных объединений, действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности республики, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни. Это оказалось оправданным решением, особенно в связи с распространением угрозы международного терроризма и созданием экстремистских группировок на территории Центральной Азии.

Большое практическое значение имеет закрепленный в статье 6 Конституции принцип равной защиты государственной и частной собственности. Можно было бы этим и ограничиться, но, несмотря на возражения некоторых экспертов, Конституция была дополнена следующей нормой: «Собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу».

Одним из достоинств нашего Основного Закона является то, что в нем решен вопрос о земле. Конституционная формула гласит, что земля может находиться в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом. Конституция 1993 года исключала такую возможность.

В то же время недра, воды, растительный и животный мир остались исключительно в государственной собственности. Не все, кто участвовал в разработке проекта Конституции, поддерживали эту точку зрения. Яркие сторонники частной собственности предлагали предусмотреть возможность частной собственности на все. Вместе с тем большинство членов рабочей группы посчитало необоснованным нахождение в частной собственности того, что не создано человеческим трудом. Богатство нашей земли дано нам Всевышним и сохранено нашими предками, это то, что существовало до нас, и будет существовать после, а значит, принадлежит не только нам, но и нашим будущим поколениям. Такие же замечания в большом количестве были получены в ходе всенародного обсуждения проекта.

Безусловным достижением новой Конституции является корректное, удовлетворяющее все многообразие палитры национальных интересов решение языкового вопроса. В Основном Законе записано: «В Республике Казахстан государственным является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Госу-

дарство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана». Все эти нормы Основного Закона сняли обеспокоенность части населения страны за свое будущее и будущее своих детей. При этом необходимо подчеркнуть, что русский язык, как объективно наиболее распространенный, перестал называться юридически ничего не значащим термином «язык межнационального общения» и получил конституционные гарантии равного с государственным языком функционирования.

При формулировании принципов внешней политики государства в статье 8 Конституции рассматривались разные предложения, в том числе и о провозглашении нейтралитета. В конечном итоге было признано целесообразным проведение активной политики интеграции с другими государствами для совместного преодоления трудностей переходного периода.

Статус личности, установленный Конституцией, отвечает общепризнанным мировым стандартам, поскольку она вобрала важнейшие принципы и нормы основополагающих международных документов о правах и свободах человека. Основные характеристики конституционно-регламентируемого пространства в целом и государственности в особенности даются в Основном Законе с позиции прирожденных и неотчуждаемых прав человека как высшей ценности общества.

Чрезвычайно важным достижением новой Конституции, бесспорно, является то, что в ней четко сформулирован отказ от пустого, необеспеченного реальной практикой декларирования прав и свобод. Как известно, самый большой объем прав был закреплен в советских конституциях. Но это были лишь политические лозунги. Они были оторваны от действительности и никогда до конца не реализовывались. На практи-

ке никто нормы Конституции не использовал. В основном все регламентировалось актами ЦК Коммунистической Партии и Совета министров.

Я считал и сказал об этом членам рабочей группы, что приукрашивать реальность в Конституции нельзя, так как это девальвировало бы значение Основного Закона, снова превратило бы его всего лишь в красивую декларацию. Необходимо было сделать так, чтобы все конституционные права были реальными, чтобы нормы Конституции применялись непосредственно. В современных условиях никто уже не мог обеспечить право на труд, на бесплатное здравоохранение и образование. Необходимо было отказаться от их бесполезного декларирования. Вместо них в новой Конституции были провозглашены права: на свободу труда, свободный выбор рода деятельности и профессии, на получение бесплатно гарантированного объема медицинской помощи, установленного законом, на бесплатное среднее образование.

Другим важным механизмом, делающим Конституцию реальной, является то, что она имеет прямое действие, то есть применяется непосредственно, вне зависимости от наличия или отсутствия подзаконных актов. Это стало широко распространенной в мире и всеми признаваемой практикой. Все нормы Конституции сегодня работают и реально защищают права казахстанских граждан.

Кроме того, теперь Конституция предусматривает жесткие гарантии конституционных прав. Если ранее права граждан могли быть ограничены государством в лице любого уполномоченного органа и почти по любому поводу, то теперь в статье 39 Конституции установлено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения.

Конституция учредила двухпалатный Парламент, дискуссии о необходимости которого долго велись в нашем обществе, но так и не были реализованы в Конституции 1993 года. В системе разделения единой государственной власти функции Парламента получили четкое определение, предполагающее его сосредоточение на законодательной деятельности. Разумеется, это правовое поле очерчено определенными конституционными рамками, и все же оно достаточно широко и в полной мере способно регулировать общественные отношения законами.

Все принятые в международной практике контрольные прерогативы высшего представительного органа (утверждение государственного бюджета, одобрение или отклонение программы деятельности Правительства, дача согласия на назначение премьер-министра, выражение вотума недоверия Правительству, заслушивание палатами отчетов членов Правительства и обращения к Президенту об их освобождении) закреплены за казахстанским Парламентом нашей Конституцией. При этом Парламент подчинен, как и все другие ветви власти, духу и букве Конституции, которая устанавливает и регулирует его компетенцию и основы законодательного процесса.

Новая Конституция установила новые подходы к определению статуса Правительства и его полномочий. Возглавляя систему исполнительных органов, руководя их деятельностью и самостоятельно принимая управленческие решения, Правительство несет и всю полноту ответственности за состояние дел в экономике и социальной сфере. При этом в ходе всенародного обсуждения была исключена норма, предусматривающая иммунитет членов Правительства. Аргументом было то, что ни один государственный служащий не должен быть вне зоны критики, особенно представители исполнительной власти.

Процесс становления правового государства до принятия Конституции 1995 года только набирал силу, поэтому не менее важной задачей, чем решение экономических проблем, было обеспечение эффективности судебно-правовой системы. Доставшаяся нам в наследство старая судебная система не способствовала реализации правозащитного предназначения судов. Более того, она сковывала предпринимательскую инициативу, без чего развитие отношений собственности просто невозможно. А отсутствие цивилизованной системы отправления правосудия и по-настоящему независимых судей плодило и множило случаи неисполнения законов.

Все это привело к необходимости решительного реформирования судебной системы, в ходе которого произошло объединение системы общих и арбитражных судов. Арбитражные суды были упразднены, поскольку фактически представляли собой специальные суды, причем параллельная судебная система функционировала только для рассмотрения хозяйственных споров между юридическими лицами. Был законодательно определен статус судов и судей, укрепивший правовые гарантии отправления правосудия.

Справедливому и объективному отпращиванию правосудия способствует и предусмотренный Конституцией механизм формирования судебного корпуса. Значительная роль в этом обновленном механизме отводится также Высшему судебному совету и Квалификационной коллегии юстиции.

На смену выборности местных судей пришло их назначение президентом страны, что явилось гарантией реальной независимости судей от влияний на местах. Судьи Верховного суда избираются Сенатом Парламента по представлению президента.

Весьма примечательно, что Конституция страны впервые учредила такой государственный орган, как Конституционный Совет, пришедший на смену прежнему Конституционному

суду. Это решение далось непросто. Оно имеет под собой объективные основания. Прежде чем его принять, я имел встречу со всем составом Конституционного суда, членами Верховного суда, учеными-правоведами. Они, опираясь на трехлетний опыт функционирования у нас этого государственного органа и учитывая существующий мировой опыт, а также ряд недостатков, присущих деятельности Конституционного суда, предложили реформировать конституционное судопроизводство.

При этом было предложено три варианта такого реформирования. Одни предлагали сохранить старое название этого органа, но придать ему функции Конституционного Совета. Однако это было довольно нелогично. Другой вариант предполагал объединение всех судебных функций (в том числе и функций конституционного надзора) в Верховный суд. При таком решении вопроса произошла бы определенная девальвация значения конституционного надзора, который осуществлялся бы Верховным судом наравне с рассмотрением других дел.

В условиях президентской формы правления Конституционный Совет является наиболее оптимальной моделью органа, призванного стоять на страже конституционной законности. Он не только обеспечивает конституционный контроль за соответствием принимаемых законов Конституции, но и служит своего рода дополнительным фильтром, гарантирующим качество принимаемых в стране законодательных актов. При этом он стоит в стороне от политических баталий. Прошедшие годы показали, что Конституционный Совет успешно выполняет возложенные на него функции защитника конституционных прав и свобод.

Нередко Конституционный Совет выступал арбитром в разногласиях между государственными органами, рассматривая вопросы в сфере законотворчества, нормопонимания.

Его постановления явились серьезной поддержкой при принятии многих сложных политических решений – речь идет о ситуациях, связанных с подписанием законов «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам вероисповедания и деятельности религиозных объединений», «О средствах массовой информации», «О деятельности международных и иностранных некоммерческих организаций в Республике Казахстан» и ряде других. По моим обращениям Конституционный Совет признал эти законы не соответствующими Конституции. Я имею право внести возражения на постановления Конституционного Совета, но не стал этого делать, согласившись с его решениями.

Существенным достижением новой Конституции является признание института местного самоуправления, которое призвано обеспечить самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Значение этого конституционного положения состоит в том, что реальная жизнь человека сосредоточена как раз в городе, районе, селе, ауле. Именно там он проживает и повседневно трудится, решает свои жизненные проблемы. В связи с этим в рамках местного самоуправления, которое должно быть законодательно наполнено материально-вещественным содержанием, каждый гражданин должен иметь возможность реализовывать свои жизненные планы и помыслы, проявлять свою гражданскую инициативу.

Уже в последние дни перед опубликованием проекта в средствах массовой информации возник еще один спор. Помогавшие нам в работе французские специалисты предложили ввести статью о том, что Президент имеет право распускать Парламент в любое время. Несмотря на то, что многими эта идея была поддержана, в проект по моему настоянию была включена более мягкая формулировка, предусматривающая

конкретные юридические основания досрочного прекращения полномочий Парламента. Эта норма, наряду с положением об импичменте Президента, является важнейшим элементом системы сдержек и противовесов, гарантирующих стабильность государства и общества. Ведь главной целью было создание разумной системы функционирования ветвей власти, обеспечивающей их совместную деятельность.

ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ, 1995 ГОД

После того как проект новой Конституции был опубликован в средствах массовой информации для всенародного обсуждения, к работе над ним подключилась, можно сказать, практически вся страна. Ежедневно готовилась сводка предложений по проекту, поступавших со всех уголков Казахстана. В день таких предложений поступало по несколько папок. Необходимо было учесть еще и все то, что публиковалось в прессе.

Надо сказать, что обсуждение не было единодушным. Далеко не все поддерживали подготовленный проект Конституции. В прессе было немало публикаций, в которых он оценивался критически. Принятие Конституции нового типа, ее созидательная сторона не сразу были восприняты даже специалистами юриспруденции.

Буквально через несколько дней после опубликования проекта Конституции шесть судей действовавшего тогда Конституционного суда выступили в СМИ, в том числе и в многочисленных зарубежных, с заявлением о том, что «предложенная конституционная модель не дает оснований для признания республики в полной мере демократическим, правовым и социальным государством», а искажение принципа разделения власти «ставит под сомнение не только президентскую, но и, в целом, республиканскую форму правления».

В то же время другая половина судей Конституционного суда категорически не соглашалась с мнением своих коллег, о чем также было сделано заявление в СМИ. Такое противостояние внутри Конституционного суда при рассмотрении проекта новой Конституции явилось яркой иллюстрацией того, насколько острые дискуссии шли в обществе.

Всего в обсуждении проекта новой Конституции приняли участие свыше 3 миллионов 345 тысяч казахстанцев, внесших 31 886 предложений и замечаний, в результате которых в проект было внесено 1 100 поправок, приведших к изменению 55 из 98 статей проекта, вынесенного на обсуждение, а также к появлению в Конституции нового раздела и ряда новых статей.

В ходе работы над проектом с учетом поступающих предложений постоянно возникали все новые и новые изменения и дополнения. Впоследствии, мы подсчитали, что в общей сложности было подготовлено 18 вариантов текста Конституции.

Когда работа над проектом Конституции была почти завершена, мною был подписан Указ «О проведении 30 августа 1995 года республиканского референдума» от 28 июля 1995 года № 2389. В частности этим Указом постановлялось:

«1. Провести 30 августа 1995 г. республиканский референдум.

2. Вынести на республиканский референдум проект новой Конституции Республики Казахстан со следующей формулировкой вопроса: «Принимаете ли Вы новую Конституцию Республики Казахстан, проект которой опубликован в печати первого августа 1995 года?»

3. 1 августа 1995 г. официально опубликовать в средствах массовой информации проект Конституции, дополненный

и измененный с учетом его всенародного обсуждения. Одновременно направить проект Конституции в Центральную избирательную комиссию Республики Казахстан».

**Источник: Архив Президента
Республики Казахстан**

Накануне официального опубликования проекта я поручил членам рабочей группы – Б. Мухамеджанову и К. Колпакову – лично ознакомиться с гранками его текста, подготовленными в издательстве, и убедиться, что там все правильно отражено. Поздно ночью, приблизительно в половине третьего, они позвонили мне и доложили, что все в порядке. Тогда я поручил им и Н. Шайкенову завизировать гранки и дал распоряжение о запуске проекта в печать. На следующее утро проект новой Конституции был опубликован в республиканских средствах массовой информации.

После опубликования проекта я собрал пресс-конференцию, на которой рассказал об основных положениях будущей Конституции и ответил на вопросы журналистов. Главное, что мне хотелось довести через представителей средств массовой информации до сведения всех казахстанцев, так это тот факт, что новая Конституция будет в состоянии открыть возможность для стабильного развития нашей страны в обстановке межнационального согласия и гражданского мира, последовательного осуществления политических и экономических реформ.

Начинать конституционную реформу можно было, только заручившись поддержкой народа. Этим было вызвано решение об интенсификации работы над текстом новой Конституции. Огонь критики обрушился на меня. В этот трудный момент я получил поддержку от Ассамблеи народов Казахстана, которая предложила избрать путь прямого обращения

к народу, не дожидаясь формирования Парламента. Сейчас я уверен в том, что это было правильное решение.

Признаться, я испытывал сомнения. С одной стороны, вопрос поставлен объективно и правильно. В условиях политического кризиса, вызванного отставками Парламента и Правительства, необходимо было избавить общество от чрезмерной политизации и в интересах сохранения стабильности укрепить президентскую власть. А с другой стороны, президент – такой же человек, как и все, и меня смущали личные моменты в постановке вопроса. Начали раздаваться голоса о том, что я испугался выборов. Вместе с тем были объективные данные социологических исследований, которые убедительно доказывали: если бы вопрос стоял лишь о сохранении моего президентства, мне стоило идти как раз таки на выборы. В этом случае разрыв между мной и другими возможными кандидатами на пост президента был практически непреодолим. К тому же выборы – это альтернатива между двумя-тремя кандидатами, а на референдуме стоял вопрос прямо: Нурсултан Назарбаев. Да или нет? Мне предстояло открыто стоять на одном полюсе выбора, а на другом – трудности переходного периода, падение жизненного уровня, обиды, накопленные за все эти годы, целенаправленная критика и откровенные подстрекательства.

Мы прошли трудный этап становления казахстанской государственности, но вновь оказались перед выбором – как будем жить дальше? Это касалось и экономики, и политики, и многих других сфер жизни общества. Я изучил многочисленные предложения политиков, представителей общественности, ученых, практиков, а затем обратился за поддержкой к народу.

Для Казахстана в сложившейся исторической ситуации на референдум, по существу, был вынесен вопрос о сохранении стабильности и для государства, и для общества в целом. Ре-

ферендум должен был дать ответ на ключевые для всей страны вопросы: верна ли политика, которую мы проводили все эти годы? Дает ли народ Казахстана вотум доверия Президенту на ее продолжение? И решение было принято.

Месяц пролетел незаметно. Наконец, 30 августа 1995 года в соответствии с вышеназванным Указом был проведен всенародный референдум по принятию новой Конституции Республики Казахстан. За ходом референдума наблюдало около тысячи представителей от 19 общественных объединений. В качестве иностранных наблюдателей участвовали представители Венгрии, Египта, Канады, Польши, Румынии, Таджикистана, Украины и др.

В референдуме приняли участие 90,58% избирателей. Из них за принятие новой Конституции проголосовали 89,14%. По итогам голосования новая Конституция Республики Казахстан была принята. Это была победа. Высокий уровень участия в голосовании был показателем поддержки гражданами нашего государства того курса, который мы провозгласили в Основном Законе страны.

Я испытал огромное чувство благодарности. У каждого политика бывает свой звездный час, когда он получает всенародную поддержку и испытывает огромное удовлетворение от того, что он выполнил свой долг. Многие годы сомнений и тревог, а иногда и пустоты вокруг себя, когда круг единомышленников кажется ничтожно малым перед огромной машиной проблем, бесконечной чередой обрушивающихся на тебя малых и больших дел, оказались ненапрасными.

Конституция 1995 года стала поистине выражением воли всего народа, а сам казахстанский народ превратился в соавтора Основного Закона. На пресс-конференции по итогам референдума, данной 1 сентября 1995 года, я поздравил всех казахстанцев с этим историческим событием в жизни нашего молодого суверенного государства. Проголосовав за проект

новой Конституции страны, наши сограждане сделали важный для страны и для каждого гражданина выбор. Пожалуй, впервые в истории Казахстана в руках народа оказалось его будущее, за что он и голосовал. Это действительно так. В Основном Законе выражены не только принципы государства, но и приняты решения, непосредственно связанные с жизнью наших граждан, каждого человека. Это вопросы их свобод, прав, обязанностей перед обществом. В конечном итоге это определяет перспективы человека, каждой семьи и будущего всей страны.

После выступления я ответил на вопросы журналистов. Некоторые из этих вопросов, как обычно, были с «подковыркой», но после того, как народ Казахстана столь единодушно проголосовал за новую Конституцию, отвечать на них мне было легко.

Так, на вопрос корреспондента «Би-би-си» Кривенко о том, не слишком ли большими полномочиями наделила новая Конституция Президента страны, я ответил, что полномочия Президента Казахстана намного меньше полномочий президента Франции, но от этого ведь Франция не становится недемократическим государством. Корреспондент журнала «Экономист» Мак Вильямс поинтересовался, не контролировалось ли проведение референдума правительственными чиновниками. Мне пришлось напомнить ему, что за ходом референдума наблюдало свыше тысячи наблюдателей, в том числе иностранных, и никаких серьезных нарушений замечено не было.

Один из журналистов попросил подвести краткие итоги того опыта, который мы приобрели за 1991–1995 годы. В ответ я сравнил работу политика, ожидающего плоды своей деятельности, с возвращением яблони, но не с выращиванием картошки: «Картошку весной посеешь, а осенью уже собираешь урожай. Чтобы от яблони получить яблоки,

нужно 5-6 лет. Никто за прошедшие годы нам не подсказал, как можно быстро все сделать, никто на всем постсоветском пространстве не смог сделать все быстро. Но мы сохранили главное – спокойствие на нашей родине – Республике Казахстан, не допустили кровопролития. Мы стали управлять своими собственными финансами, мы стали управлять своей экономикой, мы знаем, в какую сторону поворачивать для лучшей жизни. Мы вызвали за это время доверие во всем мире. Пошли в Казахстан инвестиции».

Я был бы не прав, если бы сказал, что не было никаких ошибок в строительстве государства, в реформах, в документах, которые мы утверждали. Но, наверное, тот не ошибается, кто ничего не делает. Работа политика чем-то похожа на работу часовщика, только разница заключается в том, что часовщик поломанные часы берет и останавливает, прежде чем ремонтировать, а политику нужно ремонтировать, не останавливая эти часы. Вот в чем вся сложность.

6 сентября 1995 года в резиденции Президента Республики Казахстан состоялась церемония официального представления Конституции нашей страны. В торжественной обстановке председатель ЦИК Юрий Ким зачитал постановление об итогах всенародного голосования по принятию новой Конституции и вручил мне оригинал текста нового Основного Закона страны. После чего я подписал Указ «О Конституции Республики Казахстан» и 100 оригиналов ее текста. Первый оригинал текста Конституции страны, принятой 28 января 1993 года, был передан мною на хранение в Государственный архив страны.

Выступая перед присутствующими на церемонии членами Правительства, представителями общественности, главами дипломатических представительств и работниками средств массовой информации, я поздравил всех с принятием новой Конституции страны и подчеркнул, что с этого момента на-

чинается новый этап нашего развития, который ставит перед нами множество новых нерешенных вопросов.

Как интегрировать нашу экономику в мирохозяйственную деятельность? Без подобной интеграции мы неизбежно остались бы периферийной страной, заведомым аутсайдером.

Как побудить людей, привыкших к скудному, но гарантированному государственному «пайку», рассчитывать на свои силы, разум и смекалку? Ведь без понимания человеком ответственности за свою судьбу и судьбу своей семьи никогда не добиться подлинного благосостояния.

Как выстроить современную и сильную государственность, которая является основным инструментом коренных социальных реформ?

Как сохранить самобытную культуру каждого из народов Казахстана, избежав при этом изоляционистских крайностей? Мы должны понимать, что пассивность, как, впрочем, и нетерпимость, ведет к культурному застою.

Как утвердить в обществе идеалы духовности, международного согласия и гражданского мира?

Как, наконец, обуздать преступность, установить верховенство закона в обществе, на всех этажах власти, не прибегая при этом к каким-либо репрессивным мерам?

Конституция 1995 года – «Фундамент» нового Казахстана

Более двухсот лет назад, когда закладывались основы современной демократии, американский президент Т. Джефферсон, который не был сторонником частых изменений в законах и конституциях, писал, «что законы и человеческие институты должны идти рука об руку с прогрессом челове-

ческого разума». Это выражение не потеряло своей актуальности даже спустя два века.

Я с гордостью могу сказать, что принятая в 1995 году Конституция стала мощным импульсом для проведения реформ в Казахстане. Во многом благодаря ее положениям мы в короткие сроки добились огромных положительных результатов в экономике и политике молодого государства, межнациональной стабильности.

С принятием действующей Конституции «загорелся зеленый свет» для проведения экономических реформ в Казахстане. На смену Верховному Совету, управлявшему, образно говоря, и всем и ничем, пришел профессиональный двухпалатный Парламент, который принял за эти годы законы, изменившие облик страны.

Конституция 1995 года придала новый импульс экономическим реформам, обеспечила создание эффективной нормативной правовой базы и законодательного поля деятельности Парламента и Правительства, которые соответствовали и соответствуют современным требованиям рыночных отношений. Конституция гарантирует равную защиту как государственной, так и частной собственности.

В действующей Конституции провозглашены реально гарантируемые государством права: на свободу труда и предпринимательской деятельности; на получение бесплатного, установленного законом, объема медицинской помощи; на бесплатное среднее образование; на свободу вероисповедания. Гарантировано и получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования; на социальное обеспечение по возрасту, а также в случае болезни, инвалидности, потери кормильца. Сегодня эти конституционные права нашли свое закрепление в конкретных нормах законов и прочно вошли в повседневную жизнь людей. Конституция закрепила основные права и свободы человека, обеспечила равенство

в правах всех граждан нашей страны, что способствует внедрению в политическую жизнь общества фундаментальных демократических принципов.

Иными словами, Конституция формулирует сущность и содержание конституционных прав, свобод и обязанностей граждан в соответствии с принципами современной рыночной экономики, которые ставят возможности удовлетворения многообразных интересов личности в зависимость от ее конкретного вклада в процессе своей трудовой деятельности. При этом государством гарантируется необходимый минимум бесплатных социальных услуг. Экономическая свобода, идеологическое и политическое многообразие, равенство всех перед законом являются основными приоритетами развития Казахстана.

Демократизация политического режима значительно расширила круг социальных возможностей, предоставляемых личности государством. Следствием этого явилось существенное усиление роли прав и свобод человека и гражданина в национальной правовой системе, получили новое наполнение их традиционные юридические гарантии. После формирования условий для полноценного выполнения требований Международных пакетов ООН о гражданских и политических, а также об экономических, социальных и культурных правах, Казахстан ратифицировал эти важнейшие документы.

На основе Конституции сформировано новое законодательство. Создано обновленное конституционное право. Получило дальнейшее развитие гражданское право, регулирующее отношения частной собственности, гражданского общества, свободного предпринимательства. В соответствии с принципами, утвердившимися в мировом сообществе, существенно изменены гражданско-процессуальный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный законы.

В уголовном праве была определена новая иерархия подлежащих защите социальных ценностей, выраженная в его принципах. На их базе предстояло сформировать Уголовный кодекс. Поскольку задача являлась весьма сложной и ответственной, я лично вместе с руководителем рабочей группы И. Роговым и Б. Мухамеджановым отработывал почти каждую статью законопроекта. Надо сказать, что Уголовный кодекс получил весьма высокую оценку международной юридической общественности.

Следует дополнить, что одним из средств, обеспечивающих развитие правового государства, является правильно определяемая уголовно-правовая политика. В нашей стране она вытекает из Основного Закона, провозглашающего высшей ценностью государства человека, его жизнь, права, свободы. Государство путем отхода от жестко репрессивных мер воздействия на правонарушителей устанавливает разумные формы их ответственности, что проявляется в гуманизации уголовной политики и либерализации системы исполнения наказаний. В итоге если в недавнем прошлом Казахстан по числу заключенных на 100 000 населения занимал третье место в мире после США и России, то сейчас по указанному показателю он переместился на 24-ю позицию.

Вместе с тем в условиях глобализации и трансформации преступности, приобретающей все более угрожающие формы, актуализируется принцип неотвратимости ответственности за все правонарушения и, в особенности, за наиболее опасные виды преступлений.

В настоящее время разрешается сложный вопрос о смертной казни, имеющий характер социальной и правовой дилеммы, популяризирующей общественное мнение. Пока по данному вопросу введен мораторий на ее применение. Мы знаем, что эта проблема остро встает в переломные

моменты развития государства, сопровождающиеся активизацией духовной жизни общества, переоценкой социальных ценностей.

Безо всяких преувеличений можно сказать, что к сегодняшнему дню нам удалось достичь довольно неплохих результатов. Среди главных достижений – внутривнутриполитическая и международная стабильность, макроэкономическая стабилизация, полное подавление инфляции, создание эффективной финансово-кредитной системы, нормализация отношений собственности, поэтапно проведенная приватизация. Начался устойчивый рост промышленного производства, реанимируется сельское хозяйство. Сегодня у нас есть основания сказать, что наша Конституция и законы не просто работают на человека, но и активизируют его творческую, созидательную энергию, стимулируют предпринимательскую инициативу.

Опыт Казахстана, добившегося успехов в экономике, показывает, что в транзитный период для либерализации экономики необходимы достаточно жесткая политическая конструкция, профессиональные служащие и дисциплина в обществе. Это позволяет проводить сложные, зачастую непопулярные, но столь необходимые экономические реформы, обеспечивать политическую стабильность.

Пойдя на создание реальной президентской республики в 1995 году, я понимал, что при таком варианте развития повысится управляемость страны, и положительные результаты болезненных экономических реформ не заставят себя долго ждать. Увеличение персональной ответственности президента за ход реформ предполагало и увеличение целого ряда полномочий. С этого момента Парламент не вмешивался в назначение руководителей министерств и ведомств, которые теперь назначались президентом страны. Как коллегиальный орган был упрощен Кабинет министров. Премьер-министр,

одобряемый Парламентом по представлению Президента, наделялся полномочиями «главного кризис-менеджера страны». Позднее юридическую форму обретут такие коллегиальные советы как Совет по экономической политике, правление Национального банка, правление Национального фонда, Национальный совет. Имея более конкретную направленность, все они возглавляются главой государства и не ограничены представителями исполнительной власти в своем составе.

Усиление вертикали власти в центре предполагало подобные действия и в регионах, где акимы по-прежнему назначаются Президентом, тогда как институт представителей Президента в областях был упразднен. Роль областных советов, которые были реформированы в областные маслихаты, была также снижена. Мы сознательно пошли на ряд беспрецедентных мер, зная, что вернемся к решению этих проблем, когда преодолеем экономический кризис и приступим к следующему этапу демократических реформ.

Я понимал, что усиление исполнительной власти, особенно на местах, будет иметь и целый ряд системных недостатков. Главным из этих недостатков являлась и остается коррупция. При снижении контроля со стороны представительных органов власти, назначенцы из центра зачастую превышают свои должностные полномочия. Зная, что за действиями всех трудно уследить, они часто забывают о своем предназначении служить народу. Как результат, с самого начала проведения реформ Администрация Президента была завалена жалобами о самоуправстве местных чиновников на местах. Население по старой привычке «писало в ЦК».

Коррупция стала проникать и в иные сферы жизни государства, искажая экономическую политику и стратегию развития страны. В этой связи я обратился к гражданам республики с призывом о поддержке в решительной борьбе с

коррупцией. Среди юристов на тот момент имелись разные мнения по вопросу необходимости принятия закона, направленного на устранение мер, порождающих коррупцию. Однако действовать надо было быстро и бескомпромиссно, поэтому мною было поручено разработать проект Закона «О борьбе с коррупцией», принятого в июле 1998 года. Кстати, мы приняли такой закон первыми в СНГ. Была разработана программа борьбы с коррупцией, усилена ответственность за коррупционные правонарушения.

Конституционная норма действенна, если принятые в соответствии с ней законы применяются и соблюдаются всеми субъектами общественных отношений, и прежде всего государственными органами и должностными лицами.

Я убежден, что защищать гражданина в правовом государстве должен не Президент, не руководитель региона и не министр, а суд. Без справедливого и честного суда, совершенной правовой базы не может быть стабильного и цивилизованного общества. Здоровую экономику, которая является основой такого общества, можно создать, только установив рыночный правовой режим и утвердив жесткое исполнение государственным аппаратом, всеми гражданами и юридическими лицами Конституции и законов. В этой работе важно все: создать адекватную правовую базу; утвердить на вершине юридической пирамиды суд, стоящий на страже Конституции, защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц; а также сформировать качественную судебную систему, которая подчиняется только закону, где быстро и неукоснительно исполняются судебные решения, действуют только компетентные и добросовестные работники.

Каждый новый этап политических реформ должен быть тесно увязан с уровнем развития экономики, гражданского общества, политической и правовой культуры населения.

Усиление судов было лишь первоначальным решением проблемы, и сегодня, когда основные реформы в сфере экономики завершены, нам требуется, чтобы экономические успехи сопровождались соответствующей либерализацией политической системы.

Здесь я еще раз хочу остановиться на том, что любые политические реформы невозможны без одного важного условия – формирования среднего класса. Только стабильное и процветающее общество способно будет создать стабильную политическую систему.

«... до того, как общество сможет успешно использовать подобную [западную] демократическую политическую систему, народ должен достичь высокого уровня образования и экономического развития, создать значительный средний класс, а жизнь людей должна перестать быть борьбой за выживание...»

Средний класс не возникнет без жизнеспособной экономики, которая не может существовать без достаточно сильного и мудрого руководства, способного вывести страну из штопора».

**Ли Куан Ю. Сингапурская история:
из «третьего мира» – в «первый»
(1965–2000)**

Возвращаясь к роли государства в повседневной жизни его граждан, мы должны завершить работу по децентрализации государственного управления. Это, в первую очередь, касается разграничения полномочий между уровнями государственного управления, повышения роли маслихатов, а также улучшения системы межбюджетных отношений. По завершении децентрализации государственного управления нам следует начать процесс становления системы местного самоуправления. В период между 2005 и 2007 годами мы

будем рассматривать необходимость введения системы выборов акимов городов, районов, других нижестоящих уровней, а также рейтинговую оценку их деятельности.

Выполнив эти задачи, мы сможем вернуться к отложенному и более серьезному этапу либерализации политической системы – повышению роли Парламента. Укрепление политического статуса Парламента страны потребует решения ряда проблем на конституционном уровне. Нам предстоит пойти на увеличение численности депутатов обеих палат Парламента. В функции Парламента должно войти не только утверждение государственного бюджета, но и реальное участие в контроле за ходом его исполнения.

В ходе конституционных изменений, возможно, потребуется разработка новой системы формирования Правительства. В этой связи нам, очевидно, необходимо будет проработать вопрос о том, чтобы Правительство формировалось через механизм парламентского большинства.

Логика вхождения Казахстана в новый этап своего развития требует внимательного рассмотрения и проведения соответствующих реформ государственного управления, политической системы и, возможно, Конституции. Мы должны воплотить, в конечном итоге, оптимальную модель политического и государственного устройства нашей страны. Очевидно, что модернизация государственного управления и проведение политических реформ будут способствовать консолидации нашего общества, росту авторитета и престижа Казахстана на мировой арене. Это позволит Казахстану стать одним из центров международной политики, диалога цивилизаций, стабильности и интеграции в среднеазиатском регионе.

Все эти и многие другие изменения позволят нам добиться желаемого. Ведь мы молодая страна, только ставшая на новый этап своего развития. Даже по прошествии стольких

лет, глядя на Конституцию, лежащую у меня на рабочем столе, я вспоминаю события того времени. Как увлеченно мы работали над ее проектом, как бурно проходили обсуждения той или иной статьи, как волновались, когда выносили ее на обсуждение народа.

Во время перерывов в работе я открываю Конституцию, перечитываю ее статьи и убеждаюсь, что в то время мы действовали правильно. Лучшим подтверждением этому являются нынешние успехи Казахстана в государственном строительстве и реформировании экономики. Опираясь на ключевые положения Конституции, мы провели жизненно важные для судьбы страны преобразования: построили рыночную экономику и заложили основы демократического общества.

За эти годы созданы все условия для развития важнейшего института демократии – парламентаризма. Успешно прошел проверку временем профессиональный двухпалатный Парламент, в котором обеспечивается представительство многообразных интересов. И мы были первыми в Центральной Азии, кто решительно пошел по этому пути. Другие шли уже за нами, используя наш опыт.

Система исполнительной вертикали в сочетании с оптимизированным административно-территориальным устройством, с упроченными иными составляющими государственности в совокупности позволили Казахстану выйти из системного кризиса, начать динамичное развитие, а ныне заявить об ускоренной социально-экономической и политической модернизации.

За годы действия Конституции ни одно политическое разногласие не переросло в кризис. Все споры решаются в рамках конституционных процедур. Сложилась система взаимоотношений между государственными институтами. Эта система стала традицией.

Актуальность межнациональных отношений и их влияние на конкурентные преимущества разных стран не сводится только к событиям и датам нашей отечественной истории. Как показывает анализ последнего десятилетия мировой истории, главным событием последней четверти двадцатого века стали радикальные изменения в национальном и расовом составе планеты.

Давайте посмотрим на то, что происходит в мире. Подавляющее большинство государств современного мира полиэтничны по своему составу, только в 12 странах мира один этнос составляет 90 процентов населения. Казахская модель межнациональных отношений получила самую высокую оценку ООН, ОБСЕ и ряда других авторитетных международных организаций не случайно. Все ключевые вопросы развития национальных групп получили развитие в трехуровневой системе регулирования. Первый уровень – это активность самих групп. Мы всецело поддержали законное стремление всех национальных общин на развитие своей культуры. В Казахстане действует несколько десятков национально-культурных центров.

Во-вторых, мы создали уникальный инструмент межнациональных отношений в лице Ассамблеи народов Казахстана. Сегодня ни в одной стране мира нет подобного авторитетного и представительного инструмента национальной политики.

В-третьих, государственная политика в сфере языка. Мы смогли придать казахскому языку не просто статус формального государственного языка, но и решили задачу его полноценного функционирования во всех сферах общественной жизни. Сегодня более половины учебных заведений страны ведет преподавание на казахском языке. Нельзя забывать о том, что именно в Казахстане советская национальная политика имела самые разрушительные последствия для государственного

языка. Но в отличие от многих стран мы прошли этот путь достойно без какой-либо языковой дискриминации.

В Казахстане обеспечен политический плюрализм и многопартийность. В стране действуют крупные общенациональные партии, влияющие на политический процесс, в том числе и оппозиционные. Также бесспорно, что у нас заметно укрепился такой важнейший сегмент гражданского общества, как неправительственные организации. Если 10 лет назад их было 400, то сегодня более пяти тысяч. При этом НПО на партнерской основе активно взаимодействуют с властью в рамках ранее инициированного мной Гражданского форума. И показательно, что сейчас «первую скрипку» в этих отношениях начали играть именно НПО.

Кардинальные изменения произошли в информационной сфере. На казахстанском медиа-рынке реально сложились свобода самовыражения, свобода высказывать свое мнение и критиковать власть, реализовано право граждан на альтернативные источники информации. Сегодня в стране издаются более двух тысяч СМИ самой различной политической направленности, в том числе радикально оппозиционные. И вы знаете, что 80% всех СМИ – негосударственные.

Как и во многих странах мира, наша Конституция не является застывшей догмой. Накопленный нами за десятилетие опыт применения Конституции нужен нам как для решения внутренних задач, так и для эффективных ответов на новые вызовы современности. Строгое следование Конституции – это основа успешного развития государства и гражданского согласия в обществе. Научиться жить по ней – это и есть высшая школа демократии. Школа, которую все мы обязаны освоить.

Наш долг – бережно относиться к Конституции. Уважать ее, как уважаем свою страну, свою историю, свои достижения. Без уважительного отношения к Конституции и неукосни-

тельного соблюдения ее норм невозможно достичь общественного согласия, порядка, мира и спокойствия, а значит, и благополучного будущего нашего Отечества.

Конституция стала основанием нашей свободы. Она закрепляет весь тот комплекс наших побед, наших обретений, которые принесла независимость. Наша Конституция дала нам главное – право выбора, ибо творить свою жизнь самим – ценнее любых сокровищ.

Наша Конституция – это не зеркальное отображение действительности, а представление о должном состоянии общества и государства. Поэтому ее потенциал далеко не исчерпан, закрепленные в Основном Законе юридические нормы и принципы, имеющие базовый стратегический характер, раскрываются по мере развития государства и общества, формирования необходимых политических, экономических и социальных условий.

И я верю, что, спустя какие-то 15-20 лет, наше общество будет полностью соответствовать уровню развитых демократий, в Парламенте будет сформирована стабильно функционирующая двух-трехпартийная система, и средний класс составит более половины населения.

Как я уже отмечал, эта Конституция придала новый импульс развитию нашей экономики. И сейчас именно экономика Казахстана стала мотором всех последовавших перемен – от создания новой Конституции и до изменения образа жизни и, самое важное, мышления казахстанцев. А «кровью» нашей экономики на этом этапе стала нефть, «черное золото» казахской земли. Нефть и газ стали нашим главным ресурсом и своеобразным стартовым капиталом с первых дней независимости. И в следующие 15-20 лет Казахстан также будет крупнейшим поставщиком углеводородов на мировой рынок. Наши богатства одновременно стали предметом зависти и претензий, из-за которых мы

вполне реально могли бы потерять нашу независимость. В своей следующей главе я хочу рассказать именно о том, как нам удалось приручить этого зверя, всегда помня, что ни на минуту нельзя расслабляться и обманывать себя тем, что мы контролируем его.

БИТВА ЗА КАСПИЙ И НЕФТЯНОЙ БУМ

«НЕФТЯНОЙ ФОНТАН ВЕКА»

Во время моего пребывания на посту секретаря ЦК Компартии Казахстана по вопросам экономики и промышленности, а также до и после этого я неоднократно посещал прикаспийский регион, но никогда мне не доводилось увидеть то, что я увидел летом 1985 года.

Этот эпизод стал переломным моментом не только для меня лично. Взгляд всего высшего руководства СССР был брошен в сторону небольшого Гурьевского региона.

Все началось с пожара на одной из нефтяных скважин на Тенгизе. Это было 23 июля 1985 года, когда во время буровых работ на глубине 4467 метров из скважины Т-37 ударил гигантский фонтан нефти. Фонтанирование скважины стало неуправляемым, произошло возгорание. В результате буровая установка была полностью разрушена, а бурильный инструмент под большим давлением выдавлен из скважины. Продолжительность выброса нефтегазового фонтана тогда составила более 400 суток. Воцарился столб огня высотой 250 метров, выбрасываемый под давлением 900 атмосфер. Объем выброса сероводорода в атмосферу составил 8 млрд. кубометров, а материальный ущерб превысил 1 млрд. долларов США без учета экологического ущерба и отрицательного влияния на здоровье граждан.

От огромного количества выбрасываемых в воздух сернистых соединений умирало все живое вокруг. В ночное время свет огненного столба привлекал птиц – и они, опаленные пламенем и отравленные серой, падали прямо с неба. Гигантский факел просто засасывал людей, работавших вблизи устья скважины по ликвидации аварии. К сожалению, не обошлось без жертв. Одного из работников военизированной противопожарной части затянуло в эту огненную струю, и он сгорел заживо. Все бойцы, участвовавшие в тушении скважи-

ны, получили ожоги различной степени. Температура около скважины была такова, что лучшие огнестойкие костюмы сопротивлялись огню в течение всего нескольких минут. Песок в амбарах на концах выкидных линий оплавлялся, превращаясь в разноцветное жидкое стекло.

Пожар тушили всем Союзом. Были задействованы лучшие специалисты, собранные из всех уголков СССР и привлеченные из-за рубежа. Как было принято в то время, для ликвидации такого фонтана, относящегося к высшей категории сложности, были мобилизованы военизированные противопожарные части страны, включая лучшие по тем временам – Полтавскую из Украины и Каршинскую из Узбекистана. Аварийные работы на скважин проходили под руководством первого заместителя министра нефтяной промышленности СССР И. Игревского – председателя оперативного штаба по ликвидации аварии на скважине Тенгиз 37.

Министерство нефтяной промышленности СССР не справлялось с пожаром – не было необходимого оборудования для ликвидации фонтанов подобной мощности. Не найдя выхода, Миннефтепром в какой-то момент было готово ликвидировать фонтан направленным атомным взрывом. Про людей, проживающих в близлежащих аулах, речь тогда не шла вообще. Но мы вовремя успели вмешаться и предотвратить реализацию этой страшной идеи.

Непосредственно сама ликвидация открытого газонефтяного фонтана скважины Тенгиз 37 длилась около 2 месяцев. Впоследствии нефтяники назовут пылающий гигантский фонтан Тенгизской нефтяной скважины номер 37 «фонтаном века». Большую роль сыграл гидронажиматель, созданный нефтяниками на заводе имени Петровского в Гурьеве, с помощью которого на фонтан навели противовыбросовое оборудование, что и дало возможность неуправляемый поток углеводородов превратить в управляемую струю.

Следующим этапом работ предполагался спуск в скважину труб, через которые необходимо было закачать тяжелую жидкость и с ее помощью задавить фонтан. Однако для этой операции требовалось специальное оборудование, состоящее из системы превентеров высокого давления с единой системой управления.

В СССР необходимой технологии не нашли, было принято решение о консультациях со специалистами американской компании «Шеврон» и канадской «Отис» и привлечении специального американского и канадского оборудования. В итоге совместными усилиями специалистов этих компаний и советских нефтяников трубы были спущены и фонтан ликвидирован.

Фонтан на скважине 37 показал огромную мощность Тенгизского месторождения. Это был первый сигнал «большой нефти» в казахстанской части каспийского шельфа. И уже тогда стало ясно, что для разработки таких месторождений в СССР современных технологий нет.

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ КАСПИЙСКОЙ НЕФТИ

Нефть сыграла ключевую роль в истории Казахстана.

По определению, «нефть – это сложная смесь жидких углеводородов, в которых растворены газообразные и другие вещества». И список всех продуктов, получаемых из «черного золота», которых уже несколько тысяч, растянется не на один лист. Еще сам Д. И. Менделеев заметил, что «топить печь нефтью все равно, что топить ее ассигнациями».

Первые доказательства наличия нефти на территории Казахстана были найдены еще в древние времена. Но наиболее пристальное внимание к казахстанской нефти было проявлено царской Россией только в конце XVII века. На протяжении

XVIII–XIX веков Россия отправляла в Западный Казахстан своих ведущих топографов, геологов и горных инженеров.

В 1892 году появились первые заявки российских предпринимателей на разведку отдельных участков, находящихся на территории Западного Казахстана. Пионерами промышленной разведки нефти были местности Доссор, Карашунгул и Искене.

«Эмба-Каспийское товарищество», возглавляемое российским предпринимателем С. Леманом, пробурило на месторождении Карашунгул (ныне Атырауская область) 21 скважину глубиной от 38 до 275 метров. Первый нефтяной фонтан был получен ими в ноябре 1899 года на Карашунгуле, на скважине №7, глубина которой составляла 40 метров, а нефти добывалось всего около 20-25 тонн в сутки. Это событие было признано началом истории добычи и развития казахстанской нефти и нефтяной промышленности. Затем была получена нефть на месторождениях Доссор, Макат, Искене и других. Были созданы различные товарищества, общества, в том числе и иностранные, для разведки, поиска и добычи каспийской нефти. Кстати, из первых нефтедобытчиков, работающих в то время на территории Казахстана, был и знаменитый шведский промышленник Альфред Нобель».

Энциклопедия казахстанской нефти, 1999 год

Одновременно с ежегодным увеличением объема добычи нефти в регионе начала развиваться и нефтяная инфраструктура. Был построен первый нефтепровод для транспортировки сырья от нефтепромыслов до порта Гурьев, а оттуда казахстанское сырье морем уходило в Баку.

Однако время не стояло на месте, все было подвергнуто серьезным испытаниям, в том числе и молодая нефтяная про-

мышленность Казахстана. Впереди наш народ ждали большие потрясения и трагедии – национально-освободительное движение 1916 года под предводительством Амангельды Иманова, Октябрьская революция 1917 года, времена Великого голода 1921–1922 годов и 1931–1933 годов, когда мы потеряли до 40 процентов всего населения.

С приходом Советской власти нефтяная отрасль была национализирована, а все компании были ликвидированы. На их базе в 1920 году для промышленного освоения нефти в Урало-Эмбинском регионе создается Управление нефтяными промыслами, преобразованное затем в трест «Эмбанефть».

По-настоящему о казахстанской нефти заговорили в первые годы Великой Отечественной войны. Угроза потери скважин на Кавказе и перебои с поставкой ГСМ для Красной Армии заставили советское руководство перевести часть добычи, а затем и переработки в Гурьев.

«Германское командование серьезно просчиталось в поставках для своих войск, особенно в обеспечении горюче-смазочных материалов. В первых месяцах 1942 года германские войска начали проводить операцию под названием «Блау», основной задачей которой являлся захват нефтяных районов СССР – Майкоп, Грозный, Баку. Была оснащена специальная нефтяная техническая бригада, состоящая из 15 тыс. человек, которая должна была восстановить захваченные нефтяные скважины. Однако в ходе операции германским войскам удалось захватить лишь Майкоп (9 августа 1942 г.), инфраструктура которого была специально полностью разрушена войсками отступающей Красной Армии.

Насколько были важны для фашистской Германии нефтяные районы СССР, подтверждает еще один факт. Зимой

1943 года Гитлер отказался перебросить большую часть войск с Кавказского направления на Сталинград, несмотря на множественные уговоры немецкого генералитета».

Даниэль Ергин «Добыча», 2003 год

В 1943–1945 годах был построен первый казахстанский нефтеперерабатывающий завод – Гурьевский НПЗ – пионер новой отрасли экономики прикаспийского региона. Именно с этого времени и началась промышленная добыча углеводородного сырья в Казахстане.

Однако настоящим прорывом в развитии нефтяной промышленности Казахстана можно считать открытие в конце 1979 года месторождения Тенгиз в Атырауской области, входящего в пятерку самых крупных нефтяных месторождений мира, и гигантского нефтегазоконденсатного месторождения Карачаганак в Западно-Казахстанской области.

Вместе с тем, имея такие сокровища в своих недрах, Казахстан никогда не чувствовал себя реальным хозяином этих богатств. Все предприятия нефтяной отрасли управлялись союзными министерствами. Высшее партийное руководство СССР не допускало нас к самостоятельной разработке и добыче углеводородного сырья, ревностно относилось ко всем нашим инициативам. Мы зависели от центра во всем, начиная от завоза продуктов и оборудования, заканчивая подготовкой кадров, прибывших к нам из разных уголков СССР.

В 1985 году с приходом М. Горбачева началась «перестройка».

Нефтяная промышленность, да и вся экономика, требовали решения задач по ресурсосбережению и росту наукоемкости продукции, ликвидации тяжелого физического труда и создания эффективной производственной инфраструктуры – все это могло привести к повышению ее конкурентоспособности и, следовательно, к избежанию последовавшего краха.

Но объявленный курс на реформирование не решал всех накопившихся проблем. Прежде всего потому, что реформаторы пытались в какой-то мере ограничиться полумерами, тогда как вся экономическая система, не только нефтяная отрасль, требовала коренной перестройки. Союзное руководство не решилось пойти на устранение главной причины дисбаланса в экономике – отказа от планового ценообразования, тем самым ликвидации избыточного спроса и восстановления внутренней устойчивости хозяйственного организма.

Итогом советского этапа реформ в экономике стало сокращение объемов производства, усиление инфляции, рост дефицита бюджета и падение уровня жизни населения. Общий кризис не мог не затронуть и нефтяную промышленность. Именно в то время была упущена возможность проведения масштабных и поэтапных реформ по трансформации планового хозяйства в рыночное.

В Союзе политика всегда доминировала над экономикой. Потому, когда двоевластие в лице руководства Союза и Верховного совета РСФСР парализовало государственное управление в стране, из-за этого «политического», по сути, сбой в системе простаивал и весь ход экономических реформ. Это еще сильнее обострило кризис всей советской системы. Общим результатом стал распад СССР.

НЕФТЬ КАК ФУНДАМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Находясь в составе СССР, где царило централизованное планирование со строго фиксированными ценами, каждая из союзных республик занимала определенное место в разделении труда. Казахстан, в основном, являлся поставщиком сырья, продовольствия и военной продукции.

Мы жили в условиях «железного занавеса», и вся торговля была внутри Союза. Вся промышленность, энергетика, транспорт, нефтегазопроводы, связь и торговля были ориентированы на нужды всего СССР. Хотя при этом не было прямого транспортного сообщения, соединяющего запад Казахстана с востоком.

Все экономические и политические решения по деятельности Казахстана принимались в Москве. Например, мы имели возможность управлять всего 7% промышленности, а 93% промышленности и инфраструктуры было под управлением Москвы. Удельный вес торговли с РСФСР занимал 75%, с Украинской ССР – 15%, вследствие чего внутриэкспортный потенциал Казахстана был узко специализирован.

Казахстану в нефтяной отрасли отводилась роль производителя и поставщика товарной нефти в трубопроводную систему Союза. При этом функции нефтегазовых предприятий были ограничены только операторством на месторождениях. Вопросы экономики нефтяных проектов, маркетинга и экспорта нефти и газа Москва оставляла за собой.

Несмотря на достаточно высокий потенциал нефтяной промышленности, Казахстан в первые годы независимости столкнулся с достаточно серьезными трудностями и испытаниями в сфере разведки, разработки, добычи, переработки и транспортировки нефти и газа. Нефтегазовая промышленность испытывала серьезную нехватку технологий, машин и оборудования, инвестиционного капитала, а также опыта работы с западными нефтяными компаниями. Ведь главное – не в объемах добычи нефти, а в умении реализовать ее на мировых рынках.

Но на момент обретения независимости наш менеджмент не был настолько современным и продвинутым, чтобы действовать и успешно конкурировать на мировом рынке. Система транспортировки внутри республики, разработанная в

советский период, не отвечала требованиям суверенного государства, доступ к международным рынкам был ограничен. После распада СССР большая часть нефтепровода осталась на территории России, что также значительно повлияло на эффективность и рентабельность работы единого нефтегазового сектора постсоветского пространства. Очень остро стояли вопросы охраны окружающей среды, которым в советское время уделяли недостаточное внимание.

Я понимал, что качественное и эффективное освоение наших нефтяных ресурсов требовало широкого сотрудничества с крупнейшими мировыми нефтяными компаниями, имеющими богатейший опыт в области геологоразведочных работ, добычи, переработки углеводородного сырья, его транспортировки. Еще до приобретения независимости Казахстан начал постепенно налаживать переговорный процесс с титанами нефтяной промышленности.

Да, было трудно. Мы не имели опыта ведения зарубежных переговоров. Учились, так сказать, «прямо на ходу» – во время переговоров. Главный вопрос, который я всегда задавал: «Соответствует ли этот контракт международным стандартам? Не пойдет ли он в будущем поперек интересов Казахстана?» наших знаний и авторитета было недостаточно. Нужны были свежие, новаторские идеи и люди, имеющие опыт работы в критических ситуациях. Было очень тяжело. Было много противников привлечения иностранных инвесторов как внутри страны, так и в ближнем зарубежье. Нас обвиняли в продаже родины и предрекали участь Нигерии, которая не смогла эффективно распорядиться своими нефтяными ресурсами и попала в зависимость от иностранных нефтяных компаний. Тем не менее мы понимали важность нефтегазовой отрасли для экономического и социального развития новой республики, а также для стратегической безопасности государства. В этой связи мы приложили очень большие усилия для того,

чтобы уже в 1992 году разработать хорошо продуманный и перспективный план по дальнейшему развитию казахстанской нефтегазовой индустрии.

Трудностей, особенно непредвиденных, было множество, но главную стратегическую цель – повышение уровня добычи нефти – мы все-таки достигли. Если после распада Советского Союза годовой уровень добычи нефти снизился с 25 млн. тонн в 1991 года до 20 млн. тонн в 1994 году, то в последующем наблюдался его интенсивный рост.

В Атырауской области еще в бытность Советского Союза было обнаружено свыше 75 месторождений с разведанными запасами в размере около 1 млрд. тонн нефти. Из них в годы независимости мы сумели ввести в разработку 39 месторождений с запасами в размере 846 млн. тонн. Кроме того, на 7 месторождениях велись подготовительные работы. В стадии доразведки находились еще около 25 месторождений.

Из наиболее крупных месторождений следует отметить:

- 1. Кашаган (общие разведанные извлекаемые запасы нефти около 1648 млн. тонн, газа – 969 млрд. куб. м);*
- 2. Тенгиз (общие разведанные извлекаемые запасы нефти около 237,3 млн. тонн, газа – 687,3 млрд. куб. м.);*
- 3. Карачаганак (общие разведанные извлекаемые запасы нефти около 1318,7 млн. тонн, газа – 684,4 млрд. куб. м).*

**Источник: Министерство энергетики
и минеральных ресурсов Республики Казахстан**

Обретя независимость, Казахстан столкнулся с рядом крупнейших проблем, в том числе по вопросам привлечения инвесторов в нефтедобывающую отрасль – двигатель экономики независимого Казахстана.

Впереди нам еще предстояло выдержать длительную борьбу с Москвой за сырьевые богатства Каспия. В России нефтяное лобби сильно давило на Ельцина, чтобы тот добился передачи в собственность России месторождения Тенгиз. У меня было много неприятных бесед с Б. Ельциным по этому поводу.

Однажды при встрече в Москве Б. Ельцин говорит мне: «Отдайте Тенгиз России». Я посмотрел на него, вижу, не шутит. Отвечаю: «Ну, если Россия отдаст нам Оренбургскую область, ведь Оренбург был столицей Казахстана». Он: «У вас есть территориальные претензии к России?» Отвечаю: «Да нет». Он засмеялся, я тоже.

У России не было денег и технологий для разработки такого сложного месторождения. Если бы тогда Тенгиз достался россиянам, они бы законсервировали месторождение, и Казахстан мог остаться их экономическим заложником.

Первым серьезным успехом Казахстана, повлиявшим на дальнейшее развитие всей нефтяной отрасли республики, стал контракт с компанией «Шеврон». Этот контракт стал сигналом для всех инвесторов, пришедших позднее. Он поистине стал «контрактом века», заложив экономическую составляющую нашей независимости. Но этому предшествовали годы долгих переговоров, о которых я хотел бы рассказать.

«КОНТРАКТ ВЕКА»

Уже в конце 80-х и начале 90-х годов «Шеврон» вел переговоры с СССР по Тенгизскому месторождению, но руководство СССР всеми силами препятствовало допуску иностранцев к разработке. Российское нефтяное лобби знало о запасах тенгизской нефти и не хотело, чтобы Тенгиз достался другим.

В то время на Тенгизе было задействовано около 60 скважин с ежегодной добычей примерно 3 млн. тонн нефти. Добычу можно было увеличить раз в 15, только необходимы были огромные финансовые средства и использование инновационных технологий. У Москвы на тот момент ни того, ни другого не было, поэтому руководство ЦК КПСС вынуждено было смириться с мыслью привлечения иностранных инвесторов. Вопрос заключался только в том, кого привлечь.

Из всех предлагаемых инвесторов, а это были японцы, англичане, американцы и итальянцы, Москва остановила свой выбор на американской компании «Шеврон». С «Шевроном» была достигнута договоренность, что, помимо инвестиций в тенгизское месторождение, будут созданы различные совместные предприятия, которые должны были насытить внутренний рынок СССР качественными товарами нефтепереработки.

Несомненным было то, что этот выбор не обошелся без сильного внутреннего и внешнего лобби на Москву. Москва была готова на все, лишь бы укрепить позиции уже пошатнувшейся центральной власти. В 1988 году был даже подписан протокол между Министерством нефтяной и газовой промышленности СССР и «Шевроном» о намерениях создать совместное предприятие «Совшевройл», которое должно было заняться освоением Королевского месторождения. Данный документ подписывался в строгой конфиденциальности от нас. Но процесс развала СССР и суверенизации союзных республик шел своим чередом, и уже через год Москва была вынуждена не только привлечь нас к переговорам с американцами, но и считаться с нашими условиями.

В июне 1990 года состоялись первые официальные переговоры с руководством «Шеврона». Был подписан Протокол о намерениях между американской нефтяной компанией «Шеврон» и казахстанским производственным объединени-

ем «Тенгизнефтегаз», которое в то время входило в систему Миннефтепрома СССР. Согласно этому Протоколу, компания «Шеврон» обязывалась подготовить технико-экономическое обоснование по Тенгизскому и Королевскому месторождениям и провести переговоры по потенциальному соглашению о создании совместного предприятия с «Тенгизнефтегазом».

После подписания данного Протокола я впервые посетил Соединенные Штаты, где провел около трех недель, побывав в Нью-Йорке, Вашингтоне и на предприятиях корпорации «Шеврон» в штатах Калифорния и Луизиана.

В это же время я познакомился в Москве с профессором экономики из университета Сан-Франциско, американцем корейского происхождения Чан Ян Бэнгом. Благодаря ему, во время трехнедельного пребывания в США, мне удалось беседовать и учиться у профессионалов по экономике, финансам и праву. Эти беседы дали мне возможность подробно изучить экономическую и финансовую системы США и законы, позволяющие инвесторам вкладывать деньги, а также рассмотреть сам механизм инвестирования. Практическим примером для этих «теоретических» занятий стал тот же «Шеврон». Это было хорошим началом новой учебы, которая продолжается и по сей день.

Доктор Ч. Бэнг сегодня возглавляет КИМЭП – лучший вуз страны, отвечающий всем современным требованиям образования.

Предварительное технико-экономическое обоснование и проект соглашения о создании СП были подготовлены компанией «Шеврон» и «Тенгизнефтегазом» к концу первого квартала 1991 года. ТЭО и соглашение должны были рассматриваться и утверждаться группой экспертов из Госплана СССР. Однако возникли сложности, и не только технические.

Как известно, в 1989–1990 годах резко ухудшилась политическая ситуация в СССР. Летом 1991 года Борис Ельцин

выставил свою кандидатуру на пост президента России и находился в открытом конфликте с бывшим генеральным секретарем, а тогда уже президентом М. Горбачевым и руководством КПСС. В частности, Ельцин с помощью своих сторонников, таких как Егор Гайдар, критиковал предлагаемое совместное предприятие между «Шевроном» и «Тенгизнефтегазом», как не отвечающее интересам страны. Гайдар начал собственную экспертизу соглашения. Тенгиз превращали в политическую игру, вместо решения вопроса. В разгар этой сумятицы была создана еще и третья комиссия, которая также критиковала условия предлагаемой сделки.

К середине 1991 года стало очевидно, что проект не продвигается вперед. В этот момент мы предприняли решительные действия. Будучи членом Президентского Совета при М. Горбачеве, я убедил Москву передать полномочия по ведению переговоров Совету министров Казахской ССР на том основании, что казахстанское Правительство сумеет добиться более выгодных условий. Советское руководство согласилось, и 23 июля 1991 года в Постоянном представительстве Казахской ССР в Москве представители «Шеврона» были информированы мною о том, что на переговорах будут обсуждаться новые условия по проекту.

Большую часть предыдущей ночи я провел на переговорах по-новому союзному договору с Горбачевым и лидерами других союзных республик. Ровно через неделю я встретился с Горбачевым и Ельциным, пытаюсь примирить конфликтующие стороны и придать окончательную форму предлагаемому союзному договору. На следующий день я встретился также с президентом США Джорджем Бушем-старшим, который приехал в Москву для подписания договора «Старт-2» по сокращению ядерной угрозы. Мы детально обсудили с ним ход переговоров между «Шевроном» и «Тенгизнефтегазом» и согласились поддержать проект.

Президента США интересовал вопрос – о чем говорил в переговорах М.С. Горбачев. Я им подробно рассказал о всех сложностях месторождения, например, об отсутствии технологии транспортировки в связи с высоким содержанием серы и т. д. Они остались довольны. Помню, как Джордж Буш спросил меня: «Вы не нефтяник по образованию?» Я сказал: «Нет, я металлург, но жизнь заставляет разбираться во всех отраслях экономики». В 2006 году, когда я гостил у Дж. Буша-старшего он вспомнил этот случай и говорил, что помнит меня с тех пор.

Это было верное решение в критический момент для Казахстана. Три недели спустя СССР как государства уже не было. После развала Союза все переговоры по Тенгизу мы вели как самостоятельный субъект международного права. Однако сразу же возникли разногласия по соглашению.

Здесь следует сказать, что мне пришлось глубоко изучить предмет переговоров. В такие моменты знание фактов и деталей становилось главной силой. Мы понимали, что за столом переговоров решается судьба будущего Казахстана. Диалог требовалось вести с трезвым расчетом и неопровержимыми аргументами, которые мы формулировали следующим образом.

Во-первых, как оценить то, что уже сделано на Тенгизском месторождении? «Шеврон» предложил посчитать произведенные затраты по очень выгодному для нас курсу рубля (на 35% меньше, чем при обычных взаиморасчетах). Но даже с таким заманчивым предложением согласиться было нельзя, так как в то время только стоимость нового импортного оборудования на Тенгизе оценивалась на сумму 850 млн. долларов США, к тому же мы израсходовали на обустройство месторождения около 1,5 млрд. рублей. В итоге нами было предложено провести независимую оценку стоимости.

Во-вторых, вызывала вопросы схема инвестирования проекта. Кто должен взять кредиты? Из каких средств будет осуществляться финансирование разработок? Мы настаивали на большом и прямом участии «Шеврона», а не только создаваемого с ним СП.

В-третьих, мы были против первоначально выделяемой территории под разведку и освоение Тенгиза. «Шеврон» считал необходимой площадь в 23 тысячи кв. км, тогда как, для сравнения, нынешняя территория Атырауской области составляет всего 118,6 тысячи кв. км. Это было неприемлемо для нас. Мы настаивали на 2 тысячах кв. км.

В-четвертых, мы предлагали определить американскую долю от прибыли до 13%, а казахстанскую – в размере 87%, тем самым, пересмотрев союзный вариант доли в СП, где у американцев было 38%, а у СССР – 62%.

В-пятых, размер роялти. «Шеврон» настаивал на 7%, когда в то время во всем мире роялти составлял в зависимости от прибыльности проекта в среднем около 17%.

В-шестых, степень политического риска. Американцы оценивали его в несколько раз выше, чем риск инвестирования в Латинской Америке и Африке.

В-седьмых, мы предлагали увеличить плату за использование земли, а также вдвое увеличить размер бонусов с 50 млн. долларов США до 100 млн. долларов США. И плату за использование недр с 10 млрд. долларов США до 25 млрд. долларов США. Общая сумма разногласий составляла около 17 млрд. долларов США.

В результате всего этого переговоры зашли в тупик. «Шеврон» не хотел идти на уступки по основным нашим требованиям. Но мы были готовы к такому развитию событий. И, выбрав нужное время, пошли ва-банк. В конце марта 1992 года казахстанская сторона была вынуждена объявить, что, если «Шеврон» не пойдет на уступки, мы прекратим перего-

воры с ними и объявим международный конкурс на освоение Тенгизского месторождения. Хотя законов для проведения таких конкурсов у нас еще не было.

Я понимал, что компромисс – важное условие успеха. Мы знали, что «Шеврон» тоже хочет компромисса. И прежде чем идти на такой компромисс, мы четко определили тот предел, до которого мы могли уступить, не нанося ущерба своей стране. Наш расчет оказался верным, и через некоторое время «Шеврон» согласился на наши условия. Конечно, и нам пришлось пойти на небольшие уступки. Так, например, был увеличен размер площадей под разведку и освоение тенгизской нефти с 2 тысяч кв. км до 4 тысяч кв. км.

7 мая 1992 года между Правительством Республики Казахстан и корпорацией «Шеврон» был подписан Протокол о принципах сотрудничества по созданию совместного предприятия «Тенгизшевройл», согласно которому СП «Тенгизшевройл» с 1 января 1993 года приступает к дальнейшей разработке Тенгизского и Королевского месторождений.

Затем, в конце мая 1992 года я по приглашению президента США Джорджа Буша-старшего совершил первый официальный визит в Соединенные Штаты Америки. В ходе визита состоялись встречи с президентом США Дж. Бушем, госсекретарем Дж. Бейкером, министром обороны Р. Чейни, министром финансов Н. Брейди, министром сельского хозяйства Э. Мэндиганом, сенаторами Конгресса США, директором-распорядителем корпорации «Шеврон» К. Дерром. Как показывает мой личный опыт, в самом начале переговоров очень важно установить личный, дружественный и доверительный контакт с партнерами. Что мы и сделали в ходе нашего первого визита в США.

Во время данного визита мы подписали ряд двухсторонних соглашений, в том числе учредительное соглашение о совместном предприятии «Тенгизшевройл» по разработке

Тенгизского и Королевского месторождений нефти Казахстана, названное экспертами «контрактом века».

6 апреля 1993 года в Алматы в «Доме Дружбы» в моем присутствии и с участием директора-распорядителя корпорации «Шеврон» Кеннета Дерра было подписано Соглашение о создании СП «Тенгизшевройл», в котором содержались основные параметры будущего контракта. В этот же день я подписал Указ «О деятельности совместного предприятия «Тенгизшевройл».

По каналам мировых информационных агентств были распространены следующие данные: «Согласно контракту доля в СП распределилась следующим образом: Казахстан – 50% и «Шеврон» – 50%. Американская сторона взяла на себя все затраты по обустройству и строительству месторождения. Срок действия заключенного договора – 40 лет. Площадь совместной деятельности – 4 тысяч кв. км. Первоначальные финансовые вложения – 1,5 млрд. долларов США. Общий объем инвестиций – 20 млрд. долларов США. Основная доля нефти пойдет на экспорт. Общие доходы за четыре десятилетия составят около 210 млрд. долларов США, тогда как расходы – около 83 млрд. долларов США с учетом налогов и роялти, 80% предполагаемых доходов достанутся Казахстану. За четыре десятилетия на Тенгизе планируется добыть нефти – 775 млн. тонн, пропана – 32 млн. тонн, широкой фракции легких углеводородов – 55 млн. тонн, серы – 96 млн. тонн».

Буквально сразу после подписания контракта поднялся шквал критики. Американская пресса критиковала «Шеврон» за то, что те взялись за рискованный проект, нас же критиковали россияне за то, что мы продались американцам.

Но вся критика была необоснованной. Несмотря на уровень риска и неопределенное будущее Казахстана, «Шеврон» стал первопроходцем или, как говорят американцы, пионе-

ром, за что был вознагражден в полной мере в последующие годы. Только по итогам прошлого 2005 года ТОО «Тенгизшевройл» добыло 13 млн. 657 тысяч тонн нефти. Попутно с нефтью предприятие получило 4 млрд. 67 млн. кубометров газа.

Кроме того, в 2007 году ТОО «Тенгизшевройл» планирует завершить строительство объектов второго поколения – нового газоперерабатывающего завода и системы закачки попутного газа обратно в пласты, что повысит дебит скважин. Это позволит увеличивать добычу нефти примерно на миллион тонн в месяц. Всего прирост мощностей предприятия после завершения объектов второго поколения составит 11-12 млн. тонн углеводородного сырья в год. После того как объекты заработают на полную мощность, добычу на Тенгизском месторождении планируется довести до 25 млн. тонн в год.

Оглядываясь назад, можно сказать, что сотрудничество между молодой республикой и «Шевроном» помогло существенно снизить инвестиционные риски нашей страны. «Контракт века» дал позитивный сигнал другим крупным нефтяным компаниям, которые в то время еще только задумывались об инвестициях в Казахстан. Но для дальнейшего привлечения иностранных инвестиций прецедента «Шеврона» было недостаточно. Компаниям были нужны юридические гарантии для инвестирования в Казахстан. Такие гарантии мы смогли предоставить только спустя два года, когда Указом Президента был принят Закон «О нефти».

ЗАКОН «О НЕФТИ», 1995 ГОД

С самого начала развития нашего государства мы столкнулись с проблемами, связанными с отсутствием необходимой законодательной базы. Это относилось, наверное, ко многим направлениям деятельности нашего государства. Наибольшая

неподготовленность в этих условиях чувствовалась в одной из ключевых сфер экономики – недропользовании.

В советское время все являлось собственностью государства, и соответственно отсутствовала необходимость оформления каких-либо серьезных договоров на право недропользования. Для проведения геологоразведочных работ или разработки месторождений предприятия по решению Министерства нефти и газа получали горный отвод и начинали соответствующие нефтяные операции. Таким образом, установление всевозможных правовых отношений с государством, которые бы учитывали интересы предприятий или недропользователей, не имело смысла. Действовавшим в то время законодательством регулировалась, в основном, техническая сторона взаимоотношений.

Практика показывала, что отсутствие Закона, регулирующего нефтяные операции, было негативным фактором, сдерживающим инвестирование в республику. Для освоения минерально-сырьевых ресурсов страны с участием инвесторов в начальный период независимости использовалась практика создания совместных предприятий между иностранными партнерами и отечественными предприятиями, осуществляющими свою деятельность на месторождениях. Основой сотрудничества был контракт о создании СП на территории Республики Казахстан. Право на недропользование, таким образом, имело казахстанское предприятие. Входя в состав СП, иностранный партнер становился совладельцем прав на недропользование. Такой вид привлечения иностранных инвестиций получил широкое распространение практически на всей территории СНГ.

Иностранные инвесторы, намеревающиеся вкладывать большие средства, естественно, хотели иметь более весомые гарантии. При отсутствии закона такими гарантиями могли служить или ратификация каждого договора в Парламенте,

или их утверждение указами президента страны. Мне приходилось брать на себя личную ответственность за каждый контракт. Соответственно, любое дополнение и изменение в контракты, которые вполне могли возникать в период долголетней реализации проекта, должны были бы вноситься только указами президента. Такой громоздкий порядок, к тому же не имеющий законодательной базы международного уровня, не способствовал широкому привлечению иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль.

К середине 1994 года по моему поручению Правительство начало работу по разработке законопроекта «О нефти». Министерством топлива и энергетических ресурсов была создана рабочая группа, в которую вошли представители различных государственных органов, научных, юридических и финансовых институтов, представители производства и другие. На первоначальном этапе своей деятельности рабочая группа столкнулась с большими трудностями, так как необходимо было разработать современный законопроект, воспринимаемый иностранными инвесторами и эффективно защищающий интересы государства. Труднее всего было преодолеть сложившийся менталитет. Общество на протяжении десятилетий осуществляло свою трудовую деятельность на базе тотальной государственной собственности. Необходимо было привыкать к такому понятию, как частная собственность, и подготовить закон, который бы защищал не только государственные интересы, но и интересы частного инвестора.

В силу того, что закон устанавливал правовые основы взаимоотношений в одной из важнейших сфер экономики нашей страны, где реально пересекались интересы Правительства, различных предприятий, групп людей, иностранных инвесторов, он стал предметом длительных обсуждений в Верховном Совете.

К тому времени, когда был готов окончательный вариант законопроекта, Верховный Совет был уже распущен, и Закон «О нефти» стал одним из 140 ключевых законов, заложивших основу экономических реформ, которые я принял Указом Президента РК, имеющим силу Закона, от 28 июня 1995 года №2350. Таким образом, благодаря этому Указу мы начали новую главу в истории освоения казахстанской нефти.

Законом подтверждалось, что нефть, находящаяся в недрах, является собственностью государства, а после извлечения на поверхность ее принадлежность определяется правовыми актами, заключаемыми между Правительством Республики Казахстан и недропользователем. Закон предусматривал несколько видов контрактов по осуществлению нефтегазовых операций в нашей стране: концессионный, основанный на оплате налогов и роялти, в форме соглашения о разделе продукции, а также сервисные контракты.

Согласно закону, финансовые риски при проведении геологоразведочных работ возлагались на инвестора. Так, при необнаружении нефтяных залежей затраченные средства инвестору не возмещаются. Кроме того, в контрактах указывался минимальный объем геологоразведочных работ для инвестора, который устанавливался соответствующим государственным органом в физических объемах и в денежном выражении. В случае его невыполнения по истечении срока разведки инвестор должен был выплатить неиспользованную сумму оценочной стоимости минимального объема работ в бюджет государства.

Закон установил обязательства государства по контрактам и создал достаточно гарантий для инвесторов, которые больше не просили утверждать соглашения о недропользовании указами президента. Принятие закона значительно снизило так называемый «страновой риск» Казахстана по сравнению с другими постсоветскими странами. Имея за-

конодательно утвержденные «правила игры», иностранные нефтяные гиганты могли смело инвестировать в разработку казахстанских месторождений без опасения, что интересы участников подписываемых контрактов будут каким-либо образом ущемлены.

Закон «О нефти» сыграл свою историческую роль в деле укрепления экономического благосостояния страны. Благодаря закону, политика нашей страны в области недропользования стала более прозрачной и предсказуемой. Наш авторитет и имидж стали укрепляться из года в год. В страну одна за другой потянулись иностранные нефтяные гиганты.

«Казахстан действительно понимает, насколько велики те возможности, которые существуют перед ним для того, чтобы эффективно воспользоваться нефтяными ресурсами.

...Нефтяные ресурсы должны использоваться эффективно, они должны интегрироваться в программу экономического развития. И я уверен, что это то направление, в котором Казахстан действительно движется».

Из выступления вице-президента Perseus LLC Р. Холбрука на Евразийском медиа-форуме, Алматы, 24 апреля 2004 года

Сейчас многие считают это само собой разумеющимся фактом. А тогда мы знали, что такие непростые решения будут неоднозначно восприняты в обществе. Многие в тот момент обвиняли нас в продаже родины и будущего наших детей. Но вместо того чтобы ввязываться в бесполезную полемику, мы решили четко определить гарантии государства по отношению к иностранным инвесторам. Своего капитала для освоения нефтяных ресурсов, тем более современных технологий, у нас не было. Мы стали работать с иностранными нефтяными

компаниями как с партнерами, готовыми делать долгосрочный и прибыльный бизнес в Казахстане.

Принятый Закон стал базисом и импульсом к дальнейшему развитию нефтяной отрасли. Но если мы могли дать юридические гарантии по вопросам разработки месторождений на суше на уровне республики, то вопросы разведки и добычи углеводородов на море требовали не только принятия казахстанских законодательных актов, но и подписания межгосударственных соглашений.

ПРАВОВОЙ СТАТУС КАСПИЙСКОГО МОРЯ

С самого начала правовая неопределенность Каспийского моря являлась своего рода тормозом развития нефтегазовой индустрии на Каспийском шельфе. Из-за такой неопределенности некоторые крупные компании лишь «обозначали» свое присутствие на Каспии в ожидании лучших времен.

Естественно, что сложившаяся из-за неопределенности по правовому статусу Каспия геополитическая и экономическая ситуация нас не удовлетворяла. Исторически сложилось так, что этот очень важный с геостратегической точки зрения водоем до 1991 года был предметом взаимоотношений только Советского Союза и Ирана. После распада СССР ситуация в этом регионе осложнилась еще больше. В процесс были вовлечены уже пять независимых государств – Азербайджан, Россия, Иран, Туркменистан и Казахстан, что требовало пересмотра и определения такого статуса Каспийского моря, который бы отвечал реалиям времени и учитывал позиции всех стран Прикаспийского региона.

Также актуальность вопроса возрастала в связи с тем, что все прикаспийские страны в непростой обстановке 1992–1993 годов рассчитывали, что освоение богатых ресурсов Каспия существенным образом поможет им улучшить эко-

номическое и социально-политическое положение. Но без четкого определения правового режима Каспийского моря, национальных секторов сопредельных стран невозможно было начинать разведочные и буровые работы, привлекать иностранных инвесторов с полновесным и максимальным участием.

Было очевидно, что углеводородные ресурсы Каспийского моря в будущем смогут конкурировать с такими крупными нефтяными регионами, как Северное море, Мексиканский залив и другие. В связи с этим проблема Каспийского моря уже с самого начала переросла региональные масштабы и приобрела глобальное значение.

Поэтому сразу же после распада СССР и приобретения Казахстаном независимости нашим внешнеполитическим ведомством были инициированы переговоры между прикаспийскими странами о правовом статусе Каспийского моря. Эта была одна из самых важных проблем, находившихся под моим пристальным вниманием. Мы определили для себя главную задачу: Казахстан должен иметь легальное, признанное всеми прикаспийскими государствами и мировым сообществом право на освоение природных богатств казахстанского сектора Каспия.

Мне приходилось вести трудные переговоры с руководителями великих государств, которые чувствовали свою силу и надеялись на большие уступки. Я всегда четко говорил, что мог бы уступить в личном. Но если это касалось народа и страны, я предлагал находить альтернативное, удовлетворяющее обе стороны решение.

Так было и на переговорах по статусу Каспия.

Но, несмотря на наши активные действия, только в октябре 1994 года в Москве состоялась первая встреча представителей прикаспийских государств, на которой Иран выдвинул идею создания Организации регионального сотрудничества

каспийских государств. Казахская делегация, единственная среди «пятерки», представила проект Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, который, однако, «за недостатком времени» подробно не рассматривался.

Но это была первая встреча, и уже этим она примечательна. Переговорный процесс наконец-то сдвинулся с «мертвой точки». Затем, в мае 1995 года в Алматы прошла еще одна встреча, после которой нам удалось интенсифицировать переговорный процесс, придать ему более организованный характер.

Переговоры шли крайне сложно. Это было обусловлено различиями в первоначальных подходах прикаспийских стран к урегулированию правового статуса Каспийского моря. Здесь я хотел бы несколько схематично осветить эволюцию позиций прибрежных государств по правовому статусу Каспийского моря.

Позиция Казахстана заключалась в том, чтобы распространить на Каспийское море отдельные положения Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года, используя их с учетом особенностей Каспия как единой экологической системы. Дно и его ресурсы предлагалось разграничить по срединной линии. По воде установить территориальное море и рыболовные зоны согласованной ширины. Остальная часть моря и его поверхность должны были быть открыты только для торговых судов прибрежных государств, свободного судоходства и рыболовства на основе согласованных квот вылова. Внутриконтинентальные каспийские государства должны пользоваться свободой транзита через территории России и Ирана всеми транспортными средствами для доступа в другие моря и Мировой океан.

Россия считала Каспий морем общего пользования на основе кондоминиума, который должен распространяться на все виды природных ресурсов, включая природные ресурсы

дна Каспия. Каждое прикаспийское государство, в рамках первоначальной российской позиции, может располагать лишь узкой 10-мильной прибрежной полосой и в этих пределах обладать исключительными правами в целях разведки и разработки минеральных ресурсов дна моря. Что касается ресурсов вне этой зоны, то, по российскому варианту, они должны были находиться в совместном владении и управляться специально созданным Комитетом по дну, состоящим из представителей пяти прибрежных государств.

Россия постоянно подчеркивала необходимость строгого соблюдения правового режима Каспия, закрепленного в Договорах между РСФСР и Ираном (Персией) от 26 февраля 1921 года, СССР и Ираном от 25 марта 1940 года. Российская сторона правильно указывала, что распространение Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года на Каспийское море повлечет за собой признание Волго-Донского и Волго-Балтийского каналов международными водными путями. При этом Россия заявляла, что это противоречит ее законам, а также сделает Каспийское море открытым для других государств, что не отвечало российским интересам на Каспии.

Реализация российской концепции означала бы отказ прибрежных государств от своих суверенных прав на разработку недр на большей части прилегающего к их территории дна моря. Кроме того, такое решение привело бы к ликвидации уже существующих консорциумов, затруднило бы привлечение иностранных инвестиций в целях разведки и разработки ресурсов Каспия. И, наконец, хотел бы отметить, что идея кондоминиума трудно реализуема, так как в мировой практике отсутствуют аналогичные прецеденты. Современное международное право идет по пути раздела ресурсов дна между заинтересованными странами.

Обо всем этом я говорил президенту России Борису Ельцину, когда убеждал его изменить российский подход к

правовому статусу Каспийского моря. Первым результатом наших с ним переговоров стало подписание 27 апреля 1996 года в Алматы совместного заявления президентов России и Казахстана, в котором стороны признали права друг друга на проведение работ по освоению минеральных и биологических ресурсов.

Впоследствии аналогичные документы были подписаны мною с президентами Ирана и Азербайджана. В них были закреплены основные элементы правового статуса Каспия и принципы деятельности на море.

6 июля 1998 года мною и Б. Ельциным в Москве было подписано Соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование. Принципиально новая суть этой договоренности заключалась в том, что стороны условились делить дно Северного Каспия между Казахстаном и Россией по модифицированной срединной линии, окончательно отойдя от идеи кондоминиума. В результате 13 мая 2002 года в Москве уже с президентом Путиным был подписан Протокол, являющийся приложением к вышеуказанному Соглашению и фиксирующий координаты модифицированной срединной линии.

Вместе с тем Азербайджан с самого начала решительным образом отстаивал озерный вариант и необходимость разделить акваторию, дно и недра моря на национальные секторы, где линии разграничения будут являться государственными границами. Предлагаемый им вариант являлся образцом так называемого жесткого раздела. В этом случае неизбежно возникли бы серьезные затруднения в обеспечении нормальных условий для торговли, судоходства, рыболовства, а также для сохранения и рационального использования других биоресурсов моря, экологического сотрудничества.

Исходя из этих соображений, официальный Баку постепенно менял свою позицию в сторону казахстанского ва-

рианта, о чем ярко свидетельствуют подписанные 29 ноября 2001 года мной и президентом Азербайджана Г. Алиевым Соглашение между Казахстаном и Азербайджаном о разграничении дна Каспийского моря и Протокол к нему от 27 февраля 2003 года. Подписание 14 мая 2003 года в Алматы трехстороннего Соглашения между Республикой Казахстан, Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря завершило процесс разграничения дна северной части Каспийского моря.

Во время визита президента Туркменистана Сапармурата Ниязова в Алматы 27 февраля 1997 года мне удалось убедить его подписать Совместное заявление, в котором записано, что «до достижения соглашения прикаспийскими государствами по статусу Каспийского моря стороны будут придерживаться делимитации административно-территориальных границ по срединной линии». Таким образом, Ашхабад по главному спорному вопросу также солидаризировался с Казахстаном и Азербайджаном.

Несмотря на согласованные позиции между вышеуказанными странами, Иран, как прикаспийская страна, до сих пор настаивает на разделении Каспийского моря между пятью прикаспийскими государствами на пять равных долей (по 20% поверхности), что означало бы изменение существующих границ и являлось одной из причин невозможности подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Иран фактически хотел увеличить свою территорию за счет других стран региона.

В апреле 2002 года в Ашхабаде состоялся Саммит глав прикаспийских государств. Неожиданностью саммита стала инициатива Сапармурата Ниязова о создании Совета Президентов прикаспийских стран. Думаю, что эта идея была подброшена иранской стороной. По его замыслу, Совет должен

заседать один раз в год с целью решения текущих вопросов в разных странах Прикаспийского региона.

Это предложение решительно не поддержал президент Азербайджана Гейдар Алиев. В перерывах между заседаниями он говорил мне, что этим хотят загнать вопрос в «говорильню» и не решать его. И потом, резонно замечал он, «как это воспримется, что мы с вами окажемся в одном совете с Ираном, по отношению к которому применялся эмбарго мирового сообщества?» Г. Алиев был мудрым, рассудительным, всегда спокойным человеком. Я храню о нем самые теплые чувства.

Предложение отклонил и Казахстан, так как создание подобного института в полной мере не решает, а лишь подменяет существующую практику многосторонних консультаций. Проведение очередной встречи глав прикаспийских государств мы все же запланировали, но уже в Тегеране.

Итоговый документ встречи глав прикаспийских государств (декларация) не был подписан, главным образом, из-за ирано-азербайджанских расхождений. Главы прикаспийских государств признали необходимость разделения Каспийского моря на национальные секторы по срединной линии, модифицированной на основе отдельных соглашений, за исключением Ирана.

Во всяком случае, основа для успешного завершения процесса уже заложена. Вспоминая афоризм «у войны всегда запах нефти», возникший еще в начале XX века, ставшего эпохой крупных геополитических столкновений, мы и дальше будем стремиться к консолидации усилий всех прикаспийских стран. Усилий, направленных на то, чтобы сделать Каспийское море морем дружбы и сотрудничества.

При решении такого вопроса, как статус Каспия, спешки быть не должно. Я уверен, что переговорный процесс максимально учтет интересы всех пяти стран региона. Ведь сейчас уровень интеграционных отношений в мире достиг уже такого

значения, что процесс экономической глобализации стал механизмом, который диктует свои условия на мировом рынке и почти директивно распределяет роли той или иной страны в системе международного разделения труда.

После первого сигнала о наличии невероятных запасов нефти на казахстанском шельфе Каспия большинство экспертов и аналитиков были скупы на комментарии и давали, в основном, скептические прогнозы. На сегодняшний момент пессимистические прогнозы не оправдались. Открытие крупного Кашаганского месторождения, расположенного в северной части Каспийского моря, положило начало освоению казахстанского сектора Каспия и окончательно обозначило потенциальное место Казахстана в числе крупнейших экспортеров нефти в мире.

МЕСТО КАЗАХСТАНА НА МИРОВОЙ НЕФТЯНОЙ КАРТЕ

Можно долго рассуждать о том, политика следует за экономикой или наоборот. Но, вероятно, все согласятся, что на сегодняшний день нефть – вопрос, где политика явно определяется нуждами экономики. И не просто нуждами, а остро стоящими вопросами энергообеспечения.

По всем прогнозам и расчетам, мировые потребности в нефти и других видах топлива будут лишь расти. Так, согласно проведенному по заказу американского правительства исследованию, если в настоящий момент США, самый крупный потребитель нефти в мире, импортируют шесть из семи потребляемых ими баррелей нефти, то к 2020 году эти показатели возрастут до восьми из десяти баррелей. Китай, бурно растущая экономика которого требует импорта второго по величине объема нефти в мире, к 2030 году будет вынужден покрывать за счет ввозимой нефти до 80% своих потребностей.

Возникают новые центры экономического развития, возникают новые регионы повышенного, все увеличивающегося потребления энергоносителей. По мнению экспертов, наиболее динамично показатель потребления энергии должен расти в Китае, Южной и Восточной Азии, Африке и Латинской Америке. Рост потребления нефти этих стран будет связан не с потреблением из собственных источников сырья, а с ростом импорта нефти-сырца из других ресурсных регионов мира, что означает повышение общемирового уровня спроса на энергоносители.

Это же, хотя и в меньшей степени, касается и Европы, в которой углеводородные запасы Северного моря будут истощаться, а умеренный экономический рост в 2-3% в год и переход на природный газ обусловят более умеренное увеличение спроса на нефть. При этом ожидается, что после 2010 года в Европе, в бассейне Северного моря, произойдет значительный спад производства по добыче углеводородов.

Таким образом, нефть останется основным мировым источником энергии как минимум еще три десятилетия. Необходимость сохранения глобальной стабильности и экономического стимула для дальнейшей индустриализации и технического прогресса настоятельно требует новых источников энергии в лице стран, обладающих соответствующим природным потенциалом. С оглядкой на факторы, обуславливающие взлет спроса на энергоносители: грядущее истощение разрабатываемых ныне источников, усложнение политической обстановки в нефтеносных районах мира, растущие потребности растущих экономик и увеличение числа жителей планеты – кажется, ничто не препятствует вступлению этих стран в мировое сообщество. И более того, они уже не смогут оставаться в стороне, даже если пожелают. Цена «черного золота» – в самом прямом и в переносном смысле – слишком высока.

Все это демонстрирует факт неизбежности интеграции, однако вовсе не говорит о том, что для каждой страны уже

изначально predetermined роль, которую она будет играть в международном разделении труда.

Каждая страна вступает в интеграционный процесс со своим багажом. Багаж этот разный: интеллектуально-трудовые, индустриально-технологические, культурные и ресурсные потенциалы или их сочетания. И, с учетом возможностей этих стран, мировой рынок диктует условия принятия того или иного государства. Каждая страна должна заплатить своего рода «членский взнос» – то, что она может внести в интегрированную экономику на данный момент. Но, после «уплаты взноса» и вступления в мировое рыночное сообщество, такая страна может либо ограничиться нишей, отведенной ей мировой экономикой в зависимости от «размера членского взноса», либо может попытаться кардинально изменить свою диспозицию и продвинуться на ступеньку выше в иерархии национальных хозяйств.

В сложившихся условиях глобальная экономика уже, собственно, определила, какой именно для Казахстана должен быть «членский взнос», необходимый для участия в интегрированной экономике. Это доступ крупных международных компаний к нашим естественным природным ресурсам, в основном углеводородным энергоносителям и цветным металлам.

Поэтому неудивительно, что с самых первых лет независимости мы уделяли очень серьезное внимание развитию именно нефтегазового сектора нашей экономики. Ведь нефть и газ для нас – это не только топливно-энергетический и стратегический ресурс. Это первооснова, которая быстрее поможет нам сгладить сложности транзитного периода и восполнить тот ущерб, который нанес распад единого интегрированного пространства Советского Союза.

Но еще раз отмечу: та роль, которую мы на первых порах должны играть в процессе международного разделения труда, вовсе не является фатальной и перманентной. Речь идет о том,

что реально в данный момент наша транзитная экономика может предложить мировому сообществу. И не следует забывать, что уровень хозяйственных отношений пока не позволяет нам, занимая ту или иную нишу на мировом рынке, искать новые варианты приложения своих возможностей.

Не побоюсь сказать, что объективно наше государство обладает практически неограниченным потенциалом развития. Чтобы использовать этот потенциал и занять достойное место на мировой арене, необходимо реализовать целый ряд условий, помимо проведения только политических реформ.

На первом этапе становления экономики мы использовали потенциал экспорта энергоносителей и металлов. На следующем этапе развития мы, опираясь на наш ресурсно-экспортный потенциал, будем стремиться к построению экономики, имеющей принципиально иную основу: высокие технологии и инновации, развитую индустрию переработки и утилизации сырья.

А пока мы только переходим рубежи первого этапа развития нашей экономики – этапа, когда на мировой арене мы выступаем и пока будем выступать, как страна, ориентирующаяся на экспорт природного сырья. Это данность, от которой нам было бы недальновидно отворачиваться, хотя бы потому, что Казахстану в этом отношении есть что предложить мировому сообществу.

И, слава богу, что это так, что мир заинтересован в нас. Что для Казахстана весь вопрос состоит лишь в том, чтобы суметь использовать имеющиеся ресурсы на благо страны и народа.

Недра Казахстана полны природных богатств, большая часть которых еще не освоена. Недаром в советское время в ходу было выражение: «В недрах Казахстана – вся таблица Менделеева». Мы не освоили и сотой части всего того, что скрыто в наших недрах. На данный момент наша страна по

объему подтвержденных запасов нефти занимает 12-е место в мире (без учета недостаточно точно оцененных запасов Каспийского шельфа), газа и газового конденсата – 15-е. На долю Казахстана приходится около 3-4% (без учета энергоресурсов Каспийского шельфа) разведанных и подтвержденных мировых запасов нефти. Углеводородные ресурсы континентальной части Казахстана на настоящий момент равны 2,8 млрд. тонн нефти и 1,8 трлн. кубометров газа.

К моменту провозглашения независимости в декабре 1991 года годовая добыча нефти Казахстана составляла 25 млн. тонн, а газа – около 8 млрд. кубометров при достаточно больших прогнозных запасах нефти и газа. Сейчас мы, выполняя программу освоения разведанных ресурсов Каспийского шельфа, идем к тому, чтобы стать одним из крупнейших производителей углеводородов в мире. С учетом запасов Каспийского шельфа углеводородные ресурсы Казахстана оцениваются в размере 12 млрд. тонн нефти-сырца и 2-3 трлн. кубометров природного газа, залегают в перспективных участках площадью свыше 1,6 млн. кв. километров, дополнительно к уже имеющимся запасам.

«Казахстан, страна с 15-миллионным населением, занимающая огромную территорию в среднеазиатских степях, становится все более важным игроком на мировом рынке энергоресурсов. Имея самые большие запасы сырой нефти в районе Каспия, Казахстан ежедневно добывает 1,2 миллиона баррелей, и один миллион из этого объема экспортирует. Правительство страны надеется к 2015 году увеличить добычу до 3,5 миллиона баррелей в день, догнав по этим показателям Иран. За доступ к казахстанской нефти борются американские и российские компании, а также правительства этих стран».

Питер Бейкер (Peter Baker), «The Washington Post», США, 29 августа 2006 года

Все это свидетельствует о перспективах нефтяного сектора экономики, а значит, и о способности Казахстана занять достаточно высокое место в мировом энергоресурсном клубе. Таким образом, я считаю, что в недалеком будущем казахстанский нефтяной сектор сможет играть важную роль в развитии мировой экономики как в экономическом, так и в политическом отношениях.

Сегодня Казахстан обладает сравнительно развитой инфраструктурой транспортировки нефти и газа из добывающих регионов до трубопроводных систем, способных обеспечить дальнейший экспорт углеводородов. Одним из важнейших экспортных трубопроводов является Каспийский трубопроводный консорциум.

Каспийский трубопроводный консорциум был создан для строительства и эксплуатации трубопровода Тенгиз – Новороссийск, общая протяженность которого составляет 1510 км. Цель данного проекта – транспортировка сырой нефти из России и Западного Казахстана и ее экспорт через новый морской терминал на северо-восточном побережье Черного моря.

Первоначально основателями консорциума в 1992 году выступили правительства Казахстана, Султаната Оман и, впоследствии, России. В 1996 году к нам присоединился ряд частных нефтяных компаний, ведущих разработку казахстанского сектора Каспийского моря. В 2001 году была сдана в эксплуатацию первая очередь трубопровода, пропускная способность которой составляет 28 млн. тонн нефти в год. Подача нефти в трубопровод КТК началась 26 марта 2001 года, в октябре того же года на терминале КТК была осуществлена пробная загрузка первого танкера.

Идея строительства нефтепровода Тенгиз – Новороссийск возникла еще в начале 90-х годов XX века. После распада Советского Союза огромные запасы нефти Казахстана оказались

«запертыми» внутри материка, так как страна не имела выхода к Мировому океану. В результате предварительных экономических расчетов был выбран российский маршрут как самый короткий и требующий наименьших затрат на реализацию. Переговоры с Россией на высшем уровне велись с 1994 года. Потребовалось шесть лет, чтобы преодолеть упорное нежелание российской стороны строить нефтепровод.

В целом, можно написать отдельную книгу о многочисленных переговорах с председателем Правительства В. Черномырдиным, руководством Министерства нефти и газа Российской Федерации и, наконец, с Б. Ельциным. Однажды пришел к нам наш премьер-министр Н. Балгимбаев и говорит: «Все! Полный отказ и саботаж, чувствую, вопрос решен не будет». Я поручил ему подготовить краткую и понятную даже кухарке записку, где наглядно – в таблице – показать, сколько Россия в случае отказа участвовать в строительстве нефтепровода потеряет денег, которые она могла бы получить за счет транспортировки нефти через свою территорию.

Б. Ельцин лежал в Кремлевской больнице. Я поехал к нему в больницу. После двух часов беседы вопрос был решен.

Первое соглашение по трубопроводному консорциуму было подписано 17 июня 1992 года на Бермудских островах представителями Республики Казахстан и Султаната Оман. Впоследствии к нему присоединилась Российская Федерация. Соглашением предусматривалось, что Россия и Казахстан передают консорциуму уже существующие трубопроводные активы, а Оман обеспечивает финансирование проекта. Доли участников в консорциуме распределялись поровну. Однако Оман не смог привлечь необходимое финансирование. Подготовленное в 1995 году технико-экономическое обоснование инвестиционного проекта Государственная экспертиза РФ отправила на доработку.

Основная же проблема была в том, что договор заключался на межгосударственном уровне, без учета начавшегося процесса приватизации и, следовательно, интересов основных компаний, ведущих добычу нефти на Каспии. На это указал и Европейский банк реконструкции и развития, отказавшийся предоставить Оману гарантии финансирования проекта.

В тот момент в России и Казахстане отсутствовала необходимая правовая база для осуществления подобного проекта. Прежде всего, это касалось вопроса о свободном обращении валютных средств, без чего не могло быть открыто финансирование проекта. 19 апреля 1997 года мною был подписан Указ «О Каспийском трубопроводном консорциуме», касающийся вопросов валютного регулирования проекта. Следом за ним 24 апреля аналогичный указ подписал президент России Б. Ельцин. Эти указы имели решающее значение, но для того чтобы консорциум мог полноценно функционировать в обеих странах, потребовалось принять еще целый ряд нормативных правовых актов.

Одним из крупнейших нефтегазоконденсатных месторождений в мире является наш Карачаганак, которому в 2004 году исполнилось 25 лет. Его запасы составляют более 1,2 млрд. тонн жидких углеводородов и более 1,3 трлн. кубометров газа.

Разработка месторождения была начата через 5 лет после открытия – в 1979 году. Однако оно не могло самостоятельно существовать и развиваться, так как полностью зависело от перерабатывающих мощностей Оренбургского газоперерабатывающего завода (ОГПЗ), к которому от Карачаганака был проложен газопровод протяженностью 130 км.

После обретения независимости Карачаганак, помимо проблем с переработкой и транспортировкой углеводородов, достались очень серьезные экологические проблемы: грифоны, загрязнение почв, вызванное авариями на сква-

жинах, «объекты Лира» – 6 полостей, созданных в советское время подземными ядерными взрывами для хранения конденсата, а также заброшенные амбары буровых шламов и буровые вышки.

Для решения указанных вопросов и дальнейшего развития проекта необходимы были большие инвестиции. В 1992 году Правительством республики был объявлен конкурс с привлечением крупных иностранных нефтяных компаний на право разработки Карачаганакского месторождения. По результатам конкурса в марте 1995 года между Республикой Казахстан и альянсом компаний «Аджип»/«Бритиш Газ» было подписано Соглашение о принципах раздела добычи (СПРД).

На протяжении срока действия СПРД с марта 1995 до конца 1997 года было затрачено на развитие проекта 293,5 млн. долларов США. После заключения в декабре 1996 года Договора о реорганизации КТК и других сопутствующих этому договору документов появилась реальная перспектива создания эффективной транспортной системы, которая могла позволить осуществлять экспорт углеводородов с Карачаганака на международные рынки. В связи с этим активизировался процесс подготовки к подписанию Окончательного соглашения о разделе продукции (ОСРП). В ходе переговоров между представителями подрядчика, представителями министерств и ведомств республики был подготовлен проект ОСРП, который был подписан в ноябре 1997 года и вступил в силу 27 января 1998 года сроком на 40 лет.

Еще одним крупнейшим месторождением нефти, открытым в мире за последние 30 лет, было объявлено месторождение Кашаган на севере Каспийского моря. Его извлекаемые запасы оцениваются в 10 млрд. баррелей.

Открытие этого месторождения вывело Казахстан в число основных стран в мире, обладающих значительными угле-

водородными ресурсами. Обнаружение столь масштабных запасов нефти позволило привлечь огромный интерес всего мира к Каспийскому региону и повысило его инвестиционную привлекательность.

Для проведения работ по оценке нефтегазоносного потенциала казахстанского сектора Каспия в 1993 году было решено создать международный консорциум. Учитывая сложные технические условия работы на Каспии и высокие требования к экологии, изначально при подборе членов первого морского консорциума проводился тщательный отбор нефтяных компаний. В консорциум вошли компании, обладавшие самыми современными техническими и технологическими возможностями, имевшими опыт работы на сложных месторождениях с соблюдением самых строгих экологических требований: «Казахстанкаспийшельф», альянс «Бритиш Петролеум/Статойл» (Великобритания/Норвегия), «Бритиш Газ» (Великобритания), «Шелл» (Нидерланды), «Аджип» (Италия), «Мобил» (США), «Тоталь» (Франция).

Основные работы Консорциума включали в себя проведение геолого-геофизических исследований, экологический мониторинг и оценку воздействия геолого-геофизических работ на окружающую среду, развитие производственной и социальной инфраструктуры Прикаспийского региона, обучение казахстанских специалистов, финансирование научно-исследовательских работ. Общие инвестиции по программе работ международного консорциума составили более 218 млн. долларов США.

Благодаря именно нефтегазовому сектору на первых этапах мы смогли обеспечить развитие экономики. В последующем нам уже необходимо будет развивать сопутствующие отрасли и переносить экономический центр тяжести на них, превращая их в «локомотив» роста нашей экономики.

«ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО» – БОГАТСТВО ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ?

С начала 1990-х годов Каспийский бассейн стал одним из важнейших региональных узлов многосторонних отношений, где стали пересекаться экономические и геополитические интересы многих стран. Эти обстоятельства послужили причиной возникновения острой, где-то явной, а где-то и скрытой дипломатической борьбы за влияние на страны Каспийского региона.

Казахстану требовалось вести жесткую конкуренцию в регионе, одновременно создавая свои институты государственной власти. Это сейчас у нас есть высокопрофессиональное внешнеполитическое ведомство, мобильная и современная армия, национальные эксперты в ключевых сферах, а в то время ничего этого не было, так же как и опыта ведения крупных международных переговоров.

«Средняя Азия, где в XIX веке велась Большая Игра за господство между Британской империей и царской Россией, сегодня, благодаря своим нефтегазовым богатствам, становится первым стратегическим полем сражения «многополярной эры» между США, Китаем и Москвой.

Сегодня растущий в глобальных масштабах Китай, опьяненная нефтью Россия и США сцепились рогами в борьбе за ресурсы и влияние в Средней Азии, регионе, который вернул себе свою глобальную стратегическую важность после того, как в 1991 году пять его государств обрели независимость от Советского Союза. Средняя Азия становится стратегическим полем сражения».

Фредерик Кемпе (Frederick Kempe), «The Wall Street Journal», США, 16 мая 2006 года

За годы независимости преобразовалась и сама нефтяная промышленность. Усложнились задачи, стоящие перед государством в нефтяном секторе. Так, принятая нами в мае 2004 года Государственная программа по освоению казахстанского сектора Каспийского моря до 2015 года предполагает достижение двух основных целей в нефтяной отрасли. Во-первых, освоение добычи нефти и создание оптимальной сети нефтяных магистралей. Во-вторых, создание отечественной нефтеперерабатывающей и нефтехимической индустрии. Данная программа стала логичным продолжением первого этапа реализации Государственной программы освоения казахстанской части Каспийского моря, утвержденной в 1993 году.

Наша политика в вопросе активного вовлечения своих нефтегазовых ресурсов в мировой хозяйственный оборот на сегодня состоит в привлечении к разведке, освоению и разработке месторождений нефти и газа иностранных нефтяных компаний. Иностранные инвесторы должны на оговоренных условиях не только вложить в развитие нефтегазового комплекса необходимые финансовые средства, но и организовать весь процесс по его добыче, переработке и транспортировке.

Благодаря тому что Казахстан заслужил репутацию надежного и предсказуемого объекта инвестиций, мы можем выдвигать перед нашими иностранными инвесторами свои требования. Мы завоевали международный авторитет, собственную кредитную историю, и вполне закономерно, что наши пожелания с пониманием воспринимаются иностранными партнерами.

«Это закономерный процесс. Казахстан окреп и хочет иметь реальные доходы от своих природных ресурсов. И если мы хотим и впредь успешно работать, мы должны работать, вырабатывая компромиссы по поводу фискального режима для новых нефтегазовых проектов».

**Из выступления генерального менеджера
«ЭксонМобил Казахстан Инк.» Дж.Тейлора
на 11-м пленарном заседании Совета ино-
странных инвесторов, Кендерли, 5 июня
2004 года**

По прогнозам специалистов из «Шеврон», при максимальной загрузке Каспийского трубопроводного консорциума казахстанская нефть будет успешно конкурировать на рынках Средиземноморья, Северной и Западной Европы. Рынки Северной Америки мы сможем освоить с использованием танкеров вместимостью до 200 тысяч тонн. И, конечно же, нефтепровод Атырау – Самара мощностью 15 млн. тонн в год, позволяющий нам осваивать рынки Восточной и Центральной Европы, страны бассейна Балтийского моря.

В то же время нам не стоит ограничиваться уже существующими направлениями. Казахстан будет придерживаться стратегии многовекторности углеводородного экспорта и рассматривать различные проекты по развитию маршрутов транспортировки нефти. Сейчас мы активно работаем по другим трубопроводным направлениям. Обсуждаются плюсы и минусы таких проектов, как Актау – Баку – Джейхан и Казахстан – Туркменистан – Иран. Например, возможно, трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан в скором времени получит название Актау – Баку – Тбилиси – Джейхан. А проект трубопровода Атасу – Алашанькоу уже стал реальностью.

Договор о начале строительства нефтепровода между национальными нефтяными компаниями Китая и Казахстана был подписан в мае 2004 года, во время моего визита в КНР. Нефтепровод был заложен 28 сентября того же года, когда произошла сварка первого стыка. А первая нефть из Казахстана в Китай начала поступать уже 25 мая 2006 года. Через этот магистральный нефтепровод, соединяющий Ата-су (Казахстан) с пограничным пунктом Алашанькоу (КНР), мы сможем экспортировать до 20 млн. тонн в год. Планируется также, что построенный трубопровод станет основой более масштабного проекта – трубопровода от Каспия в Китай протяженностью около 3000 км.

При всем сказанном выше, нужно подчеркнуть, что во многом реальность этих проектов будет зависеть от конъюнктуры мирового рынка энергоносителей и конкретных результатов разработки нефтегазовых месторождений на Каспийском шельфе.

Сейчас, говоря об успехах Казахстана в этой сфере, нельзя не сказать, что нефтяное богатство стало фундаментом нашего экономического успеха. Для некоторых это повод для субъективной оценки успехов Казахстана и, возможно, предмет зависти.

Вместе с тем мировая история учит, что нефть может принести вред экономике и общему развитию государства. Достаточно сказать, что из тридцати шести государств, входящих в категорию стран с низкими доходами и высокой задолженностью, двадцать семь являются экспортерами минеральных ресурсов.

Поэтому, как ни парадоксально это звучит, потенциальная опасность кроется именно в обилии «нефтедолларов», которые как раз и располагают к увеличению расходов на социальную сферу. Примером этому могут служить такие страны, как Нигерия, Венесуэла и Саудовская Аравия, где

расходы на социальный блок были увеличены именно из-за притока поступлений от продажи нефти. Нынешний король Саудовской Аравии говорил мне при встрече в 2004 году, что там, где раньше работали иностранцы, он сейчас заставляет работать арабов. Арабы, получая субсидии от государства, отучились работать. Субсидии теперь прекращены, поскольку они изнежили нацию, породили иждивенцев.

В частности, в Венесуэле и Нигерии в середине 70-х годов была принята подобная стратегия увеличения социальных расходов государства. Для достижения социального благополучия эти страны резко увеличили расходную часть государственного бюджета (в среднем на 74,5% и 32,2% соответственно). Возможность увеличения была обусловлена большими поступлениями от продажи нефти. Увеличение расходов действительно помогло им в расширении структуры занятости, сферы услуг и товаров, обеспечении субсидирования потребления и строительства жилья, снижении налогов. Но в последующем, в результате стагнации цен на «черное золото», расходы государства начали превышать уровень доходов от экспорта нефти.

Для продолжения финансирования социальных программ осуществлялись внешние заимствования, что соответственно влекло за собой увеличение внешнего долга. Только в период с 1976 по 1982 год долг этих стран рос в среднем на 45% ежегодно. В результате неверных решений политиков, не думавших о завтрашнем дне, возник дефицит платежного баланса и бюджета, что привело к фактическому банкротству государства и росту социальной напряженности в обществе. Обилие свободных денег привело к снижению конкурентоспособности и динамичности экономик этих стран, что привело к их дальнейшей зависимости от экспорта нефти.

Даже Норвегия с ее диверсифицированной экономикой, благодаря обнаружению нефти в Северном море увеличившая расходы на социальное обеспечение, столкнулась с проблемой «голландской болезни».

Но, с другой стороны, в странах Восточноазиатского региона, особенно в Японии, именно отсутствие природных ресурсов заставило бюрократическую элиту почувствовать уязвимость страны. Страх потерять экономическую, а с ней и политическую независимость заставил их сконцентрировать усилия на внутренней возможности страны зарабатывать с помощью конкурентоспособной и ориентированной на экспорт продукции.

Поэтому нам следует помнить, что поступления от продажи нефти не являются стабильным источником доходов государства, и в последующем они могут привести ко многим другим проблемам, начиная с пресловутой «голландской болезни» и заканчивая элементарной невосполняемостью ресурсов, которые когда-то закончатся. Мне известны и такие страны.

Кстати, говоря о богатых запасах Казахстана, нельзя обманываться громко звучащими цифрами. Да, наши запасы внушительны, но на какой срок мы обеспечены ими, если учитывать постоянно растущие мировые объемы потребления нефти? Так, например, по данным ежегодного доклада компании «Бритиш Петролеум» «Энергия мира-2005», при нынешних объемах добычи и ценах на нефть ее в мире хватит на 40 лет. При этом у России нефти остается чуть больше, чем на 21 год. У Саудовской Аравии, своего рода нефтяного «Центробанка мира», нефти остается на 42 года. У Ирана на 89 лет. В Казахстане, согласно этому же докладу, при больших объемах запасов и относительно небольшом пока объеме добычи ее останется на 83 года. При росте добычи количество лет будет быстро сокращаться.

Казахстану необходимо научиться жить без нефтедолларов, или, как говорят, не привыкать к «нефтяной игле». Очень важно не поддаваться искушению тратить незаработанные производством деньги на социальную сферу и механически повышать заработную плату, а откладывать на «черный день». Созданный нами еще в 2000 году Национальный фонд преследует именно эти функции и является одним из основных инструментов связывания излишней ликвидности и снижения инфляционного давления.

На 1 ноября 2006 года активы Национального фонда Республики Казахстан превысили двенадцать миллиардов долларов США и в абсолютном значении составили 12 087,39 млн. долларов США, или 1 586 млрд. тенге. Основную долю поступлений Фонда составили сверхплановые поступления от организаций сырьевого сектора. Стоит отметить, что по примеру нашего Национального фонда 1 января 2004 года был создан Стабилизационный фонд Российской Федерации.

Еще я хотел бы сказать несколько слов о том, что Национальный фонд действительно можно назвать «фондом будущих поколений», поскольку, продавая нефть, богатство земли, которая принадлежит и нашим детям, мы не имеем права растрачивать его на какие-то сиюминутные меры и решение проблем сегодняшнего дня за их счет. Мы можем лишь употребить часть этих средств на строительство и развитие страны – обустройство нашего дома, который мы оставим детям и внукам.

Например, в ближайшие годы Казахстану в большом объеме следует инвестировать в инфраструктуру, прежде всего, в Северо-Западном и Юго-Западном направлении. Мы должны замкнуть Западное транспортное кольцо от Кызылорды к Актау и Атырау, от Уральска к Актюбинску. Принятая в стране стратегия развития транспорта и комму-

никаций предполагает строительство транзитных автодорог от Европейской части России через запад, юг и север Казахстана до Китая. Железные дороги должны связать Западный Казахстан и Китай. Будут проведены реконструкция и строительство аэропортов, электрических линий и станций.

Повысив транспортную мобильность регионов, мы сумеем еще больше сплотить наш народ. Одновременно мы сможем обеспечить возможность полноценного доступа населения и бизнеса этих регионов к финансовым и образовательным центрам страны, таким как Алматы, к промышленным кластерам Центрального и Восточного Казахстана, продовольственным житницам Южного и Северного Казахстана. Так, при умелом и разумном вложении, нефтяные доходы дадут стране возможность стать сильнее и сплоченней.

Все это вкупе позволит уже в ближайшее время наладить выпуск конкурентоспособных товаров и услуг, необходимых для масштабного освоения Каспийского шельфа. В дальнейшем мы будем перестраиваться на эффективное использование углеводородного сырья и развитие нефтехимической промышленности в целом. Совместно с развитием сопутствующей инфраструктуры – это наши порты, аэропорты, терминалы – Казахстан выйдет на новую траекторию роста, где нефть будет являться средством создания высокотехнологичных продуктов.

С целью дальнейшего повышения этого потенциала был принят ряд стратегически важных для страны документов. В их числе и вышеупомянутая «Государственная программа освоения казахстанского сектора Каспийского моря», которая предусматривает создание условий для комплексного освоения Каспийского шельфа. В утвержденной мной в августе 2003 года «Стратегии индустриально-инновационного развития до 2015 года» основной целью ставится достиже-

ние устойчивого развития страны путем диверсификации отраслей экономики, отход от сырьевой направленности, и подготовка условий для перехода в долгосрочном плане к сервисно-технологической экономике.

Сейчас я уже могу констатировать, что мы успешно идем в этом направлении. Хотя, если вспомнить первые годы независимости, то не все было так гладко. Тогда мы должны были самостоятельно вести переговоры с мировыми нефтяными транснациональными компаниями, во главе которых стояли «акулы» нефтяного бизнеса. Необходимы были новые идеи, подходы и, самое главное, кадры, не отягощенные старыми партийными методами работы. А в тот период их было ничтожно мало. Наверное, именно поэтому я постепенно шел к смене «старой гвардии» «молодыми» управленцами. Хотя признаю, что задача для меня была не из легких, были и сомнения, но другого выхода я не видел.

Учитывая важность нефтегазового сектора, в период наших активных переговоров с инвесторами я внес предложение в Парламент о назначении премьер-министром Нурлана Балгимбаева, опытного нефтяника, энергичного человека, министра нефти и газа. Он внес немалую лепту в проведение вышеназванных работ по старту строительства КТК. К сожалению, на его время пришелся кризис в Юго-Восточной Азии, ухудшился жизненный уровень, и ему пришлось подать в отставку.

За эти годы на моих глазах выросла новая плеяда нефтяников. Многие наши кадры прошли стажировку в нефтяных компаниях с мировыми именами, являлись слушателями лучших университетов нефтяного бизнеса, изучали иностранные языки и азы менеджмента. Я лично занимался их воспитанием, всячески оказывал поддержку. В результате чего многие из них выросли до высоких государственных постов.

Благодаря наличию нефтяных ресурсов и большому числу нефтяных компаний, желающих осуществлять их разработку, мы все нарабатывали хороший опыт ведения переговоров. В связи с этим один из советов, которые я хочу дать нашим начинающим управленцам, заключается в следующем. Когда ваш партнер по переговорам пытается предугадать ваш следующий шаг, он будет думать о том, как изменить или, более того, нейтрализовать вашу стратегию действий. Очень важно уделять внимание деталям в переговорах, но не делать себя их заложником. Все мелкие победы могут быть перечеркнуты одним большим поражением. Одним из таких крупных поражений могла стать финансовая зависимость от России в начале 1990-х годов.

Введение национальной валюты – тенге – стало одной из первых крупных побед Казахстана. О том, как нам удалось успешно отстоять свою финансовую независимость, расскажет следующая глава.

ТЕНГЕ – СИМВОЛ НАШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1990-х ГОДОВ

Через неделю после моего избрания первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, летним утром июня 1989 года я с группой членов Совмина КазССР прилетел в Караганду. Когда правительственная «ТУ»-шка выруливала на стоянку аэропорта, я увидел руководство Карагандинской области, встречавшее нас у трапа. На их хмурых лицах была видна напряженность, витавшая в городе за последнюю неделю. Весь Союз лихорадило от шахтерских забастовок, и Караганда стала последним шахтерским городом страны, где шахтеры вышли на улицы. В то время вся угольная промышленность Казахстана находилась в ведении Минуглепрома СССР. Поэтому Москва должна была решать все проблемы, и республике редко позволялось вмешиваться в эти дела. Но накануне позвонил М.С. Горбачев и сказал, что без моего вмешательства там не успокоятся.

Для меня Караганда – очень близкий город. Там началась моя карьера. Индустриальный центр республики рос и строился на моих глазах. Я лично знал почти всех директоров и главных инженеров предприятий города. Можно сказать, что Карагандинская область была своеобразным малым Казахстаном. В силу многих обстоятельств, здесь жили и работали люди почти всех национальностей республики. Тяжелый труд шахтера со временем формирует принципиальный и жесткий характер. Многонациональная Караганда с ее тяжелым прошлым, где жили и работали многие политзаключенные и их потомки, стала родиной ярких и сильных личностей. После событий 1986 года, понимая, что любые серьезные недовольства в Караганде могли быть спроецированы на всю республику, мы берегли хрупкое межнациональное согласие как зеницу ока.

Размышляя о причинах забастовки, я уже в самолете решил, что мы поедем прямо на площадь, где митинговали горняки. Сразу после посадки провели небольшое совещание в аэропорту и выслушали неутешительную сводку обкомовцев. Первый секретарь Карагандинского обкома партии Локотунин предложил поехать в резиденцию, где меня хотели разместить. Он сказал, что толпа шахтеров очень возбуждена, и лучше подождать представителей из Москвы. Особенно запомнилась его фраза: «Мало ли что могут выкинуть шахтеры? Давайте подождем, пусть утихомирятся, может, по домам разойдутся». Предчувствуя, что дело простым митингом не закончится, я настоял на том, чтобы сразу поехать на площадь, не заезжая в здание администрации области.

В самом центре города, на проспекте Советском, нас уже ждала большая масса недовольных и агрессивно настроенных шахтеров. Многие из них, устав от многочасового митинга, молча, в шахтерских робах, черные – только глаза блестели, сидели и стучали касками по асфальту. Некоторые шахтеры пришли сюда прямо из забоя, угольный графит на их лицах еще больше сгушал краски и придавал атмосфере митинга более мрачный оттенок. Обстановка была накалена, картина была не из приятных. Профсоюзные шахтерские лидеры отказывались от переговоров с областным руководством и требовали лично Назарбаева. Я лично и прибыл прямо на митинг.

Они расступились и дали возможность пройти к сколоченной из дерева трибуне. Несколько часов я отвечал на их вопросы. Мы начали обсуждение с самых простых моментов. Основными причинами забастовки были невыплата заработной платы, как следствие неотгрузки сырья, а за нереализованный уголь не платили деньги, необеспечение условий безопасности труда, пустые прилавки магазинов. Чтобы направить переговоры в конструктивное русло, я

попросил шахтеров выбрать своих представителей. Затем переговоры перекочевали в здание администрации комбината «Карагандауголь», где уже в присутствии ответственных министров шли до утра следующего дня. К этому времени по моей просьбе подъехали заместитель председателя Совмина СССР Догужиев и министр угольной промышленности Шадов.

В ходе многочасовых переговоров нам удалось достичь компромисса и удовлетворить первостепенные нужды шахтерских коллективов. Такие переговоры прошли во всех шахтерских городах Карагандинской области – Шахтинске, Сарани, Абае.

Забастовки были остановлены. Впоследствии Москва попросила дать им подробный отчет о ходе переговоров, чтобы казахстанский опыт мог быть использован в других регионах Союза. Какой уж тут опыт. Я, если честно, в напряжении ожидал худшего, потому что в СССР останавливались все новые предприятия, которые потребляли наш уголь.

Но, несмотря на всю терпимость казахстанцев к тяжелым испытаниям, недовольство среди рабочих коллективов по всей стране возрастало. Хотя нам удалось достаточно быстро уладить конфликт с шахтерами, было ясно, что мы оказываемся заложниками складывающейся ситуации.

Ситуация ухудшалась с каждым годом. Советский Союз неуклонно двигался к своему развалу. Сначала путч 19 августа, затем Беловежское решение России, Украины и Белоруссии поставили точку в распаде СССР. Но это отдельная тема.

Следующие два года стали для нас тяжелым испытанием. В 1992 году экономика страны шла под откос – гиперинфляция, повсеместная невыплата заработной платы и пенсий, обрыв хозяйственных связей с предприятиями, прекращение поставок товаров народного потребления и наличных денег. Раньше все это централизованно курировали союзные министерства, которых уже не стало. Были потеряны целые

цепочки взаиморасчетов и поставок товаров. Сейчас трудно представить пустые прилавки, огромные очереди за хлебом, детским питанием, солью, сахаром, сигаретами, а тогда это было жестокой реальностью.

Разрыв финансовых связей и взаимодействия между бывшими союзными республиками еще больше усугубил сложность экономической ситуации, что, естественно, стало отражаться на жизни простых людей. Нерешенность проблемы нехватки денежной массы в Казахстане влекла за собой задержки по выплатам заработной платы, пособий и т. д. Причиной нехватки денег было то, что эмиссией рубля в то время занимался Госбанк России и, соответственно, все финансовые ресурсы выделялись только из Москвы.

Я неоднократно обращался в Москву с просьбой об увеличении объемов выделяемых нам наличных денег – до уровня, необходимого для хотя бы частичного разрешения проблемы. В ответ были заверения о том, что это будет сделано в ближайшее время. Однако наши обращения очень часто оставались без внимания. А в это время из-за высокой инфляции задержанная заработная плата к моменту выплаты уже обесценивалась. Изо дня в день проблемы нарастали как снежный ком, приходилось работать в пожарном режиме.

Все это стало предпосылкой социальной нестабильности среди большинства населения, которая, в свою очередь, приводила к забастовкам и митингам. Часто приходилось выезжать в города, аулы, успокаивать народ, объяснять ситуацию. Я призывал народ к терпению, говорил о принимаемых мерах, о трудностях, которые еще предстоят. Мне верили. Я всегда старался исполнить все свои обещания. Особенно в то непростое время, когда «великая общая родина» рушилась, можно сказать, на наших глазах, необходимо было правильно и осторожно подбирать слова и даже интонацию в разговоре с людьми. У всех нервы были на пределе.

Иногда помню, народ сначала кричит, галдит, но затем начинает потихоньку прислушиваться к объяснениям. Потом, когда начинает понимать, в чем проблема и что мы предпринимаем для решения этих вопросов, постепенно успокаивается. И кто-нибудь из толпы крикнет: «Нурсултан Абишевич, сигаретки не найдется?» Я сам не курил, но всегда имел при себе пачку сигарет для таких случаев. Потом я стал с собой брать больше сигарет, чтобы раздавать их при беседах. Помню курьезный случай – сигареты продавали метрами, потому что на фабриках не было упаковочной бумаги. Это смешно сейчас вспоминать, но что было делать? Порой раздача сигарет очень разряжала атмосферу, и диалог в конечном итоге получался конструктивным.

Чтобы выплатить заработную плату, пенсии, пособия, мы должны были покупать деньги в России. До первой половины 1992 года денежные средства из Центрального Банка России мы получали бесплатно. Но после деления бюджетов рубль уже пришлось покупать. А так как средств на покупку денег в бюджете Казахстана не хватало, страна сразу ощутила дефицит наличности. Мы брали рубли в долг (можно сказать, в кредит), потом Россия предъявила нам задолженность в 1,5 миллиарда долларов. Через несколько лет, только при расчетах за космодром «Байконур» нам удалось списать этот долг.

Платежная система функционировала через единственный канал – корреспондентский счет Нацбанка Казахстана в Москве. Казахстан свои платежные документы отправлял в Нацбанк в Алма-Ату, так как ни один коммерческий банк в то время не мог выйти на зарубежные банки. И, несмотря на то, что в стране было уже порядка 200 коммерческих банков, все они были маленькими. Ни у одного из них не было представительств в Москве или других союзных республиках. У них не было даже корреспондентских счетов в московских коммерческих банках. Из-за отсутствия таких связей почти полностью прекратились платежи между Казахстаном и Рос-

сией. Переводы и платежи, в некоторых случаях, шли более полугода. Десятилетиями отлаженный механизм проплат разрушился в одночасье. Вся тяжесть перечислений легла на плечи Нацбанка, который не был готов к тому, чтобы обслуживать все межреспубликанские и международные расчеты.

А жизнь не стояла на месте. Поставки оборудования и продукции продолжались, и объемы расчетов были огромными. Из всех областей Казахстана в головной офис Нацбанка поступали тонны корреспонденции с просьбами о переводах, но справиться с этим потоком было очень сложно. Все межгосударственные расчеты стран бывшего СССР производились в рублях, а вся денежно-кредитная политика была в руках Центробанка и Минфина России.

Помимо хозяйственных платежей на Москве замыкалась также и вся сберегательная система Союза. Все вклады граждан в Сбербанке хранились в Центральном сберегательном банке СССР в Москве. То есть деньги, которые мы вкладывали в Сбербанк, сразу уходили в Москву. Когда кто-то хотел обналичить сбережения, нужную сумму просто запрашивали из Москвы. Поэтому люди, потерявшие тогда свои вклады, должны понять, что исчезнувшие деньги со сберкнижек остались в Москве, их не вернули в Казахстан. Правительство Казахстана здесь вообще ни при чем. И все же, не добившись возврата денег наших граждан от России, нам самим пришлось гасить эти долги.

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ

Будучи частью Союза, мы не могли оставаться безучастными к событиям, происходившим в Москве. Еще до августовского путча 1991 года противостояние союзного и российского правительств было накалено до предела. «Масло в огонь» подливали республики Прибалтики и Украина, отказавшие-

ся перечислять налоги в союзный бюджет и приступившие к разработке самостоятельных экономических программ. Кроме того, наблюдались «разброд и шатание» в союзных министерствах и ведомствах. Уже не было единого механизма и отлаженной работы.

«К развалу СССР его внешний долг, номинированный в конвертируемой валюте, увеличился до 76 млрд. долларов США, внутренний валютный долг – до 5,6 млрд. долларов США, задолженность по клиринговым операциям достигла 29 млрд. долларов США. Золотовалютные резервы резко сократились, и впервые за все время существования государства золотой запас составил менее 300 тонн (289,6 тонн на 1 января 1992 г.). Недостаток валютных поступлений от централизованного экспорта на оплату централизованного импорта и погашение внешнего долга составил за 10 месяцев 1992 г. 10,6 млрд. долларов США. Для покрытия этого дефицита последнее союзное правительство продало часть золотого запаса на 3,4 млрд. долларов США и растратило валютные средства предприятий, организаций, местных органов власти, хранившиеся на счетах Внешэкономбанка СССР на 5,5 млрд. долларов США.

Республики бывшего СССР приступили к вводу фактических заменителей денег (талонов, карточек покупателей, многоразовых купонов и т. п.), а в ряде случаев (Украина, Эстония, Латвия, Литва) и подготовке к введению полноценных национальных валют. Это увеличивало денежную массу в обращении и выталкивало ее на территорию России, усугубляя здесь сложную финансовую ситуацию.

В разряд дефицитных перешли практически все виды товаров. Резко ухудшилось соотношение денежных сбережений населения с товарными запасами (в 5 раз по сравнению с 1970 и более чем в 2 раза по сравнению с 1985 г.).

Товарные запасы в розничной торговле сократились до рекордно низкой величины.

В результате полного паралича всех звеньев и систем управления продовольственное снабжение оказалось практически разрушенным. Так, в январе 1992 года ресурсы продовольственного зерна (без импорта) составили около 3 млн. тонн, в то время как продовольственные потребности страны составляли свыше 5 млн. тонн в месяц.

В то же время корабли с импортным зерном стояли без разгрузки в российских портах, поскольку не было в наличии валюты, чтобы расплатиться за транспортировку, за фрахт судов. Кредитные же линии не открывались, поскольку репутация бывшего СССР, как первоклассного заемщика, была за несколько предшествующих лет полностью подорвана.

Повсеместно в городах страны была введена жесткая карточная система. Нормировалась продажа всех основных продовольственных товаров – мясопродукты, животное и растительное масла, крупы, макаронные изделия, сахар, соль, спички, алкогольные напитки, сыр, молочные продукты, табачные и кондитерские изделия и пр.

В большинстве случаев норма отпуска товаров к концу 1991 года была примерно такой: сахар – 1 кг на человека в месяц, мясопродуктов (включая полуфабрикаты) – 0,5 кг, масло животное – 0,2 кг. И даже эти нормы не были обеспечены ресурсами, поэтому снабжение по ним не было гарантированным, талоны не отоваривались по нескольким месяцам, реализация товаров по ним проходила с огромными очередями...»

**Источник: «Очерки экономической политики
посткоммунистической России (1991–1997)»,
1998 год
(<http://www.iet.ru/publics/1000/1000.html>)**

На фоне слабеющего союзного аппарата правительство РСФСР выглядело более энергичным. Тем не менее, в нем самом тоже не было единства. Это покажут дальнейшие события осени 1993 года и события первой чеченской войны в 1994 году. На волне популизма и демагогии Верховного Совета РСФСР в правительство России попало множество политиков и экономистов самого разного толка. Здесь можно было встретить и ярых монетаристов, уповающих на «невидимую руку рынка», и откровенных националистов, считавших, что Россия вернет былую мощь, как только избавится от «дотационных» республик, которые накладывали «серьезную дополнительную нагрузку на экономику, подрывающую возможности ее [России] социально-экономического возрождения».

Вместе с тем в тот момент из всего множества стратегий и программ, которыми по сей день славится московский научный истеблишмент, четко вырисовывались две конкурирующие программы: «Программа 500 дней» группы Григория Явлинского и «Стратегия России в переходный период» Егора Гайдара, позже названная «Программа 91».

«Программа 500 дней» впервые, уже теперь в бывшем СССР, вводила принцип права человека на частную собственность. Программа признавала право на свободную экономическую деятельность, на рост доходов и социальные гарантии. Основой экономики провозглашался предприниматель. Признавалось право республик на экономический суверенитет. Впервые было введено понятие единого экономического пространства.

Отличительной чертой программы Явлинского являлось то, что она была ориентирована на сохранение Союза. За республиками был признан экономический суверенитет, а взаимоотношения основывались на равноправных отношениях центра и республик. Предполагалось сохранение единого валютного союза, тогда как союзный бюджет

планировалось формировать, исходя из объема валового национального продукта на душу населения.

Идеи и оптимизм, заложенные в программе, во многом импонировали казахстанцам. Учитывая внутриполитическую ситуацию и положение в экономике, я выступил за реформирование Союза в Конфедерацию самостоятельных республик. Именно на идеологии широкой самостоятельности республики мы заложили многие механизмы взаимоотношений с центром еще при разработке программы. Сам Григорий Явлинский был назначен заместителем руководителя правительства России. Кроме всего прочего, я назначил Явлинского своим экономическим советником. В течение 1991–1992 годов его группа плодотворно работала с Кабинетом министров КазССР. Это были профессионалы. Должен сказать, они помогли нам выстроить свои действия в общем хаосе.

Программа Института экономической политики Е. Гайдара изначально предполагала политическую и экономическую независимость России от других республик. Группа Гайдара самоуверенно основывала свои аргументы на том, что Россия, являясь «лидером реформирования хозяйства на территории бывшего СССР», должна провести самостоятельные, быстрые и полноценные реформы, к которым «позже не могут не присоединиться другие республики».

Они открыто определили интересы экономического развития России выше сохранения Союза. Понятно, что они не могли вести такую политику без поддержки Б. Ельцина. Ведь изначально предполагалось, что Россия должна иметь самостоятельную денежную политику, собственную национальную валюту, свою ценовую, налоговую и бюджетную политику. По их мнению, принципы и механизмы как существующих, так и предлагаемых союзных отношений были бесперспективны. Самостоятельные реформы позволяли игнорировать целый ряд межреспубликанских проблем и сложный процесс согласования

интересов республик. Стремление Казахстана сохранить Союз на конфедеративной основе рассматривалось как возможность «восстановить свою экономику за счет России».

«Упрощенно говоря, интересам других республик соответствовала схема «экономический союз при немедленной политической независимости», по сути, означавшая обобществление российских финансово-экономических ресурсов при приватизации союзного политико-правового наследства. Интересам России соответствовала схема «скорейшее достижение экономической независимости при сохранении на переходный период политического союза».

Сама политико-экономическая логика данного этапа исторического развития делала Россию лидером реформирования хозяйства на территории бывшего СССР. Россия владеет подавляющей частью экспортного потенциала бывшего СССР, а значит, лишь она может взять на себя ответственность по обязательствам по внешнему долгу, что позволяло ей соответственно претендовать на золотовалютные авуары, собственность за границей и долги иностранных государств Советскому Союзу. Россия становилась естественным ведущим партнером западных государств и международных финансовых организаций.

Россия обладает весьма емким внутренним рынком, потенциалом экспортных базовых ресурсов, легко переориентируемых на развитые страны. Это привязывает к ней внешнеэкономическую политику остальных республик, по большей части не имеющих такой возможности. Наконец, Россия контролирует основные компоненты межреспубликанской производственной инфраструктуры, обладая материальной и кадровой базой управления транспортной, коммуникационной и энергетической системами.

Программа Института экономической политики Гайдара изначально предполагала ограничить перераспределение ресурсов из России исключительно прямым финансированием армии, МИДа и других важнейших союзных структур, ввести российский контроль за денежным обращением при переходе к конвертируемости рубля, выдвигалось требование его поддержки как российской национальной валюты».

**Источник: «Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997)», 1998 год
(<http://www.iet.ru/publics/1000/1000.html>)**

В отличие от Явлинского, который предлагал осуществить постепенное формирование рыночных отношений с поэтапной приватизацией и монополизацией и только затем – либерализацию экономики, программа Гайдара предполагала «осуществить полномасштабную либерализацию цен с одновременным включением мощного механизма макроэкономической стабилизации, основным элементом которого и стало бы введение российской национальной валюты, отсекающее нероссийские источники предложения денег».

Высказываемые взгляды Гайдара и его группы относились к набравшему в то время популярность «неолиберализму». Сделаю небольшое отступление. Неолиберализм, как ведущая идеология, претендующая на глобальное доминирование, стал популяризироваться с момента так называемого «возвращения правых» – приходом к власти в Великобритании Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана в США. В это время промышленно развитые страны Запада переживали кризис, связанный с низким экономическим ростом и высоким уровнем инфляции. В экономической среде проблемы виделись

в неэффективности государства и необходимости отказаться от концепции «государства всеобщего благоденствия». В связи с этим правые предложили внедрить следующий принцип: «меньше государства, больше рынка». Иначе говоря, рынок понимался как система, которая все сама отрегулирует без какого-либо вмешательства государства – надо только не мешать развиваться процессам рыночной саморегуляции, и все образуется само собой.

После апробирования некоторых реформ на Западе, через международные финансовые институты и в рамках финансовой помощи идеи неолиберализма были перенесены в развивающиеся страны Африки и Латинской Америки. Вместе с займами этим странам, как одно из условий их получения, необходимо было принять пакет «рецептов», включающий приватизацию, реструктуризацию, оптимизацию, большой отход государства от экономического регулирования.

Ради справедливости стоит отметить, что эффективность этих рекомендаций в каждой конкретной стране была различна. Например, страны Африки и Латинской Америки, отказавшись от государственного регулирования и предоставив экономическую свободу, не смогли обеспечить приемлемый уровень социально-экономического развития своих регионов. Тогда как активное вмешательство государства в деятельность хозяйствующих субъектов в странах Европы, Северной Америки и Ближнего Востока позволило этим странам обеспечить своим гражданам вполне сносную жизнь на основе быстрого экономического роста.

В начале 1990-х неолиберализм быстро заполнил идеологический вакуум, образовавшийся с распадом СССР, и бывшие социалистические государства, находящиеся в экономическом кризисе, восприняли идеи либерализма как панацею от всех проблем. Успех практического воплощения

Вашингтонского консенсуса во многом определялся и тем, что он получил поддержку ведущих международных финансовых организаций – МВФ, Всемирного банка, Агентства по международному развитию США, Межамериканского банка развития – организаций, фактически контролируемых США. Ввиду этого и наличия ряда причин (зависимость от займов МВФ, неискушенность и отсутствие знаний и т. д.) рецепты Вашингтонского консенсуса были приняты этими странами в той или иной степени.

В результате принятия этой идеологии политиками ряда стран, особенно России, реформы приобрели интенсивный характер. Флагманом проведения реформ неолиберализма на постсоветском пространстве стали так называемые «чикагские мальчики», молодые либералы, в их числе был и Гайдар, прошедшие обучение в Чикагском университете, своего рода «кузнице неолиберализма». При этом они полностью придерживались позиции адептов неолиберальной доктрины Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана, проповедующих способность к саморегулированию и врожденную устойчивость рыночного механизма, дающего сбои только из-за государственного вмешательства.

12 июня 1990 года, более чем за год до развала СССР, Россия объявила о своем суверенитете. От кого? От СССР и от союзных республик. От кого же еще? Это стало отправным моментом начала распада огромной страны. В июне 1992 года первый президент России Борис Ельцин назначил своего экономического советника Егора Гайдара исполняющим обязанности председателя правительства Российской Федерации. Так окончательно была сделана ставка на политическую и экономическую самостоятельность России. Следующим шагом должно было стать утверждение Гайдара на пост премьер-министра, для чего он должен был получить поддержку депутатов Верховного Совета. Однако обстановка в России была

настолько катастрофичной, что Верховный Совет России не утвердил кандидатуру Гайдара, и в конце 1992 года на этот пост был назначен Виктор Черномырдин.

Новый премьер сразу же после назначения прибыл в Алматы. Разговор, состоявшийся между нами, протекал в дружественной обстановке и занял более 2 часов. Он много со мной советовался. Этот разговор, признаться, внушил мне некоторый оптимизм по сохранению рублевой зоны. Но, к сожалению, мои ожидания не оправдались.

Тем временем экономическая ситуация продолжала ухудшаться. Введенная руководством России с 1 января 1992 года либерализация цен уже давала свои первые «плоды». Казахстан, в свою очередь, занимая более гибкую позицию, стремился избежать одномоментной либерализации цен и любой ценой оттянуть принятие такого решения для осуществления мер по снижению негативных последствий. Ведь Казахстан имел целый комплекс экономических связей с Россией. Но условия диктовали свои требования, и мы тоже были вынуждены отпустить цены, сделав исключение только в части основных продуктов питания. Это был жестко ограниченный перечень товаров первой необходимости. В противном случае ценовые диспропорции могли оказаться причиной дефицита товаров с фиксированными ценами, что повлекло бы увеличение нагрузки на бюджет. С другой стороны, мы понимали, что ступенчатая либерализация цен опасна постоянными инфляционными ожиданиями. В такой ситуации ожидать стабилизации экономики не приходилось.

Примером зигзагообразной экономической политики стал Центральный Банк России, функции которого не были четко закреплены, что привело к двойному подчинению Центробанка как правительству, так и Верховному Совету. В такой ситуации правительство России было не в состоянии проводить эффективную политику по стабилизации экономики.

Это притом что к Центробанку России перешли все функции Госбанка СССР, и только Россия могла осуществлять эмиссию денег и денежное обеспечение всех союзных республик. Россия распределяла наличные деньги не по потребности республик, а по своему усмотрению. В условиях гиперинфляции потребность в наличных деньгах росла пропорционально бешеному росту цен. Из-за отсутствия наличности, несмотря на то, что Кабмин Казахстана опаздывал с индексацией выплат из бюджета, задолженность росла, как снежный ком, даже по фиксированной заработной плате и пенсиям.

Ситуация с непредсказуемостью российской экономической политики усугублялась двоевластием, сложившимся в результате противостояния между президентом и правительством России с одной стороны и Верховным Советом – с другой. Москва давала противоречащие сигналы как регионам России, так и союзным республикам.

Сталкиваясь с огромными трудностями в обеспечении наличными деньгами, мы были вынуждены каждый раз ездить в Москву и «выбивать» наличность, чтобы выплатить хотя бы заработную плату людям, не говоря уже об общих нуждах экономики. Такие поездки продолжались все лето и осень 1992 года.

Ранее, выступая за сохранение единой рублевой зоны, Казахстан, как и другие государства постсоветского пространства, видел в ней прежде всего один из инструментов сохранения финансовой стабильности в регионе и поддержки все еще функционирующих экономических и хозяйственных связей как между отдельными предприятиями, так и на межгосударственном уровне. Но в июле 1992 года команда Гайдара в правительстве и Центральном Банке России в одностороннем порядке ввела разделение безналичного оборота между субъектами государства. Суть перехода на разделение безналичного оборота была в том, что центральные банки

государств рублевой зоны открывали корреспондентские счета в Центральном Банке России, а оборот по этим счетам лимитировался техническим кредитом. При этом в случае непогашения страной технического кредита сальдо взаиморасчетов становилось государственным долгом этой страны перед Россией. Это было несправедливо. Работало «право сильного», тогда как остальным оставалось просто принимать подобные кабальные условия. За какие-то бумаги мы должны были платить огромные суммы. После этого нововведения ряд стран – Белоруссия, Молдавия и республики Закавказья, оценив все трудности с обеспечением рублевой наличности и проплатами, ввели свои национальные валюты или их заменители.

Еще одна «особенность» экономической политики России того периода заключалась в том, что данное решение о разделении безналичного оборота было принято без согласования с остальными государствами рублевой зоны и объявлено за 10 дней до введения нового порядка. Возможно, российская финансовая система что-то и выгадала, но предложенная схема взаиморасчетов между хозяйствующими субъектами государств привела к замедлению прохождения платежей до полугода, потерям документов и распространению различного рода фальшивых платежных поручений. Для нас это был первый звонок, который заставил всерьез задуматься о целесообразности участия нашей республики в неэффективно действующей единой рублевой зоне.

Несмотря на все трудности во взаимоотношениях с Россией, нам было нелегко отказаться от единого рублевого пространства. Ведь на платежах в рублях была завязана деятельность практически всех наших предприятий, вся наша обрабатывающая и добывающая промышленность. Не хотелось в одночасье рвать сложившиеся между предприятиями связи. К тому же для ввода своей национальной

валюты нужны были время и значительные средства. Напомню, при создании СНГ, после беловежской посиделки все главы СНГ, в том числе и России, клятвенно обещали, что все останемся в рублевой зоне до лучших времен. И ничего меняться не будет.

Помимо соображений экономического характера, большое значение имел и чисто человеческий фактор. У многих казахстанцев (кстати, не только русской национальности) в России были семьи, родственники, друзья – и, конечно же, для всех этих людей развал Союза не означал разрыва этих связей. Мы не хотели резко рвать с Россией – а в России не хотели это понимать. Все в большей степени мы сталкивались со стеной непонимания ключевыми чиновниками экономического блока России наших проблем и предлагаемых нами путей их решения.

«Первый реальный шаг к ликвидации рублевой зоны и утверждению российской национальной денежной и валютной системы – разделение безналично-денежного оборота посредством введения корреспондентских счетов центральных банков бывших союзных республик в ЦБ России – удалось осуществить в июле 1992 года, но остальные меры вводились еще долго. Только в апреле 1993 года удалось прекратить практику предоставления странам СНГ так называемых технических кредитов для торговли с Россией. Это было проявлением политического реализма, так как на практике разделение денежных систем потребовало более значительного времени, чем предполагалось первоначально, эта работа осуществлялась со значительными трудностями и в несколько этапов. Во многом это было связано с мощным лоббизмом в пользу сохранения рублевой зоны, который осуществляли промышленники России и

других республик бывшего СССР, правительства этих республик, широкий спектр российских политических сил от Руцкого до Явлинского. К сожалению, в числе адвокатов рублевой зоны на начальном этапе оказались и такие авторитетные организации, как Международный валютный фонд и Комиссия европейского сообщества...».

**Источник: «Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997)», 1998 год
(<http://www.iet.ru/publics/1000/1000.html>)**

Действительно, Казахстан был за сохранение рублевой зоны, хотя бы на какое-то время. Мы как раз были теми «лоббистами-промышленниками из других республик бывшего СССР», о которых писали соратники Гайдара, потому что осознавали, что за нами стоят многотысячные коллективы предприятий – «КарМет-Комбинат», «Казцветмет», «Каруголь» и другие – которые могли остаться без работы и средств к существованию.

Переговоры с российским правительством проходили все сложнее, особенно с его реформаторским крылом, которое окончательно сформировалось в 1992 году (Гайдар, Шохин, Федоров, Шахрай и ряд других). Многие из них все еще пребывали в эйфории «великого будущего» свободной России. На многочисленных переговорах они достаточно откровенно высказывались о том, что России выгодно сбросить «балласт» в виде дотационного Казахстана. Что мы никуда не денемся и по прошествии некоторого времени «приползем» на их условиях – без политических гарантий, без политической самостоятельности. Наш «коленипреклоненный возврат» рассматривался как один из путей воссоздания Союза, но уже на их условиях. Это было более чем странно, учитывая, что они сами его разрушили.

Даже уход Гайдара с поста председателя правительства России принципиально не повлиял на этот курс России. Начинаясь самый трудный для казахстанской экономики 1993 год.

Если в 1992 году распределение наличных средств из России осуществлялось более или менее пропорционально среди республик рублевой зоны, то в 1993 году ответственные за экономический блок России лица, решая в приоритетном порядке собственные задачи, стали сдерживать выделение наличных денег Казахстану, прямо или косвенно влияя на социально-политическую обстановку в Казахстане. К весне мы вообще перестали получать деньги. В мае 1993 года правительство России принимает решение вовсе прекратить техническое кредитование стран СНГ.

Далее, почти одновременно с разделением безналичных взаиморасчетов между хозяйствующими субъектами Центральный Банк России приступил к печатанию новых банкнот образца 1993 года, начав обменные операции и введение новых банкнот с Сибири и Дальнего Востока. Во время переговоров российская сторона уверяла нас в том, что новые банкноты – это наличные деньги или валюта рублевой зоны, что интересы Казахстана и его потребности учтены при печатании новых банкнот, что одномоментного и конфискационного обмена банкнот Советского Союза (образца 1961–1992 годов) не будет. Нас также уверяли в том, что за счет введения банкнот нового образца текущие потребности Казахстана и других государств рублевой зоны в банкнотах СССР якобы будут удовлетворяться лучше, а при создании рублевой зоны будет осуществлен обмен старых банкнот на банкноты Банка России.

Несмотря на обещания Виктора Черномырдина, данные мне во время Всемирного экономического форума в Давосе в январе 1993 года, Россия все же не выделила Казахстану

новые банкноты. А это еще больше усугубило состояние задолженности по зарплате, так как все мощности фабрик Госзнака были загружены печатанием новой российской валюты.

К июню 1993 года переговоры с правительством России по созданию рублевой зоны окончательно зашли в тупик. В конце концов было решено отказаться от старой концепции рублевой зоны и разработать новый документ. Но тут случилось нечто непредвиденное, по крайней мере не вписывающееся в рамки предварительных договоренностей. Несмотря на наличие специального соглашения между странами – участниками рублевой зоны о том, что в случае, если одна из сторон намеревается выйти из рублевой зоны и вводить собственную валюту, она обязана за три месяца уведомить остальные государства, Россия с 1 июля 1993 года фактически ввела свою собственную национальную валюту – те самые рубли нового образца, печатавшиеся якобы в целях использования на всем рублевом пространстве.

Мне вспоминается то субботнее утро 29 июня, когда позвонил Виктор Черномырдин и известил об этом, как о свершившемся факте. Одновременно Россия сделала заявление о готовности провести в двухнедельный срок специальные переговоры по рассмотрению принципиальных и технических вопросов коллективной денежной системы, основанной на использовании рубля – уже валюты России. Она готова подписать соглашение о практических мерах по созданию рублевой зоны нового типа с последующей ратификацией этого соглашения парламентами заинтересованных государств.

По сути, они предлагали нам воссоздать тот же механизм манипулирования с помощью рублевой наличности – только уже с зависимостью от национальной валюты России. Этот шаг сильно подорвал наше доверие к лидерам России, и тень «монетарного предательства» еще долго будет присутствовать в наших отношениях.

Хотя в рамках СНГ был подписан договор о сохранении рублевой зоны до введения государствами своей валюты, с самого начала Россия пыталась вытолкнуть республики бывшего СССР из рублевой зоны. Я считал тогда и до сих пор считаю, что это было абсолютно несправедливо. Мы доверяли России и верили в наши добрососедские взаимоотношения. Для Казахстана этот шаг явился шокирующим, потому что около 30% населения страны составляли русские, и Казахстан имел тесные взаимоотношения с Россией. Определяя дальнейшую политику развития, я делал все необходимое для укрепления наших взаимоотношений.

Сделаю небольшое отступление. Сейчас в рамках СНГ, ЕЭП, ЕврАзЭС мы ведем речь об общем рынке и тесной интеграции наших стран. Конечным этапом такой интеграции должно стать введение эквивалентной или единой валюты. По сути, мы собираемся вернуться к тому, с чего когда-то начинали – к единой валютной зоне. Такая зона могла бы быть образована еще тогда, в 1991–1992 годах. Она могла бы стать основой нашего совместного развития в прошлом, после развала Союза, и началом экономической интеграции и повышения конкурентоспособности всего региона на мировом уровне в настоящем. Но бывшие «союзные» страны просто не договорились между собой. Россия считала, что ей будет лучше без нас. А суверенные республики перестали верить «старшему брату», возможно, по причине все тех же «особенностей» российской экономической политики. И, на мой взгляд, все сегодняшние трудности России по взаимодействию с государствами СНГ, их взаимное недоверие и упреки были заложены именно тогда.

Думаю, что в стратегическом плане эти решения были неправильными и не выгодными для самой России. Первым премьер-министром независимого Казахстана с 1991 года был С. Терещенко. Ему пришлось работать на этой долж-

ности в самые тяжелые годы для Казахстана годы кризиса, вызванные распадом СССР. Его особенно возмущало отношение российских реформаторов того времени. Шел раздел собственности, прежде всего с Россией. Не хватало денег, товаров. Он получил сполна критики в свой адрес. Но он честно делал все что мог. Почти каждую неделю ему приходилось летать в Россию, договариваться – и разочаровываться. И тенге вводилось при нем. Я сохраняю чувство благодарности ему и по сей день. Хорошо сегодня говорить о том, что тогда было не так. Но время диктует свои правила.

Потребуется ровно десять лет, для того чтобы российское правительство признало успешным опыт Казахстана по проведению экономических реформ. По последним оценкам, Казахстан в отдельных секторах провел более успешные реформы, несмотря на множество самых пессимистических предсказаний ведущих экономистов России. Тогда российские реформаторы и представить себе не могли, что ключевые российские экономисты будут с ежемесячной частотой навещать в бывший Целиноград, теперь Астану, для обмена опытом с казахстанскими чиновниками.

«– Какой опыт казахстанских экономических реформ, по Вашему мнению, мог быть интересен и полезен России?»

– Практически весь. Какую сторону ни взять, весь опыт полезен: реформа жилищно-коммунального хозяйства, банковская реформа, реформа электроэнергетики, государственной службы, государственных финансов. Сейчас готовится реформа госуправления по различным уровням. Все это является весьма интересным. Получение иностранных инвестиций, создание Национального резервного фонда, проведение денежной политики Нацбанком – список очень длинный, и по каждому направлению результаты, достиг-

нутые республикой, впечатляют. Особенно они впечатляют потому, что Казахстан и Россия – страны очень похожие по многим параметрам: прежде всего с точки зрения экономики, политики, людей, общей истории, культуры, подходов к экономике, бизнесу – по этим сравнениям Ваш опыт является чрезвычайно полезным».

**Из интервью советника Президента Российской Федерации по вопросам экономики
А. Илларионова программе «Жеті күн»,
Астана, 31 августа 2003 года**

Но в тот момент, осознавая нестабильность и непредсказуемость развития политической и экономической ситуации в России, перед молодым Казахстаном встала дилемма: или продолжать уповать на соседа, контролирующего и меняющего по своему усмотрению условия существования единой рублевой зоны, и оставаться заложником системы, удовлетворяющей, в первую очередь, российские интересы; или сделать решительный шаг к тому, чтобы освободиться от рублевой «круговой поруки» и, приняв собственную валюту, взять всю ответственность за наше будущее на самих себя.

Выбор был тяжелым. Решение нелегким. Одно дело – поддерживать устойчивость уже введенной в обращение валюты, и совсем другое дело – начинать построение финансовой системы буквально с нуля. В то время в государстве еще не были сформированы в должной мере соответствующие финансовые институты, не было финансовых инструментов, не хватало квалифицированных кадров. Необходимо было срочно учреждать Министерство финансов, Налоговый комитет, Таможенный комитет, Национальный банк. Нужно было учиться самостоятельно планировать и разрабатывать бюджет. К тому же в те времена у нас еще не было собственного законодательства, адаптированного к рыночным отно-

шениям. Именно в таких непростых условиях нам пришлось предпринимать кардинальные шаги по решению сложнейших экономических проблем.

Логично задаваться вопросом, почему мы столько мучились и почему сразу не ввели свою валюту? Во-первых, я поверил межгосударственным договорам и личным отношениям с лидерами России того времени. Рублевая зона сохраняла тысячи связей между предприятиями и поставщиками, помогла бы быстрее преодолеть кризис. Во-вторых, у нас не было опыта ввода валюты, не было денег, чтобы заказать печатание банкнот за рубежом. Своей банкнотной фабрики тогда тоже не было. Это урок, преподанный мне, на котором должны учиться и будущие руководители нашей страны. У глав государств нет друзей, а есть интересы страны и народа. Независимое государство должно опираться на свои силы и готовиться ко всем возможным трудностям заранее. Но в то же время, несмотря на все эти проблемы, я сохранил добрые отношения с президентом России Б.Н. Ельциным. Мы с ним решили многие вопросы двусторонних отношений, такие как космодром «Байконур», раздел дна Каспия и многое другое. Нет у меня зла и на других вышеназванных чиновников. Они делали то, что считали правильным для России.

ВВЕДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ

Независимое государство должно иметь собственную валюту. Я четко представлял себе это с самого начала.

Весной 1992 года мною была создана секретная комиссия, которая должна была рассмотреть возможность введения национальной валюты. О комиссии знало всего семь человек, включая меня. Продолжая предпринимать попытки сохранить единую рублевую зону, мы стали готовиться к введению своей валюты.

Из высшего руководства страны в государственную тайну были посвящены только председатель Верховного Совета С. Абдильдин, председатель комитета по финансам и бюджету Верховного Совета С. Такежанов, председатель Государственного национального банка Г. Байназаров, его заместитель М. Турсунов и руководитель дирекции строящихся предприятий Нацбанка Кожамуратов.

Одновременно, также конфиденциально, была создана творческая группа с целью проведения работы по дизайну новой валюты. Уникальность ситуации и новизна работы сказались в том, что сами участники, люди неординарные, осознавали ответственность и значимость исторического момента. Художники М. Алин и А. Дузельханов под руководством Тимура Сулейменова разработали четыре варианта дизайна банкнот и монет. Все варианты были исполнены просто превосходно – на очень высоком профессиональном и креативном уровне.

После долгого обсуждения окончательный выбор остановили на варианте с изображением знаменитых и исторически значимых для Казахстана людей, много сделавших для нашего народа и становления казахской государственности. На заре независимости это нужно было для подъема чувства национальной гордости. Только при независимости мы смогли превознести эти личности, о которых было запрещено даже говорить при советской власти.

В связи с этим мне вспоминается такая ситуация. Сначала художники предложили банкноты с изображением первого президента, то есть моим. Е. Асанбаев, Т. Сулейменов и Г. Байназаров пришли ко мне показывать купюру достоинством в 50 тенге с моим изображением на лицевой стороне. Ерик Асанбаев говорит: «Вы, Нурсултан Абишевич, – историческая личность, первый президент свободного Казахстана. Исходя из этого, мы хотели предложить разместить ваш портрет на

тенге». Но я ответил, что историческая я личность или нет, будут судить потомки. Я обратил это все в шутку, сказав, что просто не хотел бы, чтобы мой портрет был на деньгах, потому что кроме правителей африканских стран, никто из живых руководителей государств свой портрет на деньгах не помещает. Посмеявшись вместе над предложением, мы этот вариант исключили.

Я каждый вечер приезжал на загородную дачу, где работала наша группа. У нас был большой спор по поводу названия денег. Предлагалось назвать их «сом», «акша» или «тенге». Мне лично нравилось название «алтын». В конце концов остановились на «тенге», которое было взято из истории средневековья, когда на территории Кыпчакских степей обращались монеты, называвшиеся «таньга». К тому же, слова «деньги» и «тенге» имеют один корень.

Но, помимо дизайна и названия, у нас была другая большая проблема. Тогда Казахстан не имел собственной банкнотной фабрики, все завозилось из Москвы. После консультаций со специалистами было принято решение разместить этот весьма специфический заказ в одной из европейских стран. Выбор пал на английские компании «Харрисон и сыновья» и «Томас Де ля Ру», имеющих огромный опыт в данной сфере. Нас устраивало качество банкнот, финансовая сторона контракта и конфиденциальность. В случае достижения договоренности с Россией, затраты на изготовление собственной валюты могли быть не только очень значительными, но и просто ненужными. Однако иного выхода, кроме как размещение заказа за рубежом, у Казахстана не было. Время показало, что мы не ошиблись. По мере изготовления заказанного тиража банкноты тайно доставлялись в республику.

Как говорилось в предыдущей главе, в сентябре 1993 года было подписано соглашение между Россией и пятью

другими странами СНГ о необходимости создания новой рублевой зоны. Документ был пустой формальностью, и уже тогда было ясно, что Россия не собиралась включать какие-либо страны в эту зону. Это еще раз было подтверждено, когда нашим представителям были предложены заведомо неприемлемые условия.

Месяц спустя, в ноябре 1993 года, я своим Указом определил состав официальной правительственной комиссии по введению национальной валюты во главе с премьер-министром Сергеем Терещенко, которая заседала почти ежедневно. В комиссию вошли первый заместитель премьер-министра Д. Сембаев, министр финансов Е. Дербисов, министр экономики Б. Изтлеуов, председатель Национального банка Г. Байназаров, председатель комитета Парламента С. Такежанов. На данную комиссию была возложена ответственность за весь комплекс мер по вводу валюты. Она была наделена исключительными полномочиями.

Кроме того, была создана рабочая группа, возглавляемая Д. Сембаевым, которая проводила многочисленные расчеты. Например, нужно было произвести сложный математический расчет – сколько купюр нам нужно и какого номинала? По всем этим вопросам члены комиссии консультировались с зарубежными экспертами. Так, английский экономист доктор Пейн сразу сказал, что нам нужны купюры номиналом не в привычные нам двадцатипятки, как это было в Союзе, а в двадцать тенге. По его расчетам, на первом этапе основная масса денег должна будет уйти в оборот. Затем, с учетом того, что за 8 месяцев купюра изнашивается, он подсчитал, сколько нужно денег для замены обветшавших банкнот. Позднее мы на практике убедились, что его прогнозы оправдались по всем параметрам: и по количеству банкнот каждого номинала, и по общему объему наличных денег, и по инфляции.

Члены комиссии и рабочей группы должны были выработать принципы и условия не только введения, но и дальнейшего функционирования валюты, определив основы самостоятельной реализации денежно-кредитной политики государства. Рассматривались различные варианты. Первым предусматривалось введение трех банкнот казахстанского рубля номиналом 5, 10 и 50 тысяч рублей с их производством в России. Второй вариант предполагал производство трех верхних номиналов банкнот в России, затем введение промежуточной национальной валюты на 1-2 года до стабилизации, как это сделали на Украине и в Белорусии, а затем введение настоящей национальной валюты. Третий – введение параллельно рублю национальной валюты. И, наконец, последний вариант – прямое введение тенге.

Мы отклонили первые три варианта, как неприемлемые. Нельзя было подвергать население двойному стрессу и психологическому давлению, вводя сначала промежуточную, а через год – окончательную валюту. Поэтому после обсуждения рабочая группа единогласно проголосовала за последний вариант, осознавая при этом все его недостатки и преимущества.

Преимущества были явными. Республика сможет проводить независимую денежно-кредитную политику. Наличие нескольких степеней защиты новых банкнот позволит сократить возможность их подделки. Прямое введение национальной валюты означало только разовый обмен денег населения, тем более что был еще свеж в памяти опыт обмена банкнот номиналом 50 и 100 рублей в декабре 1990 года.

Были и недостатки ввода национальной валюты. На тот момент не были до конца проработаны все технические вопросы, особенно по монетам, с чеканкой которых с самого начала возникли трудности. Создаваемый монетный двор просто физически не успевал отчеканить необходимый объ-

ем монет до конца года. В связи с чем рабочей группой было принято решение в качестве промежуточной меры отпечатать бумажные тиены, а уже потом, по мере готовности монетного двора, запустить в обращение полноценные монеты.

К тому же по мере работы над введением тенге появились новые проблемы, о которых мы просто не задумывались ранее – выбор валютного режима и валютного курса. Опять началось обсуждение всех «за» и «против» при различных вариантах: при плавающем курсе, при курсе контролируемого плавания в пределах диапазона, привязка к одной валюте (доллару США) или привязка к корзине валют. Остановились на режиме управляемого плавания курса на валютном рынке. Предполагалось ввести фиксированный курс тенге с ежегодной девальвацией на 2-3% в том случае, если валютных резервов страны будет недостаточно для эффективного управления валютным курсом. Принципиальным было решение применять единый валютный курс, но другими механизмами компенсировать разницу реальной покупательной способности валют при проведении приватизации с участием иностранных инвесторов.

Еще один выбор, значение которого мы осознали гораздо позже, касался конвертируемости национальной валюты. Представители МВФ все время подчеркивали необходимость введения полной конвертируемости, поскольку этот шаг позволит сократить вмешательство государства в валютный режим, приведет к либерализации внешней торговли, ускорит интеграцию страны в мировую экономику и т. д. Одновременно они утверждали, что валютный контроль доказал свою полную неэффективность, и нет смысла даже его создавать. И все же, осознавая некоторую правоту экспертов МВФ, мы, с другой стороны, знали, что на тот момент ни одна страна Восточной и Центральной Европы не ввела полной конвертируемости валюты, хотя они начали свои реформы

на три года раньше нас. Все эти страны в той или иной мере восстанавливали меры валютного контроля после того, как их валюты подвергались атакам спекулянтов на валютных рынках.

В конце концов нами было принято решение о целесообразности применения единого валютного курса и частичной конвертируемости тенге, охватывающей операции по текущим счетам и репатриацию прибылей иностранными инвесторами. Жизнь подтвердила правильность такого выбора. По прогнозам специалистов МВФ, валютный курс должен был понизиться до 150 тенге за доллар США в сентябре 1994 года и затем – до 200 тенге за доллар США в январе 1995 года. В действительности же курс тенге снижался невысокими темпами (3-4% в месяц) и к 1996 году стабилизировался на уровне 70 тенге за доллар США.

Первый сигнал о способности нашей страны обеспечить выпуск и функционирование национальной валюты был дан 1 ноября 1993 года, когда впервые были опубликованы данные о золотовалютных резервах Казахстана. По расчетам специалистов, к моменту ввода национальной валюты сумма золотовалютных резервов страны должна быть равна как минимум трем месячным объемам ее импорта. В то время для Казахстана это составляло не менее 500 млн. долларов США, тогда как его золотовалютные резервы на тот момент оценивались в 722,9 млн. долларов США. Мы были более чем готовы обеспечить ввод тенге.

Конечно, по сравнению с нашими нынешними резервами, составляющими сегодня около 25 млрд. долларов США, эта цифра кажется смешной. Но на тот день это была еще одна из причин задержки ввода нашей валюты.

3 ноября 1993 года премьер-министрами С. Терещенко и В. Черномырдиным был подписан протокол рабочей встречи

делегаций России и Казахстана. Россия официально признала, что оптимальным выходом из сложившегося положения с единой рублевой зоной является введение Казахстаном собственных денежных знаков и проведение в ближайшее время мер по укреплению денежной системы.

Учитывая большой объем товарооборота, принципиально важным для нас было положение о том, что безналичные расчеты между юридическими и физическими лицами России и Казахстана будут производиться в рублях или в казахстанской национальной валюте, а порядок указанных расчетов будет определен отдельным соглашением.

Казахстанская сторона настояла на включении положения о том, что стороны возьмут на себя обязательства по созданию условий для предоставления гражданам возможности осуществлять взаимный обмен валюты Казахстана и российских рублей по рыночному курсу.

Увязав, таким образом, введение тенге с функционированием рублевой зоны, мы столкнулись с еще одной проблемой. К тому времени, когда наша комиссия по введению тенге только начинала свою работу, Украина, Молдавия, Азербайджан, Грузия и Киргизия уже ввели собственные национальные валюты, а Туркмения объявила о таком намерении. Уже тогда нас крайне беспокоило, что ни одним из этих государств не было обеспечено выполнение важного условия ввода валют – обязательной сдачи изъятых советских рублей Центробанку России. Мы боялись, что вся эта «рублевая» денежная масса, ставшая после введения национальных валют в соседних с нами странах просто бумагой, хлынет в Казахстан, где до введения тенге рубли все еще были законным платежным средством. Увы, эти наши опасения очень скоро подтвердились.

5 ноября 1993 года мной был подписан Указ «О неотложных мерах по стабилизации денежной системы», являвшийся

одним из необходимых шагов перед введением национальной валюты. Срочность подобных мер была обусловлена резким увеличением объема незаконного ввоза банкнот советских рублей на территорию Казахстана, изъятых из обращения на территориях соседних стран. Это подрывало финансовую систему республики, ускоряя и без того катастрофические темпы инфляции и снижая уровень жизни населения. В целях защиты экономических интересов государства и населения, банкам было предписано осуществлять прием наличных денег от физических и юридических лиц в банкнотах 1961–1992 годов на специальные счета без права их расходования до получения дополнительных указаний Национального банка Казахстана.

К этому времени я получил подписанное всеми членами Государственной комиссии заключение о том, что все необходимые подготовительные мероприятия завершены и банковская система готова к введению национальной валюты. Естественно, что вся предшествовавшая этому шагу работа велась строго конфиденциально. Банкноты завозились из Лондона грузовыми самолетами под видом промышленного оборудования. Комитет национальной безопасности контролировал развоз тенге на места.

Мы понимали, что нам нельзя было заранее будоражить народ, чтобы не вызвать панику. Хотя итоги большинства переговоров с Россией были опубликованы, и население понимало, что введение национальной валюты неизбежно, мы не распространяли информацию по вопросам другого плана. Среди этих вопросов были условия и сроки обмена, его курс и многое другое, в том числе, будет ли этот обмен носить конфискационный характер или нет. Ну и, конечно же, когда это произойдет. Мне предстояло принять политическое решение и определить дату введения тенге. И на этом я бы хотел остановиться немного подробнее.

Все наши соседние государства были открыто и прямо предупреждены о вводе казахстанской национальной валюты задолго до этого момента. Мы всегда понимали, что, несмотря на провозглашение политических суверенитетов, все страны бывшего Союза все еще остаются тесно связанными друг с другом, и прежде всего в плане взаимного влияния друг на друга их экономик. И потому можно сказать, что к введению национальной валюты одной страны должны были быть готовы все остальные. У нас даже в мыслях не было делать то, что сделала Россия. Например, одной из первых стран, с кем мы обсуждали вопрос введения тенге, был Узбекистан. Граничащий с нами Узбекистан также находился в рублевой зоне, имея схожие проблемы, и являлся нашим важным партнером, с которым мы имели серьезные экономические связи. Я заранее договорился с президентом И. Каримовым, что мы не будем создавать проблемы друг другу и согласованно введем национальные валюты в один день и в один час. Так и было сделано. Узбекистан ввел свой «сум» 15 ноября 1993 года.

Да, час «X» был определен – 15 ноября 1993 года. 12 ноября был подписан, а 13 ноября – обнародован Указ «О введении национальной валюты Республики Казахстан». 12 ноября, вечером, я обратился по телевидению к населению страны и объявил о введении первой в истории Казахстана национальной валюты – тенге.

В ту памятную пятницу я был сильно взволнован. Предстояло оповестить всех граждан Казахстана об одном из самых решительных и кардинальных шагов, предпринятом нами на пути построения казахстанской государственности. Как отнесется к этому народ? Примет и поймет ли он необходимость этой чрезвычайной меры? В своем обращении я постарался донести до людей всю значимость и историческую важность этого шага, несмотря на то, что введение валюты было для нас вынужденной мерой.

1. Россия сама вышла из рублевой зоны, с 26 июля наши валютные системы разделились, и данный шаг является вынужденным, так как в новую рублевую зону нас не пускают.

2. Введение национальной валюты не означает разрыва хозяйственных и других связей с Россией и странами СНГ.

3. Данный шаг необходим для закрепления экономического суверенитета республики и проведения независимой экономической политики.

4. Республика испытывает критическое положение с обеспечением наличными деньгами, и данный шаг является единственным способом обеспечить население наличностью.

**Источник: Архив Президента
Республики Казахстан**

15 ноября 1993 года с 08.00 часов на территории Казахстана была введена собственная национальная валюта – тенге. Был установлен следующий курс: 1 тенге за 500 рублей.

К этому времени банкноты и монеты новой валюты были развезены по всем областям и районам республики. Опираясь на опыт советских денежных реформ, комиссия решила, что обмен должен проходить не только в отделениях банков второго уровня, к этой работе должны быть подключены почтовые отделения и предприятия с большим количеством работников.

Было объявлено, что тенге станет законным платежным средством с первого дня периода обмена, а рубль может использоваться в качестве законного платежного средства все пять дней периода обмена. При этом мы старались принять меры по предотвращению массового сброса рублей и скупки товаров в этот день.

Было продумано и обеспечение национальной валюты из четырех источников: золотовалютные резервы Национального банка, республиканский валютный фонд, внешний стабилизационный фонд (если он будет предоставлен международными организациями) и положительное сальдо платежного баланса. Главной последующей задачей было увеличение объемов экспорта и наведение порядка с поступлением валютной выручки от экспорта.

В первые годы становления национальной валюты наблюдался значительный дефицит внутренних источников предложения иностранной валюты. Отток валютных средств из страны представлял угрозу устойчивости валютного курса. Для этого валютные операции, предусматривающие переход капитала от резидентов в пользу нерезидентов с самого начала введения тенге подлежали лицензированию, в то время как приток капитала только регистрировался с целью статистического учета.

Введение национальной валюты привело к появлению принципиально новых задач. Одной из основных задач было усиление платежной функции тенге и повышение доверия к национальной валюте. Среди принятых мер в данном направлении были: перевод на оплату в тенге экспортных и импортных пошлин, таможенных платежей, запрет розничной торговли за иностранную валюту, запрет бартерных операций юридическими лицами – резидентами Республики Казахстан. Все это позволило стабилизировать ситуацию и начать становление нашей национальной валюты «тенге».

«Испытанием на прочность» для молодой валюты стал финансовый кризис в России в 1998 году. Значительная девальвация национальных валют целого ряда стран – торговых партнеров Казахстана привела к удорожанию тенге в реальном выражении, что повлекло за собой снижение конкурентных позиций казахстанского экспорта. Большие

валютные интервенции, осуществленные Нацбанком, имели лишь временный эффект и, к тому же, привели к значительному снижению наших золотовалютных резервов. Возникла необходимость девальвации тенге. В связи со всеми указанными проблемами в этот момент было принято решение о переходе от режима управляемого плавления курса на режим свободно плавающего обменного курса тенге.

Режим СПОК – свободно плавающего обменного курса тенге – был введен в апреле 1999 года, когда стабилизировалась финансовая ситуация в России и снизились девальвационные ожидания внутри страны. Одновременно с этим были приняты меры по защите тенговых вкладов физических лиц и депозитов юридических лиц в банках второго уровня, а также тенговых активов пенсионных фондов. В частности, пенсионные активы были конвертированы в государственные ценные бумаги по прежнему, высокому курсу. Была введена временная обязательная продажа 50 % экспортной выручки. На период адаптации банков к новому режиму были временно снижены резервные требования с 10 до 5 %, а также смягчены другие нормативы.

Надо сказать, что и в этот раз – уже по старой традиции – многие «эксперты» предрекали катастрофические последствия введения режима СПОК. Их суждения о том, что уход тенге «в свободное плавание» повлечет за собой небывалый размер его девальвации, так как все это время тенге был искусственно поддерживаемой валютой и т. д., усиливали ажиотаж среди людей, еще помнящих кризис в России. Да, снижение курса тенге действительно произошло. Но отнюдь не катастрофическое, более того, в тот момент это сыграло свою положительную роль. Переход на режим свободно плавающего обменного курса тенге способствовал восстановлению конкурентных позиций казахстанского экспорта и возобновлению роста производства. В итоге

значительно улучшился платежный баланс страны, выросли золотовалютные резервы, существенно укрепилась банковская система.

Необходимость перехода к режиму СПОК объяснялась снижением конкурентоспособности казахстанских предприятий из-за наплыва дешевого импорта, в том числе из России, а также уменьшением золотовалютных резервов, необходимых для дальнейшего поддержания фиксированного курса тенге. Переход готовился заранее, просчитывались возможные сценарии дальнейшего развития внешнеэкономической ситуации и варианты изменения обменного курса при различных валютных режимах. Международный валютный фонд и Всемирный банк поддержали это наше решение, отметив, в частности, что обменный курс должен формироваться под воздействием рыночных механизмов.

С момента введения тенге был валютой, конвертируемой только по текущим операциям. Но нами была поставлена цель – со временем достичь его полной конвертируемости. В июле 1996 года условия по обеспечению свободной конвертируемости тенге были достигнуты – с присоединением Казахстана к условиям статьи VIII Соглашения МВФ. Тем самым Казахстан взял на себя обязательства не вводить какие-либо валютные ограничения, не применять множественные валютные курсы, не заключать двусторонние платежные соглашения, противоречащие статье VIII, или вводить ограничения на импорт по причинам, связанным с платежным балансом. Тогда же были сняты ограничения по выполнению платежей и переводов по текущим международным сделкам. Была гарантирована свобода денежных переводов, связанных с иностранными инвестициями, для нерезидентов был введен свободный порядок конвертации и покупки иностранной валюты на внутреннем рынке, физическим лицам было разрешено вывозить иностранную валюту на определенную сумму без представления подтверждающих документов. Все это по-

зволяет уверенно говорить, что к 2007 году тенге достигнет полной конвертируемости. Иными словами, национальная валюта будет конвертироваться не только по текущим, но и по капитальным операциям.

В целом уже сейчас с полной уверенностью можно сказать, что ввод тенге прошел на ура. Но тогда мы знали, что не все люди были психологически готовы к введению новой валюты, и была реальная угроза негативного отношения к тенге. Также можно было легко спрогнозировать и то, что необходимая для поддержки новой валюты жесткая денежно-кредитная политика приведет к появлению новых противников национальной валюты – как среди нашего населения, в общем, так и среди наших депутатов, в частности.

Для введения национальной валюты нам пришлось разрабатывать целый комплекс мер в области денежно-кредитной, налоговой, бюджетной, таможенной и внешнеторговой политики в предельно сжатые сроки – потому что попытка у нас могла быть только одна, а времени было очень мало.

Тенге, как национальная валюта, сыграл свою роль в истории нашей страны не только как экономическая основа независимости. В чем-то тенге – это уже полновесная часть самой нашей истории, знамение своего времени. И я бы хотел сказать о том, что в этом году наш тенге изменит свой – ставший за 13 лет таким привычным – облик. Если говорить о чисто техническом аспекте ввода нового дизайна банкнот, то сейчас предпочтение ведущих мировых фирм по обслуживанию производства денег отдано беспортретной концепции. Главной целью обмена является противодействие фальшивомонетничеству. Интерпол настоятельно рекомендует центральным банкам всех стран мира периодически, через каждые 5–7 лет, менять дизайн и технические характеристики своих валют. Замена старых денег на новые – обычная мировая практика. Так, при изготовлении банкнот нового дизайна в

общей сложности было использовано 16 различных элементов защиты – на разных номиналах определенное количество и определенная степень.

При смене облика валюты учитывается все: новые технологии, краски, элементы защиты, тенденции. Это то, что касается технической стороны. Но есть и другая. Казахстан – уникальное государство, где проживают различные этнические группы. Появление на купюре портрета уважаемого человека всегда вызывает вопрос: почему именно он, а не другой? Или почему уважили этого, но забыли другого? Деньги не должны быть причиной к разъединению, они призваны объединять людей, поскольку они – тоже символ государственности, свидетельство мощи страны, ее международного имиджа. На новых тенге будет изображено то, что принадлежит одновременно и казахам, и всей мировой культуре – наскальные рисунки, археологические находки древности, наша удивительная природа и, вместе с тем, то, что характеризует уникальность Казахстана – герб, флаг, виды обеих столиц.

Тенге вписал свою собственную страницу и в мировую историю, вернее, в историю мировых денег. Казахстанский монетный двор уже имеет в мире репутацию одного из самых современных предприятий в отрасли. Мало кто знает, но Казахстанский монетный двор два года назад был сертифицирован по международному стандарту ISO 9001:2000 сертификационным органом TUV CERT. Его представители участвуют во многих выставках монет. Порой спрос нумизматов на казахстанские монеты столь велик, что они, бывает, раскупаются еще до закрытия ярмарки. В отличие от первой для Казахстана ярмарки, когда сенсацией стала не столько продукция, сколько само участие далекой азиатской страны в элитарном событии (одном из четырех ведущих мировых мероприятий в области нумизматики), нынешней интерес

к казахстанским монетам уже профессионален и очень высок. Прежде всего из-за их дизайна, отсутствия какой-либо политизированности и безупречного качества чеканки.

ВПЕРЕД В БУДУЩЕЕ, НАЗАД К ИНТЕГРАЦИИ

С введением тенге начался отсчет существования независимой финансовой системы страны, которая на текущий момент признается достаточно подготовленной к вхождению в мировую систему разделения труда и конкуренции. С этого времени начал претворяться в жизнь комплекс мер по стабилизации макроэкономических показателей, которые стали основополагающими для начала экономического роста, заложенного в ноябре 1993 года.

Мы изначально отказались от промежуточной валюты, начали осуществление собственной, отвечающей национальным интересам бюджетной и денежно-кредитной политики. Наша валюта, в целом, за весь этот период доказала свою стабильность и имеет устойчивый спрос в ряде соседних государств.

Достигнуть таких результатов было не просто. Мы понимали, что само по себе введение национальной валюты никаких социально-экономических проблем не решает. Более того, при отсутствии антиинфляционной политики и жесткого контроля над расходованием средств введение валюты может резко обострить эти проблемы, подорвать доверие населения к новой валюте, которое потом придется очень долго и трудно восстанавливать.

Опыт других стран показывал, что для успешного введения и поддержания собственной валюты предстояло проводить более жесткую денежно-кредитную и налогово-бюджетную политику. Как я уже говорил, не всем это нравилось, но мы должны были научиться жить по средствам, рассчитывая только на собственные силы.

Между тем Казахстан в 1992–1993 годы в реальности проводил более мягкую денежно-кредитную политику, чем Россия, что, надо сказать, не шло нам на пользу. Поэтому тогда и правительству, и Национальному банку Казахстана нужно было серьезно перестроить работу, чтобы изменить ситуацию. Но зато сейчас ситуацию десятилетней давности и сегодняшнее положение экономических систем государств бывшего Союза трудно сравнить. Согласно оценкам независимых экспертов МВФ и Всемирного Банка, Казахстан выбился в лидеры по темпам и эффективности проводимых экономических реформ. Казахстан досрочно расплатился с долгами МВФ в сумме 400 млн. долларов США и своевременно погасил еврооблигации на сумму 350 млн. долларов США. Это способствовало значительному улучшению нашего международного имиджа. Высокая оценка наших достижений звучит сейчас и из уст высоких государственных чиновников России.

Россия – огромная страна с большой перспективой. Мы, казахстанцы, искренне желаем нашему соседу процветания. В нашей совместной истории было много хорошего и плохого. Но это история. В условиях независимости мы хотим строить дружеские, равноправные стратегические отношения с Россией. Уверен, это и в интересах России. Это же прописано в соглашениях между нашими странами. И мы с В.В. Путиным далеко продвинулись в установлении большего доверия между нашими странами.

Но Россия не однородна. Там есть всякие течения. К руководству приходили ранее неизвестные, но амбициозные люди, мало знавшие экономические, человеческие связи советского прошлого. Пользуясь слабостью власти наверху и в регионах, они делали то, что делали. Хотя можно было бы проводить все осторожнее, сохраняя доверие и связи, учитывая стратегические интересы и России, и ее соседей.

Казахстанцы не забыли, что некоторые из них пытались сделать из нас «банановую республику». Именно их непродуманные заявления подтолкнули многих наших соотечественников оставить насиженные места в Казахстане и податься в поисках лучшей жизни в Россию. Сегодня, сидя в своих центрах и ассоциациях, заваленные пыльными бумагами, они сквозь толстые линзы очков пассивно наблюдают за тем, как происходит постепенный возврат к интеграционным идеям, которые Казахстан выдвигал еще в начале девяностых.

Я рад, что сегодня в России на смену шараханьям и экономическому «снобизму» приходит трезвый расчет и прагматизм. Я надеюсь, что идея Евразийства, озвученная мною в 1994 году, а также ставка наших государств на экономическую интеграцию, позволят нашим согражданам в долгосрочном плане достичь более высокого жизненного уровня. По истечению десятилетия после развала СССР на территории всего СНГ можно было наблюдать эволюцию взглядов политиков в сторону интеграции экономик наших государств. При этом преимущества, которые могли бы дать нам эти объединительные процессы, очевидны.

Должен отметить, что серьезное оживление интеграционных процессов связано с избранием президентом России В.В. Путина. Он за короткое время укрепил власть в стране, ускорил реформирование и много делает для объединения наших усилий по интеграции в СНГ.

Именно поэтому три года назад мы с ним выдвинули идею создания Единого экономического пространства. Работа в этом направлении позволит создать предпосылки для введения единой валюты, базовыми условиями которых будут являться мероприятия по повышению эффективности интеграционного сотрудничества и сближения экономической политики стран – участников валютного союза.

В данной работе нам не нужно выдумывать ничего нового. Существует пример Европейского союза, который в период

распада СССР занимался исключительно интеграционными процессами. Странам ЕЭП необходимо просто грамотно и здраво перенять успешный европейский опыт.

Если не получится ЕЭП из-за позиций Украины, то наши наработки будут полезны в ЕврАзЭС или в других объединениях, когда все участники созреют до понимания, что интеграция – это необходимость. Это выгодно всем. Это безопасность и развитие.

Хотя на протяжении всего прошедшего времени смысловое наполнение термина «интеграция» претерпело столь причудливые изменения, что порой не все понимают, о чем в действительности идет речь. Наверное, поэтому тот потенциал интеграции, которым мы все располагали и воспринимали как безусловную данность, до сих пор во многом не использован. Этому способствовали как объективные, так и субъективные факторы. Если мы не можем самостоятельно его использовать, то, наверное, нам следует учиться этому. Учиться тому, как взаимодействовать, сотрудничать и достигать общих целей. Достаточно взглянуть на Европейский союз. Несмотря ни на какие противоречия (коих было действительно немало), они пришли к полному пониманию интеграции. Об этом свидетельствует введение единой валюты «евро», наличие Европарламента и многое другое.

Я думаю, что мною уже достаточно много было сказано о пользе интеграционных процессов. Пора приступать к реальным шагам на пути сближения стран. В первую очередь, в рамках ЕЭП. Да, надо признать, что интеграция, особенно валютный союз потребуют от наших стран некоторого отхода от принципов экономической и политической независимости. Но результаты интеграции будут обладать намного большей пользой для государства, чем желание быть полностью независимым от всех. На высокую вершину невозможно подняться одному, нужна крепкая рука партнера. Только совместными усилиями ее можно покорить.

На мой взгляд, из-за пережитого в прошлом союзного «братства» с абсолютно недвусмысленной иерархией и моделью отношений «старший брат – младший брат» нашим странам потребуется длительное время, чтобы окончательно решиться на серьезную интеграцию. И это несмотря на то, что мы имеем общие стратегические экономические интересы и идем параллельным курсом реформ. Тем более что вектор институциональных изменений нашими странами был выбран в одном направлении. Помимо этого, еще остаются системные проблемы, мешающие интеграции. Во-первых, это низкая степень доверия, которую можно поднять путем уважения законов как внутри страны, так и межгосударственных соглашений. Во-вторых, политические режимы стран ЕЭП (Беларуси, Казахстана, России и Украины), разные по самой своей сути, и между ними пока гораздо больше различий, чем, например, между политическими режимами стран Евросоюза. В связи с этим соглашения, подписанные нашими странами, все еще нестабильны и будут зависеть от внутренних политических течений. В-третьих, мы еще окончательно не решили, в чем заключаются национальные интересы каждой из стран. Решение проблемы самопознания своих интересов должно предшествовать интеграции. Без этого любая интеграция будет недолговечна.

Введение национальной валюты стало символом независимости, и ее дальнейшее функционирование было бы невозможным без проведения коренных рыночных реформ, направленных на улучшение социально-экономического развития страны. В ходе реформ нельзя забывать о том, что все экономические преобразования невозможно проделать без ключевых игроков – собственников. Ведь именно наличие класса собственников является ключевым элементом рыночной экономики. Одним из первых шагов к этому стало проведение масштабной приватизации в стране.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ К ЧАСТНОЙ

Приватизация стала самой противоречивой страницей в современной истории Казахстана. Ни в одной из бывших социалистических стран этот период истории не получил однозначной оценки. В отличие от Польши, Венгрии и Чехии мы проводили приватизацию одновременно со строительством государственных институтов. Если в Восточной Европе западные инвесторы были готовы перенести свое производство и лоббировали скорейшую продажу государственной собственности, Казахстану приходилось иметь дело со своими партнерами в России, где царил «бандитский капитализм».

Могли ли мы отложить приватизацию до окончательного формирования государственных институтов? Опыт Узбекистана показал, что отсрочка процесса формирования собственников еще больше усугубила бы наше экономическое положение. Мы вступили в независимость с гигантскими предприятиями, производившими неконкурентную и незаконченную продукцию для неэффективной военно-промышленной экономики, которая канула в историю вместе с советским государством. Как признал экономический советник президента Польши Марек Белка, а позже премьер-министр, при котором Польша стала полноправным членом ЕС, абсолютное большинство успешных польских предприятий были созданы с нуля и не имеют никакого отношения к приватизированным предприятиям социалистического периода.

Если давать оценку приватизации, то я сказал бы, что, во-первых, это был исторический для Казахстана процесс формирования эффективных и инициативных собственников, которые создали тысячи самостоятельных точек роста. Приватизация расчистила поле для новых экономических и общественных отношений. Шоковыми мерами государство изначально дало понять, что не будет идти на поводу промышленного лобби и поддерживать на плаву убыточные предприятия.

Во-вторых, ошибки, допущенные во время приватизации, стали большим уроком для всех нас. Поддержав новоиспеченных казахстанских бизнесменов во время ПИКовой приватизации, государство не приняло должной законодательной базы для функционирования инвестиционных фондов, не определило финансовые и профессиональные требования к управляющим фондами, не оговорило степень их ответственности перед вкладчиками. Впоследствии государству еще долго пришлось работать над тем, чтобы преодолеть недоверие и разочарование населения, возникшие в результате провала этого этапа приватизации. Спустя три года мы учли все ошибки при проведении пенсионной реформы. Наряду с негосударственными пенсионными фондами был создан государственный накопительный пенсионный фонд. Нормативно-правовая база установила жесточайшие требования к функционированию и размещению накоплений всеми пенсионными фондами. Результаты не заставили себя долго ждать, и сегодня наша пенсионная система является наиболее продуманной и надежной на всем постсоветском пространстве.

Давайте начнем с самого начала. Для того чтобы понять логику приватизации, необходимо начать с общей обрисовки ситуации, сложившейся на тот момент. Экономика Казахстана представляла собой отдельный элемент общей союзной экономики, выполняющий свою локальную задачу сырьевого обеспечения других союзных республик. Так, из Казахстана вывозилось 70% добываемой нефти, 55% железной руды, 28% угля, 46% черных металлов, 86% синтетического каучука и 54% продуктов основной химии. В то же время по производству товаров народного потребления на душу населения, которые завозились извне, республика занимала 12-е место среди 15 республик бывшего СССР.

В формировании общего объема товарообмена Казахстана определяющая роль принадлежала связям с другими

республиками бывшего СССР, откуда поступало 84% всего объема ввозимых материальных ресурсов и куда направлялся 91% всего вывоза из Казахстана. Например, наибольшая доля ввозимой продукции приходилась на отрасли машиностроения и металлообработки (34%).

Конечно же, все это сказалось на формировании структуры казахстанской экономики, ориентированной, еще раз отмечу, на добычу природного сырья и поставку его за пределы республики. Удельный вес добывающих отраслей в Казахстане превышал средний показатель по бывшему Союзу в 1,7 раза, по России – в 1,5, по Украине – более чем в 2 раза. На долю добывающих отраслей приходилось более 30% основных промышленно-производственных фондов Казахстана. В тот момент в собственности государства находилось свыше 90% имущества производственного назначения, все больше теряющего способность быть рентабельным.

Еще одним «специфическим» моментом было начавшееся массовое хищение населением госсобственности. Нам не удалось остановить эту цепную реакцию растаскивания, дискредитирующую саму идею рынка. У «народной собственности» не было четко означенного хозяина, который бы и позаботился о ее сохранности. Ключевым стал вопрос управляемости процессами преобразования государственного сектора экономики – скорейшего развертывания планомерного разгосударствления и легитимной приватизации госсобственности.

Было ясно, что надо как можно быстрее сломать прежнюю систему государственного патернализма, перейти от государственной собственности к частной, от иждивенчества и ожидания, что «сверху» все решат, – к ответственности и предприимчивости.

Плюс ко всему надо учитывать тот факт, что ничего подобного никогда ранее в Казахстане не проводилось. Все

было впервые, вновь. Не вина людей в том, что все, что касалось перевода жизни на рыночные рельсы, воспринималось с недоверием, непониманием. Поэтому особенно важным было вовлечь в происходящие процессы как можно больше людей, сломать их предубеждения против новых реалий.

Во многом этому способствовали раздача приусадебных и дачных участков, а также передача в собственность граждан государственных квартир. Сложность ситуации, в которой оказался Казахстан, а также абсолютная новизна предстоящих задач требовали неординарных решений.

События развивались с такой скоростью, что нам порой приходилось не столько управлять происходящими процессами, сколько бежать вслед за ними. Нам необходимо было коренным образом изменить существующие экономические отношения. В ином случае – с возникшими проблемами справиться было невозможно.

Предприятия останавливались или работали на склад, так как продукция не находила сбыта. Как я уже говорил в предыдущей главе, производство товаров народного потребления неуклонно сокращалось. Пустые прилавки отражали имевшееся несоответствие спроса и предложения. Десятки тысяч людей оказались без работы и средств к существованию.

Критическая ситуация сложилась и на селе. Колхозы и совхозы, ориентированные на централизованные закупки, остались без сбыта и денег. Отсутствие всяких поступлений в бюджет, соответственно, привело к тому, что было просто нечем выдавать зарплату и пенсии.

Для старта коренных реформ стране был необходим костяк собственников, которые, спасая приватизированные ими предприятия и делая их рентабельными, стали бы двигателями экономического подъема. Передав бывшие государственные предприятия в частные руки, мы стремились

сделать их свободными от государственного управления и вмешательства. Такие частные фирмы и предприятия вынуждены были самостоятельно устанавливать новые экономические связи, регулировать объемы производства и создавать новые рабочие места, что естественным образом повлекло бы за собой общее оздоровление экономики.

Но большинство промышленных объектов, которые необходимо было приватизировать, находились в «экономической» коме. Многие из них нуждались не только в инвестициях и новых технологиях, но более всего прочего – в грамотном менеджменте, который не могли обеспечить бывшие руководители советского толка. Более того, в условиях хаоса и царившей атмосфере безнаказанности, многие из тогдашних руководителей крупных и средних предприятий промышленности, сферы услуг и сельского хозяйства ставили своей основной задачей личное обогащение за счет умиравших заводов и их трудовых коллективов. Такие руководители, пользуясь сумятицей и неясной ситуацией в экономике страны, откровенно разворовывали еле державшиеся на плаву предприятия, большая часть которых подчинялась союзным министерствам и прибывала из-за переделов республики, не имея никаких моральных обязательств и связей с Казахстаном. Так называемая «выборность» директоров позволила только им снять с себя всякую ответственность.

Признаюсь, в той ситуации Правительство республики не имело реальной возможности остановить разграбление тогда еще государственной собственности. Отсутствие соответствующих законов, четких правил собственности позволяло «красным» директорам уходить от ответственности.

Многие сейчас ставят нам в вину то, что мы, якобы, «раздали народную собственность» и так далее. И, слава богу, что мы это сделали. В той ситуации было трудно определить истинную ценность и перспективность тех или иных пред-

приятый. Только представьте себе, многие промышленные предприятия были огромными производственными и административными зданиями с устаревшим оборудованием. За большинством предприятий числились гигантские долги. Создание рентабельного производства на этих предприятиях требовало невероятных усилий, времени и вложений. Необходимо было провести быстрые и эффективные меры, направленные на стабилизацию ситуации. Хищение и растрата имущества, приобретавшие в тот период массовый характер, также явились дополнительным фактором форсирования процесса разгосударствления и приватизации.

В связи с этим мы пошли на проведение масштабной приватизации. Приватизация государственной собственности проходила в четыре этапа. Каждый из этапов преследовал свои цели и задачи. Каждый этап имел свою специфику. Сегодня нельзя сказать, что изначально все этапы процесса приватизации были нами запланированы в том виде, в каком они и были проведены. Скорее каждый из этапов являлся логическим продолжением предыдущего. В каждом последующем этапе предпринималась попытка учесть все ошибки и просчеты предыдущих этапов. А ошибки и провалы были.

К сожалению, не оправдались многие надежды, связанные с так называемой ПИКовой приватизацией. Так, раздача населению приватизационных инвестиционных купонов (ПИКов), которые они вкладывали в приватизационные инвестиционные фонды (ПИФы) для приобретения ими акций приватизируемых предприятий, только способствовала тому, что ПИФы выводили свои активы через собственные подставные фирмы. Это происходило путем формирования сначала финансовых обязательств перед ними, а затем через выплату таких обязательств в виде активов, приобретенных за счет ПИКов. В результате приватизированные предприятия оказались в руках ограниченного круга лиц, и идея народ-

ной приватизации была дискредитирована. Если сейчас опубликовать фамилии руководителей инвестиционных приватизационных фондов тех лет, это будут известные нам люди, живущие не бедно. А простые люди не получили акций предприятий. И это на совести конкретных людей.

Для того чтобы разъяснить механизм приватизации в Казахстане и ее целесообразность, опишу каждый из ее этапов.

ПЕРВЫЙ ЭТАП: ИНИЦИАТИВНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ, 1991–1992 ГОДЫ

22 июля 1991 года был принят Закон «О разгосударствлении и приватизации», согласно которому приватизация носила так называемый инициативный характер, когда государственные органы принимали решение только после получения от коллектива предприятия соответствующей заявки. И лишь тогда проводились аукционы, конкурсы или осуществлялась безвозмездная передача трудовому коллективу производственной и социальной инфраструктуры.

Указанный закон положил начало первому этапу приватизации (1991–1992 годы), на основании которого была разработана первая «Программа разгосударствления и приватизации государственной собственности в Казахской ССР на 1991–1992 годы», которая основывалась на идее максимального вовлечения граждан страны в процессы изменений формы собственности через их трудовые коллективы. Эта программа несла в себе много компромиссных начал.

Учитывая стремительно набирающую темпы инфляцию и отсутствие у населения средств для приватизации, в Казахстане всему населению, без исключения, безвозмездно предоставлялись жилищные приватизационные купоны в

качестве платежных средств для участия в приватизации жилья.

Один купон по стоимости был эквивалентен тогдашнему рублю. Число выдаваемых купонов определялось стажем работы, а иждивенцев наделяли двумя тысячами купонов. Программа не только стимулировала инициативность населения, но и давала надежду народу, что в процессе приватизации бывшее государственное имущество будет справедливо поделено между активным населением страны. Простой механизм выкупа за купоны позволил в короткие сроки сформировать рынок жилья, обеспечил мобильность населения и другие необходимые условия развития рыночных отношений. В дальнейшем жилищные купоны применялись при выкупе объектов малой приватизации и объектов сельского хозяйства. Первый этап приватизации в большей мере характеризовался образованием арендных и коллективных предприятий, а также аукционной продажей коммунальных объектов. При этом трудовым коллективам предоставлялись специфические льготы.

В республике постепенно стал формироваться рынок услуг. Результаты первого этапа приватизации дали толчок развитию предпринимательства, формирующего слой собственников. По итогам первого этапа был преобразован 4771 объект государственного имущества. От общего количества приватизированных предприятий объекты розничной торговли, общепита, бытового обслуживания, коммунального хозяйства и другие составили 60%. Наибольшую долю составили объекты торговли (29,6%) и бытового обслуживания (25,8%).

Однако опыт первого этапа приватизации в Казахстане показал ограниченность возможностей инструментов преобразования собственности, разрабатываемых с ориентацией на коллективистские начала. В стране необходимо было

принимать скорейшее решение о переходе от инициативной приватизации к приватизации по единому сценарию.

ВТОРОЙ ЭТАП: ПИКОВАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ, 1993–1995 ГОДЫ

5 марта 1993 года мною была утверждена «Национальная программа разгосударствления и приватизации в Республике Казахстан». Принятие данной программы можно считать началом осуществления второго этапа приватизации, ставшего самым массовым, а потому и самым сложным периодом всего процесса приватизации. Процесс был экстраординарным как по формам, так и по методам и скорости.

Так, система управления и приватизации госсобственности стала жестко централизованной, органы местных администраций с аналогичными функциями были упразднены. Введены единые регламенты подготовки и проведения приватизации объектов. Был установлен широкий диапазон методов приватизации: продажа акций через биржу, аукцион, коммерческий тендер, инвестиционный тендер, продажа объектов с сохранением условий аренды до ее завершения, прямая продажа социально значимых объектов в сельской местности, реализация неликвидных объектов без установления минимальной цены, передача предприятий в доверительное управление на определенных инвестиционных условиях. Разнообразие инструментария, используемого при проведении приватизации, позволяло учитывать как специфику приватизируемых предприятий отрасли, так и текущие потребности и менталитет населения. Выбор методов определялся размерами предприятий – числом занятых и стоимостью основного капитала.

Реформой предусматривалось четыре вида приватизации: малая, массовая, приватизация по индивидуальным проектам и по агропромышленному комплексу. Мы провели малую приватизацию в сжатые сроки и реализовали более шести тысяч объектов. Это позволило значительно оживить сферы бытового обслуживания, торговли, общественного питания. В результате данного этапа приватизации в республике появились и начали продуктивно работать тысячи частных предприятий, принадлежавших малому и среднему бизнесу.

Основными направлениями Национальной программы стали:

– малая приватизация (аукционная и конкурсная продажа объектов торговли, бытового обслуживания и производственных предприятий с численностью работающих до 200 чел.);

– массовая приватизация (предприятия с численностью работающих от 200 до 5000 чел.);

– приватизация по индивидуальным проектам (предприятия с численностью работающих свыше 5000 чел.);

– приватизация агропромышленного комплекса.

**«Национальная программа
разгосударствления и приватизации
в Республике Казахстан 1993–1995 гг.»**

Специфика второго этапа также включала в себя сохранение ряда компромиссов и льгот для участников приватизации. Так, работники приватизируемого объекта могли объединиться в хозяйственные товарищества с числом работающих не менее 50% от общего числа персонала и участвовать в торгах, имея скидку до 10% от цены продажи.

Гибкость применения широкого спектра методов приватизации вкупе с компромиссами и льготами позволила

реализовать основную часть объектов малой приватизации в сроки второго этапа. Оставшиеся объекты из числа невостребованных были реализованы в 1996 году после многократных снижений цен по таким же комбинированным методам. Стоимость объектов малой приватизации могла оплачиваться деньгами (50%) и жилищными купонами (50%). Через отделения народного сберегательного банка вводилась свободная купля-продажа жилищных купонов. Объекты, нереализованные на аукционах, выставлялись на продажу с различными вариантами реализации: с понижением стартовой цены, без установления цены, с предварительной арендой объекта. Практиковался и метод адресной продажи объектов трудовым коллективам. Арендкуемые объекты продавались с сохранением условий аренды. 50% средств от малой приватизации оставлялось в местном бюджете. При акционировании госпредприятий трудовые коллективы получали безвозмездно до 10% привилегированных акций от величины уставного капитала.

Малая приватизация, помимо чисто экономического эффекта, имела и социальный эффект. Фактически уже в течение первых двух лет ее проведения прилавки наших магазинов и рынков стали наполняться продуктами питания и всеми другими необходимыми товарами потребления. Развился рынок лекарственных препаратов. Люди постепенно перестали бояться частного сектора. Продажа магазинов и ларьков стимулировала развитие предпринимательства в этих секторах. Создаваемые новые фирмы нередко отличались более высоким уровнем технического оснащения и менеджмента, чем приватизированные объекты. Подобным образом выросла целая сеть автозаправочных станций.

В этот период всем гражданам Казахстана в Народном сбербанке были безвозмездно открыты персональные счета приватизационно-инвестиционных купонов (ПИК). Каждый

гражданин Казахстана мог вложить свои купоны только в акции инвестиционно-приватизационных фондов (ИПФ), которые могли приобретать за купоны акции госпредприятий на специальных аукционах.

Купонная приватизация – наиболее массовый по числу участников этап разгосударствления казахстанской экономики, который фактически уже имел аналог в других странах с переходной экономикой (Польша, Чехословакия). В ходе процесса предполагалось приватизировать основную массу средних предприятий, наделить частной собственностью (на основе купонов) всех граждан страны. Впоследствии именно этот слой собственников мог бы стать основой для рождения казахстанского среднего класса.

Но оценить результаты этого этапа как социально приемлемые все-таки вряд ли возможно. Купонный этап не способствовал появлению устойчивого рынка ценных бумаг. Попытки широко развить открытую торговлю акциями фондовой биржи не увенчались успехом, так как котировка акций большинства предприятий из-за их сложного экономического состояния была обречена на неудачу. Большинство ИПФ обанкротилось. Купонный этап не привел к формированию массового слоя активных и процветающих мелких и средних акционеров. По многим причинам, в том числе и по тем, о которых я говорил выше. Здесь, положа руку на сердце, необходимо сказать о том, что сама идея купонной приватизации не оправдала ожиданий населения.

В период подготовки и проведения массовой купонной приватизации подавляющее большинство не допускало и мысли, что процесс идет слишком медленно. Наоборот, многие призывали не торопиться, действовать разумно; были и требования «остановить массовую приватизацию, оглядеться, подготовиться». Вместе с тем время показало, что массовая приватизация была правильным решением, оживившим экономику.

Параллельно с этим шла работа по акционированию предприятий. Процесс акционирования и появления госпакетов акций должен был способствовать рождению и развитию идеи корпоративного управления предприятиями. Исходя из этого, была продолжена работа по формированию активных сторонников внедрения рынка. В этих целях создавались финансово-промышленные группы и холдинги в составе средних предприятий и различного вида финансовых структур. Всемерно поощрялись их действия по коммерциализации и корпоратизации рынка, использованию мирового опыта работы в условиях рынка.

Ситуация вынуждала фактически полностью игнорировать процедуры финансового и частично физического реструктурирования. Приходилось рассчитывать на оптимальное завершение этих процедур уже силами новых собственников. Однако кризисная острота проблем, особенно долговых, на этом этапе приватизации резко обесценивала ее объекты, отталкивала потенциально эффективных инвесторов. Другим важным экономическим и социальным результатом массовой приватизации стал переход к денежной продаже объектов государственной собственности.

Как и многие другие реформы, приватизация стала очередной дозой ответственности за принятые решения. И в этом плане, наверное, самым сложным было принятие политического решения о безоговорочной приватизации. Процесс перехода к частной собственности должен был стать необратимым. Этого требовала сама логика того периода. Только такая приватизация могла стать гарантией нашего рыночного курса для международных организаций и иностранных инвесторов. Ответственность за принятие решения о переходе такого Рубикона, безусловно, должна была лежать на главе государства. Это было ясно тогда, это понятно и теперь. И мне пришлось принять всю полноту такой ответственности.

Нас приучили, что собственность должна быть только государственной (или, так называемой, всенародной), а фактически – ничейной. И вдруг – частная собственность, появление «буржуев». Было страшновато всем. Я вспоминаю сейчас, как нередко руководителям министерств было страшно подписывать договоры о продаже крупных, а порой и уникальных объектов. Понимая это, мною было сделано все, чтобы они постоянно чувствовали мою поддержку и необходимую защиту при проведении самых радикальных перемен. В результате нам удалось избежать той половинчатости и долговременной неопределенности в вопросах реформирования собственности, свойственных большинству стран бывшего Союза. А политикам всегда необходимо помнить, что отношения собственности – это основа экономики и, следовательно, первопричина финансовой и социальной устойчивости общества.

Первые денежные продажи крупных объектов, таких как Алматинский табачный комбинат, Южнефтегаз, ШНОС, были революционными шагами на всем постсоветском пространстве. Это было не просто реформированием структуры бюджетных поступлений. Внедрение частной собственности в повседневную жизнь казахстанцев стало, в первую очередь, реформой общественного сознания.

Постепенно динамика процесса денежных продаж выравнивалась. Вместе с тем нормальных рыночных цен удалось достичь только в 1997 году. В 1996–1997 годы поступления от приватизации уже составляли около 20-30% от доходной части бюджета. До сегодняшнего момента все предприятия, приватизированные в те годы по индивидуальным проектам, являются самыми крупными налогоплательщиками, обеспечивающими стабильные налоговые поступления в бюджет.

В конце второго этапа началась приватизация по индивидуальным проектам крупных предприятий особой экономи-

ческой и социальной значимости. Так, в реформы были введены новые, качественно иные составляющие – потенциал иностранного капитала. К тому моменту всем стало ясно, что для дальнейшей приватизации Казахстану было необходимо наличие иностранного капитала и создание предприятий с иностранным капиталом.

С 1994 года было разрешено вложение иностранного капитала в приватизационные инвестиционные фонды, а с весны 1995 года иностранцы допускались к аукционам по продаже любых объектов, где они могут расплачиваться валютой и приобретать до 31 % акций приватизируемых предприятий.

Перед иностранными инвесторами ставились следующие обязательные условия:

- инвестиции в основное производство, сроки, объемы и направления;*
- рост объемов производства основной номенклатуры выпускаемой продукции;*
- обязательства по выплате долгов по зарплате, перед бюджетом и поставщиками.*

**«Национальная программа
разгосударствления и приватизации
в Республике Казахстан 1993–1995 гг.»**

Первоначально планировалась продажа иностранным инвесторам только отдельных крупных предприятий. В 1993 году список включал 38 объектов. Это было вызвано необходимостью вывода предприятий республики из критического состояния, когда многие предприятия оказались под угрозой остановки и фактического банкротства.

Первыми в тот период (1993–1994 годы) были проданы по индивидуальным проектам Алматинский табачный ком-

бинат и Чимкентская кондитерская фабрика. За Алматинскую табачную фабрику американская компания «Philip Morris» заплатила более 100 млн. долларов, инвестор обязался вложить 240 млн. долларов США в производство, сразу начал осуществлять свою социальную программу: увеличил зарплату трудовому коллективу, начал покупать новое жилье для новых работников, ввел ряд других льгот. А до прихода иностранной компании фабрика находилась в критическом положении, не хватало денег на приобретение сырья, материалов, запчастей. Людям не платили зарплату. Это был первый успех и первая крупная сумма, которую бюджет получил от инвестора. Я похвалил за эту работу премьер-министра С. Терещенко и председателя Госкомимущества Ж. Карибжанова. Этим был дан сигнал всем идти дальше.

Из-за своего рода советской «ксенофобии», когда любое присутствие иностранцев рассматривалось как преступление против Родины, многие тогда начали говорить о том, что нет никакой необходимости в иностранных инвестициях, что приватизация должна быть сугубо внутренним процессом в стране. В ответ на все эти заявления я хочу сказать, что мы действительно пытались провести приватизацию самостоятельно. Получилось еще хуже.

Впрочем, судите сами.

В это время в очень сложной ситуации оказался и гигант казахстанской индустрии «Карметкомбинат». Комбинат имел огромные долги за электроэнергию, транспорт и находился на грани банкротства. Дошло до того, что чуть ли не полностью были затушены металлургические агрегаты в горячих цехах. Шли интенсивные поиски инвестора, способного вывести комбинат из кризиса. Свои услуги нам предложили молодые казахстанские бизнесмены. Совместно с австрийской компанией «Фест Альпина» они обязались решить финансовые проблемы предприятия и внедрить современный менеджмент.

Мы были рады им помочь. Поскольку хищения на комбинате приняли массовый характер, по просьбе инвесторов я дал поручение Правительству РК оказать им помощь. На территорию предприятия из северных областей республики были перебросены части внутренних войск, обеспечивавшие охрану объекта.

Однако опыт менеджмента, накопленный нашими молодыми бизнесменами в торговле, оказался недостаточен для организации работы крупного промышленного предприятия и работы с серьезными иностранными партнерами в металлургии. В результате просчетов при заключении договоров на торговлю металлом и поставок кокса на предприятии в начале 1995 года запасов кокса оставалось на три дня, при этом полностью отсутствовали оборотные средства. Долги по зарплате превышали шесть месяцев. Дошло до того, что нашим молодым бизнесменам пришлось просто покинуть комбинат. Не прошло и месяца, как помощь перебросенных частей внутренних войск понадобилась уже для прекращения хищений со стороны молодых инвесторов.

Как видите, наша молодежь хотела браться за такие крупные дела, и мы шли ей навстречу. Но она еще не была готова. Не хватало ни опыта, ни средств. В приватизации участвовали, но управлять собственностью дальше не могли. Но я им помогал, они должны были учиться. «Казкоммерцбанк» брался управлять металлургическими предприятиями, купил ШНОС, но все потом перепродавалось.

Другой яркий пример – наша гражданская авиация. Взяв под управление «Эйр-Казахстан», наши ребята довели его до того, что за долги наши самолеты стали арестовывать в иностранных аэропортах. Иностранные компании запретили своим гражданам летать самолетами «Эйр-Казахстан» из-за опасности таких полетов. Если бы не мое решение о создании компании «Эйр-Астана», совместно с англичанами,

мы бы сейчас сидели без авиации вообще. Думаю, что наши менеджеры наберутся еще опыта и научатся управлять.

В этих условиях только крупные инвестиции со стороны компаний, занимающих прочное положение на мировых рынках металла, могли спасти предприятие. Поэтому металлургический комбинат был продан. Новые собственники «Карметкомбината» – индийская компания «Mittal Steel» сразу погасила задолженность перед поставщиками сырья, электроэнергии, транспорта и по заработной плате, произвела выплаты по регрессным искам. В общем по долгам предприятия компания-инвестор заплатила 350 млн. долларов США. А общая сумма инвестиций за восемь лет с момента приватизации составила почти 1 млрд. долларов США. В короткие сроки был осуществлен ремонт доменных печей, коксовых батарей, реконструированы важнейшие технологические линии. Более того, введен цех горячего цинкования и алюминирования, машин непрерывного литья стали, строится сортопрокатный цех.

В силу сложившихся особых, безальтернативных, хозяйственных условий приватизация металлургических гигантов порождала своеобразную цепную реакцию по продаже сопутствующих имущественных комплексов. Так произошло, например, с продажей активов Карагандинского металлургического комбината. Когда для обеспечения нормального функционирования предприятия необходимо было решить проблемы своевременного обеспечения производства электроэнергией, теплом, сырьем. В связи с этим в течение 1996 года инвестору пришлось приобрести Карагандинскую ТЭЦ-2, а также основную часть угольных шахт и решать проблему их инвестирования с целью налаживания нормального производственного цикла.

В следующем году к АО «ИспатКармет» были присоединены вспомогательные предприятия АО «Карагандашахт-

уголь». Это было время, когда по странам СНГ прокатилась волна шахтерских забастовок, которая дошла и до нас, о чем я говорил выше. Промедление в решении острейших социальных и экономических проблем в таком крупном промышленном регионе могло иметь непредсказуемые и самые тяжелые последствия для всей страны. Нам удалось избежать этого. И этому немало способствовало начавшееся стабильное функционирование «Карметкомбината».

Глядя на результаты иностранного менеджмента, руководители многих неприватизированных вспомогательных и смежных предприятий начали обращаться в Правительство с просьбами о включении их предприятий в перечень объектов для продажи хорошо зарекомендовавшему себя в регионе инвестору. Правительством уделялось пристальное внимание решению данных проблем. В качестве примера приведу несколько фактов.

Продажей по своеобразной «технологической» цепочке стала приватизация разрезов «Богатырь» и «Восточный» в Павлодарской области. Осенью 1996 года в преддверии наступающей зимы в регионе фактически была разрушена система поставки угля для нормального тепло- и энергообеспечения. В этих условиях имущественные комплексы разрезов были приватизированы Евразийской промышленной группой, добившейся к тому времени устойчивых положительных результатов в налаживании производства на целом ряде промышленных предприятий. Перед продажей таких социально важных и сложных объектов была введена практика выезда представителей Правительства на места. Они объясняли людям существующую ситуацию и меры, принимаемые государством для преодоления создавшихся сложностей. Так, при приватизации разреза «Восточный» уполномоченные представители государственных органов и инвесторы собрали трудовой коллектив и изложили свои

инвестиционную и производственную программы. Тут же была обеспечена выплата заработной платы. Закрепив слова делами, мы сумели убедить народ.

В целом Евразийской промышленной группой за десятилетний период был успешно преодолен кризис на предприятиях горнодобывающей и металлургической промышленности, стабилизирована их работа и восстановлены позиции на мировых рынках. Об эффективности мер, проведенных после приватизации, говорит то, что только в финансовое оздоровление и реабилитацию предприятий было вложено 290 млн. долларов США.

А всего в развитие производства за прошедшие годы инвестировано более 900 млн. долларов США, что позволило создать новые производственные мощности. Кроме того, процесс инвестирования продолжается и сейчас, и он не ограничивается только данными предприятиями. Например, в развитие новой столицы Евразийской группой было инвестировано 48 млн. долларов США.

Еще одним удачным примером своевременного финансирования служит «Жезказганцветмет». В 1995 году предприятие находилось на грани банкротства, имея долги в 170 млн. долларов США, в том числе 10 млн. долларов США по зарплате. На следующий год корпорация «Самсунг» выиграла тендер на покупку акций компании. Она рассчиталась с долгами и вложила крупные инвестиции. Объем производства за эти годы вырос до четырехсот тысяч тонн, что является рекордом за всю историю комбината.

Приватизация по индивидуальным проектам, к которой мы подходили осторожно, первоначально осуществлялась в несколько этапов. Вначале предприятие передавалось в управление. Именно в этот период государство должно было убедиться в надежности привлеченного инвестора, поверить в его способность выполнить принятые инвестиционные обя-

зательства и обеспечить квалифицированный менеджмент. В дальнейшем такой инвестор допускался к приобретению определенного пакета акции. Так был передан в доверительное управление ряд металлургических комбинатов.

Но не всегда в ходе приватизации удавалось привлечь надежного инвестора изначально. Так, в 1995 году АО «Балхашмыс» было продано компании «КАМ Финанс СА», однако позже пришлось расторгать договор, поскольку инвестиционные обязательства в отношении предприятия не были выполнены. Только в 1997 году после приобретения имущественного комплекса предприятий АО «Балхашмыс» компанией «Самсунг» положение удалось исправить. В настоящее время корпорация «Казахмыс», объединяющая блок предприятий цветной металлургии, является одной из самых прибыльных в республике.

Иногда в несколько этапов проходил и процесс формирования новых корпоративных образований. Так, значительная часть акций Усть-Каменогорского свинцово-цинкового, Лениногорского полиметаллического и Зыряновского горно-обогатительного комбинатов на первом этапе приватизации была передана трудовому коллективу. Однако проблемы налаживания нормального производства на предприятиях остались нерешенными. Основной причиной стало отсутствие возможности привлечения реальных финансовых источников для инвестирования производства такого уровня силами существовавшего управленческого персонала. Решение стало возможным после привлечения стратегического инвестора в лице швейцарской фирмы «Глинкор». Только в результате проведенной реструктуризации на основе объединения имущественных комплексов Усть-Каменогорского свинцово-цинкового, Лениногорского полиметаллического комбинатов и Зыряновского горно-обогатительного комбината было создано рентабельное производство – компания «Казцинк».

Приватизация многому нас научила, привив определенный иммунитет против инвестиционного авантюризма. Одним из таких опытов стала приватизация Васильковского горно-обогатительного комбината. Тендер по продаже этого золотодобывающего предприятия готовился совместно с Европейским банком реконструкции и развития. В результате готовность участвовать в нем изъявили 5 крупнейших компаний из 10 признанных в данной сфере на мировом уровне. Однако в последний момент появился новый инвестор в лице компании «Пласер Доум Инк.», предложивший невероятно высокую цену за предприятие в размере 95 млн. долларов США и на основании этого выигравший конкурс. Однако фирма-победитель выплатила из обещанной суммы только 35 млн. долларов США, не выполнив инвестиционных обязательств, и контракт в дальнейшем был расторгнут. Но нами было потеряно доверие инвестиционного консультанта в лице Европейского банка и потенциальных солидных инвесторов, предостерегавших нас от заключения данного контракта.

В ходе второго этапа приватизации кардинальной трансформации подверглось и наше отношение к иностранным партнерам. Несмотря на наличие отрицательных характеристик инвестиционного климата в Казахстане (высокие некоммерческие риски и пр.), было обеспечено равноправие иностранного капитала с местным. Но этого было недостаточно. Нами в кратчайшие сроки был подготовлен и принят закон «О государственной поддержке прямых инвестиций в Казахстане», где система льгот и преференций для иностранных инвестиций была значительно расширена.

После принятия этого закона иностранный капитал стал играть решающую роль в росте экономики. Благодаря ему, были погашены долги предприятий по заработной плате, бюджету, пенсионному фонду, долги энергетикам, транспортникам и другим смежникам. По сути, были предотвращены забастовки, сохранены рабочие места – самый труд-

нодостижимый ресурс для любой страны. Иностранцами партнерами были привнесены новые элементы в управление предприятиями. Казахские управленцы социалистической неконкурентной экономики прошли бесплатную стажировку. Приватизация позволила сберечь большую часть инфраструктуры социальной и коммунальной сфер.

Вся трудная работа, проводившаяся с 1991 года, и активное привлечение иностранных инвесторов начали приносить первые плоды. Так, объем ВВП за 1995 год составил 992,5 млрд. тенге, а промышленное производство возросло на 13,6 %, при этом в черной металлургии он увеличился на 17,4 %, в цветной – на 1,9%. Заработная плата на этих предприятиях составляла 16-18 тыс. тенге, что в три раза превышало средний уровень по республике.

Опять повторяю, что часто продажу госпредприятий иностранному капиталу ассоциировали с «продажей государства, национального богатства, Родины». Справедливости ради нужно сказать, что многие иностранные инвесторы обладали лучшими возможностями выкупа госпредприятий и обеспечения их последующего эффективного функционирования. Как я подчеркивал, этой возможности не имело большинство отечественных бизнесменов. Тем более что отечественных потенциальных собственников еще не было, и они не могли обеспечивать эффективную работу предприятий. Они не знали рынков сбыта и многого другого в рыночной экономике. Этому нам еще предстояло научиться.

ТРЕТИЙ ЭТАП: ДЕНЕЖНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ, 1996-1998 ГОДЫ

Третий этап приватизации, проведенный в 1996–1998 годы, стал этапом перехода к секторным программам в стра-

тегических отраслях экономики, включая электроэнергетику и нефтегазовую отрасли, а также в социальной сфере – здравоохранении, образовании, науке и культуре. Именно в этот период начали формироваться отечественные полноценные инвесторы, способные выкупить крупные промышленные предприятия.

В конце декабря 1995 года мной был принят Указ, имеющий силу Закона, «О приватизации», а в феврале 1996 года постановлением Правительства введена в действие «Программа третьего этапа приватизации на 1996–1998 годы». Целью Программы являлось скорейшее завершение основных процессов приватизации, создание слоя собственников, но уже посредством денежной приватизации, то есть на возмездной основе. На этом этапе доминирующим признаком процесса приватизации является возмездная передача приватизируемого объекта новому собственнику.

За три года были реализованы госпакеты частично приватизированных предприятий, объекты торговли и соцкультбыта, которые ранее не были проданы в рамках малой приватизации, продолжена приватизация по индивидуальным проектам.

Важными разделами Программы третьего этапа приватизации стали секторные программы приватизации в стратегически значимых для экономики Казахстана отраслях, а также в здравоохранении, образовании, науке и культуре.

«В течение 1996 года Правительством были проданы госпакеты акций и государственной доли 889 АО и ТОО, а также 3526 объектов социальной сферы, недвижимости, 27 объектов приватизированы по индивидуальным проектам. В бюджет поступило всего за этот год 31,2 млрд. тенге.»

1997 год стал годом ускоренного проведения приватизации, особенно в энергетических и добывающих отраслях. В ряде отраслей этот процесс был завершен. Всего за 1997 год приватизирован 5641 объект недвижимости, 608 госпакетов акций предприятий, началось разгосударствление объектов здравоохранения, образования и культуры. Сумма средств, поступивших от проданных и выкупленных объектов приватизации, составила 54,5 млрд. тенге.

В течение 1998 года приватизировано 513 госпакетов акций АО и государственных долей ТОО, 2716 объектов социальной сферы, отдельные единицы имущества и имущественные комплексы предприятий».

**Источник: Министерство
финансов Республики Казахстан**

Как и предыдущие, этот этап отличался скоростью реализации. Процедуры предприватизационной подготовки и самой продажи были сведены к минимальным срокам. На подготовку и проведение тендера отводился месяц, а аукциона и того меньше – 15 дней. Такая сверхбыстрая приватизация объяснялась главной причиной – процессы нелегальной приватизации путем «вымывания» финансовых средств и основных фондов предприятий шли еще быстрее.

Руководители многих предприятий и организаций искусственно тормозили приватизацию, создавали себе и близким условия для незаконного обогащения, «выпуская предприятиям кровь», наращивая гигантскую кредиторскую задолженность. И если бы эти процессы затянулись, то такая «коммерциализация» предприятий не оставила бы никакого стоящего имущества для приватизации, исключив все надежды на их дальнейшую нормальную деятельность.

Конечно, скоростная приватизация была обречена на крупные издержки. Например, далеко не всегда предприятия

переходили к достойным собственникам. Были и такие, кто обирал собственное предприятие «до нитки» и скрывался в неизвестном направлении. Но, учитывая все обстоятельства того переходного периода, нельзя оспорить тот факт, что приватизация завершилась достаточно эффективно. А впоследствии, в сравнении с результатами процессов приватизации в соседних государствах, «плюсы» однозначно перевесили «минусы».

На третьем этапе приватизации были предусмотрены две основные формы реализации имущества – продажа на торгах (аукцион, тендер) и прямая адресная продажа. Вторая предусматривалась только для объектов, которые ранее были переданы в аренду или доверительное управление.

Из 66 предприятий, переданных в управление по контракту, 26 предприятий в дальнейшем были проданы управляющим компаниям (в их числе крупные предприятия цветной и черной металлургии).

Высокие стартовые заявки не всегда гарантировали достижение прогнозируемых результатов. Так, в ходе длительных переговоров цена на 100%-ный пакет акций компании «Казахтелеком» колебалась в диапазоне от 2-3 млрд. долларов США до 60 млн. долларов США. Итогом стала продажа 40% акций за 100 млн. долларов США компании «Daewoo». Однако неисполнение инвестиционных обязательств позднее привело покупателя к необходимости продажи пакета уже отечественному инвестору.

Но во всем этом был и отрадный момент. Такая перепродажа свидетельствовала о появлении на третьем этапе приватизации реальной возможности привлечения национального капитала к приватизации крупных объектов.

В ходе третьего этапа были приватизированы практически все генерирующие электроэнергетические станции. Это позволило обеспечить значительные поступления

в бюджет в виде средств от продажи и инвестиционных обязательств. Именно в рамках данной приватизации в 1997 году была устранена кризисная ситуация в энергоснабжении промышленных предприятий и населенных пунктов в Восточно-Казахстанской области. Именно продажа четырех ТЭЦ (Семипалатинской, Усть-Каменогорской, Согринской и Лениногорской) и передача двух ГРЭС в концессию (Шульбинская, Усть-Каменогорская) американской компании «AES Suntree Power» предотвратила надвигавшийся региональный энергетический кризис.

Начиная с 1997 года стали нарастать процессы приватизации в нефтегазовой отрасли. Поскольку процессы оценки подобных объектов были достаточно сложны и требовали координации усилий специалистов самых различных ведомств, Правительству Республики Казахстан было поручено создать межведомственную комиссию. Именно она должна была определять условия и порядок продажи объектов нефтегазовой отрасли, а также устанавливать наиболее благоприятные инвестиционные условия для потенциальных покупателей. В 1997 году с победителями тендеров – индонезийской компанией «Централ Азия Петролеум» и Китайской национальной нефтегазовой компанией – были подписаны договоры по продаже крупных объектов нефтегазовой отрасли ОАО «Мангистаунагаз» и ОАО «Актобемунагаз».

Третий этап привнес новизну и в процесс приватизации крупных и уникальных объектов по индивидуальным проектам. Был совершен важный переход от «передачи предприятий в управление инофирмам» к тендерной продаже объектов зарубежным инвесторам. Очевиден тот факт, что из-за отсутствия средств казахстанцы в тот период просто не имели возможности составить конкуренцию иностранному капиталу в борьбе за крупные предприятия.

Вместе с тем Казахстан не избежал присущих тому периоду болезненных последствий расторжения договоров

купли-продажи акций промышленных предприятий. Причинами были и невыполнение инвестиционных обязательств, и ухудшение работы предприятий, неквалифицированный менеджмент и различные злоупотребления в финансовых и внешнеторговых операциях.

Всего за второй и третий этапы было приватизировано 94 крупных предприятия, из них 57 передано в собственность иностранным инвесторам. Передача крупных предприятий сначала в доверительное управление, а затем их продажа по индивидуальным проектам позволили создать новые промышленные компании с участием частного и государственного капитала. Эти компании в настоящее время нашли свою нишу на международных рынках, что позволило обеспечить рабочие места тысячам людей и, в значительной степени, укрепить экономику страны.

В целом передача казахстанских предприятий в управление иностранным фирмам позволила вывести большинство крупных предприятий из финансового и производственного кризиса, способствовала успешной адаптации их к жестким условиям рыночной экономики. Именно с этого периода началось оздоровление финансово-экономического состояния предприятий.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП: УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Четвертый этап начался с 1999 года и характеризуется новыми подходами к распределению полномочий между уровнями государственного управления в вопросах регулирования и распоряжения государственной собственностью. Так, принят закон, предусматривающий внесение изменений более чем в 150 нормативных правовых актов и конкретно

распределяющий полномочия уровней государственного управления. Совершенствуется и законодательная база в области управления государственным имуществом.

Началом данного этапа считается момент принятия Программы приватизации и повышения эффективности управления государственным имуществом на 1999–2000 годы. Программой зафиксированы практические результаты предыдущих этапов приватизации, основным из которых стало формирование частной собственности как основы рыночной экономики. Государство сохраняет за собой присутствие в отдельных стратегически важных отраслях экономики. К таковым относятся отрасли, составляющие основу национальной экономики, а также отрасли, обеспечивающие производство жизненно важных товаров, продукции и услуг. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы повышения эффективности управления госимуществом и контроль за реализацией управленческих решений.

Сегодня в республике уже создано АО «Национальная холдинговая компания Самрук». Мы приняли решение привлечь к разработке бизнес-плана создания госхолдинга независимую иностранную консалтинговую компанию, имеющую опыт создания подобных структур в других странах. Анализ выявил, что единственной компанией, обладающей таким опытом, является «McKinsey», занимающая 1-е место в мире в консалт-рейтинге и реализовавшая более шести проектов для правительств развивающихся и развитых стран по созданию похожих компаний по управлению государственными активами, в частности, сингапурского госхолдинга «Темасек».

С казахстанской стороны в проекте участвовало АО «Центр маркетингово-аналитических исследований» при Министерстве экономики и бюджетного планирования. В рамках работы над проектом был изучен передовой международный опыт 13 государственных холдингов и агентств

по управлению государственными активами стран Европы, Азии, Северной Америки, Австралии и Океании.

Созданию холдинга предшествовала долгая работа, которая временами и вовсе останавливалась и начинала буксовать. Я понимал противодействие наших холдингов и крупных компаний, которым было очень удобно работать, варясь в собственном соку, делая то, что они хотят. Мне не раз приходилось напоминать Правительству, что работа по созданию в стране государственного холдинга по управлению госпакетами акций идет недостаточно быстро. В итоге процесс создания холдинга растянулся на полтора года.

Наконец, 28 января 2006 года я подписал указ «О создании АО “Национальная холдинговая компания Самрук”». Перед руководством холдинга я поставил центральную стратегическую задачу: повысить эффективность деятельности национальных компаний посредством улучшения корпоративного управления, а значит, ускорить рост экономики страны за счет повышения уровня руководства и эффективности деятельности национальных компаний. Нам необходимо улучшать качество корпоративного управления, подавая пример компаниям частного сектора, что приведет к прозрачности финансовой системы в целом.

У многих сейчас возникает много вопросов, сводящихся, в принципе, к одному: зачем вообще нужен этот холдинг? Версий я также услышал много – от «наведения порядка в нацкомпаниях» и вплоть до создания второго Национального фонда или чего-то в этом роде.

На самом деле все гораздо проще. Посудите сами, национальные компании вопреки процессу приватизации остаются в ведении государства. Само по себе это не противоречит рыночным принципам, потому что всегда есть такие сферы – фиаско или провалы рынка – где присутствие государства просто необходимо. Это сферы, где производятся

общественные блага. Именно по этой причине когда-то мы оставили в государственной собственности такие сферы как телекоммуникации, энергоснабжение и железнодорожный транспорт, а также часть добывающей промышленности. По идее, это необходимо для того, чтобы жизненно важные отрасли экономики не регулировались частными лицами и могли, не стремясь к выгоде, сосредоточиться на качестве и низких ценах. А у нас что вышло?

Получив статус национальных, а значит, имея определенные преимущества, наши компании, «забыв» об изначальных функциях, стали просто работать на ту самую прибыль. Конечно, то, что она есть, не плохо, но ведь при этом нет фактического улучшения качества и доступности услуг населению. По сути, статус национальной компании означает, что она становится своего рода «узаконенным» монополистом в сфере деятельности. В обмен на это компания, как государственная, а значит, функционирующая в интересах общества, должна обеспечить приемлемый уровень цен и высокое качество, инвестируя в это свои доходы. «Частники» на такое просто бы не пошли.

К примеру, «Казакхтелеком». Согласитесь, гораздо удобнее для всех, когда есть один оператор, обеспечивающий технологическое единство сети по всей стране. И эта уникальность – залог получения прибылей, и даже сверхприбылей. Но вместо того, чтобы вложить прибыль в развитие ассортимента предоставляемых услуг или снижение издержек и тарифов, компания назначает заоблачные зарплаты руководству и так далее. А ведь у нас до сих пор нет Интернета и телефонной связи в некоторых сельских районах! Вот на чем должна сосредоточиться национальная компания. Подчеркну, национальная – принадлежащая нации. Эти деньги – собственность государства, а в общем смысле, всего общества. Все должны выигрывать от деятельности

нацкомпаний. Именно для этого создается «Самрук», и я надеюсь, он оправдает наши с вами ожидания.

Характерной особенностью четвертого этапа являются и новые подходы к распределению полномочий между государственными органами по вопросам управления и распоряжения государственной собственностью. Так, ключевым моментом этой программы стало перераспределение полномочий между республиканской и коммунальной собственностью. Например, в коммунальную собственность в 1999 году были переданы государственные пакеты акций и доли участия в 953 акционерных обществах и товариществах с ограниченной ответственностью. Право на решение и проведение приватизации объектов коммунальной собственности было предоставлено акимам областей, городов Алматы и Астаны.

Кроме того, Программой определялся подход к эффективному управлению государственными активами. Так, были определены 10 ведущих предприятий, в которых государство имеет долевое участие в качестве «голубых фишек». В их числе такие акционерные общества, как «Мангистаумунайгаз», «Актобемунайгаз», «Казцинк», «Усть-Каменогорский титано-магниевого комбинат» (УКТМК), «Соколовско-Сарбайское горно-обогатительное производственное объединение» (ССГПО), «Алюминий Казахстана», «Транснациональная компания «Казхром», «Народный Сберегательный Банк Казахстана», «Казхром», «Народный Сберегательный Банк Казахстана», «Казхром», «Народный Сберегательный Банк Казахстана», «Казхром», «Народный Сберегательный Банк Казахстана», «Казхром». В 1999 году проведена приватизация части государственного пакета акций (16,7%) акционерного общества «Народный Сберегательный Банк», а в конце 2000 года – АО «Мангистаумунайгаз».

В настоящее время полностью проданы государственные пакеты акционерных обществ «Мангистаумунайгаз», «Актобемунайгаз», «Алюминий Казахстана», «Казхром», «Народный Сберегательный Банк Казахстана», УКТМК и др.

В ходе четвертого этапа приватизации активизировалась работа, проводимая Правительством по существенному увеличению поступлений в бюджет денежных средств от использования государственной собственности. До 2002 года средства, полученные от приватизации государственной собственности, направлялись в доход государственного бюджета, а с 2002 года они направляются на финансирование дефицита бюджета. Начиная с 2003 года средства, полученные от приватизации крупных объектов, направляются в наш Национальный фонд.

В этот период была начата и продолжается по настоящее время работа по оптимизации числа республиканских государственных и коммунальных государственных предприятий. Их сохранение возможно только там, где без организации такой правовой формы невозможно обойтись.

Предшествовавший опыт работы позволил разработать новую Концепцию управления государственным имуществом. Ее основными задачами являются проведение полной инвентаризации всех объектов государственной собственности, оптимизация числа объектов управления, поступление дополнительных доходов в республиканский и местные бюджеты за счет эффективного использования государственного имущества.

4 ноября 2003 года был принят Закон «О государственном мониторинге собственности в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение». Данный Закон позволил обеспечить внедрение системы мониторинга эффективности управления приватизированными объектами в стратегических отраслях экономики, ее дальнейшее развитие и совершенствование, а также постприватизационный контроль.

Итак, наша приватизация привела к тем результатам, которые от нее ожидалось. В настоящее время в экономике Казахстана сформирован частный сектор, в нем произво-

дится около девяноста процентов объема промышленной продукции республики. Дальнейшее развитие частного сектора требует четко установленных правил игры, адекватной нормативно-правовой базы, не отягощенной советскими веяниями.

ПРИВАТИЗАЦИЯ НА ЧАШЕ ВЕСОВ ИСТОРИИ

Струдом, с переживаниями и стрессами, с ломкой старых жизненных ценностей Казахстан перешел от государственной собственности к частной, от административно-командной экономики – к взвешенному и рациональному планированию и менеджменту, к рынку. Это только в научных статьях и книгах все кажется понятным и простым. А в жизни – это океан страстей и трагедий, конфликты интересов различных групп и даже поколений. Такова, к сожалению, жизненная философия эпохи перемен. И мы пропустили все это через свои сердца.

Наше молодое поколение в своем большинстве не знает, каких титанических усилий и переживаний стоили нам сегодняшние успехи. Они должны знать и помнить, что все это – результат тех огромных изменений, которые произошли вокруг нас и внутри нас, изменений, которые были осуществлены всеми нами, благодаря нашей воле и терпению.

Сейчас Казахстан является ярким примером выхода из кризиса. Как считают эксперты, лидерство Казахстана в экономических реформах является следствием наиболее удачно выбранной среди стран СНГ политико-экономической модели переходного периода: сильная президентская власть плюс быстрые и энергичные реформы. Нужно сразу сказать, что реформы пришлось проводить сверху. Такое было время, без сильной вертикали власти мы не смогли бы добиться успеха.

Именно эта формула способствовала строительству и укреплению независимого государства, проведению четких и последовательных реформ в экономике и политической жизни, гарантировала внутривнутриполитическую стабильность в стране. В тот период стало понятным, что в условиях парламентской формы правления и при низкой политической культуре Казахстан был бы обречен на перманентные экономические и политические кризисы. А для молодого государства, строящего свою независимость в условиях жесточайшего экономического кризиса, это неизбежно привело бы к хаосу и стагнации.

Хотя не скрою, что форсированный переход от государственного патернализма к экономической свободе и предпринимательству был самой непопулярной мерой не только для народа, но и для большей части госаппарата. И решалась эта задача зачастую волевыми, болезненными для населения методами. Порой, осознавая необходимость тех или иных шагов, мне приходилось и уговаривать людей, и давить на них в какой-то мере. Порой приходилось брать на себя единоличную ответственность за проводимые в жизнь изменения. Все только оттого, что не было времени ждать, пока абсолютно все «дозреют» и реформы будут проведены в атмосфере полного согласия. В таком случае нам было бы просто уже нечего реформировать – ни государство, ни экономику.

Зато сейчас результат налицо – теперь, в основном, все решает сам гражданин. В целом частный сектор экономики сегодня располагает более чем 90% производственного потенциала республики. Сформировался, адаптировался и продолжает расширяться слой представителей малого и среднего бизнеса. И именно эти люди сейчас, по многим оценкам, и составляют костяк того самого среднего класса, возникновения которого мы добиваемся всеми силами. Почему это так важно для Казахстана?

Как известно, именно эта часть общества стремится к достижению успеха, обладает большой покупательной способностью и вносит существенную часть доходов в государственную казну. Именно этому классу есть что терять, к чему стремиться и что передать по наследству. Характерными установками менталитета «среднего класса» являются, прежде всего, чувство ответственности за свою жизнь, глубокое чувство индивидуализма, понимание ценности профессионализма и образования как гарантий собственного процветания. Средний класс – это не мультимиллиардеры и не нищие, это те, кто сами себя обеспечивают. В целом здесь Я доминирует над Мы. Это стремление человека быть хозяином жизни, хозяином своей судьбы, что выражается в деятельности и, соответственно, в получении дохода.

Появление в Казахстане среднего класса важно прежде всего потому, что его реальное присутствие в обществе способно качественно изменить существующий характер взаимоотношений внутри общества, как между его слоями, так и взаимоотношения общества с властью. Средний класс ориентирован на стабильность и сам является стабилизирующим началом внутри любого общества. Это нация граждан, самоуправляемое большинство, понимающее, что участие в политической жизни общества является важным механизмом влияния на принятие политических решений в стране.

Вот почему я лично очень большое внимание уделяю этому вопросу и постоянно поднимаю его в своих выступлениях и, впрочем, не только. Процесс приватизации заложил основы для появления казахстанского среднего класса, позволив людям обрести свои квартиры, начать свой бизнес – и, в итоге, стать хозяевами, стать собственниками. Люди получили возможность работать и зарабатывать. Никто не ждал указаний или спасительных решений сверху. Люди сами строили свой бизнес и свою жизнь. Все эти изменения

были необходимы прежде всего для самих казахстанцев, и они уже пошли на пользу. Коренные реформы экономики сопровождались непониманием или прямым сопротивлением наших граждан, которых пугало все новое. Отрадно, что часть уехавших в 1990-е годы на свою историческую родину возвращается в Казахстан. Я по-человечески этому рад.

Сегодня мы с уверенностью можем заявить, что основные структурные реформы в экономике завершены. Осуществлена приватизация государственной собственности, сформирована хозяйственная среда, адекватная стандартам развитого рынка. Процесс приватизации – это всегда раздел собственности. И каждое государство с социалистической историей, проводя приватизацию, сталкивалось с проблемой справедливого и эффективного раздела государственной собственности. Конечно, не все прошло гладко во время приватизации и в нашей республике. Ведь люди в тот период просто пугались понятия «частная собственность». Но во время проведения каждого из этапов приватизации нами преследовались в первую очередь интересы народа и государства.

Конечно же, процесс реформирования экономики не был свободен от ошибочных действий, непродуманных решений и социальных осложнений. Но становится понятным, что в наших «горящих» условиях приватизация не могла быть «справедливой» или «несправедливой». Ей можно давать только такие оценки: эффективная или неэффективная. Судите сами. Сегодня из госсектора экономики полностью выведены такие важные сферы, как: общественное питание и торговля; легкая, пищевая, обрабатывающая промышленность, предоставление разнообразных услуг, агропромышленное производство и др. Энергетическая и сырьевая отрасли большей частью также выведены в частный сектор. Быстро развивается конкурентная среда в сферах здравоохранения и образования, особенно высшего.

Ну и, конечно же, говоря о приватизации, нужно сказать, что до сих пор есть желающие перераспределить собственность, считающие, что была допущена несправедливая приватизация. Нигде в мире не происходила справедливая первичная приватизация. Никакого пересмотра не должно быть и не будет. Таковы законы нашей страны. Более того, таковы законы развития. Мы никогда не сможем произвести передел собственности, который удовлетворил бы всех абсолютно. Простите за эту горькую иронию, но мы уже пытались построить абсолютно справедливое общество. И почти все из вас знают, чем это закончилось для нас и для остальных наших соседей, бывших союзных республик. Эта страница истории закрыта. Нам надо смотреть вперед. Нужно совершенствовать сделанное и улучшать дальше жизнь людей.

Сегодня все чаще говорят о «продвинутости» в экономических вопросах наших граждан: государственных управленцев, бизнесменов, фермеров. Во время одного из многочисленных интервью, которое было посвящено очередному дню Независимости республики, у меня как-то спросили: «Из кого получают лучшие управленцы – из бывших производителей или профессиональных менеджеров?» У меня нет категоричного суждения на этот счет. Каждый случай индивидуален. Однако, исходя из опыта ведения кадровой политики за последние 20 лет, могу сказать, что блестящего образования, высоких знаний и здоровых амбиций, присущих сейчас многим молодым людям, недостаточно для того, чтобы стать успешным руководителем – будь то в бизнесе или на государственной службе.

Вы видели, что я в свое время дал карт-бланш очень многим молодым бизнесменам и специалистам. Тридцатилетние молодые люди становились членами Правительства, министрами, руководителями областей, ведомств, крупных компаний. Скажу честно, выдержать испытание властью

смогли немногие. Сегодня я склоняюсь к мнению, что управленец в первую очередь должен быть зрелым человеком, необязательно в возрастном плане, зрелым в восприятии окружающего мира, ситуации и, главным образом, себя.

Раньше мы управленцем называли директора комбината или завода. Слово «менеджер» иностранное. А смысл тот же. Многие бывшие директора стали хорошими менеджерами в рыночных условиях. Лучший или худший – проверяется на конкретном деле. Лучший тот, кто успешно управляет делом и людьми.

Проводя реформы, которые, в том числе, были направлены на формирование класса собственников, мы столкнулись с необходимостью создания и эффективной финансовой системы, являющейся, образно выражаясь, «кровеносной системой» экономики. О том, как происходил процесс формирования национальной финансовой системы, расскажет следующая глава.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

В предыдущих главах этой книги я уже сравнивал государство с живым организмом. Мне очень нравится эта метафора. Приступая к строительству Казахстана, я часто представлял его себе именно так – как своего рода единство людей, проживающих на одной территории, по одним законам и в рамках одного общества, как единый растущий отлаженный организм. И если развивать это сравнение дальше, то экономика – это те органы, которые обеспечивают жизнедеятельность всего организма и общий «обмен веществ» в стране, а финансы, в свою очередь, – «кровеносная система» самой экономики.

Потому с учетом важности существования хорошо отлаженной финансовой системы, большая часть экономических преобразований, начатых в 90-е годы и осуществленных впоследствии, касалась сферы финансов.

Так сложилось, что мы начинали эти реформы в очень сложное время. Потрясенные люди болезненно воспринимали все происходящее. А «потрясенная» крахом советской системы экономика переживала настоящую «финансовую бурю». Дефицит товаров народного потребления, рост инфляции и обесценивание всех накоплений и текущих доходов населения – все эти явления нарастали с бешеным темпом. Нужно было обеспечить финансовую стабильность в экономике и обуздать инфляцию. Необходимо было установить прозрачный, эффективный и стабильный бюджет, обеспечивающий в максимальной степени нужды населения и качественное выполнение государственных услуг и функций.

Мы понимали, что, возможно, социальная цена реформ будет очень высока. В то же время на примере других развитых стран мы видели, что процесс становления рынка не отменяет социальную составляющую реформ. Мы старались проводить реформы с максимально щадящими условиями

для населения, но в условиях гиперинфляции сделать это было очень сложно. В такой ситуации промедление могло привести к окончательной катастрофе.

Вспоминая о том времени, я, прежде всего, вспоминаю об огромном грузе ответственности, который мы взяли на себя, приступив к этим реформам. После обвала советской экономики было очень трудно заставить людей, потерявших накопленное годами, вновь поверить финансовой системе нашей страны. За всеми преобразованиями, будь то налоговая или пенсионная реформа или что-либо еще, мы видели прежде всего наших граждан, на нас была ответственность за их благополучие.

Пусть сегодня многие меня критикуют. Предъявляют порой доведенные до абсурда обвинения. Я знаю, что смогу не обращать внимания на это пустозвонство и необоснованную критику, потому что, поверьте мне, это сущие пустяки по сравнению с тем грузом ответственности, что взвалили на себя я и мои соратники. Не имея опыта подобного реформирования, мы нередко рисковали. Мы знали только одно – нам нужно с нуля создать независимую финансовую систему, способную обеспечить нормальное функционирование государственного аппарата и развитие нашей экономики.

Условно период реформирования и эволюции нашей национальной финансовой системы можно разделить на два этапа. Первый этап – ориентировочно с 1991 по 1997 год. В эти годы перед нами стояли вопросы либерализации экономики и достижения общей макроэкономической стабилизации. Второй этап – постстабилизационное укрепление и дальнейший бурный рост финансовой системы Казахстана – начался с 1998 года, с успешного преодоления мирового финансового кризиса, и длится, я думаю, по сей день.

Откровенно говоря, если действительно постараться раскрыть становление нашей финансовой системы поэтап-

но, описывая все произведенные преобразования, то это, пожалуй, потребует написания отдельной книги. Я же в этой главе хотел бы остановиться на общем процессе реформирования и поиска пути выведения нашей финансовой системы из кризиса, а впоследствии – и в лидеры среди стран СНГ. Отдельно в этой главе рассмотрены вопросы становления нашей банковской системы, сферы государственных финансов, а также пенсионная реформа и создание Национального фонда. Хотя помимо этого есть еще много моментов, несомненно, заслуживающих внимания: становление казахстанского фондового рынка, рынка ценных бумаг, управление государственным долгом страны и многое другое.

В ходе становления нашей национальной финансовой системы реформированию подверглись в первую очередь ее банковский сектор, налоговое и бюджетное устройство. В каком-то смысле моей особой гордостью стали пенсионная реформа и создание Национального фонда. Эта глава расскажет вам о том, как все происходило, с какими трудностями мы столкнулись в этот период и как мы пришли к признанию нашей финансовой системы мировым сообществом.

ПЕРВЫЕ ШАГИ: ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, 1991–1997 ГОДЫ

Стремясь достичь коммунистическое «Прекрасное Далекое», где «от каждого по способности, каждому – по труду», руководство Советского Союза зачастую выстраивало хозяйственные и производственные отношения, руководствуясь соображениями далеко не экономического толка. И как результат – с распадом механизма центрального планирования, своего рода аппарата «искусственного дыхания» экономически необоснованных производственных цепочек

наружу вылезли вся противоречивость и неестественность экономической системы Союза.

Потому в самом начале нашего пути перехода к рынку нам требовалось изменить сами основы хозяйственной деятельности. Прежде всего необходимо было изменить уровень принятия экономических решений о распределении ресурсов – перенести его с государственного на уровень производящих субъектов. Это позволило бы обеспечить финансовую самостоятельность предприятий и переносило на них ответственность за результаты и эффективность инвестиций.

Ранее товарно-денежные отношения, сложившиеся во время Союза, требовали согласования всех решений на уровне центральных ведомств, если еще было позволено принимать такие решения. Суть этих «громоздких» отношений сводилась к следующему. Любой субъект производственно-хозяйственной деятельности сосредотачивал свои финансовые ресурсы на счетах Госбанка СССР или его представительств в союзных республиках. И для того, чтобы использовать эти ресурсы в своих собственных целях, например, для строительства, закупки продукции и т. д., предприятие должно было согласовать данный вопрос с Госпланом, который при принятии положительного решения давал соответствующее поручение Госбанку для выделения необходимых средств.

Таким образом, одновременно требовали решения вопросы сразу нескольких основополагающих для любого государства сфер банковского сектора и государственных финансов: бюджетная и налоговая системы страны. Их успешное реформирование могло быть проведено только во взаимной увязке друг с другом.

Построение открытой рыночной экономики требовало от нас шагов по кардинальному изменению основ нашей эко-

номики. Признаюсь, это было очень нелегко. Одним из таких решений стала либерализация рыночных отношений 1993 года – по сути, мы решились на этот шаг навстречу рынку в условиях товарного дефицита и нарастающей гиперинфляции. С началом проведения либерализации начался быстрый рост различных финансовых организаций. Особое место среди них занимали коммерческие банки и организации, осуществляющие отдельные виды банковских операций. Так, к концу 1993 года в Казахстане было образовано более 200 коммерческих банков. Эта ситуация возникала из-за того, что имеющиеся пробелы в законодательстве позволяли практически каждому предприятию или кооперативу создать собственный банк. Многие из них впоследствии оказались финансово несостоятельными. Они создавались лишь для того, чтобы получать спекулятивные доходы в условиях высокой инфляции и нестабильности на валютном рынке.

Это привело, в свою очередь, к тому, что первые этапы либерализации сопровождались значительным ростом инфляции и сокращением платежеспособного спроса. Так, инфляция за период с 1993 по 1995 год в среднем составляла свыше 1200% годовых, дефицит государственного бюджета в одном только 1995 году составлял порядка 40 млрд. тенге, а ставки банков второго уровня по кредитам предприятиям достигали 400% годовых.

На начальном этапе либерализации все еще был сохранен государственный контроль над ценами на определенные виды товаров. Государство использовало практику поставок для государственных нужд и другие ограничения в целях элементарного выживания. Фиксированными стали цены на продукты питания и первой необходимости. Из-за этого предприятия терпели убытки, которые не могли быть компенсированы даже льготными ставками вознаграждения и политикой переноса сроков погашения кредитов.

К тому же тогда государство не могло полностью обеспечить население необходимыми товарами, что создавало их большой дефицит. Наша экономика была узко специализирована, и в советское время многие товары первой необходимости просто завозились из других союзных республик, их производивших. Для обеспечения товарами первой необходимости Правительство вынуждено было брать «товарные (связанные) кредиты» в соседних странах-производителях. Правительство С. Терещенко получило такие кредиты на сумму более 100 млн. долларов США. Они назывались товарными, потому что давались на нужды по приобретению товаров тех стран, которые давали нам кредиты, таковы были условия, и расходовались на покупку сахара, табака, масла, колбас и т. д.

Многие, узнав это, наверняка зададутся вполне резонным вопросом: «Почему именно так, а не иначе расходовались эти кредиты?» Нам нужно было насытить рынок товарами, чтобы снизить социальную напряженность, возникшую из-за тотального дефицита. О каком реформировании могла идти речь, когда порой наши люди элементарно не могли купить продукты питания? Прилавки магазинов были пусты. Жуткое зрелище – заходишь в магазин, а там нет товаров. Это надо было просто видеть.

Правительство решило выделять эти кредиты нашим начинающим бизнесменам, чтобы поддержать их деятельность на рынке. С другой стороны, мы надеялись, что они более эффективно смогут использовать эти средства для покупки продовольствия, медикаментов для населения, чем государственные органы, и сами рассчитаются с кредитами. Высокая инфляция обесценивала вырученные магазином деньги, которые не покрывали объем кредита. В то же время находились бизнесмены, которые, спекулируя на уровне инфляции и разнице курсов валют, воспользовались этой мерой

государства, чтобы на этом заработать. Это стало одним из источников формирования их первичных капиталов. Но они не смогли сами вернуть кредиты, их пришлось выплачивать государству.

Корень всех проблем заключался в том, что мы не смогли быстро адаптироваться к последствиям либерализации цен. Казахские предприятия потеряли свои рынки сбыта, оставшись один на один с огромными структурными проблемами. Для создания стабильной макроэкономической обстановки необходимо было принять ряд неотложных мер.

Так, государство должно было прекратить практику выдачи централизованных кредитов, сократить число налогов и др. Финансовая система требовала восстановить реальную цену кредитам путем сокращения роли государства в распределении ресурсов. Убыточные предприятия, существовавшие на скрытые дотации государства в виде кредитов, следовало реструктурировать и передать в руки частных и более ответственных предпринимателей. Так, уже в 1994 году была прекращена практика выдачи льготных кредитов и рассмотрение прямых обращений предприятий за кредитами в главный банк страны.

В то время я опасался, что нас просто не хватит на все проблемы, что требовали безотлагательного решения. К тому же, практически все они были связаны с населением страны, уставшим, разочарованным, готовым вспыхнуть в любой момент и по первому поводу. Сейчас, отвечая на вопросы о причинах успеха реформ, я иногда действительно затрудняюсь выделить какой-то один определяющий фактор. Кто-то считает, что этот фактор – соответствующий общественный «фон», когда люди готовы к преобразованиям, понимают и приветствуют их проведение. Но мы начинали реформы, можно сказать, как раз с противоположным «фоном». Раз-

вал Союза, потеря сбережений и накоплений, но самое главное – утрата веры в Идею и уверенности в завтрашнем дне заставили наших людей чувствовать себя брошенными и обманутыми. И многие в какой-то мере проецировали это разочарование и неверие и на нас. Но реформы состоялись – и весьма успешно.

Некоторые ученые или эксперты ставят во главу угла при реформировании подготовленность самих реформ. Существует множество примеров того, как подобные «инкубационные» периоды реформ длились от 4 до 5 лет. Но опять-таки, у нас не было времени на тщательную подготовку или какие-то долговременные исследования или пробы. Ситуация менялась изо дня в день. Счет шел на месяцы и недели, а иногда – на дни. И все-таки эти реформы прошли успешно.

Я считаю, что в успехе наших реформ самую большую роль сыграл человеческий фактор. Я не могу сказать наверняка, как именно, но, возможно, в более общем плане, залогом успеха стали некоторые черты менталитета наших людей, их особая способность легко принимать новое или адаптировать привнесенное извне, а в частном – личные качества людей, входивших тогда в команду реформаторов.

Итак, уже к 1999 году с помощью действенных реформ удалось решить проблему огромного количества социально-бытовых льгот, перейдя на адресную социальную помощь. Был осуществлен переход от существовавшей солидарной пенсионной системы на новую – накопительную пенсионную систему. Были пересмотрены и перестроены бюджетные отношения и, соответственно, налоговая система страны. Но залогом успешности всех этих преобразований стала, прежде всего, наша сильная и динамичная банковская система, по праву обладающая статусом лучшей в СНГ.

РАЗВИТИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Казахстан приступил к созданию собственной банковской системы сразу же после получения суверенитета, в декабре 1990 года. Испытав на себе все «прелести» советского неповоротливого банковского механизма, мы понимали, что для полноценного развития экономики нам нужна современная двухуровневая банковская система, признанная во всем мире как наиболее эффективная в условиях рынка. Она могла бы позволить нам проводить независимую денежно-кредитную политику, решить проблемы инфляции и финансового обеспечения нужд государства и общества. Нам нужна была система, при которой процентные ставки отражали бы истинную стоимость капитала, а банки выдавали кредиты на основании финансовой жизнеспособности заемщиков и экономической эффективности кредитования.

По существу, началом банковской реформы в стране стал Закон «О банках и банковской деятельности в Казахской ССР», принятый в январе 1991 года. Данный Закон обеспечил формирование основ двухуровневой банковской системы. Так, Республиканский Государственный банк был преобразован в Национальный банк Республики Казахстан с областными управлениями и отделениями. Республиканский «Промстройбанк» был преобразован в акционерно-коммерческий банк «Туранбанк», «Агропромбанк» – в акционерно-коммерческий банк «Агропромбанк Республики Казахстан», из среды акционеров возник банк «Казахстан Коммерц», затем ставший «Казкоммерцбанком», «Внешторгбанк» – в акционерно-коммерческий банк «Алембанк», республиканский Сбербанк – в акционерно-коммерческий «Сбербанк Республики Казахстан». В 1993 году все эти банки стали акционерными, а Сбербанк был переименован в Народный банк Республики Казахстан. Сейчас эти банки явля-

ются крупнейшими частными банками Казахстана, составляя костяк второго уровня нашей банковской системы.

Таким образом, к моменту введения тенге в ноябре 1993 года банковская система Казахстана претерпела существенную реформу: функционировала двухуровневая банковская система, все специализированные банки были преобразованы в акционерные банки, а Нацбанк был наделен рядом функций центрального банка. Все это в значительной мере облегчило переход к собственной национальной валюте.

И все же, несмотря на организацию Национального банка страны с момента становления независимого Казахстана, он все еще не был центральным банком страны в классическом его определении. Нацбанк продолжал выполнять ряд второстепенных функций, к тому же не все было ясно с его статусом в системе государственных органов. Так, в период с 1991 по 1993 год Национальный банк подчинялся всем ветвям власти. Правительство давало ему поручения, депутаты контролировали его деятельность и делегировали ему дополнительные поручения, часто требуя при этом их немедленного исполнения. Все требовали выделения средств на разные нужды.

Для решения этой проблемы в марте 1995 года мной был подписан Указ, имеющий силу закона, «О Национальном банке Республики Казахстан», согласно которому Нацбанк стал в пределах предоставленных ему законодательными актами полномочий независим в своей деятельности и подотчетен только президенту. С тех пор никакой орган представительной и исполнительной власти не вправе вмешиваться в деятельность Национального банка. Но, конечно же, как и во всех других странах, наш Национальный банк должен координировать вопросы общегосударственной экономической политики с Правительством. В этом же 1995 году мы приняли первую программу реформирования банковской

системы республики. Суть этой программы заключалась в обеспечении банками кредитования экономики за счет самостоятельно привлекаемых ими сбережений населения, свободных средств хозяйствующих субъектов и внешних займов. Так мы «освободили» Национальный банк от политического давления и от функций, которые могли выполнять банки второго уровня, и причем гораздо эффективнее.

Теперь он перешел к выполнению непосредственных функций центрального банка страны – к проведению независимой денежно-кредитной политики и созданию банковской системы, отвечающей современным требованиям. В разное время Нацбанк возглавляли Г. Байназаров, Д. Сембаев, О. Жандосов, Г. Марченко, К. Дамитов. Все они работали в непростое время, и внесли свой вклад в развитие банковской системы страны. Я благодарен им.

Следующим важным шагом в развитии нашей банковской системы была Программа перехода банков второго уровня на международные стандарты финансовой отчетности, которая была принята в декабре 1996 года. Согласно этой Программе, все действующие банки Казахстана должны были до конца 2000 года достичь международных стандартов в части достаточности капитала ликвидности, качества активов, бухгалтерского учета, уровня менеджмента, введения и передачи информации. Для контроля над исполнением банками предписаний этой программы в начале 2001 года Национальный банк был наделен полномочиями для проведения надзора за банковской деятельностью. Так, с 1 июля 2001 года был установлен минимальный размер уставного капитала для вновь создаваемых банков на жестком уровне в 2 млрд. тенге, для региональных банков – не менее 500 млн. тенге, других действующих банков – более 1 млрд. тенге.

Наращивание капитала банков сопровождалось болезненным процессом ликвидации мелких банковских структур, консолидацией и слиянием банков. Но этот процесс оказал поразительно действенный эффект на всю финансовую систему страны, были образованы крупные, финансово устойчивые банки, обладавшие большими возможностями и потенциалом.

Обычно именно такие крупные банки составляют «костяк» банковской системы в государствах с развитой рыночной экономикой – на несколько крупнейших коммерческих банков здесь приходится подавляющая сумма активов всех банков. Кроме того, концентрация банковского капитала позволила обеспечить конкуренцию между этими банками, которая привела к повышению качества банковских услуг. Эта особенность нашей банковской системы была отмечена многими экспертами и специалистами банковского сектора.

При проведении этого преобразования мы руководствовались простой, но жесткой логикой рынка – выживает сильнейший. Наша финансовая система уже пережила этап становления, когда государством приветствовался сам факт появления частных коммерческих банков, теперь же, после стабилизации всей экономической системы, речь уже должна была идти об уровне функционирования этих банков и о качестве предоставляемых ими услуг. И действительно, после ужесточения Нацбанком пруденциальных нормативов количество коммерческих банков в стране уменьшилось в три раза, потому что очень немногие из них были готовы к повышению уровня функционирования. Но, с другой стороны, жесткие требования Национального банка по наращиванию собственного капитала банков и другие нормативы, выработанные в ходе реформ, позволили банковской системе республики безболезненно пережить последствия апрельской девальвации тенге 1999 года и не допустить финансового кризиса, как это случилось в России и других странах.

Но в то же время при реализации подобного подхода мы учитывали и наши особенности. Например, у нас существовали банки, деятельность которых была сосредоточена преимущественно в регионах, где доминировал мелкий бизнес и сельскохозяйственное производство. Подавляющая часть из них испытывала недостаток средств. Дефицит ликвидности во многих областях республики ограничивал возможность работы банков, вынужденных, нередко, замыкаться на ограниченном круге местных клиентов. Ведь не секрет, что уязвимым местом экономики республики являлось неравномерное распределение финансовых ресурсов по различным регионам, которые географически отдалены друг от друга. Не обошли нас в эти годы и банковские «пирамиды» мошенников, обманувших честных людей.

Понимая, что и такие «местные» банки не осилят высокой планки, установленной Нацбанком, с 1998 года мы начали повсеместно создавать микрокредитные организации, а затем и кредитные товарищества. Их создание в первую очередь было направлено на борьбу с бедностью и безработицей. В целях обеспечения доступности банковских услуг для сельской местности было принято решение расширить сферу почтово-сберегательных учреждений, которая позволила предложить банковскому сектору альтернативный способ привлечения частных сбережений широких слоев населения, проживающих в отдаленных регионах. Кроме того, подобные кредитные товарищества должны были включиться в функционирование трехуровневой системы кредитования, состоящей из банков и организаций, осуществляющих отдельные виды банковских услуг, и микрокредитных организаций.

Впоследствии нами были предприняты дальнейшие шаги по усилению роли Национального банка в экономике страны. Прежде всего, это было необходимо для наведения порядка

в регулировании деятельности субъектов финансовой системы. На тот момент данное регулирование осуществлялось разными надзорными органами. Например, деятельность банков регулировалась Национальным банком, страховых компаний – Министерством финансов, пенсионных фондов – Министерством труда. Как результат, процесс координации различных сегментов финансового рынка для проведения какой-либо общей политики по регулированию финансовой системы страны был затянут и неэффективен.

Так, в 2000 году в Национальном банке были сконцентрированы функции страхового и банковского надзора, в 2001 году – функции надзора за рынком ценных бумаг, а в 2002 году – управления накопительными пенсионными фондами.

Здесь стоит отметить, что впоследствии, в 2004 году, функции регулирования деятельностью рынка ценных бумаг, страхового рынка, пенсионной системы были переданы от Национального банка самостоятельному органу – Агентству Республики Казахстан по регулированию и надзору за финансовым рынком и финансовыми организациями, подотчетному президенту страны.

Это Агентство призвано обеспечивать порядок на финансовом рынке нашей страны. Ему приходится работать в рамках большого числа положений и законодательных уложений, касающихся и пенсионной системы, и рынка ценных бумаг и всего прочего, притом работает оно довольно эффективно. Кстати, особенно меня порадовали следующие данные об итогах работы АФН. В прошедшем, 2005 году Агентством было зарегистрировано 762 обращения физических и юридических лиц. На первый взгляд, не так уж и много. Но если вспомнить, что большинство наших людей по разным причинам просто решают не поднимать каких-то проблем, то эта цифра выглядит достойно. Например, именно по одному из таких обращений Агент-

ство занялось проблемой функционирования банкоматов. Точнее, их частого нефункционирования. В ответ разработан Проект Инструкции о требованиях, предъявляемых к банкам второго уровня по организации работы банкоматов и обеспечению их надлежащего функционирования, и планируется введение этих Инструкций в действие.

Для меня лично этот случай, в некотором роде, пример того, как должны работать, по моему представлению, все наши госорганы. Нужно принимать во внимание и прорабатывать все обращения граждан и давать ответы на все их вопросы. В новых исторических условиях нужно приучать людей к тому, что государство – для людей, а не люди – для государства. Приходите, интересуйтесь, задавайте вопросы, формулируйте проблемы, добивайтесь ответов. Вы – граждане Казахстана. И давайте начнем воспринимать ставшее когда-то ироничным выражение «слуги народа» буквально.

В целом началом укрепления нашей финансовой системы, завоевания ее авторитета у населения и признания ее первых успехов мировым сообществом можно, по праву, считать конец 90-х годов. Именно в этот период начался подъем экономики страны после прошедшего кризиса. Например, в 1997 году рост ВВП составил 101,7% к предыдущему году. Благоприятная экономическая ситуация способствовала динамичному развитию банковского сектора, процесс развития которого сопровождался становлением конкурентного рынка.

Здесь мне хотелось бы еще раз отметить, что отдельным моментом реформирования нашей банковской системы были меры по повышению доверия со стороны населения. Это сегодня наши люди используют множество видов кредитов: автомобильные, потребительские, ипотечные и так далее. Когда-то люди боялись «жить в кредит». И здесь боль-

шую роль сыграли меры по страхованию вкладов населения, которые значительно повысили уровень доверия людей к финансовой системе страны. Например, в конце 1999 года был создан Казахстанский фонд гарантирования (страхования) вкладов физических лиц. Его функцией стало обеспечение гражданам возврата их средств в случае принудительной ликвидации банков – участников этой системы.

Последний подобный пример – случай с «Наурызбанком». Этот банк создавался при поддержке государственных структур, и его бездарный руководитель довел банк до банкротства. Вкладчики, в том числе государство, потеряли деньги. Руководители банка в бегах. Фонду пришлось возратить деньги физическим лицам.

В настоящее время Фонд гарантирования вкладов функционирует стабильно, осуществляя постепенный переход к международным стандартам. Позднее, в 2001 году был создан Актуарный центр, заслуживший высокую оценку международных экспертов. Помимо этого, существует Бюро кредитных историй, а также Фонд гарантирования ипотечных кредитов. По состоянию на 30 декабря 2005 года Фонд поддержал гарантии ипотечных кредитов на общую сумму свыше 5 млрд. тенге. Участниками системы гарантирования ипотечных кредитов являются 20 банков и ипотечных компаний Казахстана.

Я считаю, что об успехе нашей финансовой системы ярче всего свидетельствуют не оценки зарубежных экспертов или какие-либо экономические расчеты, а следующий факт.

По состоянию на 1 апреля 1999 года вклады населения в казахстанских банках второго уровня составляли около 348 млн. долларов США. Но, по различным экспертным оценкам, скрытые накопления граждан достигали от 1 до 3 млрд. долларов США. Эта сумма, как минимум, в полтора раза превышала сумму, находившуюся на счетах в банков-

ской и накопительной пенсионной системах на тот момент. С помощью проведенной реформы мы добились притока накоплений граждан в нашу финансовую систему, и в настоящее время резервы АО «Казахстанский фонд гарантирования вкладов физических лиц в банках второго уровня Республики Казахстан» составляют около 339 млрд. тенге.

Вспоминая то время, я всегда думаю, как сейчас легко перечислять все эти данные, хотя для меня лично за ними стоит очень много переживаний и событий, порой курьезных. Например, мне очень нравится один из них. В период проведения кампании по привлечению средств населения в банки Григорий Марченко, бывший в то время председателем Национального банка, как-то публично пообещал мне, что в случае успеха этой кампании он сбреет свою бороду. При этом считать ее успешной условились, если накопления физических лиц в банках второго уровня составят 1 млрд. долларов США.

Заявление Григория Марченко особенно «приглянулось» СМИ. Многие экономисты и журналисты говорили и писали, что «ходить Марченко бородатым всю жизнь». Но, буквально два года спустя, а именно, 7 сентября 2001 года, он пришел на одну из пресс-конференций, по признанию ряда СМИ, «неожиданно помолодевшим: с его лица исчезли многолетняя седеющая бородка и усы», и сообщил, что накопления физических лиц составили 1,116 млрд. долларов США.

Вполне может быть, что это своеобразное пари сыграло не меньшую положительную роль в привлечении средств населения в казахстанские банки, чем те же рекламные и информационные меры. Впоследствии Марченко еще два раза давал обещания сбрить свою бороду в случае эффективного развития отдельных сегментов финансового рынка. Но желающих спорить или отпустить шуточки по этому поводу уже не находилось.

Григорий Александрович Марченко – профессионал высокого уровня, признанный журналом «Евромани» «лучшим банкиром», умел отстаивать свою позицию и оказывался прав в большинстве случаев. Я поддерживал его деятельность на посту председателя Нацбанка. Он из-за своей прямоты нередко сталкивался с Правительством и Парламентом, но всегда отстаивал свое мнение.

Хочу сказать, что идею защиты и стимулирования сбережений я озвучивал еще в конце мая 1999 года в ходе I Конгресса финансистов республики. Тогда наша экономика столкнулась с тяжелейшими проблемами из-за адаптации к резко изменившимся условиям на мировых финансовых и товарных рынках. Кризис 1998-1999 годов заставил банковское сообщество обратить внимание на внутренние сбережения граждан как инвестиционный ресурс для развития экономики, где недостаток необходимых для ее поддержания и развития средств компенсировался притоком внешних займов и иностранных инвестиций. Этой и другим проблемам финансовой системы я всегда уделял самое пристальное внимание. Ведь не секрет, что сотрудничество государства и частного сектора приносит гораздо больше пользы для экономики, чем одностороннее государственное планирование.

Кстати, именно благодаря I конгрессу представители всех секторов финансового рынка впервые добровольно объединились для обсуждения проблем развития казахстанского финансового рынка. Например, были рассмотрены проблемы расширения инвестиционных возможностей и формирования новых финансовых инструментов, позволяющих содействовать решению глобальных задач экономического роста и улучшению благосостояния народа.

Одновременно с созданием системы гарантирования вкладов было ужесточено законодательство по банковской

тайне в целях защиты интересов вкладчиков. Так, сведения об остатках и движении денег на счетах физических лиц представляются следственным органам только при наличии уголовного дела и санкции прокурора. Кроме того, налоговые и таможенные органы были исключены из перечня государственных органов, имеющих право на получение сведений, составляющих банковскую тайну.

Еще один яркий показатель успешности нашей финансовой системы – экспансия казахстанского капитала на рынки соседних государств и приход на наш финансовый рынок иностранного капитала.

Когда-то мы и думать не могли о таком. Мы лишь хотели обеспечить функционирование собственной финансовой системы и экономики в целом. Но так вышло, что результаты реформ с лихвой превзошли все наши самые смелые ожидания. Сейчас уровень монетизации казахстанской экономики самый высокий среди стран СНГ, это позволяет нашим банкам проводить активную экспансию на финансовые рынки наших соседей. Более развитая банковская система по сравнению с соседними странами позволяет нашим банкам предлагать более выгодные проценты и условия, выигрывая конкурентную борьбу с местными банками, не имеющими подобных капиталов, и самое главное – гарантии безопасности и прибыльности вкладов. Например, если в Казахстане среднегодовая процентная ставка колеблется от 10 до 15 процентов, то в соседнем Таджикистане она достигает 36 процентов в год. Согласитесь, разница существенная.

В свою очередь, стабильность макроэкономической ситуации, повышающийся уровень жизни наших людей делают Казахстан очень привлекательным для иностранных финансовых компаний. Потому как, если наша процентная ставка может считаться низкой в сравнении со странами СНГ, то для западных потребителей эти самые 10-15 % – совершенно не-

приемлемая завышенная ставка. Приход зарубежных банков дает возможность развивать конкуренцию на финансовом рынке Казахстана.

Например, уже сегодня на нашем рынке появилась крупнейшая страховая компания Чехии «Хоум Кредит» (Home Credit Group), в прошлом году было создано АО «Хоум Кредит Казахстан». Приоритетным направлением деятельности предприятия является потребительское кредитование. Компания оперативно реагирует на изменения, которые происходят на казахстанском рынке кредитных услуг, предлагая клиентам и партнерам оптимальные условия кредитования и сотрудничества. Самые успешные торговые предприятия Казахстана являются партнерами АО «Хоум Кредит Казахстан», в их числе крупные торговые сети «Технодом», «Евросеть», «Сулпак», «М-Техникс», а также отдельные специализированные магазины во всех регионах страны и многие другие компании. Постоянно расширяя партнерскую сеть, компания делает основной акцент на развитии деловых взаимоотношений с надежными и опытными партнерами.

Рост рынка потребительского кредитования привлекает в Казахстан новых крупных иностранных игроков. Вслед за чешской финансовой группой казахстанскую розницу планирует осваивать еще одна крупнейшая финансовая группа в еврозоне. Французская банковская группа «Societe Generale» намерена в ближайшее время создать подразделение в Казахстане.

Это может звучать странно, но я просто рад приходу иностранного капитала. Ведь уже прошло то время, когда высокие проценты были оправданы высоким уровнем риска кредитования. Сейчас у людей стабильные доходы и прочное финансовое положение. А наши банки еще не готовы «рассстаться» с временем высоких процентов. Иностранцы повысят уровень конкуренции на рынке предоставления финансовых услуг, и в итоге выиграет общество.

В целом, резюмируя итоги развития банковского сектора, можно сказать, что его развитие на протяжении всего времени происходило благодаря всемерной поддержке государства и одновременно с масштабным реформированием системы государственных финансов. Поэтому было бы несправедливым пропустить процесс их совершенствования, тем более что в процессе перехода к рынку нам также пришлось пойти на кардинальные реформы как в сфере бюджетной системы, так и в сфере налогообложения.

БЮДЖЕТНАЯ И НАЛОГОВАЯ СИСТЕМЫ

Как я уже подчеркивал, для того чтобы банковская система получила свое развитие, необходимо было обеспечить и адекватную политику государства в области государственных финансов. Лишившись прежних субвенций и дотаций из союзного бюджета (в 1991 году они составили шестую часть бюджета нашей республики), а также ведомственных источников финансирования, мы стали испытывать тяжелый кризис отраслей и предприятий, бывших ранее в так называемом союзном подчинении и занимавших свыше 90% в общем объеме производства республики. Все это требовало создания новой бюджетной системы.

Одним из первых шагов по реформированию сферы государственных финансов стало принятие в 1991 году собственного казахстанского закона о бюджетной системе. Благодаря этому закону, были изменены принципы формирования бюджетов Республики Казахстан, определены взаимоотношения между республиканским и местными бюджетами. Основопологающим его принципом являлась самостоятельность республиканского и местных бюджетов.

Вместе с тем, события разворачивались так быстро, что вскоре принятый закон уже не отвечал требованиям времени.

Достаточно сказать, что не был установлен принцип «единства бюджетов разных уровней», который является основополагающим в создании эффективной бюджетной системы, и все еще допускалось составление дополнительного бюджета, который рассматривался и утверждался аналогично бюджету на очередной год.

Что касается управления системой государственных финансов, то до 1994 года исполнением государственного бюджета занимались и Национальный банк, и Министерство финансов. Такая смешанная система не обеспечивала действенного контроля. В целях ее совершенствования мы пошли на создание Главного управления Казначейства в составе Министерства финансов. Это позволило с 1996 года обеспечить проведение всех операций по зачислению и списанию общих сумм доходов и произведенных кассовых расходов через единый казначейский счет. Через год был отменен механизм финансирования расходов по местным бюджетам платежными поручениями, и финансирование стало производиться путем выдачи лимитов в форме финансовых и бюджетных разрешений. Это были одни из наших первых шагов по совершенствованию бюджетной системы страны.

До проведения реформ весь бюджетный процесс выражался в обыкновенном объединении бюджетных заявок, после чего происходило окончательное распределение крайне ограниченных средств между всеми бюджетными учреждениями. В этом процессе практически не учитывалась макроэкономическая ситуация, на фоне которой должен исполняться бюджет, и не предпринимались попытки координировать расходы в соответствии с принципами и приоритетами экономической политики. Таким образом, процесс подготовки бюджета представлял собой больше перетасовку цифр вместо обсуждения приоритетов и про-

грамм, которые Правительство должно было реализовывать. Даже на заключительной стадии процесса подготовки, когда в Парламенте обсуждался окончательный вариант бюджета, споры шли лишь относительно отдельных статей расходов. При этом отсутствовали попытки увязать расходы с программными приоритетами.

Один из значительных шагов был сделан в этой сфере в 1997 году. Им стало внедрение новой бюджетной классификация доходов и расходов, соответствующей требованиям международных стандартов. Ее внедрение позволило обеспечить взаимную увязку расходов бюджетов всех уровней с выполнением программных задач государства, а также улучшить исполнительскую дисциплину и повысить прозрачность формирования бюджета.

В 1999 году был принят третий Закон Республики Казахстан «О бюджетной системе». Этот Закон позволил обеспечить принцип единства бюджетной системы, предоставить одинаковый уровень государственных услуг населению по всей территории республики и выровнять диспропорции между регионами. Также этим законом были установлены межбюджетные отношения, механизмы бюджетных изъятий и субвенций, разграничено финансирование определенных государственных функций из средств республиканского и местных бюджетов соответственно. В этот период основной упор в реформировании был сделан на обеспечение целевого и эффективного расходования бюджетных денег и предотвращение роста кредиторской задолженности бюджета. Мы впервые законодательно определили, что все государственные учреждения не вправе брать на себя финансовые обязательства сверх сумм бюджетных назначений, установленных бюджетным законодательством на соответствующий финансовый год.

Созданные на постоянной основе бюджетные комиссии позволили решить приоритетный для нас вопрос: обеспече-

ние рационализации затрат государства при формировании бюджета на очередной год. Было осуществлено разделение государственного бюджета на текущий бюджет, за счет которого осуществлялись программы, направленные на выполнение текущих нужд государства, и бюджет развития, включающий инвестиционные расходы в экономику, т. е. расходы на развитие инфраструктуры, градостроительство, создание и развитие информационных систем, науку, инвестиций в человеческий капитал и т. п. Такое разделение бюджета позволило реально оценить стоимость выполнения государством своих функций, определенных законодательством и направленных на содержание имеющейся сети государственных учреждений, объем инвестиционного вклада государства в социально-экономическое развитие, а также систематизировать бюджетные программы.

Для формирования системного подхода к регулированию бюджетной сферы был разработан Бюджетный кодекс, который позволил упорядочить и систематизировать действующие нормы законодательства, обеспечить им более гибкую структуру. Впервые было прописано, что Национальный фонд является частью бюджетной системы страны.

В этом Кодексе были заложены новые принципы бюджетной системы, обеспечивающие ее устойчивость и стабильность, пересмотрены ранее существовавшие принципы бюджетного планирования, подходы по формированию доходной и расходной частей бюджетов всех уровней. Важно то, что этим Бюджетным кодексом предусмотрена оценка эффективности бюджетных программ на основе проведения соответствующих расчетов, анализа обоснования бюджетных программ, хода их выполнения и оказываемого ими воздействия на социально-экономическое положение страны, определение неэффективных направлений бюджетных программ.

Одним из важнейших аспектов бюджетной реформы стал поиск оптимального решения по управлению государственным долгом. Вопрос о финансировании дефицита государственного бюджета стоял особо остро, мы впервые пошли на законодательное установление четкого лимита государственного заимствования, используемого для покрытия масштабного дефицита бюджета страны.

Ранее Правительство финансировало дефицит бюджета путем заимствования средств у Национального банка, однако прямое кредитование дефицита бюджета Нацбанком сводило на нет все наши усилия по снижению уровня инфляции и поддержанию стабильности национальной валюты. Поэтому государство пошло на сокращение финансирования дефицита за счет средств Нацбанка, перейдя к привлечению внешних займов, на долю которых в 1994 году приходилось 55%, а в 1997 году – уже 81%. Макроэкономическая стабилизация экономики тоже способствовала увеличению внешних заимствований. Как результат, к 1998 году Правительство республики полностью прекратило прямое заимствование у Нацбанка.

Впоследствии объем внешнего заимствования продолжал постепенно сокращаться, благодаря росту экономики и из-за относительной дороговизны этих займов, составив 76% в 1998 году и 63% – в 1999 году. Внешнее заимствование Правительства осуществлялось через 4-разовый выпуск суверенных международных облигаций: трехлетние (1996 год), пятилетние (1997 год), пятилетние (1999 год), семилетние (2000 год). Размещение еврооблигаций в 1999 и 2000 годах имело особое значения для укрепления международного имиджа Казахстана, так как оно происходило в условиях значительного снижения доверия на международных рынках капитала к развивающимся странам. Международные эксперты так оценили последнее размещение.

Однако, приступив к формированию собственной бюджетной системы, мы столкнулись с проблемой формирования доходной части бюджета. В первые годы независимости нас заводило в тупик элементарное отсутствие современных законодательных актов по вопросам налогообложения. В советский период вся налоговая политика формировалась за пределами республики, у нас же не было подобного опыта. К тому же, резкое увеличение числа создаваемых предприятий привело к усложнению хозяйственного и налогового учетов. Все эти факторы остро ставили вопрос о необходимости реформирования самой системы налогообложения.

Вместе с тем, говоря об определении новых принципов бюджетного устройства государств, нельзя не отметить, что мы шли к этому шагу планомерно, подготавливая остальную законодательную базу. Это было задачей не из легких. Столь необходимые стране законы подолгу лежали в Верховном Совете без движения. Обсуждения по ним проводились не чаще одного раза в полугодие, тогда как ситуация в стране менялась, как говорится, не по дням, а по часам. И чаще всего, в худшую сторону.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, в 1991 году на седьмой сессии Верховного Совета Казахстана мы все-таки приняли республиканский пакет нормативных правовых актов по налогам, включивший в себя четырнадцать законов. В целом же Закон «О налоговой системе в Республике Казахстан» предусматривал 16 общегосударственных, 10 общеобязательных и 17 местных налогов. Закон стал одним из первых шагов в реформировании экономики государства.

Одновременно с совершенствованием бюджетной системы мы провели работу по приближению налоговой системы к реалиям времени. Первым шагом к этому стало принятие в 1995 году Закона «О налогах и других обязательных пла-

тежах в бюджет», позволившего повысить эффективность налоговой системы. С принятием данного нормативного акта налоговая политика была направлена не на увеличение числа налогов, а на их упрощение. Она стимулировала хозяйствующие субъекты к повышению деловой активности и развитию производства, способствовала внедрению высокоэффективных технологий и долгосрочному вложению капитала, привлечению зарубежных инвесторов.

Основным принципом Закона явился принцип справедливости, который предусматривал «вертикальное» и «горизонтальное» равенство. В этой системе все доходы налогоплательщиков, независимо от их размера и того, как они зарабатываются и тратятся, облагаются единообразно на равных условиях. Преимуществами реформированной налоговой системы стали ее максимальная простота, экономическая нейтральность налогообложения, минимизация и сопоставимость налоговых ставок. Так, вместо действовавших в Республике Казахстан 45 видов налогов и сборов и еще 6 видов отчислений в так называемые целевые фонды осталось 19 видов налогов и сборов.

В целях повышения инвестиционных стимулов, заинтересованности в обновлении парка основных средств и совершенствовании производства было предусмотрено увеличение норм амортизации и сокращение затрат, упрощенный порядок их расчета.

Вместе с тем, этот закон уже не мог полностью решить те проблемы, которые возникали в ходе преобразований. Было ясно, что налоговая система несовершенна и нуждается в дальнейшем реформировании.

Сложившаяся на тот момент налоговая система действовала по принципу «селективного льготирования». Например, по налогу на прибыль применялось до девяти разных по величине – от 0 до 70% – ставок (в зависимости от формы

собственности, отрасли, вида деятельности) и еще более 40 видов льгот в виде освобождения от уплаты или снижения ставок налога (в зависимости от направления расходования прибыли, источника ее образования). Все большим количеством льгот обрастали и остальные налоги. Еще одним примером неэффективности системы являлось то, что ставки налога на прибыль дифференцировались по отраслевому принципу и формам собственности.

Вместе с тем, придав в том же году налоговым органам независимый статус, мы смогли определить общие принципы построения налоговой системы, порядок взимания налогов, упорядочить механизм введения новых видов налогов, размеров ставок. Тем самым была заложена основа текущей системы налогового администрирования.

Наиболее значительным и принципиальным изменением практики налогообложения было введение в 1992 году нового для нас налога на добавленную стоимость (далее – НДС). Его введение обеспечило бюджет республики надежным и эффективным источником доходов, дало значительную свободу маневра по регулированию потребительского спроса. Он послужил в тот период средством предотвращения инфляционного обесценивания бюджетных средств, поскольку прямо связывал налоговые поступления с ростом цен.

Далее, учитывая изменения в экономической ситуации, сложившиеся за период с 1995 года, новый Налоговый кодекс был разработан в 2001 году и введен в действие с начала 2002 года. Положения нового Налогового кодекса оптимально совместили фискальную и стимулирующую функции налогов и позволили в достаточной степени реализовать основную цель проводимой налоговой политики – создание налоговой системы, гармонично сочетающей интересы государства и налогоплательщика.

Принятие нового Налогового кодекса явилось новым этапом развития казахстанского налогового законодательства. Налоговый кодекс укрепил концептуальные основы налоговой системы, сформированной в предыдущие годы, с одновременным повышением эффективности правовых механизмов в налоговой сфере. Кодексом были закреплены принципы стабильности налогового законодательства, единства системы налоговых льгот, исключены нормы по предоставлению льгот индивидуального характера для конкретного налогоплательщика. В последние годы были существенно снижены ставки налогов: ИПН до 10%, НДС до 14%, предполагается их дальнейшее упрощение и снижение. Реформирование этого сегмента финансовой системы Казахстана сыграло немаловажную роль в ее общем становлении и успешном развитии. Признание нашей финансовой системы лучшей в СНГ на международном уровне произошло после успешного преодоления нами экономического кризиса 1998 года, потрясшего страны Юго-Восточной Азии и Россию.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1998 ГОДА

Экономический кризис 1998 года стал своеобразным испытанием на прочность для нашей молодой страны и ее финансовой системы. В результате глобальных изменений на мировых финансовых рынках произошла значительная девальвация национальных валют целого ряда стран – торговых партнеров Казахстана. Это привело к удорожанию казахстанского тенге в реальном выражении и способствовало снижению конкурентоспособности казахстанского экспорта. Влияние негативных последствий мирового кризиса на экономику Казахстана стало более ощутимым после девальвации российского рубля. Это породило проблемы, связанные с защитой внутренних товаропроизводителей от

экспансии иностранных товаров на казахстанский рынок и поддержанием устойчивого обменного курса тенге.

Существующий в то время стереотип механического переноса оценки ситуации в России на Казахстан вызвал на внутреннем валютном рынке ажиотажный спрос на иностранную валюту. Для урегулирования ситуации на валютном рынке и поддержания тогда еще фиксированного курса тенге Нацбанк осуществлял большие валютные интервенции, которые привели к значительному снижению валовых золотовалютных резервов. Так, в этот период на поддержание стабильного курса было потрачено более 600 млн. долларов США. Это был самый трудный момент для тенге. Для предотвращения дальнейшего сокращения золотовалютных резервов и восстановления конкурентоспособности экономики возникла необходимость девальвации тенге. Вы хорошо помните, кто был против. Можно сказать, что мы разрушили еще один миф.

В настоящее время приходится слышать рассуждения о том, что девальвировать тенге необходимо было раньше, сразу вслед за обвалом российского рубля. Но я твердо уверен, что немедленное проведение девальвации на фоне нестабильного состояния финансовых рынков в странах СНГ, а также в условиях значительных девальвационных ожиданий внутри страны не дало бы ожидаемого эффекта. Любой паритет валютных курсов, установленный в результате девальвации в таких условиях, быстро потерял бы равновесие. В тот момент основной задачей было не допустить обвала валютного рынка и не потерять доверие населения и экономических субъектов к банковской системе, что было бы чревато ее крахом.

Позиция Нацбанка, во главе с Г. Марченко, в тот период заключалась в том, что тенге именно в период кризиса девальвировать не нужно. У нас было достаточно резервов,

и мы готовы были потратить часть их для того, чтобы справиться с кризисом. Так и вышло. Несмотря на то, что Нацбанк в этот период потерял значительное количество валютных резервов и, фактически, способствовал получению высоких доходов банковской системой, выигравшей на спекуляциях с валютой и государственными ценными бумагами, мы все-таки преодолели кризис без значительных последствий.

Новый председатель Нацбанка К. Дамитов вроде был за девальвацию. Но сильно колебался – ответственность была большая. Я пригласил его к себе, мы долго обсуждали все «за» и «против», и только в апреле 1999 года, когда стабилизировалась финансовая ситуация в России и снизились девальвационные ожидания внутри страны, мы пошли на введение режима свободно плавающего обменного курса тенге.

Работы по подготовке девальвации тенге осуществлялись еще с сентября 1998 года. Благодаря им, переход к режиму свободно плавающего обменного курса тенге был осуществлен успешно. Немаловажную роль в этом сыграла как раз тщательная проработка основных принципов и процедурных вопросов. Так, для выбора нового режима обменного курса были проанализированы все возможные сценарии дальнейшего развития внешнеэкономической ситуации в мире и, особенно, в России. Оценивались преимущества и недостатки каждого варианта с точки зрения: ожидаемых уровней равновесного курса тенге, платежного баланса, золотовалютных резервов, дефицита бюджета, каждого сегмента финансового рынка и социальных показателей. Благодаря изученному опыту и быстрому внедрению этого режима удалось не допустить обвала валютного рынка и банковской системы.

Для поддержки валютного рынка нами даже была временно введена в апреле такая мера, как продажа 50% экспортной выручки, которая была отменена в середине

ноября того же года. Одновременно с этим особый упор был сделан на защиту тенговых вкладов населения и депозитов юридических лиц в банках второго уровня, а также тенговых активов пенсионных фондов. Был осуществлен ряд компенсационных мер. Например, тем вкладчикам банков, которые не изымали свои тенговые депозиты в течение 9 месяцев после введения СПОКа, предоставлялась возможность их полной конвертации в доллары США по курсу, действовавшему до девальвации. С целью защиты пенсионных активов накопительных пенсионных фондов Министерством финансов были выпущены специальные валютные облигации (АВМЕКАМ) номинальной стоимостью 100 долларов США со сроком обращения пять лет.

В результате принятых мер переход на новую валютную политику проходил относительно спокойно, банковская система функционировала стабильно. Курс тенге в обменных пунктах стабилизировался в течение нескольких дней. Введение режима свободно плавающего обменного курса способствовало восстановлению конкурентных позиций казахстанского экспорта и возобновлению роста производства. Например, экспорт в 1998 году составил более 6,012 млрд. долларов США.

Введение СПОК было шагом не только экономическим, но и политическим, прежде всего с точки зрения обеспечения стабильной экономической политики в глазах населения. Вопреки некоторым рекомендациям международных финансовых организаций, мы предприняли максимум возможных мер по защите сбережений физических и юридических лиц. Мы предоставили клиентам банков право конвертации их вкладов по тому курсу, который существовал до девальвации тенге.

Данные меры позволили ликвидировать переоценку обменного курса тенге в реальном выражении. По итогам

года девальвации значительно улучшился платежный баланс, выросли золотовалютные активы государства и, что самое главное, восстановился рост производства в экономике. Уровень реального эффективного обменного курса тенге по отношению к валютам стран – основных торговых партнеров, достигнутый через 3 года после введения СПОК, соответствовал значению, зафиксированному на конец 1999 года. Я считаю, что введение режима свободно плавающего обменного курса было жизненно необходимым и оправданным. В этом мнении сходятся и зарубежные эксперты.

«К тому времени, когда наступил российский финансовый кризис в 1998 году, Казахстан был более подготовлен; тенге потерял лишь половину своей стоимости за год. Национальный банк завоевал свой авторитет в глазах Парламента, промышленников и Правительства благодаря проводимой устойчивой политике».

**Журнал «EuroMoney» (Великобритания),
«Казахстанское чудо», 1 апреля 2004 года**

В результате предпринятых мер мы смогли свести к минимуму отрицательное влияние мирового финансового кризиса и удержать макроэкономическую стабильность, которая получила высокую оценку международных финансовых институтов, сохранив доверие зарубежных банков-кредиторов и крупных инвесторов.

Но уязвимость казахстанской экономики все еще оставалась серьезной проблемой. Достаточно сказать, что год спустя после девальвации тенге мы столкнулись с обратной проблемой – ревальвацией тенге, которая в настоящее время становится все актуальней. Так, несмотря на наблюдающееся укрепление тенге, процесс дедолларизации экономики не происходит, что обусловлено притоком большого количества иностранной валюты, поступающей от продажи нефти.

К тому же свою роль играют значительные внешние заимствования банков и инвестиции в экономику, привлекаемые извне. Само по себе это не плохо. Но если раньше государство было больше озабочено собственно фактом привлечения инвестиций, то, мне кажется, сейчас нам уже нужно обращать больше внимания на «качество» инвестирования: куда идут эти деньги, какой реальный эффект они приносят, на какой срок вкладываются и т. д. Говоря о «качестве» инвестирования, прежде всего нужно упомянуть «длинные деньги» – инвестиции на долгий срок (от 15 лет и дольше). Такие «длинные деньги» очень востребованы для реализации крупных инвестиционных проектов, где срок окупаемости и возврата превышает средние показатели на рынке инвестирования капитала. Как правило, это как раз те самые проекты по разработке и внедрению научных разработок, по внедрению новых технологий и производственных линий – все то, в чем так нуждается наша экономика.

Многие говорят, что у нас есть такие деньги – активы пенсионных накопительных фондов, которые все же слишком ограничены в применении законом. Мы понимаем, какой большой эффект могут оказать эти активы при их вовлечении в нашу экономику. Но с этим нельзя торопиться. Для нас это прежде всего деньги людей. Поэтому необходимо проработать все вопросы защиты этих вкладов и критерии потенциальных проектов.

Наша пенсионная система создана совсем недавно, и самым большим ее достижением, на мой взгляд, являются отнюдь не размеры активов и так далее, а доверие наших людей. Именно это – самый ценный «актив» пенсионных накопительных фондов, который может сказать о них больше, чем показатели доходности или что-нибудь другое. И в случае непродуманного инвестирования пенсионных денег именно потеря доверия населения станет самым тяжелым последствием.

Расширение инструментария инвестирования средств пенсионных фондов произойдет обязательно, но только тогда, когда мы найдем оптимальное сочетание доходности и гарантии безопасности пенсионных накоплений людей. Я лично уделяю особое внимание этому вопросу, потому как до сих пор помню разочарование и упреки людей, однажды потерявших все, и особо благодарен им за то, что, несмотря на это, они все-таки поверили нам и поддержали проведение пенсионной реформы в 1997–1998 годах.

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА, 1997–1998 ГОДЫ

Пенсионное обеспечение относится к числу тех социальных вопросов, которые постоянно находятся в поле зрения Правительства, пожалуй, любого государства мира. В этом смысле не является исключением и Казахстан, в Конституции которого закреплены права граждан на социальное обеспечение в старости. Сейчас можно с полным правом утверждать, что накопительная пенсионная система стала гордостью казахстанской финансовой системы. Казахстан осуществил переход к накопительной пенсионной системе в условиях, когда прежняя солидарная система уже не могла полностью выполнять свои обязательства перед пенсионерами.

В середине 90-х годов вопросы пенсионного обеспечения приобрели особую остроту. Это было обусловлено падением объемов ВВП, ростом безработицы, значительными темпами инфляции, уменьшением национального дохода, острым бюджетным дефицитом. Как результат – уменьшение доли государственного финансирования пенсионного обеспечения, рост задолженности по выплате пенсий и т. д.

На проблемы, связанные с недостаточным финансированием необходимых пенсионных расходов, наслаивались и демографические процессы. Это было обусловлено тем,

что в республике точно так же, как и во многих других странах мира, возрастная структура населения деформируется в сторону его старения. Например, слабая экономическая конъюнктура и демографическая ситуация в Германии и Франции вынуждают правительства этих стран вводить меры по увеличению пенсионного возраста и ставки отчислений пенсионных взносов.

В Казахстане наблюдалась подобная ситуация. Так, если в 1980 году на 100 работников – плательщиков пенсионных взносов, приходилось почти 30 пенсионеров-получателей, то в 1997 году количество последних увеличилось до 73, а в 1998 году – до 83 пенсионеров на одного работающего. С 1980 года доля пенсионеров в общей численности населения возросла с 11,9% до 17,1% в 1997 году. К тому же свою роль в этом сыграли и бурные миграционные процессы 90-х годов. Уезжали, в основном, люди молодые, стремившиеся тогда покинуть Казахстан в поисках лучшей судьбы и лучшей родины. А пенсионеры просто не имели возможности переехать: одним было некуда ехать, у других не было денег.

Плюс ко всему высокий показатель зависимости пенсионной системы, точнее соотношение получателей пенсий к плательщикам пенсионных взносов, был результатом старого пенсионного законодательства СССР. Тогда возраст выхода на пенсию составлял 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. К тому же достаточно часто предоставлялось право выхода на пенсию и в более раннем возрасте.

Таким образом, деформированная структура назначения пенсий обусловила рост расходов государства на пенсионное обеспечение, который составил в 1996 году 7,9% от ВВП, в то время как в 1989 году эта цифра равнялась 5,6%. При этом важно отметить, что данные расходы могли быть значительно выше, если бы государство полностью индексировало пенсионные выплаты на инфляцию.

Сохранение солидарной пенсионной системы Республики Казахстан в том виде, в котором она существовала до 1998 года, могло привести к обострению кризисных явлений в экономике и, соответственно, социальной сфере республики. Я поручил Правительству изучить опыт других стран и внести предложения. Кабинет министров и Нацбанк внесли также предложение о целесообразности начала пенсионной реформы с использованием чилийского опыта.

Этот проект бурно обсуждался в обществе, противников было достаточно. Было много сомнений, но иного выхода у нас в тот момент не было. Экономика страны того времени просто не справлялась со сложившейся ситуацией.

Почему мы выбрали именно чилийский опыт?

В середине прошлого века большинство стран мира столкнулось с проблемой старения населения: продолжительность жизни увеличивалась, а рождаемость снижалась. При солидарных пенсионных системах такое долголетие тяжким бременем ложилось на работающее население. Ведь налоговая нагрузка на экономически активную часть населения тем тяжелее, чем их меньше по отношению к пенсионерам. В противном случае возникает дефицит средств, а различные попытки закрыть его, например, снижением пенсий, могут вызвать острую социальную напряженность в обществе.

Выход из этой ситуации, заключающийся в приватизации пенсионной системы, был найден в 1980 году министром труда Чили Хосе Пиньером. В предложенной им системе каждому работнику предоставлялись право и обязанность самостоятельно заботиться о своем будущем. Вместо государственной пенсии, выплачиваемой из налоговых поступлений, начали внедряться индивидуальные накопления, инвестируемые в ценные бумаги. Работающим гражданам была предоставлена возможность добровольно перейти в новую систему, тогда как к поступающим на работу впервые она применялась автоматически.

Проведение подобной реформы, помимо решения социальных проблем, могло бы дать дополнительный стимул для развития экономики Казахстана. Достаточно сказать, что пенсионные накопления могли бы стать (как в Чили) источником инвестиций развития, в первую очередь, внутренней экономики через фондовый рынок.

Поэтому Казахстан, первым из стран СНГ, начал планомерный переход к накопительной системе пенсионного обеспечения. Правительством была принята концепция реформирования пенсионной системы, определившая постепенный переход от сохраняющегося на определенном этапе принципа солидарности поколений к принципу персональных пенсионных накоплений ее стратегическим направлением. По сути, это был качественный шаг к формированию новой пенсионной системы, отвечающей требованиям рынка.

Основной целью проведения пенсионной реформы явилось построение финансово-устойчивой и справедливой системы, соразмеряющей трудовой вклад с пенсией через персонифицированный учет пенсионных взносов.

В 1998 году был принят закон «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан», предусматривающий внедрение смешанной пенсионной системы. Им предусматривалось сохранение государственного пенсионного обеспечения (солидарная пенсионная система), наряду с которым была создана, и в настоящее время развивается, накопительная пенсионная система.

Солидарная система была основана на выплатах пенсий за счет социальных налогов и других поступлений в республиканский бюджет. Накопительная пенсионная система – на отчислениях обязательных пенсионных взносов в размере десяти процентов от дохода работника, а также на добровольных пенсионных отчислениях.

В переходный к накопительной пенсионной системе период государство обязалось гарантировать право состоявшихся пенсионеров на получение пенсий, а также нести обязательства перед гражданами, имевшими трудовой стаж до начала пенсионной реформы. Состоявшимся пенсионерам государство гарантировало сохранение получаемого размера пенсий из Государственного центра по выплатам пенсий, а также их индексацию с учетом роста потребительских цен.

Хочу отметить, что принятая и вполне соответствовавшая экономическим условиям прошлого десятилетия политика постоянного повышения минимальных пенсий и индексации пенсий на уровень инфляции привела к сужению дифференциации трудовых пенсий и их выравниванию, независимо от трудового стажа и прежней заработной платы пенсионеров.

Недостаточная дифференциация трудовых пенсий, низкий уровень получаемых пенсий и коэффициента замещения дохода приобрели особую актуальность в условиях стабильного улучшения экономической ситуации в стране как факторы, препятствующие росту платежеспособного спроса этой части населения. Для решения этих проблем был разработан механизм дифференцированного повышения пенсий. Он предполагает установление зависимости размеров пенсий от трудового стажа, заработной платы, представленной для исчисления пенсии, и среднемесячной заработной платы в той отрасли экономики, из которой осуществлен выход на пенсию.

Государство сохранило за собой право регулирования деятельности субъектов накопительной пенсионной системы: накопительных пенсионных фондов, банков-кастодианов и организаций, осуществляющих инвестиционное управление пенсионными активами. Деятельность всех субъектов

стала лицензироваться, законом были введены ограничения полномочий по распоряжению активами, определены требования к публичности и прозрачности информации финансового состояния субъектов системы.

В целях обеспечения эффективности инвестирования и безопасности пенсионных сбережений, исключения обесценивания пенсионных накоплений был законодательно установлен перечень активов для инвестирования. Кроме того, стали возможны добровольные пенсионные взносы из частных источников. В свете последних преобразований в стране, наряду с компаниями, занимающимися инвестированием активов пенсионных фондов, пенсионные фонды могут инвестировать свои портфели напрямую. Данные изменения направлены на устранение монополии в управлении пенсионными активами и уменьшение административных расходов.

Проведение пенсионной реформы позволило развить далее деятельность финансовых организаций.

Пенсионные активы вовлечены в реальный сектор экономики путем инвестирования в негосударственные ценные бумаги отечественных организаций, во вклады (депозиты) в банках второго уровня, которые, в свою очередь, используют эти ресурсы для кредитования экономики Казахстана. Так, на 1 января 2006 года инвестиции пенсионных активов в негосударственные ценные бумаги отечественных организаций и вклады в банки второго уровня составили 218,6 млрд. тенге.

Проведение пенсионной реформы не является, как известно, одномоментным шагом. Например, те граждане, чей возраст на момент введения новой пенсионной системы был близок к пенсионному, мало что успеют накопить. В связи с этим полный переход к накопительной пенсионной системе в Казахстане будет осуществляться до 2038-2040 годов.

Сейчас, когда я вспоминаю о проведенной реформе, я иногда просто говорю себе: «Хорошо, что мы смогли сделать это!» Наши люди могут сами накапливать деньги, обеспечивая, тем самым, свою нормальную старость. Теперь пенсия складывается из трех составляющих: государство + работодатель + сам гражданин. Постепенно государство будет отходить из этих составляющих. Поэтому каждый казахстанец должен стать участником накопительного пенсионного фонда. Если он хочет обеспечить себе достойную старость. И, помимо этого, деньги, которые накапливаются в пенсионных фондах, могут работать на экономику.

Но я опять вернулся к важному моменту. Главное в том, что государство гарантирует неприкосновенность и безопасность этих денег. Они никогда не должны быть в опасности. Поэтому, когда эти деньги используются в целях инвестирования, надо предусмотреть многое: что это за предприятие, что это за компания. Подготовлен проект закона о секьюритизации, который, рассматривая этот вопрос, позволит пенсионным фондам размещать деньги в надежные предприятия. Это подтолкнет развитие рынка долговых ценных бумаг и снизит стоимость кредита.

Например, первая ласточка – строительство железной дороги Шар – Усть-Каменогорск, куда мы будем их вкладывать. Наверно, можно вкладывать в нефтяные проекты, в инфраструктуру под гарантию государства, посмотреть объекты при осуществлении индустриальной программы. А возможно, и в жилищное строительство. Мы очень серьезно работаем сейчас над тем, чтобы пенсионные фонды приносили хорошие проценты нашим будущим пенсионерам, а деньги нормально работали на экономику. Так и происходит во всем мире.

Возвращаясь к вопросу об инвестировании пенсионных накоплений и внутренних инвестициях, хочу сказать еще вот

о чем. Реформируя финансовую систему и пытаясь вовлечь средства населения в работу экономики, мы столкнулись с проблемой «серых денег». Эти деньги, так же как и активы пенсионных фондов, могли бы стать внутренним источником инвестирования в экономику страны. Легализация доходов стала попыткой решить вопрос возникновения «теневой» экономики и утечки капитала.

ФИНАНСОВАЯ АМНИСТИЯ И ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ИМУЩЕСТВА

В первые годы независимости наличие слабых рыночных институтов, отсутствие действенных законодательных актов только способствовали тому, что за пределы Казахстана в год нелегально вывозилось от 1,2 до 2 млрд. долларов США. Для сравнения, в России эта сумма составляла 40-50 млрд. долларов США. В 1999 году Агентство Республики Казахстан по статистике оценило объем теневого сектора в 20-25% ВВП, хотя независимые эксперты называли большую цифру – 45-50% от ВВП.

Наличие столь значительных сумм в теневом обороте требовало от нас создания условий для возврата этого капитала в страну, что позволило бы направить эти ресурсы на развитие экономики страны. Назревала необходимость проведения экономической амнистии.

Предполагалось, что экономическая амнистия будет исключительно разовой акцией по легализации денег граждан Республики Казахстан, ранее не задекларированных и выведенных из легального экономического оборота. Суть данной акции заключалась в освобождении от налогообложения и ответственности лиц в том случае, если они легализуют свои теневые капиталы, заработанные на законных основаниях, но не легализованные из-за высоких налогов. Впоследствии

мы пришли к необходимости повторения этой акции, прошедшей к тому же очень успешно.

В процессе подготовки легализации я дал поручение изучить весь мировой опыт (как позитивный, так и неудачный), имеющийся в данной области. Основным выводом из анализа этого опыта явилось то, что эффективность подобных акций во многом зависит от условий, по которым граждане могли легализовать скрытый ранее капитал. На разработку таких условий, которые обеспечили бы высокий положительный эффект реформы, Правительством Казахстана и было обращено особое внимание.

Например, был изучен опыт первой амнистии, проведенной в Швейцарии. Данная акция весьма благоприятно отразилась на банковской системе Швейцарии и способствовала резкому улучшению инвестиционного климата, увеличению уровня производства и макроэкономических показателей страны в целом.

Кроме того, амнистия проводилась в таких странах, как Франция (1982, 1986), Аргентина (1987), Индия (1997), Китай и ряде других, где принесла положительные результаты. Например, в Китае после официальной декларации своих капиталов и уплаты с них налогов, граждане смогли распоряжаться ими по своему усмотрению, не опасаясь введения в действие фискальных механизмов налоговых органов. В государственный бюджет при этом поступило несколько миллиардов долларов США. В Ирландии полученная от налоговой амнистии сумма превысила размер бюджета и составила 2,5% ВВП; Мексика же от подобной акции получила два с лишним миллиарда долларов США.

В начале апреля 2001 года был принят Закон Республики Казахстан «Об амнистии граждан Республики Казахстан в связи с легализацией ими денег». Механизм закона заключался в следующем. Граждане Казахстана должны были

зачислить или перевести деньги на специальные счета (без права распоряжения ими на период легализации) в банки второго уровня, входящие в систему коллективного гарантирования вкладов. После вклада наличных денег в национальной или в иностранной валюте или перевода денег с персональных счетов в иностранных банках банк выдавал вкладчику официальный документ (свидетельство о внесении денег на специальный счет по легализации денег), в котором отмечались размер внесенной суммы и дата ее внесения. Суммы, внесенные на специальные счета, не включались в налогооблагаемый доход.

Те лица, кто зачислил деньги, освобождались от уголовной ответственности за совершение преступлений до легализации. При этом освобождение от уголовной ответственности предусматривалось только за незаконную предпринимательскую деятельность без лицензии; за занятие запрещенными видами предпринимательской деятельности; лжепредпринимательство и др.

Действие Закона не распространялось на лиц, в отношении которых до начала периода легализации денег были возбуждены уголовные дела и административные производства, а также на осужденных и на лиц, на которых были наложены административные взыскания. Кроме того, его действие не распространялось и на случаи легализации денег, полученных в результате коррупционных правонарушений, преступлений против личности, мира и безопасности человечества, основ конституционного строя и безопасности государства, собственности, интересов государственной службы, общественной безопасности и общественного порядка, здоровья населения и нравственности, а также денег, принадлежащих другим лицам или полученных в качестве кредитов.

Особым условием была конфиденциальность процесса легализации. В законе устанавливалось, что информация о

наличии специальных счетов и количестве денег на них не подлежит разглашению, а наличие специального счета не может быть основанием для проведения любых процессуальных действий, в том числе – осуществления уголовного преследования или применения мер административного взыскания. Деньги, предъявленные к легализации, могли быть изъяты в собственность государства только в случае вступления в законную силу судебных решений (приговоров), предусматривающих конфискацию имущества граждан, амнистированных в соответствии с настоящим законом. Распоряжение же деньгами, поступившими на специальный счет в национальной или иностранной валюте, могло осуществляться вкладчиком на следующий день после окончания срока легализации.

В результате только за 2 месяца (июнь-июль 2001 года) объем вкладов населения в банковской системе вырос более чем на 46% (на 51,7 млрд. тенге). Общий объем легализованных средств составил около 480 млн. долларов США, или более 2% к ВВП. Примерно 55% этих средств остались в банковской системе в виде депозитов, что способствовало значительному расширению ресурсной базы банков.

В рамках эффективного использования амнистированных средств с мая по июнь 2001 года были снижены объемы эмиссий среднесрочных государственных ценных бумаг, увеличение которых было запланировано на июль 2001 года. Продлевались по срокам и мероприятия по выпуску ценных бумаг крупных предприятий, в том числе национальных компаний, для того чтобы приурочить начало размещения ценных бумаг к дате завершения периода легализации. Одновременно в Казахстане стало осуществляться снижение налогов: с 1 июля 2001 года ставка налога на добавленную стоимость была снижена на 4%, а социального налога – на 5%.

В заключение хотелось бы отметить, что экономическая амнистия в Казахстане явилась уникальным явлением на постсоветском пространстве. Целью проведения акции было привлечение дополнительных финансовых средств в экономику Казахстана, которые ранее были выведены из легального экономического оборота. В итоге было легализовано около полумиллиарда долларов США. Хотя легализованные деньги являются частными и государство не получило с них в виде налоговых выплат ни одного тенге, опосредованная экономическая польза очевидна. Размещенный в банковском секторе капитал в настоящее время работает во благо государства и общества, а значительный приток наличной иностранной валюты укрепил позиции национальной валюты Казахстана.

Также благоприятным последствием легализации капиталов теневого бизнеса для государственной казны является увеличение налогооблагаемой базы и количества налогоплательщиков, что, соответственно, влечет за собой увеличение поступлений в бюджет.

Учитывая положительный опыт проведения первой легализации в Казахстане, мы работаем сейчас над легализацией имущества, что является логическим продолжением финансовой легализации. Ее успешная реализация позволит устранить «теневую собственность» и ввести ее в систему легального учета и экономических отношений.

На сегодняшний день, по данным Министерства юстиции, в стране установлено свыше 4,7 млн. объектов недвижимости, права на которые не зарегистрированы в центрах по недвижимости. На сегодняшний день доля незарегистрированной недвижимости составляет около 30% от общего числа всех объектов недвижимости. По предварительным оценкам, введение в легальный оборот этих объектов может привлечь в экономику страны порядка 4 млрд. тенге.

Почему мы пришли к решению проведения этой кампании?

Во-первых, как я уже сказал, легализация имущества – логическое продолжение проведенной ранее амнистии капитала. Проблемы «теневой экономики» и, соответственно, «серых денег» и имущества были порождены несовершенством законов и нестабильностью экономической ситуации предшествующих лет. И сейчас, при улучшении названных параметров, мы должны дать шанс ввести все спрятанное в легальный оборот. И здесь мне, наверное, стоит подчеркнуть, что, согласно Закону, меры по легализации не распространяются на лица, деньги которых добыты преступными средствами.

Критиков данной акции достаточно, но мы не должны слушать всяких горе-критиков. Сколько я помню, всегда были такие люди, которые пытались развести общественную истерию по поводу почти каждой нашей реформы. И что в итоге? Где все они сейчас, когда мы на деле видим положительные результаты этих же преобразований? Когда каждый гражданин ощутил их эффективность в своей повседневной жизни?

Я всегда руководствовался принципом: «Критикуешь – предлагай». Причем критика должна быть в положительном смысле этого слова, а вовсе не того, что очень часто у нас с ней путают. Я сам лично всегда придерживаюсь этого принципа. Если меня что-то не устраивает в действиях других, то, прежде всего, я задаю себе вопрос: «А что я могу предложить взамен, если меня не устраивает это?» Но никто не предложил других способов борьбы с теневой собственностью, кроме уже известных во всем мире. Мы готовы к диалогу и только приветствуем все предложения. Но еще раз подчеркиваю – предложения, а не необоснованное выражение недовольства по поводу всех и вся. Наша критика, зачастую,

напоминает мне больше советские «кухонные беседы» на вечную тему «кто виноват». Неужели нам нужно посадить в тюрьму всех владельцев 4,7 млн. объектов недвижимости, если даже они не узаконены по незнанию или халатности людей? Думаю, нет.

Например, при разработке Закона о легализации имущества не были учтены условия обеспечения конфиденциальности, на что было указано. Сейчас ведется работа по устранению этого недостатка. Кроме того, необходимо проведение широкомасштабной разъяснительной работы об этой процедуре признания государством прав на имущество. Еще раз – это акция не по поиску виновных в сокрытии имущества, а по введению этого имущества в легальный оборот, где оно получит надлежащее оформление, а значит, и надлежащие гарантии на соблюдение прав собственников.

Если у гражданина собственность узаконена, зарегистрирована, только тогда она может продаваться, перепродаваться или дариться. И самое главное – эта собственность может стать предметом залога при получении кредита в банке для ведения своего бизнеса. Таким образом, мы введем в экономику больше инвестиций, нежели мы получаем от иностранцев. И последнее – легализовав имущество, человек становится собственником, и спит спокойно. Вот что нужно объяснить нашим людям и уяснить нашим чиновникам.

Во-вторых, так сложилось, что за годы советского строя у основной массы нашего населения потерялось уважение к отношениям собственности, а тем более к ее надлежащему правовому оформлению. Посудите сами, ни в одном советском учебнике по юриспруденции, ни в одном законе не было терминов «недвижимость», «вещное право». Многие люди просто не задумывались о неправомерности своих действий, которые не всегда соверша-

лись умышленно, с целью сокрытия доходов. Например, зачастую причинами оформления имущества на другое лицо становились вполне обыденные явления. Например, период замены паспортов СССР на новые удостоверения личности сопровождался отнюдь не активным поведением самих граждан, длительными сроками исполнения новых удостоверений, имели место случаи их утраты и т. д. Если в такой период предлагалась выгодная сделка, то предприниматель вынужден был заключать ее на имя другого лица, чтобы не упустить выгодный объект. Это же происходило из-за отсутствия у лица регистрационного номера налогоплательщика, так как на первоначальной стадии получение РНН также было сопряжено с различными недостатками. Так или иначе, я надеюсь, что легализация имущества принесет такую же пользу нашим гражданам и стране в целом, как это произошло при первой амнистии капитала. Особенностью этих мер является то, что человеку еще раз дается возможность легализовать средства, заплатив государству 10% – налог от капитала. Это распространяется и на деньги, находящиеся за рубежом. Их не обязательно переводить в Казахстан. При этом мы предупредили граждан, что это последняя акция государства по амнистии.

Вспоминая опыт легализации капитала, можно отметить, что ее проведение совпало с ростом экономики и высокими ценами на нефть. Нефтяные доходы республики в этот период стали резко возрастать. Например, только в 2000 году мы добыли более 35 млн. тонн сырой нефти. Экспорт в этом же году составил более 4,2 млрд. долларов США. Для сравнения: в 1995 году эти показатели составляли 23 млн. тонн и 0,7 млрд. долларов США соответственно. Вместе с тем, нас пугало не увеличение объемов доходов от продажи нефти, а стабильная динамика их роста. При наличии таких тенденций роста мы могли испытать на себе проблему «перегрева эко-

номики» и многие другие «прелести» рыночной экономики. Поэтому для избежания подобных проблем мы пошли на создание Национального нефтяного фонда.

Этот период характеризовался необходимым изучением мирового опыта и подключением к этой работе наших послов за рубежом. Нам предстояло по опыту других стран создать наш нефтяной фонд. Правительство должно было больше общаться с руководством транснациональных компаний. С учетом этого в 1999 году премьер-министром был назначен Касымжомарт Токаев – опытный дипломат, за плечами которого успешный опыт работы министром иностранных дел. К сожалению, в этой книге я не смогу рассказать о нашей огромной внешнеполитической деятельности, которую мы осуществляли вместе с ним.

КАЗАХСТАНСКИЙ ФОНД БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Первоначально сама идея о создании Национального фонда возникла еще в 1997 году, когда разрабатывалась «Стратегия Казахстан-2030». Тогда для многих международных консультантов, отечественных управленцев и экономистов эта идея показалась бредовой. Более того, спустя некоторое время после ее обнародования произошло обвальное крушение цен на нефть, которое впоследствии привело к кризису в России в августе 1998 года. Из-за всего этого к вопросу о создании Национального фонда мы вернулись только в 2000 году.

Время и существующие в тот период тенденции развития требовали от нас принятия мер посредством выработки возможных путей стабилизации ситуации в случае системных рисков. К ним можно отнести резкое падение цен на нефть, угрозу «перегрева экономики» и голландской болезни, истощение нефтяных ресурсов.

Принятие решения о создании фонда вызвало ажиотаж в обществе. Прежде всего из-за того, что большинство не понимало роли фонда в развитии государства. Критики создания Фонда, воспользовавшись неосведомленностью населения в этом вопросе, не стесняясь, подменяли понятия и говорили о нем, как об очередной возможности для сбора податей местными руководителями.

В ходе многочисленных интервью мне постоянно задавали этот вопрос и просили объяснить, зачем нам нужно его создание. Отвечая на подобные вопросы, я говорил о том, что, создавая такой фонд, мы не придумываем ничего нового. Многие государства, работающие на сырьевых ресурсах, создавали такие фонды. Ведь цены в мире меняются, и если сейчас есть сверхдоходы от продажи нефти, то мы должны их откладывать на тот случай, когда подобной конъюнктуры не будет. Я постоянно подчеркивал, что государство должно уверенно идти в будущее, а для этого необходимы внутренние резервы.

В результате длительных дискуссий и несмотря на волну критики Национальный фонд был создан. Его целью стало обеспечение стабильного социально-экономического развития страны, накопление финансовых средств для будущих поколений и снижение зависимости экономики от воздействия неблагоприятных внешних факторов.

В процессе принятия решения о создании фонда нами был изучен опыт всех существующих нефтяных фондов мира. Так, за последние 40 лет подобные стабилизационно-сберегательные фонды были созданы во многих странах мира. Бразилия аккумулировала в аналогичном фонде доходы от кофе, Чили – от медной руды, Венесуэла, Саудовская Аравия, Ливия, Оман, Иран, Кувейт, американский штат Аляска, канадская провинция Альберта – от нефти и газа.

В ходе изучения деятельности подобных фондов мы всегда задавали себе вопрос: «Учитывает ли механизм

функционирования фонда специфику Казахстана?» Кувейт, к примеру, создал свой Общий резервный фонд еще в 1960 году, что стало возможно благодаря открытию крупных месторождений углеводородов в этой стране в 50-х годах и регулярному повышению доходов государства над расходами. На протяжении полутора последующих десятилетий из данного фонда осуществлялись все государственные инвестиции в экономику Кувейта, а к 1976 году страна настолько разбогатела, что смогла позволить себе создать еще один источник – Фонд накопления для будущих поколений.

Американский штат Аляска тоже имеет два фонда: Постоянный фонд Аляски действует с 1976 года, а Конституционный бюджетный резервный фонд штата – с 1990 года. Первый, в основном, является резервом для будущих поколений, а второй используется на покрытие текущего дефицита бюджета. Принципы, правила, результаты их работы регулярно публикуются, а подотчетны оба фонда не только исполнительной и законодательной власти, но и населению штата.

Медный стабилизационный фонд Чили возник в 1985 году для сглаживания колебаний обменного курса национальной валюты и налоговых поступлений. При этом состояние фонда зависит только от отчислений государственной медной компании Чили, а управление ресурсами фонда осуществляет центральный банк страны.

В 1998 году за счет доходов от нефти создала Фонд макроэкономической стабилизации Венесуэла. Его главная цель – оградить бюджет и экономику страны от колебаний цен на углеводородное сырье.

Из всех имеющихся примеров для нас наиболее подходящим оказался пример Норвежского нефтяного фонда, одного из крупнейших фондов в мире, учрежденного в 1990 году. Необходимость его создания была обусловлена

старением населения и снижением объемов добычи нефти. Поэтому фонд является одновременно и сберегательным, и стабилизационным. Он должен, в первую очередь, обеспечивать стабильность бюджетной сферы на долгосрочные перспективы. В соответствии с их законодательством Правительство имеет право запросить разрешение у Парламента на использование средств фонда как для краткосрочных целей (например, если доходы бюджета упали), так и на долгосрочную перспективу – для выравнивания объемов дохода бюджета из-за снижения, например, производства нефти или при росте социальных расходов. Правительство или министерство финансов определяет основные направления инвестирования средств этого фонда, а также оценивает эффективность использования стабилизационных средств. Текущие управления активами фонда осуществляются центральным банком страны. В настоящее время активы норвежского Стабилизационного фонда состоят из государственных облигаций, ценных бумаг компаний, не связанных с нефтью.

Именно его модель наиболее полно отвечала интересам Казахстана, так как наши страны имели много схожих параметров на соответствующих этапах социально-экономического развития.

Немного забегаю вперед, скажу о том, что на протяжении всего периода функционирования фонда существовала и критика по вопросам управления его деятельностью. Я всегда придерживался принципа, что критика должна быть конструктивной, и только тогда от нее будет польза. Но иногда были такие замечания, что, поневоле, начинаешь сомневаться в здравом смысле тех, кто их высказывал. Начиная с того, что он просто не нужен, так как нефти много, и до того, что это мой личный фонд. На всю эту необоснованную критику я уже просто не обращал внимания.

Вместе с тем были и справедливые критические замечания. Например, противниками создания фонда приводился аргумент, что размещение активов фонда за рубежом означает инвестирование экономики других стран, тогда как экономика Казахстана сама нуждается в инвестициях.

Подобные замечания всегда учитывались для совершенствования деятельности фонда. Но в настоящее время показатели социально-экономического развития наглядно показывают, что если бы мы оставляли активы фонда в стране, то уровень инфляции был бы намного выше существующего.

Сейчас накопления в фонде, с одной стороны, значительно укрепляют стабильность нашей экономики, с другой – повышают доверие к Казахстану со стороны других государств. Примером этому может служить периодичное повышение кредитного рейтинга страны со стороны международных рейтинговых компаний.

Впрочем, в последнее время возникали замечания другого рода. Суть этих замечаний заключалась в том, чтобы передать активы Нацфонда в некий фонд, участниками которого должны были стать все граждане Казахстана. Каждому гражданину предполагалось выдать по одной акции и столько же – на каждого ребенка. В президентской выборной кампании наша оппозиция раздавала всем бумаги, где был тенге с фотографией достоинством в 17 тысяч. Столько они обещали каждому, если они победят. Эти деньги они собирались выплатить из нефтяного фонда. Разве все это сравнимо с тем, что мы серьезно подняли размер пенсии всем пенсионерам, повышаем на 30% зарплату бюджетным организациям; растут выплаты многодетным, инвалидам; созданы рабочие места. Вот это и есть настоящая забота о людях.

Но мы не должны опять допускать передела собственности по принципу «всем сестрам по серьгам». Это уже

было. Можно привести пример Саудовской Аравии, которая раздавала деньги населению. На сегодняшний день они от этого отказались, видя угрозу иждивенчества для нации. Король Саудовской Аравии, хранитель двух святынь ислама, говорил мне, как сложно снова заставить арабов работать в промышленности и сфере услуг.

Кроме того, в рыночной экономике государство должно создавать условия для реализации человеком своего потенциала и получения за это справедливого вознаграждения. Мотивация к производительному труду должна быть максимальной. Не создадим таких условий, большая часть населения будет просто ждать получения дивидендов, что породит иждивенчество. Ведь исторический опыт показывает, что применение подхода «взять и все поделить между всеми поровну» приводил к катастрофическим последствиям.

Я думаю, что раскрытие механизма деятельности Национального фонда в книге позволит обеспечить более полноценное восприятие целесообразности создания фонда и его значения для экономики и страны в целом. По существу, Национальный фонд не является юридическим лицом и представляет собой совокупность финансовых активов, сосредотачиваемых на счетах Правительства в Национальном банке. Фонд выполняет две функции – сберегательную (формирование накоплений для будущих поколений) и стабилизационную (снижение зависимости бюджетных поступлений от конъюнктуры мировых цен).

Для того чтобы обеспечить выполнение стабилизационной функции, в фонд зачисляются средства, превышающие утвержденные в республиканском и местных бюджетах суммы налоговых и иных обязательных платежей в бюджет от организаций сырьевого сектора. К этим поступлениям относятся корпоративный подоходный налог, налог на добавленную стоимость, налог на сверхприбыль, бонусы, роялти,

доля Казахстана по Соглашениям о разделе продукции и средства, поступающие от продажи государством земельных участков сельскохозяйственного назначения в частную собственность. С целью реализации сберегательной функции фонд формируется за счет трансфертов из республиканского и местных бюджетов, рассчитываемых в размере 10% от плановых сумм по указанным выше поступлениям.

Вопросы управления решает Совет, в состав которого входят Президент Республики Казахстан, председатели Сената и Мажилиса Парламента, руководитель Администрации Президента, премьер-министр и его первый заместитель, председатель Национального банка, министр финансов, министр экономики и бюджетного планирования, а также председатель Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета. Как видно, в Совете представлены исполнительная и законодательная ветви государственной власти, что, практически, исключает конфликт интересов. Все решения Совета принимаются коллегиально. Никто из членов Совета не может индивидуально распоряжаться активами Фонда. Фонд контролируется Парламентом и по-настоящему является резервом народа и страны.

Непосредственное управление активами Фонда осуществляет Национальный банк на основе Договора с Правительством о доверительном управлении в соответствии с инвестиционной стратегией. Инвестиционная стратегия определяет общий порядок осуществления инвестиционных операций Фонда, в том числе ограничения по видам и удельному весу в разрезе валют, классов инструментов, внешних управляющих и кастодиана. Вместе с тем, она устанавливает порядок управления риском, возникающим при управлении Фондом, выбор эталонного портфеля, периодичность и содержание отчетности Национального банка по своей деятельности в рамках доверительного управления Фондом перед Правительством.

На 1 ноября 2006 года активы Национального фонда Республики Казахстан превысили 12 млрд. долларов США, составив 12 087,39 млн. долларов США. Накопленная сумма позволяет покрыть временной период примерно в два с половиной года, то есть в случае падения цен на нефть нам хватит на полтора-два года денег, чтобы полностью выполнять те социальные обязательства, которые государство на себя приняло. Причем этот показатель будет неуклонно повышаться в связи с планируемым масштабным освоением казахстанского сектора Каспийского моря и расширением экспорта нефтяных ресурсов.

К 2010 году объем добычи перевалит за 100 млн. тонн. В связи с этим с учетом планируемой большой нагрузки на валютный рынок деятельность Национального фонда как мощного инструмента стерилизации денежной массы будет неуклонно повышаться.

Но одной только стерилизацией денежной массы с помощью Фонда и усилиями Национального банка ограничиться, пожалуй, не получится. Необходимо освоение притока денег реальным сектором экономики. Только движение в этом направлении позволит заработать полноценно рынку ценных бумаг, заставит банковские структуры обратить внимание на функции межотраслевого перетока капитала, относительный избыток которого в валютно-финансовой сфере и экспортно-ориентированных отраслях соседствует с дефицитом капитала в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве и потенциально конкурентоспособных, но не раскрученных на рынке.

Эти деньги могут выполнять не только роль стабилизатора и, своего рода, страховки на случай снижения цен на нефть. При надлежащем их использовании сверхприбыль может стать источником для модернизации и развития всех прочих отраслей нашей экономики. Поэтому часть средств,

направленных на пополнение фонда, мы использовали для капитализации государственных институтов развития. В частности, на капитализацию Банка развития в рамках Стратегии индустриально-инновационного развития было направлено 24,3 млрд. тенге, Инвестиционного фонда – 23 млрд. тенге, Инновационного фонда – 11,5 млрд. тенге, а Государственной страховой корпорации по страхованию экспорта – 7,7 млрд. тенге. Также в бюджете на 2005 год было предусмотрено выделение средств Банку развития Казахстана, Центру инжиниринга и трансферта технологий, Центру маркетингово-аналитических исследований, Инновационному фонду. Поддержку из средств Нацфонда получили Программа развития сельского хозяйства и Программа строительства ипотечного жилищного строительства. Кроме того, было выделено свыше 550,5 млн. тенге на развитие парка информационных технологий. Планировалось, что весь этот комплекс мероприятий будет способствовать повышению диверсификации экономики.

Отдельно я бы хотел отметить, что, увеличивая размеры Фонда, необходимо одновременно повышать ответственность как Нацбанка, так и Правительства за эффективность управления Фондом, и в целом, прозрачность этого процесса. Я имею в виду не только изыскание новых источников пополнения Фонда, но и более высокую эффективность функционирования и инвестирования уже имеющейся немалой суммы. Так, учитывая размеры Фонда, в ближайшее время будет определено оптимальное соотношение между стабилизационной и сберегательной частями Фонда, в том числе и в долгосрочном плане. Мы должны придерживаться нашей долгосрочной инвестиционной стратегии не только на словах, но и на деле. Краткосрочные колебания доходности не должны кардинально влиять на общую стратегию инвестирования.

Актуальным является и вопрос о размере Фонда. Размер должен зависеть от того, сколько мы будем перераспределять доходов от сырьевых ресурсов в Фонд. Так, доходы только от добычи нефти в течение ближайшего десятилетия, по экспертным оценкам, могут составить порядка 20 млрд. долларов США, с учетом этого нет смысла ставить верхний предел размеров Фонда.

Вместе с тем, нужно признать, что Фонд находится на начальном этапе своего развития. Его успешность во многом зависит от того, насколько профессиональным будет его управление.

Государство должно четко определиться, сколько мы должны сберечь, а сколько оставлять в бюджете. Важно предусмотреть различные варианты динамики пополнения Фонда в зависимости от сценариев экономического развития и ситуации на мировых рынках.

Надо думать и о более тесной координации денежно-кредитной политики, фискальной и управления доходов от сырьевого сектора в целях повышения конкурентоспособности экономики и избежания «голландской болезни». Определенные шаги в этом направлении уже сделаны.

Так, с 2005 года Национальный фонд выступает как неотъемлемая часть бюджетной системы. Это дает ясную картину и для Нацфонда, и для бюджета. Кроме того, разрабатывается четкий механизм определения гарантированного трансферта из Нацфонда в бюджет на среднесрочную и, возможно, на долгосрочную перспективу.

Вообще, тема Национального фонда, в частности, и доходов от экспорта нефти, в целом – одна из любимейших как для наших журналистов, так и для многих других. Сегодня основные доходы мы получаем от реализации цветных металлов, меди, экспорта свинца, цинка, золота, алюминия, ферросплавов, на экспорт идут минеральные удобрения,

5-6 млн. тонн зерна в год. Казахстан – это не только нефть, газ, уголь. Видимо, нам нужно еще самим понять это, прежде чем пытаться доказать это всему миру.

За всеми этими деньгами строго следят Казначейство и Министерство финансов Казахстана. Все эти деньги, в том числе и нефтяные, поступают в бюджет. Штатное поступление в бюджет от нефти сегодня составляет лишь 26 процентов общего объема. И сейчас эти суммы – лишь начало, а настоящие объемы – только впереди.

Итак, куда идут эти деньги? Во-первых, они идут в бюджет, который, например, в этом году составляет 14,5 млрд. долларов США, то есть 1,5 триллиона. Понимаете, ведь мы магическую цифру перешли – триллион! Во-вторых, в Национальный фонд будущих поколений, их стабилизационный фонд, куда откладывается 10 млрд. долларов США.

Так что каждая копейка на счету. Мы каждый год публикуем в печати, что и куда идет. То есть все это дело транспарентно и открыто. Что касается нефти, если посчитать налоги, которые платят иностранные разработчики наших ресурсов, социальные налоги, налоги корпоративные, я имею в виду плату за недра, за экологию, за труд, то получается, что более 70 процентов всех доходов этих нефтяных компаний поступает в казну Казахстана. Когда я говорю о том, что мы достигнем роста внутреннего валового продукта в 3,5 раза, когда я говорю, что мы хотим увеличить ВВП на душу населения до 5800, а дальше до 9000 долларов, то я рассчитываю, в том числе, как раз на развитие этих отраслей в экономике.

Мы сейчас откладываем в фонд и деньги от приватизации. Но есть часть, которая идет на развитие сельского хозяйства (1150 млн. тенге), в жилищное строительство, индустриальную программу. Мы капитализировали все наши институты развития и банк развития, и фонд развития и так далее, и так далее.

Нефтяные деньги можно тратить, зарабатывая «голландскую болезнь», «перегрев» экономики и все прочие проблемы, которыми нас сейчас пугают, а можно, вопреки этим прогнозам, использовать их: бросить на укрепление экономики, на поддержку и развитие приоритетных для страны вещей. Может случиться так, что этот период высоких цен на нефть станет для Казахстана шансом подтянуться и накопить силы перед вступлением в жесткую борьбу за «место под солнцем» в мировой экономике и в мире, в целом. Сейчас это наше преимущество, но мы не должны уповать на нефтедоллары. Воспринимайте это время как стартовый период, как передышку, которую, возможно, нам дала История. К чему нам готовиться? К нашему будущему. К жесткой конкуренции. К вызовам внешнего мира. Я верю, что с этих 15 лет казахстанский путь только начался. Самое трудное, как и самое прекрасное, еще только впереди.

Мы начали с пустой казны государства, а теперь говорим о наших резервах. Аллаға шүкір! (Слава Всевышнему!)

Я выше говорил, что для ввода тенге мы не имели даже 500 млн. долларов США золотовалютных резервов. Теперь мы имеем валютных запасов около 25 млрд. долларов США.

ПРИЗНАНИЕ – ВЫСШАЯ ПОХВАЛА

Показателем высокой оценки экономического развития Казахстана со стороны международного сообщества является получение привлекательного инвестиционного рейтинга. Казахстан первым среди стран СНГ получил рейтинг инвестиционного уровня от трех таких всемирно известных агентств, как «Moody's», «Standart & Poors» и «Fitch Ratings Ltd». Большим достижением стало недавнее изменение прогноза по рейтингам со «Стабильного», каковым он являлся с 1996

года, на «Позитивный», по версии самого авторитетного агентства «Standart & Poors»:

История присвоения рейтинга:

Июнь 2006 г.: прогноз по рейтингам изменен со «Стабильного» на «Позитивный».

Май 2004 г.: долгосрочные рейтинги по обязательствам в национальной и иностранной валюте повышены до «BBB» и «BBB-» соответственно; краткосрочный рейтинг по обязательствам в иностранной валюте повышен до «А-3»; прогноз – «Стабильный».

Май 2003 г.: долгосрочные рейтинги по обязательствам в национальной и иностранной валюте повышены до «BBB-» и «BB+» соответственно; краткосрочный рейтинг по обязательствам в национальной валюте повышен до «А-3»; прогноз – «Стабильный».

Май 2001 г.: долгосрочные рейтинги по обязательствам в национальной и иностранной валюте повышены до «BB+» и «BB» соответственно.

Июль 2000 г.: долгосрочные рейтинги по обязательствам в национальной и иностранной валюте повышены до «BB» и «BB-» соответственно.

Сентябрь 1998 г.: долгосрочные рейтинги по обязательствам в национальной и иностранной валюте понижены до «BB-» и «B+» соответственно.

Ноябрь 1996 г.: присвоены рейтинги по обязательствам в национальной валюте «BB+/B» и по обязательствам в иностранной валюте «BB-/B»; прогноз – «Стабильный».

«Standart & Poor's»:

**«Республика Казахстан – кредитный рейтинг»,
дата публикации: 11-07-2006 MSK**

Среди других многочисленных позитивных оценок казахстанской экономики можно привести оценку, дан-

ную в декабре 2002 года консультантами миссии МВФ. В их оценке было сказано, что «в последние годы Казахстан достиг значительных успехов в стабилизации экономики и имеет чрезвычайно благоприятные перспективы на средне- и долгосрочный период и в ресурсах МВФ не нуждается».

«Как говорилось в декабре 2002 года, постоянное представительство МВФ в Казахстане закроется в августе 2003 года. Это решение принято как следствие впечатляющих достижений в стабилизации экономики, чрезвычайно благоприятных средне- и долгосрочных перспектив экономики Казахстана и весьма слабой вероятности того, что у страны возникнет потребность в использовании ресурсов Фонда в будущем».

**Из заключительного заявления МВФ
для РК по Консультации в соответствии
со Статьей IV, 10 марта 2003 года**

Вспоминая пройденный путь становления отечественной финансовой системы, я еще раз убеждаюсь в том, что мы действовали правильно, шли своим, казахстанским путем развития. Об этом говорит многое. Это и соответствие финансовой системы международным стандартам, что подтверждает ее признание мировым сообществом. Это и совместная работа ведущих финансовых учреждений с мировым именем с нашими банками и компаниями. Это и начавшаяся «экспансия» казахстанских компаний на просторах СНГ. Именно благодаря партнерству государства с финансовым сектором мы вовремя выявляли проблемы и способствовали их скорейшему решению.

Сейчас молодые казахстанские менеджеры нового формата становятся узнаваемыми в системе мировых финансов. Многих из этих руководителей я знаю лично, многим мы

помогали стать на ноги или, как говорят, «дали путевку в жизнь». Не просто проходило становление банков второго уровня. Старое продолжало работать, хозяйствующие субъекты, как частные, так и государственные предприятия, а также местные бюджеты брали кредиты, и, пользуясь слабостью законов, не возвращали деньги банкам. Иногда это грозило серьезными проблемами для банков. Так, мне лично приходилось помогать «Казкоммерцбанку», «Народному банку», банку «ТуранАлем» возвращать такие кредиты. Время было такое. Они нуждались в моей личной поддержке.

Отчасти развитию банковской системы, соответствующей западным стандартам, способствовало то, что в начале 90-х годов практически все они постоянно сопровождали меня во всех зарубежных визитах. В ходе этих визитов они знакомились с «акулами мирового бизнеса», набирались опыта у ведущих мировых банков и компаний, внедряли передовые западные наработки в своей деятельности, перенимали принципы финансовой деятельности. Сейчас казахстанские банки имеют самые высокие рейтинги на территории СНГ.

Самое главное то, что сформированная банковская система является одной из самых высокоразвитых систем на территории бывшего Союза.

Проводимая Национальным банком самостоятельная денежно-кредитная политика учитывала экономические реалии тех лет и была адекватна им. Одно из самых существенных достижений этой политики – победа над гиперинфляцией и создание условий для поэтапного роста экономики страны.

Благодаря реформам и поддержке государства наши казахстанские бизнесмены и граждане получили возможность пользоваться всем спектром банковских и финансовых услуг, как говорится, не выходя из дома.

В Казахстане уже работают представители финансовых учреждений с мировым именем. Должен отметить, что наши отечественные коммерческие банки практически уже освоили наиболее ценное, накопленное в мировом финансовом секторе, и на равных конкурируют с ними. Более того, отечественный капитал выходит за границу, открывая свои филиалы и осваивая внешние рынки. В то же время необходимо насытить наш рынок новыми инструментами. Речь идет, в первую очередь, о проектных облигациях. Для их выпуска будут отобраны несколько значимых для экономики страны инвестиционных проектов. Для этого подошли бы инфраструктурные проекты по строительству железных и автомобильных дорог, вокзалов и морских портов. Вывод на фондовую биржу новых инвестиционных проектов совместно с государственными институтами развития позволит решить проблему финансирования вновь создаваемых производств, даст импульс реализации Стратегии индустриально-инновационного развития.

Все это позволяет перейти к структурной диверсификации экономики с целью повышения конкурентоспособности и занятия достойного места в мировом разделении труда, а также к дальнейшему развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Меры, предпринимаемые нами в этом направлении, вызывают неизбежный интерес других государств. К нам приезжают гости из многих стран, которые активно интересуются нашим опытом. В ходе моих визитов представители этих стран часто спрашивают об этом. Примечательно и то, что, когда я встречаюсь с представителями деловых кругов, политиками других стран, молодежью, обучающейся в ведущих учебных заведениях мира, все они выражают восхищение развитием нашей финансовой системы. И у многих в глазах стоит только один вопрос: «Как страна, которая

только недавно была на периферии мира, смогла добиться таких успехов? Как получилось, что теперь казахстанские компании тесно сотрудничают с нашими, и они являются их стратегическими партнерами?»

Я думаю, что все это было достигнуто благодаря проводимым нами реформам, в том числе и финансового сектора, а также еще раз хочу подчеркнуть значение человеческого фактора, о котором я говорил ранее. Конечно, невозможно раскрыть, как я уже говорил об этом в начале главы, все особенности развития нашей финансовой системы в одной главе, это лишь краткая история ее становления.

Теперь мы пожинаем плоды этих усилий. В Казахстане в основном завершены институциональные преобразования, направленные на построение рыночной экономики. Последние годы наша страна устойчиво держит высокие темпы экономического роста. И во многом успехи экономического развития обусловлены развитой финансовой системой Казахстана. В стране функционируют финансовые рынки с развитой инфраструктурой и пенсионная система. И я горжусь ею. Но нам нельзя ограничиваться достигнутым. У нас, и я в это верю, впереди большие перспективы.

Я всегда защищал и всемерно поддерживал банковский сектор. В свое время мы направили все усилия на развития этого сегмента, что позволило получить экономике Казахстана надежный источник финансирования. Были проведены коренные преобразования и оперативно приняты необходимые законы. Мы обеспечили благоприятные условия для его становления, в том числе путем введения прямых стимулирующих мер, особенно в части льготного налогообложения. Теперь же, когда банковский сектор крепко встал на ноги, я думаю, будет справедливым требовать от него такой же помощи в дальнейшем обеспечении развития экономики страны. Я имею в виду понятие «социальная ответственность»

бизнеса. Это понятие означает, что организация должна действовать в интересах общества, ресурсами которого она пользуется.

Я считаю, что данный принцип необходимо внедрять в деятельность и наших компаний. Расширение сферы ответственности бизнеса становится таким же неизбежным процессом, как расширение сферы влияния этого бизнеса. Каждый бизнесмен нашей страны, являющийся в первую очередь ее гражданином, должен способствовать экономическому процветанию страны в целом.

Сегодня идет процесс создания в Алматы финансового центра. Это важный и сложный проект. Он должен привлечь крупные банковские институты мира. Законы приняты, преференции предусмотрены, теперь дело за нашими кадрами, призванными решить этот вопрос. Надеюсь, они будут стараться и добьются успеха.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА

27 февраля 1994 года Акмола принимала все аграрное руководство республики и председателей колхозов со всего Казахстана на республиканское аграрное совещание, посвященное 40-летию освоения целинных и залежных земель. Праздничное совещание постепенно переросло в серьезный разговор о будущем сельского хозяйства Казахстана, состояние которого было близко к катастрофическому.

Подходил к концу третий год нашей независимости. Общество постепенно отходило от последствий «шоковой терапии», приспособлявая свою жизнь к новым экономическим условиям. Но если в городах личная инициатива граждан стала катализатором бурного развития малого и среднего бизнеса, то на селе сложилась совсем иная ситуация. В аграрном секторе экономические реформы явно буксовали.

Меня больше всего тревожили настроения наших сельчан, по старой памяти ожидавших решения сверху. Так уж повелось, что сельскому хозяйству в нашей стране всегда уделялось повышенное внимание. Это отражалось во многом: от развертывания всесоюзных кампаний по освоению целины до именования Казахстана «житницей страны» Советов, а, следовательно, на протяжении всего советского периода государством постоянно осуществлялись значительные финансовые вливания в развитие и поддержку сельского хозяйства. Но развал централизованной плановой экономики привел к прекращению притока капитала в сельскую экономику. И как результат сократились объемы производства, понизился жизненный уровень сельского населения, усилилась социальная напряженность на селе.

И все-таки, несмотря на бушующий кризис и ухудшающееся положение на селе, тогда, в 90-е годы, в регионах сельскохозяйственные производители по-прежнему ожидали восстановления былой поддержки со стороны государства и надеялись на внешнее решение всех своих экономических

проблем. Но самое интересное, что это ожидание особого отношения пережило все пятнадцать лет независимости и сохранилось у наших сельхозпроизводителей до сих пор. Самый яркий пример – ежегодные требования к снижению государством цен на горюче-смазочные материалы во время посевной страды и уборки урожая. И именно государством, тогда как производители ГСМ уже давно стали частными компаниями с такими же издержками и стремлением к получению прибыли.

Именно это заставило нас четко определить отношение государства к сельскому хозяйству. Понимая, что мне придется сказать многие неприятные вещи, я все-таки начал разъяснять ситуацию. Суть сказанного мною тогда сводилась к следующему.

С распадом Советского Союза изменилась политическая и экономическая ситуация в Казахстане. Государство больше не в состоянии было субсидировать сельское хозяйство в прежних объемах, к тому же новые рыночные отношения требовали коренного преобразования агропромышленного комплекса, в первую очередь, создания такого экономического механизма, который, с одной стороны, стимулировал бы эффективную работу сельхозформирований, а с другой – привел бы к отказу от старых производственных отношений. Я дал понять, что государство будет сокращать свое присутствие в сельском хозяйстве, делая ставку на личную инициативу сельчан, активизацию фермерских хозяйств, что рано или поздно привело бы к расформированию колхозов и совхозов и возможности введения частной собственности. Я вспоминаю, что сказал тогда присутствующим, что колхозов и совхозов вскоре не будет, 99% отнеслись к этому как к хорошей шутке.

Своеобразная ирония нашей истории была в том, что я озвучил эти идеи на совещании, посвященном 40-летию

освоения целинных и залежных земель. Все мы понимаем, какое огромное значение сыграла целина в развитии сельского хозяйства Казахстана, да и в целом в развитии всей страны. Было бы просто глупо оспаривать этот факт, но все же не все было так гладко и замечательно, как представлялось советским руководством.

«Если попытаться проанализировать плюсы и минусы экономики целины с сегодняшних рыночных позиций, то выявится не совсем приглядная картина, и я не могу сегодня об этом не сказать. Достаточно вспомнить, что 10 лет из ее 40-летней истории были абсолютно засушливыми. Казахстан сам нередко был вынужден закупать со стороны зерно и фураж. В отдельные годы такие закупки достигали более 2 млн. тонн. Долги села гасились государством в течение этих 40 лет каждый год. Постоянно убыточными в последние пятилетки были порядка 350 хозяйств, т.е. каждое пятое. Действовал единственный принцип – хлеб любой ценой и любого качества. Лишь в 1992 году была максимальная средняя урожайность, составившая 14,8 ц/га. И только 13 лет из 40 этот показатель превышал 10 ц. Ни одна страна мира не имеет такого уровня затрат на свое сельское хозяйство. Оно обанкротилось бы давно. <...>

Мы ясно отдаем себе отчет в том, что наш агропромышленный комплекс сейчас испытывает труднейшие времена. Они стали результатом как просчетов в стратегии и тактике целины, так и объективного развития процессов преобразования в экономике. И, конечно же, мы будем постоянно искать и находить выходы из кризисных ситуаций, всемерно помогать сельским товаропроизводителям, но только тем, которые работают рентабельно и могут вернуть вложенные государством средства. У государства

нет возможности, да и желания, держать постоянно на шее убыточные предприятия.

**Из выступления на торжественном собрании
представителей общественности и работников
агропромышленного комплекса республики,
1994 год**

1994–1996 годы были самым кризисным периодом в сельском хозяйстве, основной причиной которого стал так называемый диспаритет цен. Государством были «отпущены» (либерализованы) цены на энергоносители, промышленные товары и другие услуги. Цены же на сельскохозяйственную продукцию все еще сдерживались государством для недопущения резкого скачка цен на основные продукты питания. В этих условиях хозяйства были вынуждены приобретать оборотные средства производства уже по рыночным ценам, тогда как свою продукцию сдавали государству еще по фиксированной государственной цене. Повсеместно процветал бартер. Возможность же реализовывать свою продукцию на внешнем рынке имели лишь немногие производители, при этом в большинстве случаев подобная реализация подразумевала наличие одного или нескольких посредников.

Многочисленные встречи с активными фермерами, которые, несмотря на все трудности, пытались самостоятельно работать по рыночным правилам, убедили меня в том, что назрела необходимость проведения аграрной реформы, соответствующей новым экономическим условиям. Формирование новых отношений в аграрном секторе экономики, а также усилившаяся тенденция нерационального использования земли поставили вопрос о необходимости определения статуса собственности на землю и формирования новых земельных отношений. Иначе говоря, нельзя создать дейст-

венный рыночный механизм без определения реального собственника – того, кто должен стать основным экономическим агентом, принимающим решения и берущим на себя ответственность. И прежде всего это касалось земли как основного средства производства в сельском хозяйстве.

Но в первые годы реформы не было единогласного мнения о необходимости введения права частной собственности на землю. Более того, большая часть населения принципиально отрицала правомерность передачи государственной собственности на землю в частные руки. Такое отношение большинства казахстанцев к формированию в республике института частной собственности на землю объяснялось, главным образом, низким уровнем адаптации сельского населения к новым рыночным отношениям. Люди просто еще не начали жить и, самое главное, думать по-новому.

Немаловажное значение сыграл также и исторический фактор. В истории Казахстана превалировало общинное (родовое) землепользование, практически полностью исключавшее частную собственность на землю. Каждый род кочевал в пределах своих земель, и границы кочевий не могли быть изменены кем-либо единолично. Позже административные реформы 1867–1868 годов, проводимые царской Россией в Казахстане, закрепили положение, согласно которому земля находилась в собственности государства, при этом допускалась передача ее в пользование аульным общинам. Впоследствии, именно на основании этих законодательных актов, царское правительство распорядилось всей землей в Казахстане. Так, например, Букеевской орде была выделена земля в междуречье Волги и Урала, за казачьими сообществами были закреплены одни из самых лучших территорий. То есть практически никогда у нас не было частной собственности на землю в полном смысле этого понятия. Наша земля всегда была либо собственностью рода, либо

государства – царской России, Советского Союза и, наконец, Республики Казахстан.

Помимо такого исторического фона, земельная реформа в Казахстане имела и ряд прочих особенностей. Прежде всего, из-за сложности вопроса о введении частной собственности на землю и отсутствия единого общественного мнения на этот счет реформирование сельского хозяйства затянулось, пожалуй, на все прошедшие годы, вплоть до настоящего момента. Люди не были готовы к передаче земли в частные руки, а без этого о каком-либо однозначном и основополагающем реформировании всего сельского хозяйства не могло быть и речи. Потому, в отличие от всех прочих сфер реформирования, где сроки нас подгоняли, а кое-когда и бежали впереди, мы не ограничивали реформу в сельском хозяйстве подобными «горящими сроками».

Признавая, что сельское хозяйство не могло функционировать без государственной поддержки, мы, вопреки общему, объявленному в те годы курсу на приватизацию и построение рыночной экономики, все же откладывали решение вопроса о частной собственности на землю, ограничиваясь полумерами и переходными моделями. Хотя все проблемы, встававшие перед нами, например, в промышленности, оставались актуальными и в сельском хозяйстве. Повсеместные хищения и разбазаривание государственного имущества, плюс ко всему резкое снижение производства продуктов питания приводили к плачевному состоянию аграрного и продовольственного сектора по всей стране. В памяти старшего поколения остались пустые прилавки, дефицит продуктов питания и т. д.

И все-таки, нам нельзя было торопиться. Успех реформы сельского хозяйства был важнее сроков ее исполнения. Для нашей республики, где сельчане составляют более 40% населения страны, реформы в аграрном секторе имели не

только экономическую, но и социальную направленность. Ведь за всеми гектарами, удоями и привесами стояли не только совхозы и колхозы, а прежде всего сельские жители, которые были наименее готовы к рыночным реформам и, следовательно, наиболее уязвимы в социальном плане.

Перед нами стояла дилемма: село очень нуждалось в государственной поддержке, но, опираясь на государственные дотации, наше сельское хозяйство никогда не смогло бы стать конкурентоспособным. Отталкиваясь от такого рода рассуждений, необходимо было выбрать путь развития, при котором были бы учтены обе составляющие.

А пока сельчане оставались за бортом рыночных преобразований. При этом необходимость коренных рыночных преобразований на селе становилась все более очевидной. Хотя исторический опыт зарубежных стран показывает, что успешное экономическое развитие многих стран начиналось с развития аграрного сектора и проведения земельной реформы. По этому пути прошли страны Западной Европы, Северной Америки и Австралия. Что касается более близкого нам примера стран Восточной Европы, в Венгрии основная часть земель была передана в частное владение с 1989 года. В том же году право частного владения землей было законодательно закреплено в Польше. В 1990 году в Румынии была принята Программа аграрного реформирования, нацеленная на создание широкого слоя эффективных земельных собственников, обладающих правом свободного распоряжения и использования земли, выбора форм хозяйствования. Законодательно закреплялось право купли-продажи земли. Чешская республика также ввела институт частной собственности на землю после 1989 года.

Все эти земельные реформы были успешны и стали импульсом к развитию экономик названных стран. Но справедливости ради следует заметить, что практически во всех

восточноевропейских странах частная собственность на землю существовала в ограниченной форме и во времена социалистического правления. А сам институт частного землевладения существовал здесь задолго до образования Советского Союза. В Казахстане же, как в одной из союзных республик, земля находилась в исключительной собственности государства. К тому же наше сельское хозяйство отличалось чисто советским размахом и несбалансированностью. То есть модель этих стран, несмотря на близкие исходные ситуации, нам не подходила.

Да и в целом Казахстан – это не Эстония, не Чехия, где исторически развивалось так называемое хуторское земледелие. По своим природно-климатическим условиям Казахстан находится в зоне неустойчивого рискованного земледелия. Здесь часто бывают засухи, весенние заморозки, что отрицательно сказывается на урожайности агротехнических культур. Многие эксперты и ученые говорят, что в Казахстане по этим причинам в принципе возможны только коллективные формы труда и обработки земли. И, следовательно, частная собственность на землю теряет свой изначальный смысл определения собственника земли.

Я не могу сказать, что полностью не согласен или полностью согласен с такой позицией. Единственное, что я хочу сказать, что даже коллективные формы труда должны основываться на четком понимании, кто что делает и кому что принадлежит. Основной недостаток коллективизма, которым по сей день грешат многие бывшие совхозы и колхозы, – отсутствие персонифицированной ответственности, когда виноваты все, кроме нас. Кто должен принимать решения? Кто должен нести ответственность? Собственник земли, потому что земля – это первооснова всего. И даже когда появляется один активный фермер, который стремится к чему-то и может организовать всех остальных, народ по старой памяти пере-

кладывает на него все заботы, всю ответственность и ждет, чем все закончится. Пора понять, что, если вас обманули, это значит, что вы сами позволили себя обмануть.

Но тогда какое же сельское хозяйство нужно было нам? Сельское хозяйство, существующее лишь на одни дотации государственного бюджета и исполняющее сугубо социальную функцию? Или же сельское хозяйство, функционирующее только по строгим и подчас жестоким законам рыночной экономики, по которым выживает наиболее конкурентоспособный?

Задаваясь этими вопросами, мы пришли к выводу, что ни первый, ни второй вариант в чистом виде не подходит нашей стране. В тот период было необходимо, основываясь на имеющемся собственном историческом опыте, а также на опыте зарубежных стран, создавать что-то свое, некий симбиоз. Результатом такой комбинации должно стать серьезно развитое, конкурентоспособное на внешних рынках сельское хозяйство с одновременной государственной поддержкой экономических реформ и социальной сферы сельских регионов.

То есть мы не отказывались от государственной поддержки села. Просто она должна быть сфокусирована на инвестировании в социальную сферу села: образование, здравоохранение, досуг сельчан, а также на благоустройстве сел и их инфраструктуры. Ведь согласитесь, ни одному самому успешному фермеру не под силу решить проблему питьевой воды или прокладки новых трасс и дорог в одиночку. А сами сельхозпроизводители должны быть возведены в ранг самостоятельных экономических агентов, решающих свои проблемы, получающих свою прибыль и так далее. Сельское хозяйство – такая же отрасль экономики как промышленность, транспорт и энергетика. Есть свой товар, есть своя специфика, есть и свои преимущества, а значит,

есть возможность быть конкурентоспособным и успешным. На достижение данной цели и были направлены все этапы реформирования аграрного сектора экономики. Не имея опыта системного реформирования экономики, мы шли шаг за шагом в этом деле, зачастую путем проб и ошибок.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ, 1991–1994 ГОДЫ

Я всегда говорил в своих многочисленных выступлениях и буду говорить впредь о том, что частная собственность на землю – это одно из обязательных условий функционирования рыночной экономики. Собственность имеет принципиальное значение, поскольку она приносит стабильность и уверенность. Общество, в котором есть сомнение по поводу того, кому и что принадлежит, не может рассчитывать на продолжительное успешное развитие. Более того, частная собственность прививает чувство хозяина и является гарантией для инвестиций частного бизнеса.

С другой стороны, введение частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения в 1991–1994 годах в условиях неготовности большинства сельского населения к распоряжению собственной землей могло иметь и негативные последствия. Ведь для того, чтобы умело распоряжаться своим имуществом, необходимо знать его истинную ценность, и нужно просто уметь делать это.

Мы не могли сразу перейти непосредственно к введению частной собственности на землю. На начальном этапе земельной реформы отсутствовали стабильные экономические отношения в сельском хозяйстве, резко упала прибыльность сельскохозяйственного производства, а также отсутствовала объективная оценка земли. Все это могло подтолкнуть сельчан к необдуманным решениям о продаже своих земельных

участков, о которых позже, возможно, многие пожалели бы. В итоге такая реформа привела бы к еще большему кризису, и прежде всего – к социальному.

Подготавливая реформу, мы, естественно, пришли к тому, что советский Земельный кодекс не удовлетворял потребности общества в земельных отношениях. Принятый в июне 1991 года Закон «О земельной реформе» был призван создать правовые и экономические условия для эффективного функционирования различных форм хозяйствования на земле. Вместе с тем этот закон не вводил институт частной собственности. Он, скорее, создавал условия по преодолению кризисной ситуации в аграрном секторе. Все понимали, что данный закон носит переходный характер. Земельные отношения в сельском хозяйстве по-прежнему строились на аренде земли у государства.

Основными направлениями данного Закона было создание специального земельного фонда с целью последующего его перераспределения для более эффективного использования земель, установление границ сельских населенных пунктов, оформление и переоформление документов на право пользования земельным участком.

Если в сельскохозяйственном производстве изменение формы собственности шло от государственной к коллективной, а затем – к персонифицированной, частной, то в других сферах АПК (сервисных, перерабатывающих, снабженческих и др.) этот процесс шел через создание крупных государственных акционерных компаний (ГАКов), которые в последующем перешли в частное владение. Таким образом, изменения формы собственности шли поэтапно: от менее эффективной к более эффективной.

Подобную этапность имеет и динамика земельной реформы. Для земель сельскохозяйственного назначения она начиналась с раздачи жителям села права на условную зе-

мельную долю и завершилась введением частной собственности, зафиксированной в Земельном кодексе 2003 года.

Принятые в начале 90-х годов базовые законодательные и нормативные правовые акты позволили начать широко-масштабную работу по разгосударствлению и приватизации в сельском хозяйстве. Так, параллельно с реформой в агро-промышленном секторе была принята Национальная программа по разгосударствлению и приватизации. На первом этапе приватизация государственных сельскохозяйственных предприятий осуществлялась путем преобразования их в коллективные предприятия. Таким способом по республике было приватизировано 472 совхоза. Приватизация имущества государственных сельскохозяйственных предприятий осуществлялась путем наделения имущественными паями членов трудовых коллективов, которые подтверждались свидетельствами. Следует отметить, что с целью сохранения целостности стабильно работающих крупных совхозов их первые руководители, имеющие 20-летний стаж руководящей работы, были наделены 10% имущественного пая данного хозяйства и еще 10% им были переданы в управление сроком на 5 лет. В случае достижения положительных результатов в хозяйственной деятельности через пять лет эта часть имущественного пая передавалась им в собственность.

Как бы ни был важен вопрос сохранения производственной базы государственных сельскохозяйственных предприятий, но основополагающей была все-таки земля. Кому должны были достаться земли приватизируемых колхозов и совхозов, кто действительно сможет позаботиться о сохранении качества земли и сохранении ее плодородия, каким образом должна происходить передача земли? Этот важный вопрос не давал мне покоя, я возвращался к нему постоянно. Было ясно, что нужно найти истинного хозяина земли, думающего, рачительного, болеющего за нее душой. И ставка была сделана на сельчан.

Было принято решение наделять условными земельными долями каждого сельского жителя. Размер предоставляемой условной земельной доли определялся из средней земельной, которая устанавливалась трудовым коллективом каждого конкретного хозяйства и утверждалась районным исполнительным органом. При определении средней земельной доли учитывались все сельскохозяйственные угодья хозяйства за вычетом площадей, подлежащих включению в черту населенных пунктов и в специальный земельный фонд районного исполнительного органа.

На втором этапе приватизации (1993–1995 годы) по республике в целом были приватизированы 1490 государственных сельскохозяйственных предприятий. Владельцы условных земельных долей и имущественных паев имели право путем добровольного их объединения создавать малые предприятия, сельскохозяйственные производственные кооперативы, крестьянские хозяйства и их объединения, основывающиеся на частной собственности на имущество с правами юридического лица.

Эти меры создавали условия для добровольного и свободного выбора членами сельскохозяйственных организаций форм хозяйствования на земле. Работы по определению размеров условных земельных долей работников всех сельскохозяйственных предприятий были проведены в 1993–1994 годах. Начиная с 1995 года осуществлялось оформление и выдача свидетельств о праве на условную земельную долю работникам реформируемых и реорганизуемых хозяйств.

Вместе с этим сложилась парадоксальная ситуация. Приватизация имущества сельскохозяйственных предприятий логически подразумевала и изменение собственника земли. Но в то же время Конституция 1993 года исходила из принципа исключительности права государственной собственности на землю и не давала возможности передать эти участки хозяевам приватизированных объектов.

То есть, с одной стороны, получалось так, что мы начали реформирование на селе, добились определенных результатов по приватизации госимущества. Но дальнейшее эффективное использование этого имущества, осуществление инвестиций на его модернизацию наталкивалось на сомнения инвесторов, связанные с нерешенностью земельного вопроса. Какой смысл в приобретении тракторов и сеялок, если нет земли, где можно пахать и сеять? Плюс ко всему, эти меры все-таки не спасли наше обширное и когда-то развитое сельское хозяйство. Оно разваливалось на наших глазах и не может до конца оправиться от этого до сих пор.

В заключение следует отметить, что в 1992 году Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций по поручению Комиссии европейских обществ (КЕС) проводила исследования продовольственной ситуации в странах бывшего Советского Союза. Проанализировав полученные результаты, Комиссия отметила общий недостаток в работе организаций, отвечающих за оценку продовольственной ситуации в этих странах. Этот недостаток заключался в отсутствии реального продуктового баланса. Он разрабатывался не от урожая до урожая, как это делается во всем мире, а на календарной основе – с января по январь. Такое несоответствие приводило к тому, что в Казахстане, как и в других республиках бывшего Союза, не знали, сколько и какое продовольствие можно продать на сторону, и какую его часть нужно завозить в страну извне.

Анализируя продовольственную ситуацию в регионе, Комиссия отметила, что Казахстан отличается от других стран Центральной Азии наиболее устойчивым положением по обеспечению населения продуктами питания. Республика была единственной из стран СНГ, которая на момент проверки имела избытки продовольствия, и в первую очередь зерна.

Несмотря на весь скопившийся негатив, мы стали ощущать под ногами пока еще зыбкую, но все же четко очерченную дорогу для дальнейшего строительства и реформирования сельского хозяйства. «Переходный» Закон «О земельной реформе» 1991 года позволил решить на время проблему отношений собственности на селе. Приватизация госимущества позволила запустить процессы формирования первых фермерских и крестьянских хозяйств. Но эти результаты не остановили деградации сельского хозяйства полностью и не могли оставаться залогом долгосрочного развития села. Время и логика событий требовали дальнейших преобразований.

ВТОРОЙ ЭТАП ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ И ПЕРИОД БАНКРОТСТВА, 1994–2001 ГОДЫ

Началом второго этапа земельных реформ можно назвать подписание в 1994 году двух Указов Президента, имеющих силу закона, по вопросам совершенствования земельных отношений (от 24.01.94 г. и от 05.04.94 г.), в соответствии с которыми право землепользования стало предметом гражданско-правовых сделок. Данные Указы также были своего рода переходными актами и сохраняли право исключительной государственной собственности на землю. Но во исполнение этих Указов был утвержден порядок купли-продажи права владения земельным участком, пользования и аренды земли. Мы еще не могли шокировать население введением частной собственности на землю, поэтому собственность на землю была заменена собственностью на право владения ею. Практически с этого момента началось формирование первых признаков земельного рынка и частного землевладения. Появилась возможность приобретения на платной основе права частного землевладения, которое фактически мало чем отличалось от права частной собственности на землю.

Собственники приватизируемых объектов стали приобретать право на землю и свободно распоряжаться ею без какого-либо разрешения со стороны государства. Впервые в истории земельного законодательства среди стран СНГ появился новый институт – институт распоряжения земельными правами. В гражданский оборот были включены не сами земельные участки, а право пожизненного наследуемого владения, право пользования и право аренды земли. Тогда на все эти юридические нововведения общественное мнение отреагировало довольно сдержанно, высказывались мнения, что это фактически купля-продажа земли, и мы нарушаем конституционные нормы.

Оглядываясь на прошедшее, мы видим, что значимость этих правовых актов была очень важна. Ведь именно тогда начался поворот земельного законодательства к рыночной экономике, именно после их принятия появились первые признаки земельного рынка, началось формирование рыночной стоимости земли.

Я неоднократно отмечал, что определение статуса собственности на землю предполагает учет не только экономической эффективности, но и соблюдение традиций, интересов казахстанского народа, судеб людей и высокую степень ответственности перед будущими поколениями. Поэтому для принятия окончательного решения необходимо было выслушать мнение и интересы общества по всему спектру.

Идеи о введении частной собственности на землю в Казахстане высказывались практически с первых дней независимости. Но законодательно закреплять право частной собственности на землю в первые годы реформирования было невозможно по ряду причин.

Как я уже отмечал, ключевой целью выбора нового хозяина земли являлось повышение эффективности землепользования. В условиях перехода к новым рыночным отно-

шениям на плечи собственника земли ложились серьезные проблемы – самостоятельное ведение производства, успешность которого зависела от умения собственника не только владеть, но и распоряжаться землей. Новые собственники земли должны были быть достаточно подготовленными менеджерами, качественно организующими производственный процесс.

Государство, в свою очередь, для введения частной собственности на землю должно было создать соответствующие институты (службы регистрации земельных собственников, определения цены земельных участков и др.). Принятие окончательного решения о введении частной собственности на землю предполагало наличие тщательно отработанного механизма передачи ее в частные руки, учитывая сложившуюся ситуацию, особенности приватизации и передачи имущества государственных сельскохозяйственных предприятий. Наверное, здесь в полной мере проявила себя старая пословица, гласящая «семь раз отмерь – один раз отрежь». Вполне объективно, что до 1995 года земля находилась исключительно в государственной собственности.

Конституция страны, принятая на всенародном референдуме 1995 года, впервые в нашей истории определила, что в Казахстане земля может быть как в государственной, так и в частной собственности.

«Раздел 1 «Общие положения», Статья 6. 3. Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом».

**Конституция Республики Казахстан.
Принята на общереспубликанском
референдуме 30 августа 1995 г.**

Это положение открывало возможность инициировать законодательные акты, устанавливающие право частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Первоначальный проект Закона по этому вопросу, внесенный в Парламент, не прошел. Он долго обсуждался. Единства не было. Дошло до того, что начали считать, люди какой национальности владеют плодородными землями, а какой – нет. Намек был на целинные земли, где трудились в основном приехавшие из других республик люди. Я тогда настаивать не стал. Но твердо говорил, что я за частную собственность на землю.

В декабре 1995 года я издал Указ «О земле», в котором законодательно были определены новые земельные отношения. Была признана возможной передача в частную собственность граждан и негосударственных юридических лиц республики земельных участков, предназначенных для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства и дачного строительства, а также под застройку производственными и непроизводственными, в том числе жилыми зданиями, сооружениями и их комплексами, включая земли, предназначенные для их обслуживания. Но вместе с тем, согласно данному Указу, не могли находиться в частном владении земли сельскохозяйственного назначения, как и земли оборонного назначения, лесного и водного фондов, особо охраняемые территории, земельные участки с природными комплексами и объектами, имеющими особое экологическое, научное, историко-культурное, рекреационное и лечебно-оздоровительное назначение, общего пользования в населенных пунктах.

Указ носил все еще компромиссный характер, так как его положения закрепляли ограничение введения права частной собственности на сельскохозяйственные земли. В 1995 году, когда сельское хозяйство было крайне нерентабельной от-

раслью экономики (уровень убыточности от реализации сельскохозяйственной продукции составлял 17,9%, от реализации продукции растениеводства – 2,9%, животноводства – 30,7%) и уровень платежеспособного спроса сельчан оставался низким, введение частной собственности могло вызвать проблему с продовольственным обеспечением в республике.

На сессии Ассамблеи народов Казахстана я отметил, что при отсутствии средств у наших граждан, работающих сегодня на землях сельскохозяйственного назначения, запустить массовый процесс ее покупки и перепродажи означало бы ограбить этих людей, обречь их на батраческую долю. Люди, не свыкнувшись с чувством собственника и не осознавая ценности права собственности, попросту продали бы свои участки, соблазненные минутной прибылью. Или же просто не смогли соперничать с капиталом, привлеченным извне. А затем пошли бы работать в качестве наемных работников на тех, кто купил их же землю. Наше общество все еще не было готово к глобальному введению частной собственности на землю.

На третьем этапе приватизации (1996–1997 годы) в республике были приватизированы 162 государственных сельскохозяйственных предприятия. Владельцы имущественных паев и условных земельных долей имели право их продать или сдать в аренду. Но в условиях резкого сокращения государственной поддержки сельское хозяйство продолжало работать по старой схеме, которая была заложена в его основу в годы плановой экономики. Многие работники бывших колхозов и совхозов, получившие бесплатно имущественные паи и права на условную земельную долю, из-за низкой информированности, традиционного консерватизма не осознали сути происходящего и не сумели максимально эффективно распорядиться этой собственностью. Боль-

шинство производственных кооперативов, которые были наспех сформированы бывшими директорами колхозов и совхозов (так называемыми «красными директорами») при содействии местной власти, быстро растеряли свои основные и оборотные средства. Они за бесценок продали принадлежащие им акции перерабатывающих, обслуживающих организаций, что не позволило реализовать идею участия сельских товаропроизводителей в процессе управления ими. Не всегда эффективно распоряжались они и выращенной продукцией. Бывали случаи, когда руководители таких хозяйств продавали зерно по смехотворной цене – 20-30 долларов США за тонну.

Кроме того, в условиях диспаритета цен, расцвета «дикого бартера», сужения рынков сбыта сельскохозяйственной продукции стремительно росла задолженность хозяйств. К началу 1998 года долги отрасли составляли более 120 млрд. тенге. Сельское хозяйство стало крайне непривлекательным для инвесторов.

В конце 90-х годов доля инвестиций в сельскохозяйственном производстве экономики страны опустилась до 0,4 %. Ситуация осложнялась разрушением отлаженной системы сбыта продукции и снабжения сельских товаропроизводителей, которая, в свою очередь, привела к потере крупнейших рынков сбыта зерна, мяса, овощей и другой сельхозпродукции.

Отсутствие системы защиты внутреннего рынка привело к наплыву более дешевой, импортной продукции, вытеснению отечественных товаров, что стало дополнительным фактором спада производства. Сложившееся положение требовало принятия комплекса неотложных мер, которые обеспечивали бы постприватизационную поддержку реформированных хозяйств, создание системы государственной поддержки, способствующей становлению сельского предпринимателя в рыночных условиях.

Вместе с тем история земельного вопроса будет неполной, если мы не остановимся на том, как в 1998 году государство эффективно провело процедуры банкротства многих сельхозпредприятий. В тот момент это было единственно правильным решением. Суть и смысл проводимых работ заключались в освобождении сельхозформирований от накопившихся долгов. Это позволило нам «очистить» сельское хозяйство от безнадежных должников путем проведения процедуры банкротства, что, соответственно, повлекло за собой смену собственников.

В частности, в целях укрепления финансового состояния сельскохозяйственной отрасли с 1998 года в республике начался процесс финансовой реабилитации и санации несостоятельных сельхозформирований путем применения к ним процедур банкротства. Была создана специальная Республиканская межведомственная рабочая группа, которая в соответствии с разработанными Рекомендациями ежелектенно представляла информацию о реализации процесса финансовой санации и реабилитации сельского хозяйства Правительству Республики Казахстан.

Все хозяйства республики были разделены на 3 группы. Первая группа – рентабельно работающие хозяйства, имеющие устойчивые экономические и финансовые показатели. Вторая группа – хозяйства, которые могут стать финансово состоятельными при осуществлении мер финансового оздоровления. И, наконец, третья группа – хозяйства, которые необходимо подвергнуть процедуре банкротства после проведения предбанкротных мероприятий.

Было ясно, что применение процедуры банкротства в ее классической форме могло привести к потере хозяйствами всех своих активов, и сельчане остались бы ни с чем. Поэтому на местах до проведения процедуры банкротства были осуществлены так называемые предбанкротные мероприятия.

Так, в рамках действующего законодательства основные средства производства, составляющие основу производственных и технологических процессов несостоятельного хозяйства, были розданы членам трудового коллектива в счет погашения задолженности по заработной плате, а также основным кредиторам, заинтересованным в ведении сельскохозяйственного производства. Получив основные средства производства, члены трудового коллектива со своими условными земельными долями вышли из несостоятельного хозяйства и совместно с вышеуказанными основными кредиторами создали новый хозяйствующий субъект, не обремененный никакими долгами, и продолжали работать с чистого листа. А несостоятельное хозяйство с оставшимся в основном неликвидным активом и огромными долгами подвергалось банкротству.

При проведении процедуры банкротства несостоятельного хозяйствующего субъекта большая часть кредиторов оставалась неудовлетворенной, соответственно долги автоматически списывались.

За время проведения реформ в аграрном секторе с 1998 по 2001 год банкротами было признано 2284 хозяйства, из них к началу 2001 года 1981 хозяйство (87%) ликвидировано, в том числе 1574 – в судебном порядке, 407 – во внесудебном порядке.

Что же дала нам проведенная процедура банкротства сельскохозяйственных формирований? В первую очередь, избавление хозяйствующих субъектов от накопившихся долгов за кризисный период и период диспаритета цен. Таким образом, многие хозяйства получили возможность начать свою деятельность практически с самого начала, без долгов, не говоря уже о новых предприятиях, созданных на базе ликвидированных банкротов. Так, за период проведения процедуры банкротства (1998–2001 гг.) на базе бывших

приватизированных колхозов и совхозов было создано 35 тысяч крестьянских хозяйств. Основная их часть приходилась на две области: Южно-Казахстанскую и Алматинскую.

Поворот к рыночным отношениям происходил в аграрном секторе медленно. Это было связано как со спецификой самой отрасли, так и с тем, что в сельском хозяйстве страны накопился большой груз проблем. Отсутствие оборотного капитала в сельском хозяйстве тормозило развитие отрасли; освобождение сельскохозяйственных товаропроизводителей от бремени долгов не могло решить все финансовые проблемы. Нужда в оборотных средствах и активах заставляла сельчан обращаться в коммерческие банки для получения кредитов, однако неурегулирование нормативно-правовой базы ипотечного кредитования под залог права на землю, а также неликвидность залогового имущества стали основанием для отказа. При частной собственности на землю экономика приобрела бы давно недостающий механизм ипотечного кредитования, при котором четко определенное право собственности могло стать приемлемым залогом для получения необходимых средств.

Сельское хозяйство в то время остро нуждалось в долгосрочных инвестициях, тогда как временное пользование землей хозяйствующими субъектами, не имеющими фиксированных и защищенных законом границ земель, не могло обеспечить притока капитала в сельскохозяйственный сектор. Кроме этого, значительная роль в определении сроков аренды, заключении, продлении и расторжении договоров принадлежала чиновникам местного уровня.

Такое положение порождало рост теневой торговли административными решениями по отводу земли, ее нелегальному использованию и сокрытию полученных доходов. По оценкам отдельных экспертов, цена административно-го решения на получение в аренду одного гектара земли

сельхозназначения составляла от 6 до 10% полученного урожая.

Все эти негативные моменты стали аргументами в речах противников земельной реформы. Также свои предположения они подтверждали тем, что и после передачи земель в частные руки эффективность землепользования не повысилась. Но утверждать, что введение частного права на землю гарантировано и в кратчайшие сроки обеспечит повышение эффективности землепользования и производительности труда в сельском хозяйстве, было бы неверным, особенно в условиях развития казахстанской экономики, в том числе и сельскохозяйственного сектора.

Кроме того, приводились мнения о неизбежности роста спекулятивных операций с земельными участками, так как законодательное признание права частной собственности на землю может способствовать доступу финансовых спекулянтов к ограниченному активу, цена которого в ближайшей перспективе может значительно вырасти.

Высказывались и ностальгические точки зрения. Сторонники государственной собственности на землю утверждали, что земельные отношения предполагают два экономических результата – предпринимательский доход и ренту. Если предпринимательский доход вполне обоснованно может быть присвоен владельцем земли, то рента должна присваиваться обществом, так как рентный доход не является заслугой владельца земли.

Одновременно с этим некоторые критики частной собственности на землю придавали вопросу излишнюю политизированность, утверждая, что введение частной собственности на землю в Казахстане противоречит историческим устоям и традициям казахского народа и может привести к социальному взрыву. По их мнению, переделы собственности неизбежны, и они могут стать причиной земельных конфликтов.

Оглядываясь назад, я хотел бы отметить, что были и аргументированные доводы противников частной собственности на землю, с которыми нельзя было не согласиться. В частности, мы соглашались с мнениями о выгодности для государства оставления за собой права собственности на землю и передачи ее в аренду. Передача земель в аренду без купли-продажи, при сохранении государственного владения землей, могла обеспечить ограниченное действие рыночного механизма на селе.

Дальнейшее развитие рыночной экономики и появление новых нюансов в земельных отношениях требовало принятия нового Закона «О земле». Данный закон должен был стать более проработанным с учетом сложившейся ситуации и перспективным для обеспечения полноценного функционирования рыночной экономики. На одной из встреч с парламентариями я вновь высказал суждение о введении частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Это было обоснованное суждение, поскольку и мировой опыт, и наша практика показывают, что состояние дел в сельском хозяйстве во многом зависит от того, в какой мере земельный фактор задействован в рыночных отношениях. Кроме того, действующие законодательные акты уже создали необходимую правовую базу.

Дальнейшие события показали, что аграрный сектор экономики и наше население еще не были готовы к такому переломному решению. Разработанный и представленный в Парламент республики проект Закона «О земле» в июле 1999 года был отозван Правительством в связи с критикой тех положений, речь в которых шла как раз о регламентации введения частной собственности на землю, в том числе и на сельскохозяйственные земли. Разработчики законопроекта допустили ряд серьезных просчетов, так как к работе над проектом не привлекались ученые, работники аграрного

сектора и, главное, не в полной мере учитывались интересы сельчан.

После почти двухлетних дебатов новый Закон «О земле» был принят в январе 2001 года как компромиссный вариант решения этого вопроса. Но оценивать его, как окончательный, не следовало. Тем не менее, закон предоставлял гражданам Казахстана право частной собственности и аренды на землю, что предполагало капитализацию экономических отношений на селе. Думаю, что этим законом был дан серьезный старт формированию класса собственников земли. Успешно развиваясь, эти собственники впоследствии стали главной силой, ратующей за доведение земельных реформ до их логического завершения.

Согласно закону, принятому в январе 2001 года, в республике признавались и равным образом защищались государственная и частная собственность на землю. Так, в частной собственности не могли находиться земли сельскохозяйственного назначения, за исключением земельных участков, предоставленных для ведения личного, домашнего (подсобного) хозяйства, садоводства и дачного строительства. В отношении государственной собственности на сельскохозяйственные земли суть Закона, принятого в январе 2001 года, по сравнению с предыдущими законодательными актами не изменилась. Земля не могла находиться в частной собственности иностранцев и лиц без гражданства, которым не могло принадлежать и право постоянного землепользования.

Земли сельскохозяйственного назначения предоставлялись только в аренду физическим и юридическим лицам республики для товарного сельскохозяйственного производства, защитного лесоразведения, научно-исследовательских, опытных и учебных заведений, ведения подсобного сельского хозяйства, огородничества и животноводства.

Результатом же второго этапа земельной реформы явилась возможность каждого сельчанина самому определять, каким образом распорядиться своей условной земельной долей. Сельские жители стали привыкать к роли собственников земли, которая обязывала их наилучшим образом использовать открывшиеся перед ними новые возможности. И именно этот сдвиг в сознании сельчан стал фактором, позволившим нам сделать наиболее решительный шаг к введению частной собственности на землю – к принятию нового Земельного кодекса Республики Казахстан.

РАЗРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА, 2002–2003 ГОДЫ

К вопросу принятия Земельного кодекса и вместе с ним введения частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения страна пришла не спонтанно, это был долгий эволюционный путь совершенствования земельного законодательства в условиях переходного периода и развития рыночных механизмов в экономике.

Первый и второй этапы земельной реформы были, скорее, временными мерами переходного периода по преодолению разразившегося тогда кризиса в сельском хозяйстве. Основной целью первого этапа реформы было определение статуса хозяйствующих на земле субъектов, упорядочивание их взаимоотношений с государством. В то время и в тех условиях понятие частной собственности на землю, как таковое, было неприемлемо. Первый этап земельной реформы предполагал отход от социалистического земельного законодательства. Всем, кто работал на земле, необходимо было дать ясность касательно их земельных отношений с государством, которое на тот момент обладало исключительным правом собственности на землю.

Основной задачей второго этапа земельной реформы явилось широкое вовлечение аграрного сектора в рыночные отношения, поскольку введение института аренды и права частной собственности на отдельные категории земель давали возможность такого участия. Как известно, проект закона «О земле» 1999 года, подразумевавший введение частной собственности, был отозван Правительством из Парламента. Это было неудачной попыткой убедить парламентариев в необходимости введения института частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Результатом прений между Парламентом и Правительством стало принятие компромиссного варианта Закона «О земле» в январе 2001 года. Но и этот закон не предусматривал введения права частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения.

И первый, и второй этапы земельной реформы, помимо исполнения текущих задач того времени, явились своеобразными подготовительными стадиями перед самым важным событием в земельной реформе страны – введением частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения. За это время в республике уже функционировало более 150 тысяч крестьянских хозяйств. У них в пользовании находилось почти 40% земель сельскохозяйственного назначения, что позволяло избежать концентрации земли в руках у узкого круга людей.

К 2003 году экономика страны не только полностью оправилась от кризиса 90-х годов, но и показывала уже высокие темпы развития. В течение последних лет наблюдался стабильный рост ВВП. Так, только в 2003 году рост ВВП страны составил 109,3%. Общая благоприятная ситуация в экономике республики дала возможность для дополнительного выделения значительных средств на проведение глубинных реформ и поддержку аграрного сектора. Однако поддержка

не должна была быть, как это было в период централизованной экономики, тотальной. Поддержка аграрного сектора должна была стать селективной.

По моему поручению была разработана «Государственная агропродовольственная программа на 2003–2005 годы», которая определяла стратегические направления развития данной отрасли. Она же была призвана также выявить те отрасли, государственная поддержка которых была бы приоритетной с целью достижения ими наибольшей конкурентоспособности, и наконец – механизмы и конкретные объемы господдержки.

В Послании народу Казахстана на 2003 год возрождение села мною было определено как один из основных приоритетов в работе Правительства, а годы с 2003 по 2005 объявлены годами возрождения аула (села).

«Мы должны помнить, что именно сельское население является генетическим олицетворением любой нации. Именно оно более всего стремится к стабильности и здоровому эволюционному развитию. И именно оно наиболее остро и тонко воспринимает идеалы независимости и сильной государственности, поскольку на генно-информационном уровне хранит и воспроизводит чаяния и надежды наших предков».

**Из Послания народу Казахстана на 2003 год,
апрель, 2002 год**

Говоря о сельском населении, я всегда вспоминаю показательный для нас пример земельной реформы Ирана. Казахстан выбрал подходящее время для коренного реформирования такого трудного сектора, как сельское хозяйство. Экономика в целом переживает длительный период роста, и перспективы ее выглядят достаточно обнадеживающе.

Подобным же образом поступил в свое время шахский Иран. Когда после очередной арабо-израильской войны грянул мировой энергетический кризис, доходы страны от экспорта нефти увеличились сразу в несколько раз. Правительству в Тегеране, казалось, не о чем было беспокоиться. Но миллионы крестьян, оставшиеся без земли и лишенные традиционного занятия в результате сельскохозяйственных реформ, стали стекаться в города. И там, а особенно в Тегеране, конфликтно-протестный потенциал стал стремительно нарастать. Чем это кончилось, известно всем. А ведь конец 70-х был едва ли не самым лучшим временем для экономики Ирана шахского периода. Ничто вроде бы не предвещало плачевного финала. Хотя в те годы в самом Казахстане все вроде бы было спокойно, развал Союза и ухудшение условий жизни очень сильно потрясли наших людей.

Проводя нашу земельную реформу, мы всегда беспокоились о том, чтобы не повторить иранский опыт.

Когда-то зерно, по аналогии с нефтью, называли «желтым золотом», а теперь сельчане едва сводят концы с концами. Не всегда правильно они воспринимали и уменьшение поддержки со стороны государства. В этих условиях проведение таких социально болезненных перемен, как реформирование села и уклада жизни сельчан, чревато непредсказуемыми последствиями. По мере улучшения экономических показателей и повышения уровня жизни городского населения мы все больше понимали, что именно сельское хозяйство, его труженики наиболее сильно пострадали от несовершенства советской экономики, и именно они более всего ощутили на себе всю ее ущербность при переходе к рынку. Вместе с тем, мы ясно и четко заявили о невозможности возврата к советской системе тотального субсидирования сельского хозяйства.

«Всем надо четко уяснить, что поддержка аула (села) не должна и не будет заключаться в повальном государственном субсидировании и безвозвратном финансировании всего и вся. Мы не можем и не будем возрождать былую практику иждивенчества и государственного патернализма.

Нужно и впредь целенаправленно проводить в жизнь линию создания для человека условий, при которых он может сам зарабатывать для себя и своей семьи, нужно поддерживать тех, кто может и умеет работать, показывает свое трудолюбие. В этом и заключается ответственность государства перед народом и его будущим.

Вся финансово-экономическая политика государства, в том числе социальная и сельскохозяйственная, должна быть селективно направлена только на те территории, которые перспективны с позиции жизнедеятельности человека и функционирования рынка».

Из Послания народу Казахстана на 2003 год, апрель, 2002 год

Наряду с высокими темпами роста других отраслей экономики, аграрный сектор страны все еще находился в плачевном состоянии. Так, доля сельского хозяйства в ВВП в период 2000–2003 годов в среднем составляла всего 8,2%, тогда как доля жителей сельских регионов – около 35–40% от общего населения республики (в зависимости от сезона). Налицо была низкая производительность труда сельских тружеников, обусловленная медленным внедрением новых технологий в сельскохозяйственном производстве, недостаточностью финансовых ресурсов, а также низким уровнем управленческой квалификации руководящих кадров.

Исключительно важно было и то, что наличие в стране крепкого сельскохозяйственного сектора помогло бы основа-

тельно поднять и сопутствующие ему отрасли: производство минеральных удобрений, сельхозмашиностроение, легкую и пищевую промышленность, а по технологической цепочке – и другие. Это значит, что мультипликативный эффект для экономики страны был бы колоссальным. Нельзя не сказать и о демографических, миграционных и социальных факторах, являвшихся причиной нашего особого отношения к аулу.

Мною было поручено разработать модель расселения жителей сельских территорий на перспективу. Нужно было решительно определиться и с судьбой ряда депрессивных малых городов. Стране была необходима государственная политика по стимулированию внутренней миграции из неперспективных регионов на развивающиеся, в райцентры и малые города. Она должна была учесть вопросы планирования и управления потоками миграции, обустройства, обеспечения землей и жильем, переквалификации переселенцев.

В Казахстане расселение людей в сельской местности исторически, особенно в эпоху советской командно-административной экономики, складывалось неудачным образом как с позиций рыночной экономики, так и по социальным и экологическим соображениям. В результате для многих сельских районов характерной чертой стала депрессивная экономика.

« <...> кризис в сельхозпроизводстве повлек за собой отток населения и развал систем жизнеобеспечения сельских населенных пунктов. Этот процесс продолжается и сегодня. Только за 2000–2002 годы самоликвидировались около 300 населенных пунктов. По данным акиматов, сегодня насчитывается 136 неупраздненных СНП, где нет населения.

Из 7660 сельских населенных пунктов, официально представленных областными акиматами, в более 500 проживает менее 50 человек, существуют многочисленные станции и разъезды (257), села, включенные в территориальные границы городов (317), где население практически занимается сельскохозяйственной деятельностью. Численность населения, проживающего в них, составляет 579 540 чел., оно считает себя сельским и надеется на внимание государства к проблемам села. <...>»

Из Государственной программы развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004–2010 гг.

Однако действительно глубокие реформы аграрного сектора невозможны без решения краеугольного вопроса земельных отношений – отказа от исключительно государственной собственности на землю. Главным недостатком доминирующей государственной формы собственности на землю была и оставалась проблема бесхозного отношения к ней, ее нерационального, даже нелегального использования. Так, проведенные в 2001 году администрацией президента Республики Казахстан исследования выявили факты нелегальных посевов на площади 3 тыс. гектаров.

Законодательство, предусматривающее только временное землепользование, не способствовало развитию стабильных земельных отношений в сельском хозяйстве и не повышало уверенности землепользователя в завтрашнем дне. Именно отсутствие частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения препятствовало росту инвестиций в аграрный сектор. С целью минимизации рисков частный капитал стремился, преимущественно, к краткосрочным вложениям на самых лучших землях, способных дать

отдачу в первый же год. К началу третьего этапа земельных реформ на долю сельского хозяйства из общего объема инвестиций приходилось всего 1,5%.

Кроме того, существующее земельное законодательство не способствовало развитию залоговых отношений. Недостаток информации по бонитету почв и современных методов оценки не позволял реально определить и дифференцировать размеры земельного налога. Отсутствие экономического механизма, стимулирующего повышение плодородия почв, снижало ответственность хозяйств за использование земель. В итоге существовавшее земельное право сдерживало развитие рыночных отношений на селе.

Учитывая сложившуюся ситуацию, я в своем Послании народу Казахстана на 2003 год, озвученном в апреле 2002 года, поручил Правительству разработать и внести в Парламент проект Закона «О частной собственности на землю». Год спустя результатом развернувшихся дебатов по обсуждению законопроекта стали противостояние между Правительством и Парламентом и, в конечном счете, отставка Правительства.

Это противостояние сложилось по основным нескольким моментам. Первое, с чем не могли согласиться разработчики проекта закона, это предложение депутатов о бесплатной раздаче земельных наделов обладателям условной земельной доли, поскольку оно нарушало конституционные права граждан, не имевших такой доли. Ситуация усложнялась тем, что земля – особое средство производства, имеющее базовую и кадастровую стоимость. Второй пункт, который отстаивало Правительство, – размеры участков, предназначавшиеся для продаж частному владельцу. В первоначальном варианте предусматривалось, что они будут составлять не более 10 % от общей площади земель сельскохозяйственного назначения района, причем окончательное решение оста-

валось за местной властью. Мажилис предлагал закрепить в проекте Земельного кодекса вдвое меньшую величину. Но специалисты считали, что этот вариант приведет к сегментации 60 % всех сельхозформирований. То есть у крупных землевладельцев какая-то часть сельскохозяйственных наделов окажется в государственной собственности, другая же – в частной. Это могло отпугнуть инвесторов и вызвало бы цепную реакцию дробления существующих хозяйствующих субъектов.

Следующее возражение Правительства касалось установления разных сроков введения частной собственности для физических и юридических лиц. Вариант, предлагавшийся депутатами, подразумевал предоставление в собственность физическим лицам земель сельхозназначения сразу же после вступления в силу Земельного кодекса, а юридическим лицам – по истечении 3,5 лет. Это нарушало принцип равенства хозяйствующих субъектов, так как крестьянские хозяйства, как физические лица, тут же получали право выкупать земельные участки в частную собственность, а производственным кооперативам, хозяйственным товариществам, как юридическим лицам, такое право предоставлялось только через 3,5 года. А если учесть, что земли этих юридических лиц сформированы за счет объединения условных земельных долей их членов, т.е. физических лиц, то в течение этих 3,5 лет юридические лица должны были арендовать земельные доли у своих же членов, иными словами, трудовой коллектив арендовал бы землю у самого себя. Это вызывало удивление.

Еще одно расхождение во взглядах вызывала субаренда, которую депутаты мажилиса предлагали продлить до 2007 года. По мнению Правительства, этот вариант привел бы, с одной стороны, к продлению сроков иждивенчества арендодателей, а с другой – к необоснованному увеличению себестоимости сельскохозяйственной продукции.

Последний принципиально важный пункт – аккумуляция средств от продажи земель сельхозназначения не в созданном Национальном фонде, а в новых институтах, что повлекло бы за собой дополнительные бюджетные расходы. Налицо были разногласия и концептуальные, и принципиальные. Позиция Правительства заключалась в следующем: «Если Земельный кодекс пройдет в таком варианте, то он может разрушить наше сельское хозяйство».

Понимая возможность принятия этого Закона и, соответственно, готовность Правительства идти на некоторые уступки, депутаты начали своего рода шантаж.

Позиция депутатов была такой: если не внесете наши изменения – не проголосуем за весь Закон. И так – уступка за уступкой, статья за статьей – и в итоге члены кабинета высказывали мнение, что из мажилиса в сенат был передан совершенно измененный вариант. Фактически был передан другой законодательный акт, а в редакции Правительства он был отклонен.

Все доводы и возражения депутатов Парламента были важны, так как отражали мнения их избирателей, но не все они были приемлемы. Каждый довод, каждое возражение сторон учитывалось, анализировалось, оценивалось, принималось во внимание. И все-таки, несмотря на изменение Правительством формулировок ряда статей законопроекта, депутатами была высказана позиция, не совпадавшая с позицией Правительства по данному вопросу. Оставался единственный правовой путь – Парламенту поставить вопрос о доверии Правительству. Если Парламент двумя третями голосов примет решение о недоверии, то президент должен решить – распустить Парламент или Правительство. Если Парламент не набирал голосов для вотума недоверия, то проходил проект закона Правительства. При голосовании голоса распределились так: пятьдесят пять депутатов мажилиса из семидесяти

семи и три депутата Сената Парламента из тридцати семи выразили недоверие Правительству, но за недоверие должны были голосовать и две третьих Сената. Поэтому практически весь Парламент не набрал необходимое число голосов. Но Имангали Тасмаганбетов решил, что если пятьдесят пять депутатов (большинство) мажилиса против него, то он не может оставаться премьер-министром, и подал в отставку. Немаловажную роль сыграли и незаладившиеся отношения между ним и спикером мажилиса.

С хорошими темпами роста экономики у нас появилась возможность улучшать социальное положение наших граждан, развивать человеческие ресурсы, уделив больше внимания культуре, образованию, здравоохранению. Для этой работы подходит человек, имеющий опыт работы в социальной сфере. Таким был Имангали Тасмаганбетов. Он является моим давним и надежным соратником, успел поработать акимом и не был новичком в Правительстве. Медленное рассмотрение законов, внесенных в Парламент, расстраивало его активную натуру. Иллюстрируя этот случай, я хотел бы дать урок молодому поколению: высшему руководству государства необходимо сдерживать свои эмоции, когда речь идет об интересах страны.

После отставки Правительства я встречался как с депутатами сената, так и мажилиса. Пришлось не раз разъяснять и отстаивать вариант законопроекта, предложенного Правительством. Решение земельного вопроса напоминало росток сосны, который, несмотря на засуху и, порой, шквальные порывы ветра, все-таки упорно рос вверх. Но встречавшиеся на его пути преграды грозили превратить могучее статное дерево в уродливое и скрючившееся. Вопрос вводить или не вводить частную собственность был преградой для дальнейшего роста и развития сельского хозяйства, поэтому затягивание его решения грозило тем, что мы навсегда могли увязнуть в «болоте сомнений».

Я обратился в Конституционный совет, и если он признал бы тогда все положения Земельного кодекса соответствующими Конституции, я бы его подписал, и проект вступил бы в действие. Еще раз обсудив с депутатами разногласия, мы нашли общий язык. Так драматично происходила борьба за этот кодекс и так был осуществлен последний крупный шаг по реформе сельскохозяйственной отрасли страны, и новый Земельный кодекс должен работать на благо сельского жителя и становления аулов Казахстана.

20 июня 2003 года мною был подписан Земельный кодекс, главным и существенным изменением которого явилось введение института частной собственности на земли сельхозназначения.

С учетом особенностей республики и прошлого опыта Кодексом предусмотрено три вида использования земли – постоянное землепользование, временное землепользование (аренда) и частная собственность. Согласно Кодексу, госпредприятия стали постоянными землепользователями, иностранцы и иностранные юридические лица получили право брать землю только в аренду на срок не более 10 лет без права совершения сделок с земельными участками, кроме передачи в залог. Земельные участки сельскохозяйственного назначения, находящиеся в государственной собственности, могли теперь предоставляться физическим и негосударственным юридическим лицам РК на праве частной собственности. При этом право собственности на указанные земельные участки может приобретаться по кадастровой (оценочной) стоимости или по льготной цене, установленной Правительством в размере 75% от кадастровой. В обоих случаях предусматривается выкуп земли в рассрочку сроком до 10 лет. Наряду с институтом частной собственности сохраняется институт аренды сроком до 49 лет, но с ним нельзя совершать какие-либо сделки, кроме передачи в залог. Иными словами, землю у государства не обязательно

выкупать, ее можно продолжать арендовать. Средства, поступающие от продажи государством земельных участков сельскохозяйственного назначения в частную собственность, зачисляются в Национальный фонд.

Земельный вопрос явился поистине спорным и вызвал массу разногласий и противоречий в различных кругах казахстанского общества. Анализируя критические высказывания, мы обнаружили, что многие доводы, приводимые противниками частной собственности, не имели достаточного обоснования и не соответствовали казахстанской практике землепользования.

Например, главным опасением было то, что земля будет скуплена так называемыми «латифундистами», которые на самом деле являются инвесторами, работающими в сельском хозяйстве на условиях субаренды земли. И тем самым станет недоступна для крестьян. Во многих странах мира, в том числе в США и России, такие компании называются интеграторами производства, и у них в собственности земли практически нет. Для недопущения этих моментов Кодексом предусмотрены определенные меры. В целях предотвращения концентрации земли в одних руках введены ограничения на предельные размеры земельных участков, предоставляемых государством в частную собственность гражданам и юридическим лицам. В целях обеспечения абсолютного первоочередного права на приобретение сельхозземель предусмотрено преимущественное право получения земельного участка для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства гражданами с сельскохозяйственным образованием, имеющими опыт работы в аграрном секторе и проживающими в данном селе.

Сторонниками полной либерализации рынка земли предлагалось снять все ограничения на ее продажу, в том числе и иностранным гражданам. Основным аргументом являлась необходимость привлечения иностранных инве-

стиций в сельское хозяйство. Этот довод не стал достаточно обоснованным, поскольку, учитывая специфику сельского хозяйства, во всех странах мира сельскохозяйственный сектор является дотируемым и в нем функционирует только национальный капитал.

После принятия Кодекса еще месяц не стихали дискуссии по ключевым пунктам, а очередная уборочная страда заставила сельчан заняться своим привычным делом уже в условиях нового Земельного кодекса.

ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА

Когда я писал эту главу, прошло более двух лет после принятия Земельного кодекса и введения частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Я еще раз убеждаюсь в правильности принятого решения и выбранной политики. Частная собственность была и остается фундаментом политической стабильности в обществе. Земельная реформа как раз и была направлена на развитие и укрепление рыночных институтов. Прогнозы противников введения частной собственности на сельскохозяйственные земли и их опасения о скупке земель «латифундистами» не оправдались.

По данным на 20 августа 2004 года, в частную собственность было приобретено около 30 тысяч га земель сельскохозяйственного назначения. По мнению экспертов, в ближайшие 10 лет будет выкуплено не более 10-15% земли. Из-за высокой цены на землю наиболее оптимальной для фермеров остается аренда земли у государства. Это подтверждается и опытом Восточной Германии, которая тоже прошла через этап перехода экономики с плановой на рыночную. С 1991 по 2003 год в Восточной Германии выкуплено всего 6% земель, находившихся в государственной собственности. Но, несмотря на этот опыт, некоторые ограничения,

внесенные депутатами в процессе обсуждения, нашли свое отражение в Земельном Кодексе. Хотя, на мой взгляд, данные ограничения, в частности запрет на перепродажу земельного участка в течение 10 лет после его выкупа, являются излишними и даже неэффективными. Но не это главное.

Успех земельной реформы будет зависеть от реализации дальнейших долгосрочных комплексных мер. Принятие Земельного кодекса, разрешающего частную собственность на земли сельскохозяйственного назначения, это лишь один из первых шагов на пути к совершенствованию земельных отношений и развитию рынка земли в Казахстане. Следует отметить, что даже этот шаг всколыхнул аграрный сектор экономики. Частный капитал поверил в государственную политику на селе и уже начал всерьез вкладывать средства в агропромышленный комплекс.

Вовремя принятая программа поддержки аула на 2002–2005 годы дала свои результаты. Государство затратило полтора миллиарда долларов США на поддержку сельского потребителя. Кроме этого были представлены исключительные налоговые льготы. Семьи платят лишь налог на землю, что составляет 20 % от тех налогов, которые платят все другие отрасли. Государство дотирует племенное дело, семеноводство, поливное земледелие, минеральные удобрения. Отдельно осуществлялась программа развития сельских территорий, предусматривающая улучшение инфраструктуры, обеспечение питьевой водой, строительство школ, больниц. Став хозяевами выпущенной продукции, сельхозники смогли покупать в лизинг современную технику. Были приняты законы, необходимые для системного развития аграрного сектора. Нужно отдать должное министру сельского хозяйства Ахметжану Есимову, который неуклонно проводит работу по системному решению проблем села. Опытный специалист, управленец, преданный делу человек,

является лучшим министром сельского хозяйства времен независимости. Он много сделал для села, и делает сейчас.

Объем валовой продукции сельского хозяйства за первое полугодие 2006 года в целом по республике составил 77,5 млрд. тенге, что больше аналогичного периода в 2005 году на 3,8%.

Но в то же время я понимаю, что потребуются большая работа, чтобы обеспечить дальнейшее углубление земельной реформы и дать импульс началу функционирования цивилизованного рынка земли в Казахстане.

Государство должно неустанно информировать сельское население об основных положениях проводимой земельной реформы и механизмах ее реализации. Необходима постоянно функционирующая система консультационно-правовой поддержки фермеров, разработка механизмов, стимулирующих рациональное использование земли и повышение плодородия почв.

В настоящее время величина утвержденных ставок земельного налога исчисляется в зависимости от балла бонитета почвы и не связана с кадастровой (оценочной) стоимостью земли. Для предупреждения случаев нерационального использования земли, нарушения правил ее обработки, изменения целевого назначения в Земельном кодексе предусмотрены лишь карательные меры (лишение права собственности и права землепользования). В условиях рыночной экономики указанные меры недостаточны для усиления стимулов к сохранению плодородия почв, рациональному и эффективному использованию земель. Говоря проще, мы должны не только наказывать за нерациональное использование, но и поощрять за бережное отношение к земле. Ведь просто не нарушать требования гораздо проще, чем делать что-то по восстановлению почв.

Необходимо развивать систему кредитования сельского хозяйства. Из-за недостаточной залоговой базы и дороговиз-

ны банковских процентов кредиты сельхозтоваропроизводителям все еще не доступны. Со временем, с развитием рынка земель эти проблемы будут постепенно исчезать.

Одновременно с этим должны приниматься меры и по дальнейшей де бюрократизации. Так, уже сейчас практически повсеместно внедряется и успешно функционирует «принцип одного окна» в деятельности государственных органов. Сокращается количество лицензируемых видов. Процедура оформления прав на земельные участки со временем упростится. Эта проблема связана с несовершенной и дублирующей системой регистрации прав на недвижимое имущество, осуществляемой различными государственными органами. С развитием электронного Правительства в Казахстане будет создан электронный кадастр, который облегчит процедуру получения правоустанавливающих документов на землю для простых крестьян.

В то же время, при проведении реформ необходимо акцентировать внимание и на отрасли в целом, поскольку сельское хозяйство – это не только отрасль экономики, но и большой блок социальных вопросов. Эта отрасль будет продолжать играть особую роль в жизни государства. Вместе с тем, поддерживая сельское хозяйство, надо понимать, что государство не должно своей поддержкой создавать иждивенческую ментальность.

Государство будет создавать благоприятные условия только там, где есть перспективы развития. Эта поддержка будет выражаться инвестициями в инфраструктуру и социальную сферу, а именно, созданием школ, больниц, дорог и систем водоснабжения. Формирование эффективного сельского хозяйства будет зависеть, в первую очередь, от самих фермерских хозяйств, от желания людей переучиваться и работать по новым рыночным принципам. Примером формирования эффективного хозяйства служит следующий факт. В США 1 фермер производит продукции на 38 тыс.

долларов США в год, в Австралии – на 22 тыс. долларов США, в Канаде – на 17 тыс. долларов США. В Казахстане на одного работника сельского хозяйства пока приходится 900 долларов США в год.

Поэтому основной целью государства в ближайшее время будет создание благоприятных условий для функционирования частной, высокопроизводительной и конкурентоспособной агропромышленности, без какого-либо прямого вмешательства государства. И я уверен, что уже в ближайшее время в сельском хозяйстве Казахстана сложатся цивилизованные земельные отношения, которые будут стимулировать инвестиционную привлекательность и экономическую эффективность данной отрасли.

Что позволяет, на мой взгляд, делать столь оптимистичные прогнозы? Это, во-первых, достижения в области реформирования земельных отношений: введение права частной собственности на земли сельхозназначения, отмена института субаренды, кодификация земельного законодательства. Во-вторых, показатели экономики аграрного сектора последних лет демонстрируют стабильный рост, что свидетельствует об улучшении положения на селе. И, в-третьих, принятие Земельного кодекса не ознаменовало окончание реформы земельных отношений.

Эволюционный процесс бесконечен, а значит, нам надо вместе думать о будущем. Так, например, был принят Закон «О внесении дополнений в Земельный кодекс Республики Казахстан», согласно которому вносятся дополнения в статьи 9 и 13, которые предусматривают безвозмездное предоставление земельных участков научным центрам с международным участием, а также расширение компетенции Правительства страны по утверждению Правил предоставления земельных участков под индивидуальное жилищное строительство.

Теперь после введения частной собственности на землю мы можем приступить к более решительным мерам по

воплощению в жизнь выбранной модели сельского хозяйства, о которой я говорил ранее. Здесь первым и основным направлением станет повышение конкурентоспособности сельхозпроизводителей. Я очень часто говорю об этом, и, тем не менее, порой мне кажется, что эти слова так до сих пор не восприняты сельчанами. Они беспокоятся о грядущем вступлении в ВТО и наплыве импортной продукции. На мой взгляд, это абсурд. Посудите сами, нашим производителям не нужно беспокоиться о транспортировке и размещении своих товаров, а это на порядок снижает затраты. К тому же они лучше знают потребителей и рынок. И самое главное – потребители знают их. Для любой западной компании этих преимуществ было бы более чем достаточно. Снижайте издержки, повышайте качество, работайте с потребителями – и никакая европейская курица или мука никогда не отвоюет ваш рынок. А о каких-либо особых защитных мерах или жесткой протекционистской политике со стороны государства можно забыть. Мы уже никогда не вернемся к этому. Мы будем поддерживать наших сельхозпроизводителей, создавая условия для развития их бизнеса, не ограничивая тех, кто захочет вступить на казахстанский рынок.

Помимо всего прочего, нам нужно развивать сферу переработки сельскохозяйственной продукции. Казахстан – крупнейший экспортер зерна. Но с развитием его переработки мы сможем стать экспортером конечной продукции, что гораздо выгоднее. Наша сельскохозяйственная продукция должна быть переведена на международные стандарты. Уже немало сделано по образованию кластеров по переработке зерна, молока, плодоовощной продукции и хлопка. Большое внимание мы будем уделять развитию нашей аграрной науки. В Казахстане особенные природно-климатические условия. В этом наши плюсы и минусы. Я надеюсь, что когда-нибудь наши ученые-аграрии создадут такие культуры, которые

используют по максимуму особенности нашей земли и климата.

Второе направление в рамках создания казахстанской модели сельского хозяйства – это развитие сельских территорий. Существенный подъем села невозможен без решительных изменений в условиях, качестве и образе жизни крестьянина. Поэтому необходимо направить значительные усилия на обустройство сельских территорий. Самое главное, надо создать условия для того, чтобы крестьяне сами смогли обустроить свое дело и свое село. Кроме того, согласно плану вхождения Казахстана в пятьдесят наиболее развитых стран мира, наряду с фондом устойчивого развития «Казына» и холдингом «Самрук» будут созданы социально-предпринимательские корпорации, а для развития сельскохозяйственного сектора – национальный холдинг «КазАгро».

Говоря об основных достижениях земельной реформы, нельзя забывать о главном. Существует старая поговорка, которая гласит: «Мы не получаем природу в наследство от наших предков, мы берем ее взаймы у наших потомков». Именно такой подход необходим при решении вопросов земельных отношений. Моя уверенность в этом основана на убеждении, что только истинный хозяин земли будет относиться к ней бережно, чтобы в должном виде передать ее потомкам.

Если же говорить о чувствах, которые я испытывал в то время, наверное, их сможет понять только тот человек, который сам когда-то принимал такие решения. Я согласен с мнением многих выдающихся исторических личностей, глав государств, которые говорили об одиночестве высшего руководителя государства, на плечах которого лежит ответственность перед народом. На главе государства лежит исключительная ответственность за всю страну и народ, который избрал его. Он должен сделать все, чтобы не дать застать свою страну врасплох, почувствовать реальное развитие ситуации.

Абсолютно все «за» и «против» просчитать практически нельзя, заглянуть в будущее трудно, прошлое изменить невозможно. В таких ситуациях ощущаешь только тревогу и сомнения. Конечно, есть советники, в том числе зарубежные, есть помощники, есть правительство, которое может посоветовать. Но после выслушивания всех рекомендаций и мнений, порой полярных и взаимоисключающих друг друга, самые важные и судьбоносные решения приходится принимать все-таки самому. В этом тоже огромная ответственность и трудность первого руководителя государства.

Представители прежней управленческой элиты, привыкшие работать в старой стране, не захотели и не смогли работать в новых условиях. Многие высказывали опасения, что без колхозов и совхозов в Казахстане наступит голод, сельская экономика развалится. Но жизнь показала обратное. Приходилось расставаться со старыми друзьями, с которыми проработал много лет. Я их понимал, но не мог их оставлять на должностях, так как они тормозили дело. Одни из них это понимали, другие уходили в жесткую оппозицию, но у меня нет ненависти и обиды ни к тем, ни к другим. Пусть нас рассудит история.

Несмотря на это, можно с полным основанием сказать, что, благодаря эффективности проведенных реформ, мы создали тот плацдарм, на котором можно обеспечить устойчивое развитие страны, дальнейший рост экономики, повышение благосостояния народа.

По сути, институт частной собственности на землю был введен впервые за всю историю нашей страны. И это показательно для Казахстана. Я всегда считал, что не стоит отказываться от идей и замыслов, только если этого никто никогда не делал. Все когда-либо происходит впервые. Так, в 1991 году первый космонавт независимого Казахстана совершил полет в космос, открыв новую эпоху космических свершений.

КАЗАХСТАН – ДОРОГА К ЗВЕЗДАМ

ЖЕР КІНДІГІ – ПУПОВИНА ЗЕМЛИ

Вспоминая события пятнадцатилетней давности, я удивился одному историческому стечению обстоятельств, которое оказалось очень символичным. Установление суверенитета Казахстана началось с самого космоса. В преддверии распада Советского Союза, в августе 1991 года космодром «Байконур» был объявлен собственностью республики, в октябре этого же года в космос полетел первый казахский космонавт, а Декларацию о независимости Казахстана мы приняли в декабре. То есть о своем намерении стать национальным государством мы, получается, заявили раньше в космосе, чем на земле! И в этом сейчас, спустя многие годы, я вижу знак свыше.

Мое отношение к Космосу, как и у многих людей, было и остается особым. Эта великая тайна, хранящая всю информацию о Вселенной, внеземных цивилизациях, живую связь с духами предков, всегда привлекала и волновала меня.

Интересно то, что особое, космическое будущее земле Байконура предсказал еще Коркыт-ата. По сохранившимся легендам и летописям, всю жизнь Коркыт-ата провел в поисках святой земли и вечной жизни. Коркыта в его поисках всюду преследовала смерть, которой он очень страшился. Наконец он услышал предсказание: «Если найдешь пуп земли, то останешься в живых». Он побывал во многих странах Востока. Он искал землю, где никогда не будет войны, природных катаклизмов и смерти. Он верил, что на Земле есть такое святое место и воспевал его.

Наконец, он вернулся на родную землю, на берег Сырдарьи. Подумав, что вечная жизнь только в искусстве, он изобрел инструмент – кобыз. Согласно легенде, когда он, расстелив ковер на середине реки, играл на кобызе, сила кобья удерживала его на воде, не давая утонуть. Говорят, когда

Коркыт-ата играл на кобызе, не было смерти, а была только счастливая жизнь. Однажды он заснул, и из воды появилась маленькая змея, от укуса которой мудрец и умер.

Философа похоронили в степи. Перед смертью он признался, что все-таки нашел святую землю – берег Сырдарьи. Место своей смерти он назвал «жер кіндігі» – пуповиной земли. Коркыт-ата объяснил, что именно здесь ощутил удивительную связь с небом и Всевышним.

Спустя несколько веков советские ученые во главе с Сергеем Королевым выбрали для строительства космодрома нынешний Байконур. Местность вблизи захоронения Коркыт-ата. И не ошиблись. Из нескольких десятков космодромов Байконур признан лучшим по расположению. Он находится достаточно близко к экватору. По законам механики здесь на запуски затрачивается меньше топлива. Но в отличие от космодромов, расположенных на самом экваторе, здесь почти не бывает осадков. Солнце светит 300 дней в году.

Действительно, Байконур стал колыбелью мировой космонавтики, космическим центром, портом Земли, с которого люди стартовали в космос. Именно здесь, на казахской земле, они стали космонавтами.

А где же наш, казахский космонавт? Этот логичный вопрос возник передо мной, как Президентом Казахской ССР, очень четко и ясно в 1990 году. Его актуальность становилась особенно очевидной на фоне предстоящих больших перемен в судьбе СССР. После предварительных переговоров с руководителями космических, военных ведомств России, которые в целом поддержали эту идею, мы вместе с министром общего машиностроения СССР Олегом Николаевичем Шишкиным прилетели спецрейсом на космодром.

12 января 1991 года. Байконур встретил нас непогодой. Спускаясь по трапу самолета в аэропорту «Крайний» города Ленинска, я увидел унылый пейзаж на фоне таких же серых

шинелей военного руководства. И вдруг, словно живые огоньки, вопреки слякотной и ветреной зиме, навстречу мне с букетом цветов выбежали дети. Мальчик-казах, лет пяти-шести, протянул мне ярко-красные гвоздики, и в этот момент я невольно подумал, что всем планам по Байконуру суждено осуществиться. Я с благодарностью пожал руку малышу, неожиданно ставшему для меня символом будущего казахстанской космонавтики, и погладил по голове девочку, которая стояла рядом, держа его за руку.

Двое суток работали мы на Байконуре. Рабочий график был очень напряженным: детальное изучение дел на космодроме, в городе Ленинке, встреча с жителями прилегающих к Байконуру поселков Топе-Там и Акай, посещение Республиканской космической школы и самое главное – политическое заявление, которое я собирался сделать от имени Казахстана по Байконуру. На пресс-конференции с участием журналистов Центрального и Казахского телевидения, я сказал о намерении Казахстана участвовать в освоении космического пространства, подчеркнув, что содержать и сохранить космический комплекс будет возможным только общими усилиями республик Советского Союза. Идея нового, казахстанского статуса космодрома так и витала в воздухе, поэтому неоднозначная реакция окружающих была видна невооруженным взглядом. Во время этого визита на Байконур, который был для меня первым в качестве президента Казахстана, мы увидели подготовку транспортного корабля «Прогресс». В то время, впрочем, как и сейчас, на космодроме проводилось по два пилотируемых запуска в год, весной и осенью. Я поставил вопрос о необходимости полета нашего космонавта, реально речь шла о сентябре-октябре 1991 года.

Первым причалом берега Вселенной стал космодром «Байконур». В 1954 году была создана Государственная комиссия по выбору места строительства космодрома. Председателем комиссии был назначен начальник испытательного полигона «Капустин Яр» генерал-лейтенант артиллерии В.И. Вознюк. Проведя рекогносцировку нескольких районов страны, комиссия вышла с предложением о размещении космодрома в пустынном районе Казахстана, восточнее Аральского моря, в нескольких сотнях километров от поселка Байконур. Это место имело ряд преимуществ перед другими: малонаселенность не только в районе космодрома, но и по трассе запускаемых ракет, равнинная полупустынная местность, наличие крупнейшей среднеазиатской реки Сыр-Дарьи, проходящие вблизи железнодорожная магистраль и автомобильная трасса, более трехсот солнечных дней в году и, главное, относительная близость к экватору, дающая возможность использовать для запусков дополнительную скорость вращения Земли.

Все эти годы Байконур был закрыт для Казахстана, теперь пришло время, когда в космос должен полететь казахский космонавт – мой аргумент, выдвинутый самой жизнью, был прост и логичен. К счастью, многие руководители союзного руководства понимали, что этот полет будет жестом справедливости для республики, с земли которой вот уже тридцать лет взлетают в космос корабли. Я же четко осознавал, что это первый, необходимый шаг Казахстана навстречу космосу, который продиктован велением Времени.

Начался непростой процесс поиска кандидата в космонавты. Искали среди военных летчиков. Я попросил министра обороны СССР поискать среди служащих ВВС летчиков-казахов. Нашли двух или трех, но никто не под-

ходил. Предложили кандидатуру Талгата Мусабоева – летчика-инструктора, установившего рекорд высоты на малых самолетах. Но нужно было время для его подготовки. Союзное космическое ведомство не сильно хотело нашего космонавта, у них свои стояли на очереди. Но я хотел быстро решить этот вопрос. Тем более, что в трудных переговорах с М. С. Горбачевым и Министерством обороны этот вопрос был согласован. Однажды утром читаю в нашей газете, что на Чимбулаке отдыхает наш земляк, летчик-испытатель военных самолетов – Тохтар Аубакиров. Я немедленно вызвал его к себе. Сколько было мытарств – то у него возраст 45 лет, то со здоровьем проблемы. Но я настаивал – и он полетел.

За несколько месяцев группа ведущих ученых республики во главе с президентом Академии наук Казахской ССР Умирзаком Султангазиным и Виктором Дробжевым, по моему поручению, приступила к формированию первой национальной космической программы Казахстана. Надо отметить, что научная часть программы была разработана давно и ждала своего звездного часа. Нужно было внести корректировки в соответствии с программой полета первого казахского космонавта.

И если с подготовкой космической программы было все ясно, то с подготовкой космонавта складывалось непросто. Полет был внеочередным, времени на подготовку было мало, и поэтому кандидат в космонавты Т. Аубакиров, имевший к тому времени звания Героя Советского Союза, заслуженного летчика-испытателя СССР, был определен как член основного экипажа, а Т. Мусабоев – как его дублер.

В связи с серьезными изменениями в планах космических ведомств России и Центра подготовки космонавтов было проведено много переговоров и консультаций с руководителями, специалистами, военными людьми. В итоге мне пришлось обратиться к министру обороны СССР Дми-

трию Язову и даже к президенту Советского Союза Михаилу Горбачеву, пока это важное политическое решение было, наконец, принято.

В феврале 1991 года в Алма-Ату по нашему приглашению из Москвы приехала большая группа ученых, специалистов по космосу – генеральный директор Российского космического агентства Юрий Коптев, генеральный директор НПО «Энергия» Юрий Семенов, начальник Центра подготовки космонавтов Владимир Шаталов, директор Института космических исследований СССР и другие. В Академии наук республики состоялась встреча, итогом которой стало утверждение первой космической программы Казахстана.

Тем временем параллельно шли переговоры с руководителями союзных и российских ведомств и по организации празднования на Байконуре 30-летия полета в космос Юрия Гагарина. В преддверии полета первого казахского космонавта было решено провести эти праздничные мероприятия на космодроме под эгидой Казахстана. Я распорядился, чтобы Совет министров республики взял подготовку и проведение торжеств на Байконуре под личный контроль. За три месяца была проделана колоссальная работа.

12 апреля 1991 года на Байконуре состоялось грандиозное шоу с прямым эфиром на Москву с моим участием. По улицам города Ленинска прошло многотысячное карнавальное шествие, на центральном стадионе демонстрировались показательные полеты уникального транспортного самолета «Мрия» с российской ракетой-носителем «Энергия – Буран» на борту.

На импровизированном ипподроме в окрестностях Байконура прошли конные скачки, а на Гагаринском старте космодрома с аншлагом прошел гала-концерт звезд советской эстрады.

Одним словом, фестиваль получился космическим и по масштабам, и по эмоциям. Как рассказывают очевидцы, Байконур до сих пор не помнит такого грандиозного зрелища, как прошедший в честь 30-летия полета в космос первого человека Земли международный фестиваль «Звезды космоса, спорта, эстрады». Это был мой второй приезд на Байконур и новый политический шаг Казахстана навстречу космосу.

И вот настал исторический день 2 октября 1991 года. Это был уже третий мой визит на Байконур за этот год. Я прилетел на космодром в 7 часов утра, в 11:59 должен был состояться старт советско-австрийского экипажа. В течение нескольких часов аэропорт «Юбилейный» на 251-й площадке принял несколько десятков самолетов. На космодром прибыли австрийский канцлер Франц Враницкий, председатель Верховного Совета СССР Иван Степанович Силаев, руководители почти всех союзных республик, многочисленные делегации России, Казахстана, Украины, Австрии, представители космических ведомств иностранных государств. Внимание к старту международного экипажа было повышенным и в силу политических причин. Более месяца назад, 31 августа 1991 года космодром Байконур, находящийся на территории Казахстана, был объявлен собственностью республики. Поэтому мое волнение было вызвано не только предстоящим запуском, но и мыслями о будущем Байконура.

2 октября 1991 года, 10 часов утра. На плац перед монтажно-испытательным корпусом стартового комплекса «Союз» выходят космонавты: россиянин Александр Волков, казахстанец Токтар Аубакиров и австриец Франц Фибек. В своих скафандрах, снабженных не одним килограммом оборудования, они выглядели неуклюже, словно дети, делающие первые неуверенные шаги по земле.

Командир, полковник Волков четко доложил председателю Госкомиссии о готовности экипажа к полету. И тут

председатель Госкомиссии генерал Владимир Иванов, видимо, поняв важность момента, сначала посмотрел на меня и затем повернул микрофон к Аубакирову, давая возможность сказать ему слово.

Не растерявшись, Токтар отрапортовал на казахском языке: «Уважаемый Президент! Космонавт Аубакиров к полету в космос с казахстанской земли готов», – и я одобряюще кивнул ему.

Все шло по плану. Мы вместе с гостями побывали на всех этапах подготовки к старту, проводив космонавтов до самой ракеты. Пожелав удачи им, а также генеральному директору НПО «Энергия» Юрию Семенову и начальнику космодрома Байконур генерал-лейтенанту Алексею Шумилину, которые оставались в бункере управлять запуском, я приехал на наблюдательный пункт №18.

Эта небольшая смотровая площадка была украшена флагами, вокруг раскинулись юрты, рядом с ними живой символ казахстанского космоса белый верблюжонок, повсюду слышалась народная музыка. Все вокруг напоминало маленький праздничный аул.

Оставалось всего несколько минут до старта. Мне пришлось уступить настойчивым просьбам журналистов и прокомментировать происходящее. В своем интервью для прессы я особо подчеркнул: «Считаю, что в будущем мы должны развивать космос с участием всех республик Союза, потому что космодром сегодня – наш, пожалуй, единственный приоритет в мировом экономическом соревновании». А стоящий рядом на наблюдательном пункте председатель Верховного Совета СССР Иван Степанович Силаев добавил: «Я полностью поддерживаю Вас, Нурсултан Абишевич. Только что образовалась новая экономическая формация (имелось в виду создание СНГ), и это меняет ситуацию с будущим космодрома и освоением космического пространства. Здесь как

раз находятся все руководители республик. И в этих условиях очень важно, что они сами увидели возможности, потенциал, грандиозность Байконура».

И вот по громкой связи объявлена минутная готовность. Я сверил часы, и в знак поддержки сказал стоявшей рядом родственнице Токтара: «В добрый путь!» Вокруг воцарилась необычайная тишина, только были слышны четкие команды: «Ключ на старт, зажигание, пуск!»

Тысячи глаз устремились на стартовую позицию, на которой был установлен космический корабль «Союз ТМ-13», одетый в металлические конструкции. Картинка была видна как на ладони. Вот фермы обслуживания плавно отошли, и в клубах белого дыма поднялся величественный огненный шар, несущий на себе корабль. Преодолевая земное притяжение, ракета торжественно устремилась к небесам. И только спустя некоторое время до нас дошел мощный рокот, сотрясающий землю.

Это особое чувство, когда каждый человек ощущает реальное могущество Вселенной и единство людей перед космосом. Все мы оказались равны перед этой космической стихией, став общей семьей землян, провожающих в дальний и опасный путь своих сыновей.

Мне и раньше доводилось наблюдать за космическими запусками, но этот полет был, конечно, особым. Кто-то захопал в ладоши. «Еще рано, надо только после вывода на орбиту», – сказал я новичку.

Ракета уходила в чистое осеннее небо Байконура. Не выпуская ее из виду, все смотрели вверх, наблюдая за траекторией полета корабля. Общее волнение передавалось и мне, но я старался выглядеть спокойным. Иван Степанович Силаев наклонился так низко, желая увидеть ракету из-под козырька наблюдательного пункта, что оказался почти лежащим на перилах. Эти телевизионные кадры с живой картинкой облетели тогда весь мир.

Около десяти минут все напряженно смотрели в небо, хотя звездочка уже исчезла, оставив за собой лишь белый конверсионный след.

Трибуны опустели, все побежали на открытую площадку, чтобы лучше видеть обзор.

Только один митрополит Московский Питирим остался на месте и задумчиво смотрел вдаль. «Наверное, он воочию убедился в том, насколько все мы – люди – едины и перед Богом, и перед Космосом», – подумалось мне.

И вот, наконец, радиоголос, сменив свой официальный тон, воскликнул: «Есть разделение! Корабль выведен на орбиту!»

Тишину взорвал гром аплодисментов. Все вокруг обнимались, целовались. У многих на глазах были слезы. Принимая многочисленные поздравления, мы с канцлером Враницким были одинаково счастливы: путь к звездам нашим странам был открыт!

В соответствии с традициями казахского гостеприимства, Гагаринский стартовый комплекс на один день, 2 октября 1991 года, благодаря стараниям Кызылординского облисполкома и местной исполнительной власти, превратился в красочный юрточный городок. Здесь было и щедрое угощение, и артисты в национальных одеждах, подарки, сувениры и, самое главное, дух торжества, справедливо заслуженного моим казахским народом. Этот теплый осенний день Байконура открыл летопись казахстанской космонавтики.

Через некоторое время, здесь же, на территории наблюдательного пункта, мы вместе с канцлером Австрии Ф. Враницким дали пресс-конференцию для журналистов, где я еще раз отметил: «Байконур – это не только достояние советского народа, богатство всей страны, но и наш общий приоритет в мире».

Здесь же объявил, что моим указом в Казахстане будет создано Агентство по космическим исследованиям, которое возглавит один из академиков республики. В рамках конверсии перед нами стояла задача повернуть возможности космического комплекса на экономические интересы Казахстана.

Всем было ясно, что бюджет страны не может обеспечить потребности космических ведомств, и это означало фактическую остановку космических проектов. И я, обращаясь к руководителям всех республик, прибывших на космодром, сказал: «Надо сделать все возможное для того, чтобы работы на Байконуре не остановились».

Хорошо помню, как состоялся первый сеанс космической связи с нашим советско-австрийским экипажем. Работники ЦУПа, обеспечивая мой разговор из Алма-Аты с орбитальной станцией «Мир», не скрывали своего удивления: сам президент страны хочет поговорить с космонавтами. Мое же обращение к международному экипажу было простым, человеческим и даже бы сказал – отеческим.

Да, сын казахского народа впервые полетел космос, и я открыто этим гордился. Токтар, с которым мы разговаривали на родном языке, рассказал мне, как красива наша Земля из космоса, какие эксперименты ведет он по изучению территории Казахстана. Вообще, экипаж был очень дружным, веселым, остроумным, и как позже отметил руководитель полетов Центра управления космонавтами Владимир Соловьев, ребята отработали на орбите без единой поломки, что говорит не только о профессионализме, но и самой благоприятной обстановке в коллективе.

ТРУДНОЕ ДИТЯ – БАЙКОНУР

Байконур – это, действительно, детище Советского Союза. Но после «парада суверенитетов», в котором Казахстан

шел последним, выяснилось, что нашим бывшим союзным республикам не до космоса. Реально содержать космодром могут Россия, основные космические программы которой связаны с Байконуром, и Казахстан, который в силу исторических обстоятельств стал его собственником.

Новая форма исполнительной власти молодого суверенного государства – институт глав администраций коснулась и города Ленинска. В феврале 1992 года моим указом был назначен первый в истории Байконура глава администрации города Ленинска – Виталий Брынкин.

Административный центр космодрома – город Ленинск получил тогда статус города республиканского значения, а прилегающие к нему поселки Торе-Там и Акай вошли в состав города. Несмотря на все трудности переходного периода, именно в то время были заложены основы создания городской коммунальной службы, сформированы государственные органы Республики Казахстан, шло активное развитие на космодроме казахстанских общественных организаций. Голубой флаг нашей республики уверенно развевался над Байконуром.

25 февраля 1993 года Агентство космических исследований Казахской ССР было преобразовано в Национальное аэрокосмическое агентство Республики Казахстан, Генеральным директором был назначен первый казахский космонавт Токтар Аубакиров. Сразу же на Байконуре было создано управление Аэрокосмического агентства Казахстана с одноименным названием «Космодром Байконур».

Эти два года казахстанского правления на Байконуре позволили многим нашим соотечественникам увидеть космодром, показать закрытый режимный объект для казахстанской прессы, так как одной из идеологических задач того времени был поворот возможностей космического комплекса на экономические интересы Казахстана. Летом 1993 года

на космодром приехала большая делегация казахстанских журналистов, которая провела здесь выездное заседание Союза журналистов Казахстана.

Байконур нуждался в защите и поддержке, так как все проблемы переходного периода, экономического и социального спада в целом по СНГ заинтересованные СМИ приписывали беспомощности казахстанской исполнительной власти на местах. По центральным телевизионным каналам России показывали ужасающие картины упадка Байконура, косвенно называя виновником амбициозный Казахстан.

Время и обстоятельства диктовали свои требования. Нужно было принимать срочные меры по сохранению космического комплекса, который начал ветшать из-за сокращения финансовых средств российской стороной. Город Ленинск находился на полном государственном содержании Казахстана, но бюджетных средств на содержание города союзного значения не хватало. И тут случился кризис «человеческого фактора», который всерьез мог погубить Байконур.

Люди, отличные и незаменимые специалисты космической техники, романтики и патриоты космической гавани Вселенной, стали уезжать с Байконура на историческую родину. Причина миграции не носила национальный характер, люди просто искали лучшей жизни и стабильности.

Между тем, Национальное Аэрокосмическое агентство республики занималось активными поисками по всему миру партнеров для совместной космической деятельности. Идея создания на базе Байконура международной космической компании стала главной в его работе. Но время шло, и реальными спутниками на пути космического развития и освоения Байконура опять оказались лишь Россия и Казахстан.

28 марта 1994 года мы с президентом Российской Федерации Борисом Николаевичем Ельциным приняли беспрецедентное и ответственное решение по Байконуру и подписали

межгосударственное соглашение «Об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур», в котором впервые в истории двух суверенных государств был поставлен вопрос об аренде космического комплекса «Байконур».

Когда мы с российским президентом объявили это решение, по Георгиевскому залу Кремля прошелся возглас удивления.

Россияне были довольны, так как для них это был единственный приемлемый выход для продолжения работ. Казахстанцы, которые вот уже несколько лет вынашивали идею международной космической компании, были разочарованы. К тому же само понятие «аренда» вызывало у многих непонимание. Я слышал, как специалисты доказывали, что аренда должна касаться только объектов космодрома и техники, и речь о людях не идет. На самом деле, все проблемы как раз упирались в тот самый «человеческий фактор». Отделять космодром от города было нельзя, и в итоге мы нашли формулировку «космический комплекс», который включал все объекты космодрома и города Ленинска вместе со всеми жителями. Только на таких условиях россияне были готовы пойти на дальнейшее функционирование Байконура, и наша сторона приняла их. Я хорошо понимал, что в моральном плане мои соотечественники на Байконуре могут быть ущемлены, но необходимость сохранения научно-технического и интеллектуального потенциала космического комплекса была выше даже государственных интересов Казахстана, это было задачей мирового уровня. Тем более нам, казахстанцам, еще многому предстояло научиться у россиян, которые имели огромный опыт развития космической деятельности.

Казахстанско-российская договорная база по комплексу «Байконур» имеет свою специфику. Она заключается в том, что подписанные и разрабатываемые новые соглашения

охватывают не только и не столько совместную космическую деятельность как таковую, а главным образом, все стороны жизнедеятельности комплекса «Байконур» в условиях его аренды Российской Федерацией. При этом под комплексом «Байконур» следует понимать испытательные, технологические, научные, производственно-технические, социальные и обеспечивающие объекты космодрома «Байконур» и город Байконур, в котором проживают не только российские граждане, но и граждане Республики Казахстан, социальные права которых также следует регулировать посредством соответствующих двусторонних соглашений.

Следующим практическим шагом закрепления наших отношений с основным партнером по Байконуру стало соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации, на основе которого 10 декабря 1994 года был подписан договор аренды космического комплекса «Байконур» сроком на двадцать лет с пролонгацией на десять лет. В преамбуле этого документа стороны отметили историческую значимость этого шага для России и Казахстана, подчеркнув обоюдное желание обеспечить дальнейшее развитие космических исследований в интересах обоих государств.

Арендная плата за использование космодрома составила 115 млн. долларов США ежегодно. Органом, регулирующим деятельность сторон, была определена подкомиссия по комплексу «Байконур» Межправительственной комиссии по сотрудничеству между Республикой Казахстан и Российской Федерацией.

Я часто задумывался над непростой судьбой Байконура. В нем уживались космические высоты и земные проблемы, он всегда был в центре межгосударственных интересов, не давая ни одной из сторон занять лидирующее положение. Это детище великого Союза стало общим, трудным, но лю-

бимым ребенком России и Казахстана, который никогда не признается, кто ему ближе и роднее.

Время, только оно могло стать главным судьей. И прошедшие пятнадцать лет с момента полета нашего первого казахского космонавта, и прошедшие двенадцать лет со дня подписания Договора аренды доказали правильность данного решения. За эти годы Россия сохранила и модернизировала главную стартовую площадку для выполнения основных своих космических программ.

Казахстан, благодаря тесному сотрудничеству с россиянами, обеспечил полеты двух космонавтов – Токтара Аубакирова, выполнившего первую национальную научную программу в космосе, и Талгата Мусабаева, трижды совершившего космические полеты в интересах Республики Казахстан и ставшего рекордсменом пребывания на орбите.

Говоря о космических достижениях Казахстана, хотел бы особо подчеркнуть здесь роль Героя России и Народного Героя Казахстана, летчика-космонавта обеих стран Талгата Мусабаева. Его история становления космонавтом удивительным образом повторяет историю Байконура. Казах, он, чтобы продолжить работы в космосе, стал российским гражданином. После первого полета в 1994 году, когда Т. Мусабаев в качестве бортинженера провел полугодовую вахту на орбите, ему вместе с космонавтом Юрием Маленченко была вручена высшая награда России. Перед тем как начать подготовку ко второму полету, он посоветовался со мной. Талгат хотел лететь командиром экипажа. Но для этого ему, согласно Закону РФ «О космосе», нужно было принять гражданство России.

Научные эксперименты, которые были проведены им во время первого полета, требовали продолжения.

Аргументов было немало, но смущал этический момент гражданства. И я развеял его сомнения: «Ты был и остаешься

казахом, и ради выполнения космической программы Казахстана должен пойти на эти условия». Во всех трех полетах Мусабаев показал свое мужество и героизм. Я не удивился, когда узнал, что Т. Мусабаев фактически спас орбитальную станцию «Мир» в экстремальной ситуации во время второго полета в 1998 году. В 2001 году именно ему было поручено «свозить» на орбиту первого космического туриста мира, американского миллионера Денниса Тито. Кроме выполнения космических программ двух стран, Талгат успевал при первой же возможности уделить внимание Казахстану. Это было его поздравление международному фестивалю «Азия дауысы», песня из космоса великого Абая, участие в презентации новой столицы Казахстана – Астаны.

Жители города помнят, наверное, какой это был волнующий момент – получить пожелания из космоса на казахском языке. Первый флаг на орбите, освященная космическим светом книга мусульман «Коран», горсть казахской земли, побывавшая в невесомости – это все связано с именем Талгата.

И во время полетов в космосе, и после окончания работы на орбите, он всегда находил именно свое место, где был необходим.

Вот и сейчас, завершив активную летную деятельность, он на посту руководителя совместного российско-казахстанского предприятия «Байтерек» выполняет ответственную задачу по созданию нового ракетного космического комплекса. При назначении на эту ответственную должность опять же был учтен российско-казахстанский менталитет Мусабаева.

И о том, что нужно подумать о последователях, тоже во всеуслышание сказал он. В 1997 году Мусабаев обратился ко мне с докладом о том, что вопрос подготовки кандидатов в космонавты Республики Казахстан затягивается.

И после этого была образована рабочая группа, которая занялась отбором. Из 800 человек медкомиссии прошли только четверо, а главную медкомиссию в Москве выдержали Мухтар Аймаханов и Айдын Аимбетов, которые и были направлены для подготовки в Звездный городок.

Первый космический полет на КК «Союз ТМ-19» Т. Мусабаяв совершил 1 июля 1994 года, проработав на орбите 126 суток в качестве бортинженера вместе с Ю. Маленченко и В. Поляковым. Совершил два выхода в открытый космос общей продолжительностью 11 час. 07 мин.

29 января – 25 августа 1998 года – второй космический полет в качестве командира КК «Союз ТМ-27» и ОК «Мир» по программе ЭО-25 (НАСА-7/ «Пегас»), вместе с Н. Будариним и Л. Эйартцем (Франция, до 19 февраля 1998), а также Э. Томасом (США до 8 июня 1998). Во время полета выполнил 5 выходов в открытый космос общей продолжительностью 30 час. 08 мин. Продолжительность полета составила 207,5 суток.

С 28 апреля по 6 мая 2001 года – совершил третий космический полет в качестве командира КК «Союз-ТМ32» вместе с Ю. Батуриным (бортинженер) и первым космическим туристом гражданином США Деннисом Тито.

Возвращаясь к хронологии повествования, вспоминаю 1995 год. В соответствии с межгосударственным соглашением, статус города Ленинска изменился. Теперь он, как и прежде, был административно-территориальной единицей Республики Казахстан, но наделен на время аренды статусом, соответствующим статусу города федерального значения Российской Федерации. Это означало, что он находится под юрисдикцией РФ, источники финансирования также являются российскими. Конституционные же права граждан

Казахстана, проживающих в городе Ленинске, защищает специальный представитель президента Казахстана на космодроме «Байконур». Моим решением в январе 1995 года на эту новую должность был назначен ветеран Байконура, строитель космодрома Ергазы Нургалиев.

Постепенно жизнь города и космодрома налаживалась. Осенью 1995 года ко мне обратились жители Байконура с просьбой переименовать город Ленинск в город Байконур, и в конце года это решение было принято, город получил свое настоящее, казахское имя Байконыр.

Вместе с космодромом 5 мая 1955 года началось строительство поселка испытателей, который вначале именовался как поселок «Заря», а позднее, в зависимости от политической конъюнктуры сменил несколько названий: Ташкент-90, поселок Тюра-Там, поселок Ленинский, Звездоград, город Ленинск (21 июня 1966 года) и, наконец, 20 декабря 1995 года получил свое сегодняшнее наименование, широко известное в мире – город Байконыр. Сегодняшний город Байконыр – современный социально-культурный и административный центр, который, по праву, можно назвать оазисом в пустыне. Инфраструктура города представлена 1200 объектами и сооружениями, жилой фонд состоит из 367 многоэтажных домов общей площадью более миллиона квадратных метров. В городе 13 образовательных школ, 9 дошкольных учреждений, филиал Московского авиационного института, электрорадиотехнический техникум, медицинское училище, профтехучилище. Численность населения города Байконыр составляет около 80 тысяч человек. Байконырцы отмечают в году 16 праздников России и Казахстана.

Сегодня в городе Байконыр наряду с российскими структурами функционируют казахстанские органы государствен-

ного управления, обеспечивающие юрисдикцию Республики Казахстан и конституционные права граждан Казахстана, численность которых составляет более половины жителей Байконыра.

На российских предприятиях и в учреждениях города и космодрома работают более семи тысяч граждан Республики Казахстан. За прошедшие двенадцать лет количество школ с казахским языком обучения на Байконуре возросло от одной до шести, что сегодня составляет половину всех школьных заведений города.

Одним из условий аренды была подготовка казахстанских кадров для работы в космической отрасли, этому вопросу уделяется особое внимание. В течение последних пяти лет филиал Московского авиационного института в городе Байконыр, согласно квоте Министерства образования Республики Казахстан, успешно окончили по космическим специальностям более ста человек. В 2006 году, благодаря усилиям Министерства, количество студентов, обучающихся за счет государства, было увеличено до 100 человек. За сорокалетнюю историю Байконырского электрорадиотехнического техникума сотни выпускников-граждан Республики Казахстан нашли применение своим знаниям на Байконуре.

На сегодняшний день космодром «Байконур» – это насыщенный техникой научно-технический комплекс. В составе наземной инфраструктуры космодрома 11 монтажно-испытательных корпусов (МИК) для сборки и проведения испытаний космических аппаратов, ракет-носителей и разгонных блоков, 9 стартовых комплексов (14 пусковых установок), 8 шахтных пусковых установок, 4 заправочно-нейтрализационных станции для заправки

космических аппаратов и разгонных блоков компонентами топлива и сжатыми газами, 2 аэродрома, измерительный комплекс в составе ВЦ и 5 измерительных пунктов.

Кроме того, инфраструктура Байконура включает 360 км линий теплосетей, 470 км железнодорожных путей, более 1200 км автомобильных дорог и 2500 км линий связи.

На Байконуре созданы и функционируют 13 Центров эксплуатации и испытаний ракетно-космической техники. За годы существования космодрома было запущено около 2500 ракет космического и военного назначения, свыше 3000 космических аппаратов и спутников, на космическую орбиту стартовало более 150 российских и зарубежных космонавтов.

Говоря о настоящем космодрома «Байконур», можно отметить, что он имеет возможность проводить пуски пяти типов ракет-носителей. В эксплуатации находятся девять стартовых комплексов с 15 пусковыми установками ракет-носителей легкого («Циклон-2»), среднего («Протон-К») и супертяжелого («Энергия») классов, 34 технических комплекса подготовки ракет и космических аппаратов.

Анализируя в целом ход развития космической деятельности в Казахстане, можно условно разделить его на несколько этапов.

Первый, включающий 1991–1994 годы, носил ярко выраженный национальный характер: в космос полетели два казахских космонавта, началась реализация первой космической программы Казахстана.

Второй этап, нормативно-базовый, включающий последнее десятилетие с 1994 по 2004 год, был неразрывно связан с экономическим и политическим положением космического комплекса. За этот период между Республикой

Казахстан и Российской Федерацией заключено более 30 международных договоров и соглашений, регулирующих космическую и социально-правовую деятельность в условиях аренды комплекса «Байконур».

И третий, начавшийся с 2005 года, я бы назвал этапом активного, практического развития космической деятельности в Казахстане. О нем я хотел бы сказать подробнее, так как он включает в себя и наши перспективы в этой сфере.

КОСМИЧЕСКОЕ ДРЕВО КАЗАХСТАНА – «БАЙТЕРЕК»

В январе 2004 года в Астане, во время официального визита президента России Владимира Путина в Казахстан мы с ним подписали соглашение о продлении срока аренды космодрома Байконур до 2050 года, что означает долгосрочные космические программы обеих сторон. А ровно через год, 25 января 2005 года, я своим указом утвердил государственную программу развития космической деятельности в Республике Казахстан на 2005–2007 годы. В соответствии с ней, началась реализация совместного российско-казахстанского проекта «Байтерек» по строительству ракетного космического комплекса с высоким требованием экологической безопасности и охраны окружающей среды.

К настоящему времени разработаны проекты рабочих графиков создания технического и стартового комплексов, а также проект графика создания сооружений, технических систем и технологического оборудования РКК «Байтерек».

На 200-й площадке космодрома «Байконур», где будет создаваться РКК «Байтерек», завершены инженерные изыскательские работы, а также работы по определению перечня сооружений ПУ № 40, подлежащих выводу из аренды и передаче совместному предприятию. С головными российскими организациями, участвующими в реализации

Проекта, продолжается согласование контрактов в соответствии с перечнями выполнения объемов работ.

Совместное Казахстанско-Российское предприятие «Байтерек» учреждено в целях создания нового экологически безопасного космического ракетного комплекса «Байтерек» на базе объектов космической инфраструктуры космодрома «Байконур» и использования в дальнейшем РКК «Байтерек» для выполнения коммерческих космических программ и проектов, а также реализации национальных космических программ Республики Казахстан и Российской Федерации.

В результате реализации данного инвестиционного проекта Республика Казахстан получит благоприятные возможности для развития своей национальной аэрокосмической промышленности и космической программы, эксплуатации перспективной экологически чистой ракетно-космической техники, отвечающей всем международным стандартам, и создания новых рабочих мест.

Ракетный космический комплекс «Байтерек» предназначен для выведения космических аппаратов различного назначения в интересах выполнения космических программ России и Казахстана, а также коммерческих программ на низкие, средние и высокие круговые и эллиптические орбиты (в том числе солнечно-синхронные, геостационарные, приполярные, полусуточные), а также на отлетные траектории к планетам Солнечной системы. Наибольший интерес представляет запуск космических спутников связи по национальной космической программе Республики Казахстан для выполнения разнообразных задач.

Активную работу ведет созданная в марте 2005 года национальная компания «Казкосмос», в арсенале которой

девять космических проектов, один из которых – создание специализированного конструкторского бюро космической техники совместно с российской космической корпорацией «Энергия» – будет реализован на космодроме.

Компанией ведутся работы по созданию командно-измерительного комплекса Республики Казахстан на полигоне «Сары-Шаган», национальной космической системы дистанционного зондирования Земли, космического аппарата научного назначения, многофункциональной системы персональной спутниковой связи, проведены работы по разработке эскизного проекта и технико-экономического обоснования авиационного ракетно-космического комплекса «Ишим».

В начале 2006 года принят в эксплуатацию еще один объект государственной программы по развитию космической деятельности в Республике Казахстан на 2005–2007 годы – это расположенный в Астане Центр отображения полетной информации о стартующих с космодрома «Байконур» ракетах-носителях.

Получены определенные результаты Центром астрофизических исследований при реализации научных исследований в космической сфере. Это касается научно-исследовательских работ по участию в создании международной системы радиационного мониторинга космического пространства, разработке проекта комплексной программы проведения научных исследований и экспериментов Республики Казахстан на борту Международной космической станции, по проведению комплексных исследований по изучению оптических явлений в верхней атмосфере и другим исследованиям.

Мы должны сегодня сконцентрировать на Байконуре отечественный потенциал космической деятельности для формирования здесь центра космической индустрии.

В этих целях в городе Байконыр уже созданы и ведут работу филиалы Национальной компании «Казкосмос» и СП «Байтерек», идет передислокация структурных подразделений Центра астрофизических исследований.

Космические исследования в Казахстане имеют давние традиции. В 1950 году был организован Астрофизический институт имени В.Г. Фесенкова для проведения астрофизических наблюдений и теоретических исследований галактических и внегалактических объектов – звезд и планет Солнечной системы. С 1983 года функционирует институт ионосферы, занимающийся изучением механизмов солнечно-земных связей, динамических процессов, определяющих взаимодействие различных сред (атмосфера – ионосфера – магнитосфера), а также мониторингом и прогнозом космической погоды над казахстанским регионом.

12 августа 1991 года, по инициативе академика У. Султангазина, в республике основан Институт космических исследований, ориентированный на создание методов и технологий космического мониторинга и экологического прогнозирования.

Следующим реальным шагом вступления Казахстана в клуб космических держав мира стал запуск первого казахстанского спутника «КазСат».

Для участия в этом знаменательном событии 18 июня 2006 года я прибыл на Байконур вместе с президентом России Владимиром Путиным.

Точно по расписанию, в 4 часа 44 минуты 18 июня с 200-й площадки космодрома стартовала ракета-носитель «Протон-К», на борту которой находился первый космический спутник Казахстана. Владимир Владимирович впервые

наблюдал за стартом ракеты с Байконура, и символично, что это был запуск «КазСат», который стал возможным при совместном сотрудничестве.

Вопреки ожиданиям прессы, мы не стали комментировать успешный старт, так как основная работа спутника на орбите должна была начаться через определенное время.

В 20 часов того же дня на наземный комплекс управления в Акколе пришел сигнал со спутника о раскрытии антенн бортового ретрансляционного комплекса, означающий, что космический аппарат готов к работе. И только после двух месяцев испытаний спутника на орбите, которые проводили российские специалисты совместно с нашими казахстанскими сотрудниками наземного комплекса управления полетами в Акколе, «КазСат» был принят к эксплуатации Казахстаном.

«КазСат» имеет 12 активных транспондеров, четыре из которых обеспечивает непрерывное теле вещание, и восемь стволы для фиксированной связи в диапазоне частот БРТК Ku и БРТК 72 МГц. Передачу сигнала обеспечит наземный комплекс управления и система мониторинга связи, расположенные на территории Казахстана в Акколе, в 100 км от Астаны, и квалифицированный персонал, прошедший обучение в России.

Спутник на своей орбите охватит спутниковой связью и трансляцией телеканалов всю территорию Казахстана, а также территории регионов Сибири и Поволжья.

«КазСат» прошел летно-конструкторские испытания на орбите 92 градуса восточной долготы и переведен на орбиту 103 градуса восточной долготы, где приступил к работе. Эта орбитальная позиция зарезервирована за Россией и, по соглашению, до 2021 года передана в пользование Казахстану.

Впервые за годы функционирования космического комплекса «Байконур» в условиях аренды Казахстан примет участие в развитии инфраструктуры города и космодрома. После рабочих поездок на Байконур премьер-министра Республики Казахстан Даниала Ахметова было принято решение о строительстве в городе Байконыр национального образовательного центра, реконструкции единого здания для казахстанских космических ведомств Казахстана, а также нескольких жилых домов для казахстанских специалистов.

Хочу отметить созидательную работу премьер-министра страны Даниала Ахметова по осуществлению программы индустриализации Казахстана, жилищного строительства. Он всегда активен и нацелен на успех. Немало усилий он приложил для осуществления программы развития космической деятельности полета нашего первого спутника связи, строительства комплекса «Байтерек».

Приоритетное значение в государственной программе развития космической деятельности в Республике Казахстан придано подготовке и повышению квалификации кадров. Уже к настоящему времени организовано обучение в рамках президентской программы «Болашак» в зарубежных вузах России, США, Великобритании, Франции, Германии, Нидерландов, Канады и Китая по космическим специальностям. В настоящее время количество обладателей стипендии в сфере космической деятельности составляет около ста человек.

Если говорить о подготовке космонавтов, то два казахстанских кандидата в космонавты завершили общекосмический курс подготовки космонавтов в российском государственном научно-исследовательском испытательном Центре подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина и ждут решения по программе полета.

Вопрос использования и применения глобальных спутниковых систем навигации (ГЛОНАСС) по нашему совместному поручению с президентом России проработан совместной казахстанско-российской группой экспертов и представлен в Правительство Республики Казахстан.

Одним словом, сегодня ведется последовательная, целенаправленная работа по развитию космической деятельности в стране.

За последние два года мы уже дважды побывали на Байконуре с Владимиром Путиным. В 2005 году мы приняли участие в торжествах, посвященных 50-летию космического комплекса «Байконур». Выступая перед байконырцами, заслуженными людьми космической отрасли России и Казахстана, я напомнил, что в начале 2004 года нами был подписан документ о пролонгации аренды комплекса «Байконур» до 2044 года, приняты решения о совместной реализации космических программ, подготовке казахстанских космонавтов и специалистов космической отрасли. И подчеркнул: «Таким образом, мы с Владимиром Владимировичем жизнь нашего поколения, совместную работу на космодроме Байконур – решили. Я на это смотрю, как на принцип, как на место и доказательство действительно нашей вечной дружбы».

Мои слова были поддержаны громом аплодисментов. Я был благодарен за это понимание. Байконырцы – это особый народ, они искренне радовались тому, что космодром в надежных руках взаимовыгодного международного сотрудничества Казахстана и России, а его будущее находится под личным контролем руководителей стран.

Вообще, эта поездка в Байконур, которая состоялась впервые после передачи комплекса в аренду, вдохновила меня. Я не был на космодроме одиннадцать лет и увидел, что он по-прежнему силен своим духом. Говоря образно, тот самый трудный и имеющий Божий дар ребенок – Бай-

кони́р – вырос в сильного, умного и образованного юношу со смелыми планами на будущее.

Пусть ему пришлось пройти через самые большие испытания, они только прибавили ему терпения, сил и веры. И Казахстан, как один из его родителей, может, по праву, им гордиться.

За прошедшие годы произошли существенные позитивные изменения как в Республике Казахстан в целом, так и на комплексе Байконур. Сегодня в Казахстане развитая рыночная экономика, в сжатые сроки мы сумели успешно провести реформы, что обеспечило стабильный экономический рост страны.

Казахстан сегодня – это одно из самых динамично развивающихся государств мира. Начато создание принципиально новой системы управления экономикой, реализуется индустриально-инновационная стратегия, направленная на диверсификацию экономики, создана одна из самых прогрессивных на постсоветском пространстве финансовых систем. Взят курс на модель экономики с приоритетными отраслями, имеющими экономический потенциал конкурентоспособности. На повестке дня – дальнейшая модернизация, демократизация, интеграция и вхождение Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира.

С этой стратегической целью согласуется задача развития космической деятельности в Республике Казахстан. Экономический рост страны явился основой для разработки и реализации космических программ. Принята и выполняется первая государственная программа развития космической деятельности в Республике Казахстан на 2005–2007 годы, по моему поручению разрабатывается и долгосрочная программа развития космической деятельности в Казахстане до 2020 года.

Республика Казахстан в настоящее время является субъектом международного космического права.

В 1995 году Казахстан был принят членом Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях. В 1997 году Республика Казахстан присоединилась к пяти основным международным договорам ООН по космосу:

– Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 года;

– Соглашению о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, от 22 апреля 1968 года;

– Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29 марта 1972 года;

– Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, от 14 января 1975 года;

– Соглашению о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 года.

Сегодня наша республика стремится занять свое место в ряду космических держав мира. В настоящее время проводятся международные процедуры по присоединению Республики Казахстан к режиму контроля ракетных технологий, что позволит Республике Казахстан стать полноправным участником международной космической деятельности.

За последнее время в мировой космической индустрии произошли большие изменения, связанные с увеличением масштабов международного сотрудничества в области освоения и использования космического пространства,

стремительной глобализацией и коммерциализацией космической деятельности.

Многие государства, в том числе и Казахстан, пришли к пониманию важности геополитических интересов в космосе, вследствие чего освоение и использование космического пространства стало сегодня одним из приоритетов национальной политики.

Исследования и использование космического пространства играют все возрастающую роль в экономическом, научно-техническом и социальном развитии нашего государства.

В начале октября 2006 года мы широко отметили в республике 15-летие со дня полета в космос первого казахского космонавта. Этому событию был посвящен международный форум «Итоги и перспективы развития космической деятельности в Республике Казахстан», который прошел в Астане по инициативе Министерства образования и науки. На форум были приглашены делегации Федерального космического агентства России, Российского центра подготовки космонавтов, Российской космической корпорации «Энергия», Российской самолетостроительной корпорации «МиГ», Российской высшей военной инженерной академии имени Жуковского, космического комплекса «Байконур», гости из Австрии, ученые Казахстана, представители космических ведомств и организаций республики, одним словом, все, кто имеет отношение к созданию и выполнению первой национальной космической программы Казахстана.

Эта встреча стала данью памяти и благодарности тем, кто прокладывал путь в космос Казахстану.

Для всех нас, жителей планеты Земля, 12 апреля 1961 года навсегда останется общим днем прорыва человечества в космос, ведь не зря его назвали Всемирным днем авиации и космонавтики. В календаре суверенного Казахстана, как,

пожалуй, и у многих других стран – участниц космических полетов, нет национального дня космонавтики. Но этот день, когда государство впервые отправляет в космос своего гражданина, становится исторической датой, началом космической летописи страны.

История независимости Казахстана началась с истории казахстанской космонавтики, и это символический факт.

Шаги Казахстана, сделанные им за прошедшие 15 лет в освоении космоса, словно космический виток вокруг Земли. Впереди у нашей страны новые высоты над Землей, где в самом ее центре – жер кіндігі – пустил свои корни могучий Байтерек – космическое древо Казахстана.

НОВАЯ СТОЛИЦА НОВОЙ ЭПОХИ

Я признаться, не очень силен в поэзии, но, вспоминая процесс переноса столицы из Алматы в Астану, в голове у меня всегда всплывала одна-единственная строчка из стихов Олжаса Сулейменова: «Возвысить степь, не унижая горы». Для меня эта строка приобрела совсем новый смысл. Именно такую архисложную задачу поставили мы перед собой: построить новую столицу в степях, при этом (а во многом и для этого) сохранить прекрасный город в предгорьях Алатау.

Мысль о переносе и строительстве новой столицы зародилась у меня давно – еще в далеком 1992 году, но тогда я даже не заикнулся об этом, так как экономика Казахстана не позволяла осуществить задуманное.

А сейчас я, проезжая по улицам Астаны, люблюсь ею. Как и многие астанчане, я обрел здесь то удивительное чувство дома, которое не спутаешь ни с чем. Ощущение радости и покоя. Ощущение, что даже фонари подмигивают тебе, а деревья гладят по голове ветвями. И, знаете, мне всегда кажется, что все эти здания строятся недостаточно быстро, хотя сроки строительства действительно поражают: ведь только недавно здесь были пустыри! Недавно, когда город еще был Акмолой.

В 1992 году, через год после всенародного избрания президентом Казахстана, я приехал в Акмолу. Стоял на старом мосту через Ишим, смотрел на реку. Мне всегда нравилось, что в городе есть река.

Река придает особый колорит и значение городу. Например, у нас на Урале стоит Атырау, на Сырдарье – Кызылорда, на Тоболе – Костанай, на Иртыше – Павлодар. А сколько мировых столиц основаны у рек: Санкт-Петербург – на Неве, Москва – на Москве-реке, Париж – на Сене, Лондон – на Темзе. К тому же, Акмола находится в центре Казахстана и всей Евразии.

Конечно, только мечтать построить новую столицу и осуществить данную мечту – две разные вещи. Причем осуществление казалось настолько нереальной вещью, что надеяться можно было только на себя и на чудо.

Подробно основание и становление нашей молодой столицы описаны в моей книге «Сердце Евразии», а здесь я хотел дать саму историю принятия решения о переносе в контексте того, какую роль играет новая столица в становлении независимого Казахстана.

На новом этапе развития страны новая столица должна была стать не только главным городом страны, объединяющим казахстанскую нацию. Столица должна была обеспечить бурную экономическую активность и стать в перспективе одним из экономических мегаполисов Евразии. Исходя из этих факторов, мы должны были определить местонахождение столицы в центре транспортных артерий. Недалеко должна быть расположена промышленность, и в наличии должны быть соответствующие квалифицированные кадры. Всеми данными параметрами и признаками, пригодными для столицы, обладала Акмола.

Не раз приходилось слышать о том, что здесь, в степи, практически невозможно построить современный город, что подъем этого края начался только в советский период с освоения целинных и залежных земель.

Однако территория современной Астаны была обжита во все времена. Если внимательно перечитать древних и современных исследователей, нетрудно убедиться, что акмолинские степи всегда были контактной территорией, где взаимодействовали разные этносы и культуры. Еще в середине первого тысячелетия до нашей эры через эти просторы пролегал так называемый Степной путь, упоминаемый древнегреческим историком Геродотом.

В 1998 году археологами было обнаружено средневековое городское поселение Бозок в пяти километрах от Астаны.

Именно через территорию нынешней Астаны проходил в XVI веке караванный путь Сибирь – Средняя Азия. Бозок был столицей Кипчакского ханства.

Вторая эпоха подъема в истории Акмолы связана с советским периодом. Благодаря выгодному географическому положению, в годы Советской власти в Акмоле были построены железнодорожные магистрали, способствовавшие подключению города к железнодорожной магистрали Союза и активному вовлечению в транспортные потоки. Это, в свою очередь, привело к широкому развитию различных областей промышленности и превратило Акмолу в крупнейший транспортный узел.

Во время Великой Отечественной войны Акмола была не только экономическим, но и военно-транспортным узлом Союза. Здесь были сформированы одна кавалерийская и три стрелковые дивизии. Сюда эвакуировались предприятия и население из прифронтовых территорий страны, здесь размещались эвакуогоспитали с тысячами раненых.

Новый импульс в развитии всех сфер экономики для города дала «целинная эпопея». В 1950–1960 годы в городе начали работать предприятия машиностроения, промышленности строительных материалов, энергетики, легкой и пищевой промышленности, всех видов транспорта, связи и телекоммуникаций. Открылись сельскохозяйственный, педагогический, медицинский и инженерно-строительный институты, ряд техникумов и училищ.

В 1961 году Акмолинск был переименован в Целиноград и стал центром целинного края, в который входило несколько крупных областей республики. Уже в то время руководство Союза во главе с Никитой Хрущевым всерьез обсуждало возможность переноса столицы Казахстана в Целиноград.

После распада Союза республики обрели свою государственность и право делать свою историю. Перенос столицы

Казахстана в Целиноград, ставший ныне Астаной, стал своего рода рубежом новой эры развития государственности Казахстана. Став Астаной, город открыл третью эпоху в своей истории, и в этой главе я расскажу, как эта эпоха началась.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ПЕРЕНОСЕ СТОЛИЦЫ КАЗАХСТАНА

Прежде чем обнародовать мысль о переносе столицы, я вел переговоры с Парламентом, передавал ему проекты своего выступления. А в ответ часто слышал язвительные реплики: «Чем ему Алматы не нравится? Лучше бы зарплату да пенсии вовремя давал».

6 июля 1994 года я, выступая на пленарном заседании сессии Верховного Совета Республики Казахстан, вынес на суд парламентариев идею о переносе столицы. Перенос столицы Казахстана я аргументировал тем, что Алматы ни по экономическим, ни по геополитическим условиям уже не отвечает требованиям столицы независимого государства. С населением, приближающимся по численности к отметке в полтора миллиона человек, она становилась малоперспективной в смысле территориальных пропорций и пространственного размещения. Территорию Алматы необходимо было увеличивать, но из-за высокой плотности строений и большой стесненности в свободных площадях расширять город просто было некуда.

Кроме того, в связи с высокой сейсмичностью новое строительство в Алматы обошлось бы намного дороже по сравнению с другими городами Казахстана. А, как суверенному государству, нам были необходимы новые административные здания, в которых раньше не было необходимости: комплекс зданий для Парламента Республики Казахстан, Министерства иностранных дел, Министерства обороны,

банков и других организаций, в том числе и посольств иностранных государств.

Безусловно, Алматы – красивейший город страны. Особую красоту ему придают горы Алатау. Я сам родился и вырос вблизи Алматы и люблю этот город. Но интересы страны и объективные факторы были выше всех личных моментов. Алматы, как столица, действительно имела свои недостатки, которые нельзя было устранить. Так, из года в год все больше усложнялось экологическое положение города. По загрязненности атмосферы, особенно в зимнее время, бывшая столица занимала первое место среди казахстанских городов. Ее улицы и воздух с трудом справлялись с почти ста пятидесяти тысячной армадой разнообразных транспортных средств. Аэропорт, находящийся практически в городской черте и в зоне частых туманов, часто прерывал воздушное сообщение.

По плотности населения северные области, по сравнению с южными, гораздо менее заселены. Экономически и социально было выгоднее переориентировать миграционные потоки в другие регионы Казахстана. Новая столица должна была стать ближе к крупным промышленным центрам с большими перспективами и не иметь широкого спектра ограничителей.

По моему поручению, было проведено обстоятельное изучение всей территории республики с целью определения оптимального месторасположения новой столицы государства. Столица должна была соответствовать 32 критериям. Среди этих критериев наиболее важными являлись: социально-экономические показатели, климат, ландшафт, сейсмоусловия, окружающая среда, наличие и перспективы развития инженерной и транспортной инфраструктур, коммуникаций, строительный комплекс и трудовые ресурсы.

Поначалу нас привлекала идея построить столицу в самом центре нашей страны. Самый центр Казахстана – это Джеб-казган и Улытау, где ранее находились ханские ставки. Где,

посреди степи, взгромоздились горы. В прошлые века в Улытау встречались казахские роды со всех окраин Казахстана – с запада и севера, с юга и востока. Здесь как бы «цементировалась казахская нация».

Но на сегодняшний день в Улытау ничего нет: ни воды, ни железных дорог, ни автомобильных магистралей, ни аэропорта. И для того, чтобы перенести столицу в Улытау, необходимы были колоссальные деньги. Построить новый город в таком месте было бы еще труднее.

Я также думал и о Караганде. Этот город я хорошо знал. Караганда для нас, работающих в Темиртау, была центром цивилизации. Но город подрабатывается шахтами, земля постоянно опускается, проблемы с водообеспечением и с экологией.

Третий столичный вариант был Актюбинск. Но мы тогда отошли бы далеко от восточного региона страны. Ведь мы уходили из Алматы, так как считали его юго-восточным тупиком, а Актюбинск стал бы северо-западным тупиком для других регионов страны.

Так или иначе, проведенный анализ показал, что из всех вариантов наиболее предпочтительным является Акмола. Состояние города, его территория позволяли осуществить любой архитектурный подход. Акмола находилась почти в географическом центре Казахстана и вблизи важных хозяйственных регионов, на пересечении крупных транспортных магистралей. В ней тогда проживало примерно 200 тысяч человек, и в соответствии с существующим генеральным планом предусматривалась возможность увеличения численности населения до 400 тысяч. Но со временем рост численности жителей города, как известно, превзошел все наши ожидания. Сейчас, только по официальным данным, в Астане проживают более полутора миллиона человек, а фактически – гораздо больше.

Акмола была центром целинного края, что также говорило о возможности придания ей столичного статуса. К тому же, такое же решение, как я уже говорил выше, всерьез рассматривалось руководством Союза во главе с Н. Хрущевым. Поэтому уже тогда здесь было построено немало прочных административных зданий, дворец культуры, дворец молодежи и другие, которые функционируют и сейчас.

Не вызывало больших вопросов и состояние основных систем жизнеобеспечения города. Здесь было хорошо налажено тепло- и газоснабжение, всякие проблемы с водоснабжением снимало строительство небольшого по протяженности канала «Иртыш – Караганда». Плюс ко всему в Акмоле хорошо была развита транспортная инфраструктура, существовала и сохраняется на сегодняшний день нормальная экологическая обстановка.

Процесс переноса столицы не был одномоментным актом и завершился в основном, как и планировалось, к 2000 году. После проведения необходимой подготовительной работы в Акмолу, в первую очередь, переехали главные государственные органы, а также ряд важнейших министерств и ведомств.

По первоначальным оценкам архитекторов, столичный административный центр целесообразным считалось построить отдельно, на южной окраине города, на площади 300-400 гектаров. Но позднее, когда конкурс по застройке столицы выиграл японский архитектор Кисе Курокава, план был изменен, и город стал расти на левом берегу реки Ишим. Генеральный архитектор Кисе Курокава тогда сказал следующее: «Лучший иероглиф получится, если его рисовать на чистом листе бумаги». Левый берег реки Ишим, по своим масштабам и живописности, больше подходил для застройки нового центра столицы. Дипломатический корпус тоже был размещен в пределах городской черты на левобережье.

В первое время, как и рассчитывалось, отдельные министерства и ведомства были переведены в смежные с новой столицей города республики. Предполагалось, что перемещение столицы будет способствовать интенсивному развитию в северных регионах инновационных и наукоемких производств, прогрессивного сельскохозяйственного машиностроения и широкой сети перерабатывающей сельской индустрии. Мы хотели в лице Акмолы получить не только новый общественно-политический, но и второй по значимости, после Алматы, экономический, деловой, научный и культурный центр Казахстана.

Многие в то время говорили о безвозвратности вложений в новую столицу, порой открыто называя их пустой тратой государственных денег. Но безвозвратными расходами на перевод столицы были лишь затраты по переезду. Все остальные – это капитальные вложения, это инвестиции в будущее. Все введенное вновь должно было приумножить национальное богатство государства.

В лице Алматы мы по-прежнему продолжали бы иметь доминирующий деловой, финансовый, научный и культурный центр с серьезным влиянием на общественно-политическую жизнь в государстве. К тому же сейчас, когда Алматы претендует на звание финансового центра в масштабах Центральной Азии и СНГ, мы можем использовать огромный потенциал южной столицы для вывода ее на международный уровень. Прежде всего, должны быть улучшены инфраструктура, связь, транспорт и многие другие необходимые параметры.

Скажу откровенно о том, что немало жесткой критики я услышал в связи с идеей переноса столицы. Сказать, что парламентарии совершенно спокойно приняли мою идею о переносе столицы, было бы неправдой. Голоса разделились: если одни депутаты предлагали безоговорочно поддержать меня, то другие встали в глухую оборону, заявляя о том, что на

фоне все более ухудшающегося социально-экономического положения тратить громадные суммы на перенос столицы просто нелепо. Дебаты были бурные и, в основном, депутаты склонялись к тому, чтобы не поддерживать меня.

Помню, я еще назначил день выступления на день моего рождения. Но моя маленькая хитрость не удалась, и в пылу обсуждения об этом даже не вспомнили. Зато позже, решив, что новая столица это дело нескорое, и скорее всего, вопрос 20-30 лет, депутаты все-таки проголосовали за перенос. Проголосовали с небольшим перевесом.

Здесь же, на сессии Верховного Совета Республики Казахстан было принято Постановление «О переносе столицы Республики Казахстан», где говорилось о согласии с моим предложением по переносу столицы государства в город Акмолу и давались указания Кабинету министров разработать до конца 1994 года технико-экономическое обоснование и сроки переноса столицы.

В том же году, 2 сентября, в интервью газете «Казахстанская правда» мне пришлось давать дополнительные разъяснения относительно переноса столицы. Были люди, которые пытались на этом заработать очки, так как им больше нечем было себя показать. Тогда я назвал шум вокруг Акмолы, как новой столицы, чистой воды политиканством. Я просил людей внимательнее перечитать мое выступление в Верховном Совете и принятое им Постановление. В Постановлении срок переезда не обозначался, там лишь говорилось, что Правительство должно разработать все необходимые для этого документы. Было совершенно очевидно, что это вопрос не сегодняшнего и даже не завтрашнего, а послезавтрашнего дня. Полное исполнение его связывалось с XXI веком, где оно должно было отвечать коренным интересам казахов и всего казахстанского народа.

Есть очень точное определение того, чем отличается политикан от ответственного политика и государственного деятеля. Если первый думает о следующих выборах, то второй – о благе народа и будущем страны. Те, кто спекулировал на переезде столицы, не хотели понять сущности дела. Очень просто раздуть истерию по поводу непопулярных решений и выставить себя этаким «гласом народа». Таких «политиков» у нас много. Но гораздо сложнее и важнее убедить людей в необходимости принимаемых решений и их перспективности, вопреки общему недовольству и непониманию. Ведь план по переносу столицы должен был осуществляться не за счет ущемления каких бы то ни было социальных программ, а на внебюджетные средства, источники которых изыскивались.

Да и много ли потребуется затрат, задавался я вопросом? Помещения почти для всех властных структур тогда имелись – приезжай и работай. Хотя, конечно, необходимо было построить здания для Министерства обороны, Министерства иностранных дел, Парламента. Но ведь здания для этих ведомств, соответствующие специальным требованиям, пришлось бы строить и в Алматы. А если возводить их в Алматы, то с учетом сейсмичности этого региона они бы обошлись вдвое дороже. И жилье нам в любом случае надо было строить. По оценке специалистов, строительство одного квадратного метра жилья и служебных зданий в Акмоле обходится дешевле, чем в Алматы.

Для примера, можно произвести несложные расчеты. Допустим, если мы затратим на перенос столицы условно десять миллиардов тенге, то восемь из них возвратятся государству за счет налогов с промышленных предприятий и строительных организаций, выполняющих соответствующие заказы. За счет этого предполагалось открытие новых производств, где многие люди смогли бы получить работу. И к тому же не нужно забывать, что каждое построенное здание – достояние и богатство государства.

15 сентября 1995 года вышел мой Указ «О столице Республики Казахстан», имеющий силу закона. В Указе давалось распоряжение образовать Государственную комиссию для организации работы по передислокации высших и центральных органов в город Акмолу. Правительству республики в целях аккумуляирования внебюджетных средств по обустройству города Акмолы вменялось в обязанности учреждение внебюджетного фонда «Новая столица». Правительство должно было подготовить и внести на мое рассмотрение предложения по предоставлению налоговых, таможенных и иных льгот инвесторам, участвующим в застройке и развитии инфраструктуры города Акмолы.

Государство построить непросто, новую столицу построить еще сложнее. Наш народ никогда не строил свою столицу. В ханской ставке в Улытау почти ничего не было, там просто остались земляные валы, которые окружали ханскую ставку. В эту столицу въезжали на верблюдах и лошадях.

После завоевания территории Казахстана Россией тоже не было никакой столицы, центры губернии находились то в Омске, то в Оренбурге. Перевод столицы из Оренбурга в Акмечеть (Кызылорда) был решением советского правительства. В 1929 году, во время строительства Турксиба, столицу перевели в Алма-Ату. Ровно семьдесят лет Алма-Ата с честью выполняла функции главного города республики. Именно здесь была подписана Декларация о государственной независимости и принята первая суверенная Конституция. После обретения независимости столица была переименована в Алматы.

В свое время Алматы была одна из самых красивых столиц союзных республик, славившаяся незабываемой природой и алматинским апортом. В 19 лет я переехал из Алматинской области в Темиртау. Здесь прошла моя юность. И уже в то время Акмола считался молодым и перспективным городом. Такие дворцы молодежи в то время нигде не строили. Ее специально

готовили, чтобы назвать Хрущевоградом и перевести столицу сюда. Акмола тогда была центром Целинного края. Но следует отметить, что после Хрущева, за исключением центра города, здесь основную массу строений составляли старые бараки.

Прежде чем принять такое решение, я долго думал, просчитывал все шаги, консультировался с историками, политологами и культурологами, изучил историю переноса столиц в разных государствах.

Итак, позвольте мне резюмировать основные причины переноса столицы.

Во-первых, перенос был обусловлен необходимостью укрепления Казахстана в геополитическом плане. Потому особое внимание уделялось местоположению главного города страны. Астана является центром евразийского континента, соединяя в себе европейские и азиатские традиции. Город одинаково открыт Югу, Востоку, Северу и Западу.

Во-вторых, в этом решении немаловажную роль сыграли соображения безопасности. Столица независимого государства, по возможности, должна была быть удалена от внешних границ и находиться в центре страны.

В-третьих, перемещение столицы было продиктовано необходимостью оздоровления экономики Казахстана. Оно обеспечило мультипликативный эффект для экономики страны. И действительно, стали развиваться областные центры, встали на ноги такие отрасли экономики, как производство строительных материалов, дорожного покрытия, энергетика и машиностроение. Невиданными темпами развивается жилищное строительство.

В-четвертых, переноса столицу в регион, многонациональный по своему составу, мы еще раз подтвердили курс на создание стабильного полиэтнического государства, сохранение и приумножение дружбы между народами, населяющими Казахстан.

Конечно, трудно было решиться после прекрасной Алматы перевести столицу в Акмолу. Психологически мою идею о переносе столицы поддержали немногие. Даже в моей семье не все были «за». Все надо было начинать практически с чистого листа.

НОВАЯ СТОЛИЦА: «БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?»

С 1994 года в течение четырех лет, предшествовавших подготовке к передислокации, шли разговоры, пересуды, почему я так упорен в отстаивании своей цели относительно переноса столицы. Страсти вокруг переноса столицы разгорелись сразу же после выхода постановления.

Идею о переносе столицы называли «виртуальной политикой», где власть, не решая реальных проблем социально-экономической жизни страны, пытается в сфере символических решений компенсировать свою практическую недееспособность. Данную идею представляли в качестве «маленькой победоносной войны», где власть, не выполняя повседневных обязанностей перед населением, придумывает себе экстраординарные функции, заменяет ответственность перед народом «ответственностью перед историей».

Мотивы переноса столицы разбивались на две основные группы: официальные (открытые и неявные) и скрытые, о которых не говорят чиновники, но которые обсуждались в прессе.

К официально выдвигаемым причинам относили, в первую очередь, отсутствие перспектив развития Алматы, так как город раскинулся в предгорной котловине. В связи с этим упоминали возникшие экологические проблемы старой столицы, опасность зоны сейсмической активности, близость к китайской границе, ее расположение в географическом тупике, что затрудняло связи с другими регионами республики.

Назывались также причины, связанные с необходимостью развития северной части Казахстана и желанием избавиться от тягостных воспоминаний 1986 года, когда волнения студентов вылились на главную площадь города.

Следует отметить, что наиболее часто упоминались аргументы географического и геополитического характера в пользу Акмолы, которая находится в центре Евразии и Казахстана, на пересечении транспортных магистралей.

Часто упоминались внутривнутриполитические и экономические мотивы – направить на север поток сельских мигрантов из трудоизбыточных районов юга республики и, таким образом, увеличить, во-первых, долю казахов в населении северных областей, а во-вторых, решить проблему безработицы.

Довольно долго, как одна из причин переноса столицы, обсуждалась концепция языковой политики, одобренная мною. Говорили, что создан перечень должностей на государственной службе, замещать которые могут только люди, сдавшие квалификационный экзамен по казахскому языку, что вызывало озабоченность у людей, не знающих казахский язык. Из этого делался вывод, что в скором времени большинство руководящих в стране постов будут занимать только этнические казахи, вне зависимости от их профессионального уровня. Как вы видите, этот прогноз не оправдался, о чем свидетельствуют следующие данные. На государственной службе работают представители 64 национальностей. Из них представители русской национальности занимают порядка 20% в общей массе госслужащих, представители других национальностей занимают почти 10% от общего числа госслужащих. Это соответствует примерному этническому составу Казахстана.

Находились и такие, которые говорили, что причин рационального объяснения переноса столицы и необходимости вкладывать десятки миллиардов долларов в ее строитель-

ство – нет. И это есть амбиция Назарбаева, его стремление остаться частью вечности. Что может быть долговечнее и масштабнее столицы, вопрошали они?

Приводились и опросы общественного мнения в Алматы, где 62 процента жителей и слышать тогда не хотели ни о каком переезде в Акмолу. Идея эта не вызывала энтузиазма и у государственных чиновников в Алматы. Отсюда некоторые делали вывод, что в Акмоле уровень профессиональной управленческой квалификации правительственных органов по сравнению с Алматы неизбежно снизится. Указывалось и на неизбежный проигрыш Акмолы в интеллектуальном соревновании старой и новой столиц, и это относили к проигрышу госаппарата, который не будет в состоянии отвечать на возникающие вызовы. Предрекали, что для не самых высоких чиновников перенос столицы означает просто существенное ограничение возможных жизненных альтернатив и усиление личной зависимости. Прогнозировали падение престижа государственной службы и существенное сокращение самостоятельно мыслящих людей, что неизбежно будет сказываться в предельном упрощении принятых государственных решений, так как госаппарат не будет их соавтором, а лишь исполнителем. Поневоле говорили, что госаппарат впадет в роль проводника политической воли руководителя, возможно, даже он не будет способен интерпретировать его замыслы и тем более приходиться к каким-либо самостоятельным решениям. На фоне всех этих рассуждений делались также прогнозы, что в результате всего этого создадутся положительные факторы для ослабления бюрократии.

Несмотря на широкую пропагандистскую кампанию, для многих причины переноса столицы все еще оставались загадкой. Во многих публикациях официальные причины признавались недостаточными для естественного объяснения принятого решения. В те дни в газете «Коммерсантъ» появи-

лась статья «Персональная столица Президента Назарбаева», где говорилось, что «только при отсутствии демократии могут появляться эпохальные проекты, которые никому не понятны. Никакие стратегические соображения не могут оправдать отвлечение огромных средств от выплаты зарплат и пенсий, от решения других проблем граждан страны» [Салопов Д. Персональная столица Президента Назарбаева. «Коммерсантъ», 28.10.1997 год].

Полное непонимание действий государственной власти порождало подозрения в ее искренности. Само собой, возникала мысль, что существуют какие-то тайные мотивы, скрывающие малоприглядные цели. Вся эта сумятица с тайными и явными причинами переноса столицы, в конце концов, вылилась в предположение о том, что к концу ноября 1997 года «старую столицу» ждет страшное землетрясение. Только эта версия, по мнению практически всех наблюдателей, выглядела наиболее логичной и способной объяснить мое стремление побыстрее расстаться с теплой и уютной Алматы. Все иные попытки объяснить эту инициативу выглядели перед ними просто несерьезными. Позже уже и мы смирились с тем, что люди, не воспринимавшие наши «официальные» и вполне логичные и обоснованные причины, в конце концов, сами придумали себе объяснение, устраивавшее их.

Официальные причины переноса как бы «повисли в воздухе». В дискуссии по новой столице они никак не были поддержаны с аргументированной точки зрения. В общественном сознании возможные положительные качества Акмолы не воспринимались в качестве признаков «столичности», а проблемы Алматы не отменяли ее столичного статуса.

В народе поговаривали, что в любом случае перенос столицы в Акмолу – город со сложными природно-климатическими условиями, продуваемый всеми ветрами летом, засыпаемый

метелями и буранами зимой, стоящий на болотах и не имеющий источников снабжения качественной питьевой водой, – дело рискованное. Звучали также предостерегающие мнения экологов о том, что строительство каналов истощит и без того небогатый на воду Ишим, а огромное строительство на его более низком и подтопляемом левом берегу нарушит хрупкое природное равновесие целого региона. Предрекали также, что этот переезд будет началом конца нынешнего политического режима, если только не обернется гигантским блефом, призванным дезориентировать казахских мигрантов из аула, «отвлечь» их от Алматы и направить мощный поток бедного населения с юга на север.

Некоторые, например, считали, зачем лезть в голые степи, где нет инженерных сетей и дорог, зачем тратить немыслимые средства на укрепление слабых почв, строительство каналов и возведение совершенно нового города, когда в старом хватает еще не освоенных площадок, требующих срочного сноса целых районов саманной застройки.

Другие им оппонировали, говоря, что, рассчитывая на плоды от нефтяных долларов Казахстана, господин Назарбаев сделал досрочное капиталовложение в то, что он называет «настоятельный перенос столицы в географический центр страны».

Третьи считали, что перенос столицы из Алматы в Акмолу является моим единоличным решением. Аргументировали они это тем, что общенационального референдума не было, следовательно, решение было нелегитимным. При этом они оставляли без внимания сессию Верховного Совета и принятое им постановление.

Все это доходило, конечно, до членов моей семьи. И они отговаривали меня от этого шага. Однажды на традиционном семейном обеде в воскресный день и они высказали свои сомнения. Я отшутился и говорю: «Сара, мы переезжаем в

твои родные места, Акмола стоит на реке Нура». Откуда эта шутка стала известной, не знаю, но появилась новая версия – послушался Назарбаев жену и перевозит столицу на ее малую Родину. Члены моей семьи – моя супруга Сара, дочери Дарига, Динара, Алия всегда были моим крепким тылом и поддерживали меня как могли. Об этом разговор отдельный. Я им вечно благодарен за это.

В этих сложных условиях, не обращая внимания на разговоры, отражающие искаженные представления об истинных причинах переноса столицы, приходилось воплощать в практику идею по переустройству Акмолы в столицу. Советников с той и с другой стороны было немало. Но принимать решение и отвечать за него должен был я.

Любой политик мечтает изменить что-либо, отдает ради осуществления поставленной задачи всего себя, свой авторитет, ставит на карту свое будущее. Если такой мечты для решения крупной задачи нет, то нечего делать в политике. Если ты поставленную задачу решил, критика останется в стороне. Если ты задачу не решил, уходи в сторону. Так стоял вопрос.

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ КАК СОСТОЯВШИЙСЯ ФАКТ

7 октября 1997 года, выступая на совещании руководителей министерств, ведомств, а также строителей, я еще раз акцентировал внимание на том, что никаких сбоев с обеспечением Акмолы электричеством, водой и т. п. быть не должно. Никто не верил, что мы в такие сроки сумеем подготовить Акмолу к переезду государственных органов, но мы это сделали.

20 октября 1997 года вышел мой указ «Об объявлении города Акмолы столицей Республики Казахстан». В нем говорилось, что с 10 декабря 1997 года город Акмола становится столицей Республики Казахстан, а официальная презентация столицы состоится 10 июня 1998 года.

Выступая тогда в Парламенте, я отмечал, что все строительные работы закончены в рекордно короткие сроки. Посудите сами: решение о реконструкции Акмола было принято в октябре 1996 года, в феврале работы были начаты, а к октябрю 1997 года осталось провести коммуникации и электричество.

Думаю, у наших потомков не будет повода упрекать нас в неверном решении. Алматы по-прежнему останется крупнейшим городом страны. А наличие двух мощных центров только увеличит экономический потенциал республики. Примеров существования двух столиц в мире много. Это Анкара и Стамбул, Москва и Санкт-Петербург, Карачи и Исламабад, Рио-де-Жанейро и Бразилиа, Мельбурн и Камберра, Оттава и Торонто, Вашингтон и Нью-Йорк. В этом ряду, я думаю, мы будем не первые и не последние.

8 ноября 1997 года в Акмолу прибыли эталоны государственных символов Казахстана. Акмола обрела исключительное положение, став хранителем государственного флага и герба, а также президентского штандарта. Помню, это событие взволновало меня особенно. Потому что, все-таки, если отвлечься от чисто экономических и геополитических объяснений и выкладок, есть в столице что-то сакральное, что-то знаковое, что чувствуется всеми людьми.

И наши потомки прочувствуют это также. А может быть, они, не отягощенные старыми образами и старой памятью, воспримут нашу новую столицу гораздо глубже. Не просто как символ обновления. Не только как рубеж начала нового периода. Астана – это город-знак, знак мечты, воплощенной в реальность. Много десятилетий идея свободы и независимости обитала в этих степях, обретала силу в людях, преданных своей земле. И вот – свершилось. В бескрайних степях Казахстана, существовавших века и тысячелетия, теперь будут приниматься государственные решения. Мы с нуля строили

столицу. Через сердце пропустили все проблемы, связанные с ее переносом. Это была мечта. Теперь – это чудесный город, гордость и сердце Казахстана.

С утверждением новой столицы мы поставили не точку, а многоточие. Мы ожидали, что с переездом столицы не только оживится жизнь регионов, но также данный факт придаст динамизм рыночным преобразованиям, послужит развитию инфраструктуры в стране, создаст дополнительные рабочие места. В это напряженное время преобразований мы засеивали то поле, которое должно было дать всходы и плоды, как для нынешнего, так и для будущих поколений.

С обретением статуса столицы в биографию Акмолы вписывалась новая золотая строка. Как я говорил вначале, Акмола неоднократно, причем в переломные для республики годы, находилась в эпицентре высокозначимых общественных событий. Так было в годы освоения целины, принесшей заслуженную славу и гордость акмолинской земле, ставшей родной для тысяч и тысяч людей. Здесь также был накоплен богатейший управленческий опыт, когда Акмола была центром обширного Целинного края.

Неслучайно и сейчас, в это переломное для государства время, наши взоры вновь были обращены к Акмоле. Стране нужен был патриотический порыв, нужен подвиг, сродни целинному. Только он был связан с новыми реалиями – укреплением независимости, построением государственности, углублением социально-экономических и политических преобразований. И мы были убеждены, что переезд столицы в Акмолу, во многом, будет способствовать достижению этих целей.

Мечтая о том, чтобы столица росла и развивалась, я часто забывал о времени. Вспоминая первые месяцы строительства, я думаю о тех людях, которые стали моими единомышленниками. Огромное число людей. Хочу выразить огромную

благодарность всем тем, кто был в те дни рядом со мной, кто поддерживал меня в моем решении, кто так же, как и я, болел за новую столицу. Это Кисе Курокава, Владимир Ни, Аманжол Булекпаев, Адильбек Джаксыбеков, Николай Макиевский, Ахметжан Есимов, Фарид Галимов, Жанабек Карибжанов и многие другие.

Особо хочу отметить заслуги первого председателя Госкомиссии по переносу столицы Николая Макиевского, тогдашнего управляющего делами Владимира Ни. Они приехали в город, где вода подавалась по часам, в домах температура не превышала 10 градусов по Цельсию, негде было поесть. Город ночью темный, без освещения. Приехали и начали думать, с чего начать. Ни разу я не слышал от них неуверенности. Они верили мне. Но глазам своим нет. Благодарен им. Также высоко ценю работу первого акима новой столицы, Адильбека Жаксыбекова. В этой должности он находился в самые бурные первые шесть лет. Он родился, вырос в Акмоле, любил город и знал его. Но Алматы, куда он только что переехал, стал нравиться больше. Он внес большой вклад в становление сегодняшнего облика Астаны, проявлял инициативу. Мне нравилась его работа, его уверенность. Он был моим стойким сторонником.

Сделать из еще «советской» провинции современную столицу – задача не из легких. От старого, постсоветского, наследия не избавишься в одночасье. Изношенные дома неудобной планировки, неразвитая инфраструктура, морально устаревшая промышленность и так далее. Строительство нового города должно быть планомерным, логичным, основанным на международном опыте в этой области и непременно учитывающим национальный менталитет.

Кроме того, чтобы внедрить новые идеи и инновационные технологии, необходимо решить кадровый вопрос – обучить и переобучить персонал. Нужно было в акмолинцах воспитать

своеобразную ответственность, лицо страны, говоря образно, ее визитную карточку. Выражая им признательность за огромную по объему и темпам подготовительную работу для приема органов госуправления, в то же время приходилось требовать от них проявления не только гостеприимства и радушия, но и особой производственной, интеллектуальной, творческой культуры. Органы всех ветвей власти должны были с первого же дня задать себе напряженный ритм деятельности, соответствующий высокому государственному предназначению.

Отныне в центре огромной страны будут приниматься решения, судьбоносные для народа. Здесь теперь бьется сердце нашей Родины. Отсюда Казахстан будет определять свою историческую судьбу в преддверии третьего тысячелетия. Выбор определен и тем, что с течением времени Астана станет одним из мощных коммуникационных центров Евразийского материка. Экономические, технологические, информационные потоки развивающегося евразийского пространства в XXI веке будут протекать и через нашу новую столицу.

В драматической истории XX века мы впервые приняли самостоятельное решение о столице своего государства. Безвозвратно прошло то время, когда за нас определяли, где и как нам жить, с кем дружить и с кем враждовать. Возможно, впервые в национальной истории мы дышали воздухом свободы без опасений за будущее своих детей. И на пороге XXI века заявили о своем собственном выборе – новой столице под святым небом древней степи. За этим выбором не только позиция нынешнего руководства страны. За этим выбором стоят прозорливость хана Тауке и величие хана Абылая, мудрость легендарных биев и бесстрашие тех юных сердец, которые в декабре 1986 года показали всей планете, что такое национальная гордость. За этим выбором стоит воля миллионов наших соплеменников, отдавших жизни за право быть хозяевами своей судьбы.

Если насчет самого факта переноса мнения разделились, то позже в одном все были единодушны: Акмолу надо переименовать! Были разные идеи – Караоткель, Есиль, Ишим, Сары-Арка. Даже были предложения назвать по имени страны – Казахстан, были и другие предложения, в том числе – Нурсултан. Но однажды ночью меня осенило – Астана! Столица она и есть столица. На всех языках произносится и понимается четко и ясно.

В более укрупненном плане могу сказать, что переносом столицы мы начали масштабную работу по преодолению однобокого размещения производительных сил, ликвидации скрытой безработицы на юге страны из-за его перенасыщенности населением. В этом регионе естественным образом будет происходить и развитие инновационных, наукоемких, высокотехнологичных производств, дальнейшее расширение сельхозмашиностроения и, что особенно важно, сети перерабатывающей сельской индустрии. А это, опять-таки, новые рабочие места, эффективное использование трудовых ресурсов, повышение экономической активности всей страны.

Но помимо этих, для всех очевидных аргументов, надо было держать в поле зрения и факторы стратегического порядка.

В масштабах Центральной Азии, раскинувшейся от Афганистана до северной оконечности Западной Сибири, от Каспия до Монголии, новая столица лежит как раз в центре того перспективного района, куда могут устремиться огромные инвестиционные потоки. Будучи расположенной на перекрестке протянувшихся от тихоокеанского побережья до Европы коммуникационных линий, она может претендовать в будущем на роль крупного транзитного перевала и чутко реагировать на транспортно-коммуникационные сигналы будущего столетия.

Таким образом, все предшествующие переносы столицы республики, диктовавшиеся соображениями то «революцион-

ной», то «классовой» целесообразности, ни коим образом не учитывали интересы самого Казахстана. И то, что мы впервые в своей истории приняли решение о переносе и строительстве столицы, исходя из наших национальных интересов, имело огромный политический и нравственный смысл.

Реализация генерального плана застройки столицы началась со строительства нового центра. В новом центре Астаны возведен монумент «Байтерек». Основная несущая часть композиции символизирует ствол дерева, а большой шар в верхней части композиции – небо. В общем замысле «Астана-Байтерек» воплощает три основные философские составляющие: земля, жизнь и небо. «Байтерек» для Казахстана и его столицы такой же символ, как, например, Красная Площадь в Москве или статуя Свободы в Нью-Йорке. Это сооружение вобрало в себя философский, политический и исторический смысл. Древний поэтический миф гласит, что на вершине Коктюбе, на берегу огромного океана растет дерево жизни Байтерек. Каждый год в кроне Байтерека священная птица Самрук откладывает золотое яйцо – солнце, и каждый год дракон-змея съедает солнце, но на следующий год оно появляется вновь. Это символически означало смену дня и ночи, лета и зимы, борьбу добра и зла, света и тьмы. По легенде Ер-Тостик убивает змею, спасает яйцо птицы Самрук, за что благодарная птица помогает ему выбраться из подземного царства. Легенда о священном дереве, как нельзя лучше, отражает идеалы обновленного Казахстана, стремящегося жить в мире и согласии.

В сентябре 2003 года на завершающем этапе I Съезда лидеров мировых и традиционных религий на смотровой площадке монумента «Байтерек», на высоте 97 метров, состоялась церемония подписания главами религий и конфессий исторического полотна из дерева, где были высечены слова на казахском, русском и английском языках: «Пусть будет

благословенен Казахстан – земля мира и согласия». Лидеры религий мира благословили новую столицу Казахстана, как столицу государства, несущего идеалы мира, добра и согласия всем народам земного шара.

В сентябре этого года был проведен второй такой съезд. И это очень важно, что сейчас на фоне войн, катастроф и потрясений Астана стала местом встречи религий в ее Дворце мира и согласия. Архитектурных культовых объектов, подобных Дворцу мира и согласия в Астане, в мире не существует. Конечно, есть сооружения, собирающие под своей крышей разные религиозные традиции, но казахстанский храм – это, в отличие от них, одна большая площадка для конструктивного диалога. И вполне логично, что там, где будут собираться представители различных мировых традиционных религий, разместятся Музей культуры, библиотека, концертный зал. Наша пирамида – это воплощенная в архитектуре демонстрация религиозной толерантности и доброй воли Казахстана.

Новая столица гармонично сочетает в себе богатое наследие прошлого и лучшие достижения современности. Многие ее объекты уже стали узнаваемыми по всей стране и за ее пределами. Танцующие фонтаны, Пирамида мира и согласия, океанариум – Астана удивляет своими «чудесами» даже самых искушенных знатоков прекрасного и опытных туристов. Наша столица отражает дух всей страны – это в каждом ее уголке, в каждой улице. Огромные макеты казахских ювелирных украшений XIX века, кувшин с высыпающимися монетами разных эпох, башня солнечных часов, сочетающих стиль «хайтек» и древний принцип, по которому турки определяли время – все это различные формулы казахстанской культурной самобытности. Я надеюсь, что юную столицу в обозримом будущем ждет слава красивейшего города на земле.

Вспоминая время начального строительства столицы, я всегда с теплотой вспоминаю как человека, как одного из моих

сподвижников, поддержавших и сделавших очень много для Астаны, – я вспоминаю об Ишиме. Во времена СССР Ишим был обыкновенной речушкой, которой уделялось ровно столько внимания, сколько требовалось для сохранения воды, не более. Правый и левый берега были сплошь застроены дачами. А в городской черте, примыкающей к центру, благоустройство побережья было сведено к минимуму. В центре города река была заросшей камышом.

Все изменилось с переносом сюда столицы. Были реконструированы русла и берега, а набережная стала любимым местом горожан. Глядя сейчас на набережную Ишима, нельзя и подумать, какого титанического труда стоило людям заполнить берега мелеющей реки, а под водой скрыть целую систему жизнеобеспечения города и предотвращения природных катастроф. На данный момент уровень воды в Ишиме искусственно поддерживается на достаточно высокой отметке. Если бы сейчас не было бы подпорной плотины, то реку можно было бы переходить пешком. Воду, которая протекает сегодня по руслу Ишима, мог бы принять арык размером метр на полтора. Но теперь р. Ишим соединили с каналом Иртыш и рекой Нура. При необходимости воды здесь будет достаточно.

Кроме Ишима, в Астане есть еще две реки: Акбулак и Сарыбулак. Акбулак несколько меньше в размерах, но и он не менее известен: Гребной канал, цветочные часы, мосты и набережная, на которую выходит главный корпус Евразийского национального университета, новый просторный пляж. Речушка же Сарыбулак находится дальше железнодорожного вокзала, в стороне от оживленных магистралей. Но с развитием города и ее воды будут играть свою роль в общем архитектурном ансамбле столицы.

В целом, об архитектурном облике Астаны можно сказать очень много. А еще больше можно сказать о том, что только

планируется сделать. Наша столица уникальна. И она будет уникальна во всем, насколько хватит полета нашей фантазии, дерзновения замыслов и умения наших мастеров.

Сейчас уже можно подвести некоторые предварительные итоги осуществления этого грандиозного проекта. За эти годы инвестиции в развитие Астаны от всех источников составили свыше 5 миллиардов долларов США. Если считать, что чистая прибыль строителей в среднем не превысила 10% стоимости, то остальные средства пошли на производство стройматериалов, выплату заработной платы и на налоги в бюджет. Сотни строительных, монтажных компаний, десятки заводов стройиндустрии работали здесь со всех концов страны. Десятки тысяч наших граждан получили работу.

Астана уже получила признание в мире. В июле 1999 года город был удостоен премии ЮНЕСКО «Город мира», а в 2003 году ведущим мировым рейтинговым агентством «Moody's Investors Service» городу был повышен кредитный рейтинг сразу на два уровня с Вa3 (стабильный) до Вa1 (положительный).

Я особо благодарен правительствам дружественных стран, руководителям иностранных и отечественных компаний, которые по моей личной просьбе выделили гранты в фонд новой столицы. Таких средств я смог привлечь почти 400 миллионов долларов США. Мы благодарны за эту неоценимую помощь компании «Аджип» (Италия), государству Саудовской Аравии, Кувейтскому фонду, Фонду Абу-Даби, государству Оман, компании «ТенгизШеврОйл», «КазМунайГазу», Евразийской группе, компании «ССС», «ИспатКармету», «КазакМысу», «КазЦинку» и многим другим.

Я не смогу в одной главе раскрыть все детали создания нашей новой столицы, тем более, что, как я уже сказал, год назад вышла моя книга об Астане «В сердце Евразии». Хотя я думаю, что когда-нибудь не мною и даже не нашими со-

временниками будет написана другая книга о новой столице независимого Казахстана. Книга, где подробно будут рассказаны драматические годы героизма строителей Астаны и тех, кто переезжал сюда из всех уголков нашей огромной страны. Здесь же я лишь штрихами рассказал об этом замечательном периоде и его значимости для каждого казахстанца.

ГОРОД БУДУЩЕГО

Каждый год Астана отмечает свой день рождения. Это шестое июля. Тот самый день, когда в 1994 году Парламент принял мое предложение о переносе столицы. Такое же решение принял городской маслихат. В городе проходят праздничные мероприятия, посвященные празднованию Дня столицы. Прошло немного времени, и взгляды казахстанцев на перенос административного центра изменились. Многие переселенцы, а ныне астанчане, искренне считают Астану своим родным городом. Не зря казахи говорят: «Кто все время кочует, тот обретает новые ценности».

Создание новой столицы, нового символа Казахстана – это огромный труд. Я хотел бы выразить огромную благодарность строителям, в том числе иностранным компаниям, государственным служащим среднего звена, на которых легла вся тяжесть организации работы Администрации Президента, Правительства и министерств. Всем тем, кто к этому был причастен. Прodelана была колоссальная работа, мы сделали великое дело. Еще тогда я сказал, что уже в будущем году здесь, в Акмоле, мы начнем строить новый город.

Главной причиной переноса столицы является полнейшая реализация перспектив государственного развития. Немаловажным фактором было и то, что Астана, исторически являясь центром, связывающим Европу и Азию, связала главные транспортные артерии, республиканские и железнодорожные пути и авиалинии.

Будущее новой столицы видится как синтез восточной и европейской культур. Как и сама идея евразийства, идеал оказывается очень противоречивым. Но это не препятствие. Астана унаследует от европейской культуры прагматизм, а от Востока – духовную утонченность.

Перенос столицы стал поворотным моментом в создании государственной идеологии. Как в былые времена для каждого советского человека идеалом являлась Москва, так и Астана ныне становится символом становления государства. И возможно, идеи патриотизма и гражданственности получают свое наполнение именно на примере строительства этого города. В новую столицу едут тысячи молодых парней и девушек в поисках перспектив. И молодой город растет вместе с ними.

Меня как-то спросили: «Обязательно ли настоящему лидеру иметь на своей стороне симпатии людей и как их завоевать, если каждое решение в пользу одних ущемляет интересы других?» Я хочу сказать, что самые важные в жизни нашего государства решения были самые трудные и не самые приятные. Но настоящему лидеру нужно обязательно иметь на своей стороне симпатии людей. У каждого лидера должна быть определенная высота, которую нужно покорить, мечта – сделать что-то значительное. Если нет такой мечты, незачем идти в политику, браться за руководство страной. И нужно отдавать всего себя, ставить на карту свой авторитет, свое будущее, ради осуществления этой цели. Так было с идеей строительства нового независимого государства и его новой столицы.

Сегодня я могу уверенно сказать, что эта цель осуществилась. А насчет поддержки людей, я уже не раз убеждался, что основная масса нашего народа обладает проницательностью и чутьем, и если твоя цель направлена на созидание, на улучшение, народ всегда поддержит. За последние годы,

после переноса столицы в Астану, в стране реализованы глубочайшие по своему содержанию социально-экономические и политические реформы. Они изменили психологию людей. Иждивенческие и патерналистские настроения, преобладавшие в обществе до и после развала СССР, постепенно стали изживать себя. У граждан появилась вера в себя и в свои силы, осознание того, что свое будущее и будущее детей можно и нужно строить своими руками.

В недалеком будущем Астана станет красивым современным городом, крупным политическим, научным, культурным и деловым центром Республики Казахстан. Глядя на все эти планы, я всегда представляю за ними людей. Ведь все эти планы сами по себе ничего не значат без людей, готовых их воплощать. Мы основали новую столицу. Но до конца город-мечта будет воплощен в жизнь нашими потомками. Молодыми казахстанцами. Теми, кто сейчас только гуляет по набережным и паркам Астаны, любит ее фонтаны и мечтает о будущем. Это их город. Город, где, вопреки Киплингу, сошлись Восток и Запад. Город, где поселилась исконно степная мечта о свободе. Город, куда привел нас пятнадцатилетний путь и откуда он только начинается сегодня. Наш путь, казахстанский путь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Моя книга построена на основе самых трудных и ярких моментов в новейшей истории Казахстана и моей деятельности как Президента страны. Думаю, что она сможет стать настольной книгой молодого поколения. В каждой из девяти глав книги затрагиваются периоды становления Казахстана, которые являлись и, наверное, являются наиболее важными для нас. В ней рассказано, как мы работали над стратегиями, когда стране надо было дать четкие ориентиры развития; как принималась Конституция страны, давшая нам юридический фундамент; как началось освоение наших нефтегазовых ресурсов – главной кладези страны; как вводили национальную валюту и развивали банки, кровеносную систему экономики Казахстана; как проводили приватизацию и земельную реформу, сделавшие экономические реформы необратимыми; как строилась Астана – отражение нашей молодой государственности, также в ней сказано о первом полете казахстанца в космос и о многом другом, что пережил Казахстан за годы Независимости.

За пределами этой книги остаются важные вопросы государственного строительства, которое нам пришлось создавать с нуля. Это создание собственной армии, пограничной службы, таможни, спецслужб. Для того чтобы сделать Казахстан узнаваемым в мире, необходима огромная внешнеполитическая деятельность. Я не смог рассказать о всех моих соратниках, которые помогали мне в работе. Отдельная тема – это мои встречи с главами государств мира, интересными людьми планеты. Это дело будущего. Ведь эта книга не мемуары – рассказ в основном об экономике – фундаменте нашей независимости. В эти годы начался процесс выхода акций наших компаний на лондонскую фондовую биржу (IPO), это совершенно новый уровень, мы становимся частью глобальной экономики. Становимся транспарентными. Это

вызывает доверие и будет приводить в страну новые технологии. «Казахмыс», «Казмунайгаз» – пионеры IPO, готовятся другие компании, но это тоже отдельный рассказ.

Вместе с тем, описание проведения энергичных экономических реформ в стране будет неполным без краткой характеристики процесса развития системы образования. Сегодня, когда мы вышли на новый этап развития, рост экономики требует не только финансовых инвестиций, но и полноценного обеспечения страны человеческим капиталом. В процессе образования человек получает не только знания, но и способность искать новые возможности для их применения. Именно поэтому я считаю, что высокий уровень образования – это и высокие способности их обладателя.

Как видно, конкурентоспособная система образования играет решающую роль в развитии страны. Поэтому я решил привести некоторые основные вехи ее развития. Вместе с тем, самым главным является то, что на протяжении всего периода своего развития государство всегда должно выполнять главнейшую из своих обязанностей – обеспечить равный доступ каждого гражданина к полноценному качественному образованию, соответствующий актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

Когда принималась «Стратегия Казахстан-2030», мы наметили себе цель вывести страну в разряд развитых стран мира к 2030 году. Это поставило перед нами новые ответственные задачи развития общества, особенно в контексте растущей глобализации. Задачи, решение которых должно стать первостепенной целью государства.

Именно поэтому в своем Послании народу страны «Стратегия вхождения в число 50 конкурентоспособных стран» я сделал основной акцент на системе образования, обеспечении ее конкурентоспособности, в том числе путем интеграции науки и образования.

Среди них можно выделить две равно важные задачи. Во-первых, образование должно содействовать воспитанию патриота, умеющего делать осознанный выбор и принимать самостоятельные решения на благо своей страны. Во-вторых, образование должно способствовать воспитанию конкурентоспособного и постоянно совершенствующегося человека, способного позаботиться о себе и своих близких, который сможет легко адаптироваться к любым условиям и воспринимать новые идеи. В эпоху глобализации к этим двум задачам к тому же добавляется и третья – сохранение национальной идентичности.

ОБРАЗОВАНИЕ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Система образования в Казахстане дает молодым людям равный доступ к полноценному образованию независимо от материального достатка семьи, места проживания, национальной принадлежности и состояния здоровья. Она позволяет использовать свои возможности для социальной защиты детей и подростков, лишенных попечения родителей. Большую роль играет в росте интеллектуальных знаний детей школа, она обладает мощным регулятором как в плане образования, поощрения, так и нравственного воспитания. Вместе с тем, государство будет выявлять и поддерживать наиболее одаренных, талантливых детей и молодежь. Государство будет помогать им в оплате обучения, в том числе и в ведущих западных учебных заведениях.

С 2008 года казахстанская школа перейдет на 12-летнее образование. С учетом традиций отечественной школы и принимая во внимание международный опыт, в новой системе предлагается следующая структура среднего образования по принципу 5+5+2. Во-первых, это начальная школа (1–5-й классы), где прием в первый класс будет осуществляться

с 6 лет. Во-вторых, это основная средняя школа (6–10-й классы). Важно подчеркнуть, что по окончании 10-го класса выпускник будет иметь более широкий выбор для продолжения обучения в профильных классах, профессиональных школах и лицеях, колледжах, высших технических школах. В-третьих, 11–12-й классы – профильное обучение старшекласников. Переход к профильному обучению создаст школьникам условия для осознанного и ответственного выбора будущей профессиональной деятельности, личностного и жизненного самоопределения.

Здесь я хочу остановиться на вопросе социального партнерства. Сейчас, когда мы четко видим результаты экономического роста страны, бизнес, ежедневно ощущая нехватку кадров, должен понимать свою социальную ответственность в сфере образования. Можно начать с сокращения безработицы среди сельской молодежи. В последние годы среди бизнесменов стало модным воздвигать в родных селах мечети и медресе. При этом, построив мечеть, они зачастую не знают и не разбираются, кто и чему там учит нашу молодежь. Вместе с тем, у нас почему-то не принято помогать школам, в которых учились эти бизнесмены или их родители. У нас в стране около 8000 школ, и из них каждая четвертая школа нуждается в капитальном ремонте. Это особенно актуально тогда, когда мы планируем перейти на 12-летнюю систему образования, создавать профильные школы, ресурсные центры, расширять сеть профессиональных школ и лицеев.

Почему бизнес не может взять шефство над одной – двумя школами? Почему бизнес не поможет отремонтировать библиотеку или учебно-производственный цех, купить спортивный инвентарь? На Западе именем мецената, выделившего деньги на строительство нового здания, называют аудитории и залы, а порой, даже и сами здания. Что нам мешает ввести такую практику? Более того, в мировой практике подобное

меценатство в отношении учебных заведений распространяется и на высшие учебные заведения.

В ходе этого процесса нельзя забывать и о том, что наши вузы в ближайшем будущем также должны будут давать знания на уровне мировых стандартов с тем, чтобы их дипломы признавались во всем мире. Я хочу верить в то, что выпускник казахстанского университета, через 10-15 лет, будет котироваться так же высоко, как и выпускники ведущих университетов мира. Да, сегодня такая объективная возможность является еще мечтой. Но, как говорят в народе, дорогу осилит идущий. Поэтому, для того чтобы этого достичь, надо уже сейчас начинать создавать сеть национальных элитных университетов мирового уровня.

Система образования должна обеспечить эффективное использование всех ресурсов страны – человеческих, информационных, материальных, финансовых, а государство – гарантировать доступность образования всем слоям населения и приоритетную поддержку образования.

ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ

Сейчас, когда мы стремимся создать правовое, демократическое общество и эффективную рыночную экономику, возникают проблемы. Эти проблемы вызваны изменением отношения людей к жизненным ценностям, экономическими и политическими трудностями, с которыми они столкнулись и которые, наверное, еще встретятся в процессе данного перехода. В этих условиях системе образования, наряду с первоочередными социальными, предъявляются принципиально новые духовно-нравственные требования.

На данном этапе гражданского и экономического развития казахстанцы должны обладать разносторонними знаниями, дающими возможность быстро приспособиваться

к изменениям, происходящим в обществе и экономике; обладать прочными базовыми знаниями и навыками, способствующими дальнейшему обучению; иметь способность анализировать информацию и на основе анализа делать выбор и принимать решения; уметь уважать общепринятые нормы гражданского поведения, а также адекватно воспринимать иные взгляды на проблемы и ситуации.

В процессе получения знаний наше молодое поколение должно научиться быть независимым и способным самостоятельно решать проблемы; приобретать навыки получения новой информации и знаний; критически и творчески мыслить, проявлять инициативу и изобретательность. Необходимо помнить, что полноценное будущее принадлежит только тем странам, чьи народы наиболее продуктивно используют полученную в результате изучения информацию, знания и технологии.

Школа – это место, где формируется личность. Она дает не только базовые знания и навыки, способствующие дальнейшему обучению, но и начальный жизненный опыт. Именно здесь закладываются отношения между личностью и обществом, уважение к старшим и сверстникам, уважение к закону и правопорядку. Школьник учится понимать назначение государства, осознавать, что оно через социальные институты содействует в реализации его личных жизненных планов.

Школа дает первые уроки жизни. Обучая жить в обществе, подчиняться его правилам, школа вместе с тем не должна подавлять индивидуальность каждого ребенка. Ученик, не имеющий собственного мнения, не способен аргументированно защищать свою позицию, не способен мыслить и генерировать новые идеи. Такая личность не способна принимать правильные решения и создавать инновации. Такой выпускник школы будет склонен опираться на чужие

суждения вместо того, чтобы понять истину самостоятельно. Чтобы избежать этого, надо изменить патерналистское отношение учителя к ученику. На этот счет есть одно замечательное выражение: «Учитель не дает ответы, он задает вопросы. Учитель не ведет за руку по дороге Знаний. Он просто указывает ее».

ОБРАЗОВАНИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНАЯ ЭКОНОМИКА

От того, как наша страна будет использовать интеллектуальный потенциал, зависит и состояние жизненного уровня населения, и устойчивый экономический рост Казахстана.

В эпоху информационного общества изменились понятия знаний и грамотности, появляются все новые методы и инструменты передачи, получения, обработки и хранения информации. В этих условиях образовательная система прошлого XX века неприемлема и не способна эффективно функционировать и отвечать потребностям нашего общества.

Сегодня Казахстан стоит на пороге нового рывка, нового периода в своем развитии. И новое время для нас – это, прежде всего, время новых людей и новых задач, таких, что позволят Казахстану сохранить темпы своего развития. Для того чтобы Казахстан сохранил лидерство в Евразийском регионе, надо иметь смелость ставить перед собой амбициозные задачи и делать гораздо больше, чем другие. Именно такой задачей стало вхождение Казахстана в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира.

В первой главе я говорил о конкурентоспособной нации. А что значит быть конкурентоспособным для отдельно взятой личности? Конкурентоспособность личности – это сосредоточение жизненных навыков, позволяющих быть готовым к динамично меняющемуся настоящему и неопределенному

будущему. Это способность использовать вызовы неопределенного будущего в свою пользу. Другими словами, сегодня молодые казахстанцы должны обладать такими навыками и знаниями, которые не только помогут им достойно жить в глобальном мире, но активно влиять на существующую действительность, изменяя ее к лучшему. Нужны люди не запрограммированные, а умеющие свободно импровизировать.

Время стремительно, оно диктует новые правила и никого не ждет. Казахстан просто не имеет права отставать от передовых стран. Казахстану требуются учебные заведения нового типа, и уже сейчас. Это должны быть элитные университеты, являющиеся мощными образовательными, исследовательскими и научно-производственными комплексами, тесно связанными с индустрией. При моем личном участии были созданы КИМЭП, Евразийский университет имени Гумилева и Казахстанско-британский университет. Эти университеты – наша с вами первая попытка вывести казахстанскую систему образования на мировой уровень.

Образование не имеет границ. Именно поэтому наши университеты должны наиболее полно ощущать дыхание глобальной конкуренции. Для одаренного выпускника школы, например, победителя Международной олимпиады, открываются двери самых престижных университетов мира. Наши молодые физики, математики, химики бесплатно учатся в Массачусетском технологическом институте, Гарварде, Оксфорде. Университеты ведут борьбу за перспективных ученых, предлагая им стипендии и гранты.

С этой целью в 1993 году, в самые трудные времена, первые годы независимости Казахстана, когда не было средств на выплату заработной платы работникам бюджетной сферы, государство уже продумало целенаправленную политику по подготовке кадров и была создана международная стипендия «Болашак». Такие стипендии действовали в Японии, Син-

гапуре и Южной Корее. Но со временем эти страны сумели создать свою собственную конкурентоспособную систему высшего образования.

Для создания подобной казахстанской модели высшего образования, формирования уникальной академической среды необходимо создать престижный университет международного уровня в городе Астане.

На сегодняшний день уже утверждена Концепция создания нового университета международного уровня в городе Астане. Это будет престижный вуз, с качественно новыми институтами и центрами, отвечающими самым современным мировым требованиям. В университете должны гармонично сочетаться образование, инновации, исследования и предпринимательство.

Университет должен создать условия для становления интеллектуальной, научно-технической элиты Казахстана; создания и трансферта знаний, разработок и технологий, нацеленных на потребности кластерных секторов экономики. Особый корпоративный дух и культ знаний должны стать неотъемлемой частью такого университета, где студенты будут придерживаться принципа «образование ради знаний, а не ради оценок».

Но вместе с тем хочу заострить ваше внимание на том, что, вместе со всеми предпринимаемыми нами мерами, должны существенно возрасти требования к компетентности и уровню подготовки самих преподавателей. Качество образования во многом зависит от преподавателя – от его знаний и эрудиции, навыков и педагогического мастерства, нравственной позиции. Преподаватель – тот, на котором лежит прямая ответственность за создание, почти «ручную лепку» специалистов нового поколения, о которых мы ведем речь.

ОБРАЗОВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Говоря о конкурентоспособной нации, нужно не забывать, что конкурентоспособность – это, прежде всего, использование своих преимуществ, но определить их можно, только поняв, кто мы есть.

Мы потомки тех, кто веками проживал на стыке мировых цивилизаций. Великая Степь всегда была перекрестком, на котором встречались различные культуры, языки, армии, религии, товары и идеи. На протяжении тысячелетий Степь была генератором народов. А в XXI веке она должна стать генератором человека особого качества, генератором новых идей. Навыки степного мышления, генетически заложенные в нас, наиболее полно отражают глобальные тренды – мобильность и системность. Кочевники всегда были мобильными и все их действия, на первый взгляд, не поддающиеся осмыслению, всегда соответствовали определенным циклам природы и принципам общественных взаимоотношений.

Как эти навыки могут помочь нам в современной ситуации? Возьмем, к примеру, мобильную связь или беспроводной Интернет, эти технологии не привязывают человека к какому-либо месту, а дают свободу передвижения. Транснациональные корпорации по многим направлениям опираются на мобильные группы от 10 до 100 человек, которые размещены на разных континентах и мобилизуются при наличии конкретной задачи. Во всем мире в сфере образования внедряется концепция «образования на протяжении всей жизни», которая делает упор на непрерывное образование и регулярное обновление индивидуальных способностей.

Конкурентоспособная личность, рожденная в самобытной среде, прежде всего, должна знать культуру и язык своего народа. Сохранение культурных истоков родного языка и духовных традиций, впитанных через систему образования, должно помочь молодому поколению выработать иммунитет

от всепоглощающих, унифицирующих и ассимилирующих процессов глобализации.

Вместе с тем «национальный багаж» не должен отягощать интеграцию поколения молодых казахстанцев в мировое общеобразовательное пространство и снижать их конкурентоспособность.

Каждый казахстанец должен обладать чувством собственного достоинства, быть ответственным за свои поступки и свою жизнь. Нужно научиться аналитически и критически оценивать ситуацию и принимать ответственные решения, уметь творчески работать с информацией, в том числе и при помощи современных компьютерных средств.

Сегодня на повестку дня выходит необходимость формирования нового казахстанского общественного сознания, адекватного сути проводимых в стране преобразований. Несомненно, в него должны войти элементы общечеловеческой культуры, современные знания и национальные традиции. Следовательно, несмотря на меняющийся мир и новые социальные требования к сфере образования, задача системы образования остается неизменной – воспитание полноценного и конкурентоспособного гражданина, раскрытие роли знаний не только с точки зрения получения экономической выгоды, но и с точки зрения воспитания будущих поколений – думающих, ответственных перед обществом и сопереживающих за страну граждан. Эти элементы должны прививаться каждому человеку в социальных институтах: семье, школе, университете.

Отсутствие творческих людей, уверенных в своих возможностях и способных идти на оправданный риск, может послужить самым большим препятствием на пути построения Казахстаном наукоемкой экономики. Принятая в 2003 году Стратегия индустриально-инновационного развития позволит нам решить эту проблему. При реализации данной Стратегии будет совершенствоваться высшая школа, выступающая как

основной фактор, определяющий кадровый и технологический уровень экономики. Практическим результатом ее реализации будет обеспечение и опережающее развитие научных исследований, отвечающих перспективным тенденциям научно-технологического прогресса. Именно поэтому сейчас мы придаем особую важность знаниям.

Я уверен, что нами выбрано правильное направление развития общества, основанного на знаниях, так как сравнительные преимущества стран все меньше и меньше определяются богатством природных ресурсов или дешевой рабочей силы, а все больше техническими инновациями и конкретным применением этих знаний.

И в завершение я еще раз хочу подчеркнуть, что стране требуется новое поколение молодых людей, которые могут принимать на себя ответственность. Новое поколение должно уметь справляться с решением крупных проблем, уметь как адаптироваться к изменившимся экономическим и технологическим обстоятельствам, так и использовать эти условия в свою пользу, предчувствуя глобальные тренды на два шага вперед.

Мое напутствие молодежи Казахстана заключается в том, что вам обязательно необходимо получить качественное образование, которое станет тем надежным фундаментом, без чего вы не сможете построить свое будущее, будущее своих детей, будущее всей страны. Вам нужно работать и работать и, в первую очередь, над самими собой. Ведь нет предела знаниям и совершенству. «Жизни человека есть предел, учению – нет» – гласит мудрая китайская пословица. С этим нельзя не согласиться. Но и у нас есть свои, казахские, пословицы, которые учат: «Стремись семью языками овладеть и знание семи наук иметь», что означает: в учении – сила и богатство.

Еще великий Абай говорил: «Хочешь быть богатым – учись ремеслу». Его слова, на мой взгляд, очень точно фор-

мулируют идеологию современной образовательной стратегии.

Чтобы стать сильным и процветающим государством, добиться устойчивого развития, нам нужно опираться на интеллектуальную элиту, на высокие технологии, на научный потенциал страны. Только за счет своего интеллектуального потенциала страна может занять достойное место в мире. Поэтому перед вами – нашей молодежью лежит большая ответственность.

Жизнь человека полна неожиданных поворотов судьбы и испытаний на прочность. Не зря люди молятся, чтобы Создатель сберег их от зла и неудач.

Человек всегда как бы поставлен перед вечным выбором между добром и злом, светом и тьмой, любовью и ненавистью, знанием и невежеством.

Кажется, что все проблемы появляются перед человеком лишь для того, чтобы он смог преодолеть эти трудности и найти оптимальный путь для достижения своих целей.

Настоящее счастье, когда человек делает правильный выбор каждое мгновение своей жизни и через это достигает гармонии с самим собой.

Успех будет сопутствовать молодым, если они выберут гуманизм, знание, ответственность, справедливость и не будут эгоистичны.

Я каждый вечер стараюсь ответить себе на важный вопрос: «Правильно ли прожит день?» Для меня как для Президента этот вопрос означает: «Все ли я делаю для того, чтобы сделать жизнь моих соотечественников лучше?». Это основа моего кредо.

Желаю вам любить Родину и заботиться о ней. Беречь нашу страну, помогать друг другу и держаться всем вместе, и тогда любые испытания и преграды будут пройдены и преодолены с достоинством.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>Глава 1</i>	
СТРАТЕГИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ	9
<i>Глава 2</i>	
КОНСТИТУЦИЯ 1995 ГОДА	59
<i>Глава 3</i>	
БИТВА ЗА КАСПИЙ И НЕФТЯНОЙ БУМ	127
<i>Глава 4</i>	
ТЕНГЕ – СИМВОЛ НАШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ	179
<i>Глава 5</i>	
ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ К ЧАСТНОЙ	225
<i>Глава 6</i>	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА	265
<i>Глава 7</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА	333
<i>Глава 8</i>	
КАЗАХСТАН – ДОРОГА К ЗВЕЗДАМ	381
<i>Глава 9</i>	
НОВАЯ СТОЛИЦА НОВОЙ ЭПОХИ	415
ПОСЛЕСЛОВИЕ	446

Нурсултан Абишевич НАЗАРБАЕВ

КАЗАХСТАНСКИЙ ПУТЬ

Ответственный за выпуск *Б.Г. Мухамеджанов*
Компьютерная верстка *И. Селивановой*

Подписано в печать 25.05.2012.
Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «DSFreeSet». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 28,75. Тираж 2000 экз.

ISBN 978-601-294-093-0

9 786012 940930

Издательский дом «Жибек жолы»
050000, г. Алматы, ул. Казыбек би, 50
тел. 8 (727) 261 11 09, факс 8 (727) 272 65 01